

1 апреля 2016 г.
исполнилось 90 лет со дня рождения
Светланы Александровны Плетневой –
одного из ведущих археологов-хазароведов
второй половины XX века

*Светлана Александровна Плетнева.
Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция
(1 апреля 1926 – 20 ноября 2008)*

Государственное бюджетное учреждение культуры
Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник
«Дивногорье»

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК

Труды музея-заповедника «Дивногорье»

В ы п у с к 6

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2016

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)
Д44

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук А. З. Винников (отв. редактор), канд. ист. наук
Е. Ю. Захарова, канд. ист. наук С. К. Кондратьева (отв. секретарь),
канд. ист. наук К. И. Красильников, М. И. Лылова,
д-р ист. наук В. Я. Петрухин

Д44 **Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье»** / под ред. А. З. Винникова ; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». — Вып. 6. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. — 342 с.

ISBN 978-5-4446-0767-1

В шестом выпуске трудов музея-заповедника «Дивногорье» публикуются материалы Международной научной конференции «Хазарский каганат и его место в исторических судьбах народов Восточной Европы», посвященной 125-летию с начала исследований на Маяцком археологическом комплексе и 40-летию с начала работ Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции (рук. С. А. Плетнева). Он посвящен памяти выдающегося ученого-хазароведа Светланы Александровны Плетневой (1926—2008).

Сборник адресован историкам, археологам и всем интересующимся историей нашей страны эпохи Средневековья.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)

На 1-й стр. обложки — граффити Маяцкой крепости (прорисовки) и фотография мелового блока из фондов Государственного Эрмитажа

*На 4-й стр. обложки — рисунок Е. Л. Маркова
Автор фото С. А. Плетневой — Иво Хаджимиев
Автор фото участников экспедиции — С. Л. Соболев*

© Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», 2016

© Изд. оформление.

Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2016

ISBN 978-5-4446-0767-1

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	9
Сидоренко Т. Е. Хазарская археология в научном творчестве С. А. Плетневой.....	10
Винников А. З. Основные итоги и значение исследований Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком археологическом комплексе памятников	29
Письмо С. А. Плетневой Г. Е. Афанасьеву (прислано в хутор Дивногорье)...	36
Афанасьев Г. Е. О территории Хазарского каганата и Хазарского «домена» в IX веке.....	41
Днепровский Н. В. К вопросу о возможности отождествления топонима «Кут» из письма хазарского кагана иосифа с городищем Эски-кермен в Крыму	73
Захарова Е. Ю. Изучение и сохранение археологических древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье: вклад академических экспедиций 50–60-х гг. XX в.	91
Казанский М. М. Оногуры в пост-гуннское время на Дону	96
Красильников К. И. «Булг-р ... все они мне служат и платят мне дань» (некоторые археологические комментарии)	112
Петрухин В. Я. Викинги и степь: к проблеме воздействия Востока на Швецию в раннем средневековье	126
Тортика А. А. Византия в политике Хазарского каганата: эволюция отношений	138
Щавелев С. П. Новые соображения о славянской дани Хазарии.....	159
Адигамаев Б. Я., Дьяченко А. Г., Погорелов Ю. С. Старо-Симоновское городище салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Оскол	173

Аксёнов В. С. Катакомбы Верхне-Салтовского могильника на фоне аланских погребальных сооружений салтово-маяцкой культуры Подонцовья: общее и особенное.....	178
Апареева Е. К., Красильникова Л. И. Декоративно-прикладные изделия из погребений лысогоровского могильника на р. Айдар.....	197
Веретюшкина М. В., Балашов А. А. Контакты северян и населения северо-западной Хазарии (по материалам земледелия)	206
Владимиров С. И. Фигурные подвески (чумбурные блоки) из погребений салтово-маяцкой культуры.....	221
Красильникова Л. И., Красильников К. И., Худякова О. В. Антропокраниометрические характеристики серии черепов лысогоровского могильника на р. Айдар.....	229
Мастыкова А. В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона.....	241
Савицкий Н. М. Домостроительство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и домостроительство восточных славян (к проблеме контактов и взаимовлияний).....	255
Сарапулкин В. А. Постройки из раскопа 20 Маяцкого селища.....	269
Свистун Г. Е. Вербовское (Первомайское) городище.....	281
Свистун Г. Е., Лаптев А. А. Салтово-маяцкое городище у с. Пристен и его округа.....	296
Флеров В. С. Семикаракорская крепость: южная стена цитадели и ее особенности.....	312
Цыбин М. В. Погребения кочевников VII – VIII вв. в Среднем Подонье.....	332
Список сокращений	339
Сведения об авторах	341

CONTENTS

From the editors	9
Sidorenko T. E. Khazar archaeology in scientific works of S. A. Pletneva.....	10
Vinnikov A. Z. The main results and importance of research of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition to the Mayatsk archeological complex of monuments.	29
Letter from S. A. Pletneva to G. E. Afanas'ev (sent to the khutor Divnogorie)...	36
Afnas'ev G. E. About territory of Khazar Kaganate and Khazar domain in the IX-th century	41
Dneprovsky N. V. On the possibility of identification of toponym «Kut» mentioned in the letter of the Khazar khagan Joseph with the medieval settlement Eski-kermen in Crimea	73
Zakharova E. Yu. The study and preservation of archaeological antiquities of Khazar Khaganate in the Central Chernozem region: the contribution of academic expeditions 1950–1960	91
Kazanski M. M. The Onogurs in the post-hunnic time in the Don	96
Krasilnikov K. I. «Bulgars. they serve me and pay me a tribute»	112
Petrukhin V. Ya. Vikings and steppe: the problem of the impact of the East to Sweden in the early middle ages.....	126
Tortika A. A. Byzantium in the policy of the Khazar Khaganate: evolution of the relations	138
Shavelev S. P. The new ideas about Slavic tribute to the Khazars.	159
Adigamov B. Ja., Dyachenko A. G., Pogorelov U. S. The fortified settlement Old Simonovka of the Saltovo-Mayatsk culture in the basin of the river Oskol.	173

Aksenov V. S. Catacombs of the Verhniy-Saltov ground against the background of the Alansk funeral complex of Saltovo-Mayatsk culture of Podonsovyia: general and special.....	178
Apareeva E. K., Krasilnikova L. I. Decorative and applied wares from burials of cemetery in the village of Lysogorovka on the river Idar	197
Veretiushkina M. V., Balashov A. A. Contacts severyan's and population of North-west part of Khazar Kaganate (based on agriculture).....	206
Vladimirov S. I. Pendants (chumburnye blocks) from burials of Saltovo-Mayatsk culture.....	221
Krasilnikova L. I., Krasilnikov K. I., Khudyakova O. V. Anthropometric and craniometrical characteristics of series of skulls from cemetery in the village of Lysogorovka on the river Idar.	229
Mastykova A. V. Mirrors of Karpivka type: the question of the formation of Saltovo-Mayatsk culture of Middle Don.....	241
Savitskiy N. M. House-building of inhabitants in the forest-steppe variants of the saltovo-mayatsk culture and house-building of the oriental slavs (to the point of communications and interactions).....	251
Sarapulkin V. A. Buildings of the excavation № 20 on Mayatsk settlement	269
Svistun G. E. Hill-fort Verbovskoye (Pervomayskoye).....	281
Svistun G. E., Lapt'ev A. A. The fortified settlement «Prystin» of Saltov archaeological culture and his neighborhood.....	296
Flerov V. S. Semikarakorsk fortress: the southern wall of the citadel and its features.....	312
Tcybin M. V. Burials of nomads of the VII – VIII centuries in the Middle Podonie.....	332

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В шестом выпуске трудов музея-заповедника «Дивногорье» публикуются материалы Международной научной конференции **«Хазарский каганат и его место в исторических судьбах народов Восточной Европы»**, организованной Природным, архитектурно-археологическим музеем-заповедником «Дивногорье» и проходившей на его базе с 17 по 19 сентября 2015 года. Конференция была приурочена к 125-летию с начала исследований на Маяцком археологическом комплексе и 40-летию с начала работ Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции. В ней приняли участие специалисты из ведущих научно-исследовательских, музейных учреждений страны и вузов — Института археологии РАН, Института истории материальной культуры, Института славяноведения РАН, Государственного исторического музея, Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, исследователи истории Хазарского каганата из 14 городов и трех государств (России, Украины, Франции). В данный сборник включены статьи-доклады участников конференции.

Конференция ставила перед собой следующие задачи: выяснить состояние и степень изученности памятников салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата в отдельных регионах (вариантах) её распространения; обсудить вопросы, связанные с формами контактов населения салтово-маяцкой культуры с соседними этносами, проникновение элементов салтово-маяцкой культуры в восточнославянский мир и за его пределы; восточноевропейские степи накануне формирования салтово-маяцкой культуры. На конференции прозвучали доклады историографического характера по отдельным аспектам истории Хазарского каганата.

Кроме того в преддверии 90-летия со дня рождения С. А. Плетневой, одного из ведущих археологов-хазароведов второй половины XX века был заслушан доклад о её вкладе в Хазарскую археологию.

На заключительном заседании было отмечено, что подобные конференции очень полезны и крайне необходимы для плодотворного сотрудничества специалистов в области хазароведения. Было решено данный выпуск трудов музея-заповедника посвятить 90-летию С. А. Плетневой.

Т. Е. Сидоренко

ХАЗАРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ С. А. ПЛЕТНЕВОЙ

The article describes main stages in scientific activity of S. A. Pletneva – one of leading archaeologists who studied Khazar Kaganate in the second half of the 20th century. The author gives general analysis of basic works by S. A. Pletneva in this field and notes certain evolution of her views on individual issues in the history of Khazar Kaganate connected with emergence of new archaeological materials.

Светлана Александровна Плетнева родилась 1 апреля 1926 г. в городе Вятке. В 1949 г. С. А. Плетнева заканчивает исторический факультет МГУ, и в этом же году поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (Институт археологии РАН), где под руководством Б. А. Рыбакова пишет и успешно защищает в 1952 г. кандидатскую диссертацию «Кочевники южнорусских степей IX–XIII вв. (по археологическим материалам и письменным источникам)», которая впоследствии была опубликована [Плетнева, 1958а].

Параллельно с этим С. А. Плетнева начинает свои первые шаги в полевой археологии – принимает активное участие в экспедициях на Тамани, в Новгороде, Чернигове, Любиче. В Волго-Донскую экспедицию М. И. Артамонова впервые она попадает в 1950 г. Это была экспедиция по исследованию Саркела. Именно в Волго-Донской экспедиции, не без участия М. И. Артамонова и его жены О. А. Артамоновой, окончательно формируются научные интересы и сфера деятельности С. А. Плетневой. Позже она вспоминает: «В Москве на кафедре А. В. Арциховский заявлял во всеуслышание, что археология не женская наука и ни разу не удосужился поговорить со мной (его дипломницей). Б. А. Рыбаков за весь первый год аспирантуры не нашел времени поинтересоваться, чем же я занимаюсь и как живу. Надо сказать, что это пренебрежение почти убедило меня в моей научной несостоятельности или, во всяком случае, ущербности. Здесь, в экспедиции Артамоновы всегда выслушивали мнение самого молоденького студента и относились к нему с серьезным вниманием» [Плетнева, 1998. С. 22].

Первые самостоятельные исследования С. А. Плетнева начинает уже в 1954 г. во главе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР. Целью экспедиции была не разведка памятников, а раскопки. Предполагались исследования Мохначевского городища Змиевского района Харьковской области, обнаруженного в ходе разведки Б. А. Рыбакова

в 1950 г. в верховьях Северского Донца и исследованного частично Харьковским университетом под руководством Б. А. Шрамко. Ею были заложены два раскопа — один на городище (10 × 16 м), второй на селище (30 × 30 м). Был обнаружен материал как салтовского, так и скифского времени, также 7 погребений позднего времени [Плетнева, 1954].

В 1955 г. раскопки Мохначевского городища предполагалось продолжить, но из-за недостаточного финансирования, исследования свелись к разведочным работам. Было обследовано около 60 км в районе р. Уды (правый приток Северского Донца) и берег Северского Донца ниже села Мохнач. В результате было обнаружено 11 селищ, одно городище и одна курганная группа [Плетнева, 1955].

В 1956 г. С. А. Плетневой вместе с Т. И. Макаровой проводилось обследование знаменитого Зливкинского комплекса. На памятнике было заложено три раскопа размерами: 250 м² на селище и два по 100 м² (один на селище, второй на могильнике). На первом раскопе (250 м²) было обнаружено 7 ям, которые, исходя из заполнения, были датированы С. А. Плетневой VIII—IX вв. — салтовским временем. Интерпретации характера ям и их назначения С. А. Плетнева не дает. Второй раскоп, разбитый на селище оказался менее удачным, объектов на нем обнаружено не было. А вот на раскопе, расположенном на могильнике в ходе исследований было вскрыто два погребения характерного «зливкинского типа» [Плетнева, 1956].

Кроме того, в этом же году отрядом был обследован участок между селами Диброво и Закатное по берегу р. Северский Донец и озеру Чернецкое, в результате чего было обнаружено 8 селищ.

В 1957 г. исследования продолжились. В отчете 1957 г. сказано, что С. А. Плетневой и Т. Н. Макаровой за месяц было пройдено 400 км по берегу реки Северский Донец. В ходе разведки было выявлено 18 селищ разных эпох (от бронзы до XVII—XVIII вв.) и обследовано 11 ранее известных городищ и 8 селищ (среди них, был заново обследован эталонный Верхне-Салтовский комплекс). В этом же году начинаются раскопочные работы Дмитриевского комплекса. На селище были заложены две траншеи размерами 20 × 1,5 и 42 × 1,5 м, в результате, были открыты остатки трех жилищ и 4 хозяйственные ямы. На могильнике было вскрыто 16 катакомб и 2 кенотафа [Плетнева, 1957].

В 1958 г. С. А. Плетнева продолжает исследования на Дмитриевском комплексе, помимо работ на селище и могильнике, начинаются исследования Дмитриевского городища. Через все городище, вал и ров по линии север-юг была заложена 98-метровая траншея, которая дала полный разрез укреплений западного склона городища. В результате С. А. Плетневой выявлено, что нижняя и верхняя части вала были сооружены в разное время. Низ — в скифское, верх — в VIII—IX вв. Культурный слой оказался незначительным. На селище к уже существующему раскопу было прирезано 200 м² к югу, 60 м² к западу. В ходе раскопок было вскрыто 5 жилищ и 11 хо-

заявленных ям. На могильнике в 1958 г. было вскрыто 220 м², обнаружены и расчищены 14 катакомб, 16 тризн.

Кроме раскопок, в этом же году продолжались разведывательные исследования по реке Оскол (притоку Северского Донца) в ходе которых было открыто и обследовано 47 памятников, 22 из которых имели средневековый слой, 21 — салтово-маяцкий и 1 — древнерусский. Примечательно, что из 47 памятников, только два (Ютановское городище и Подгоровский могильник) были известны ранее [Плетнева, 1958б]. Материалы Подгоровского могильника по результатам исследования С. Н. Замятина 1926 г., позже были опубликованы С. А. Плетневой [Плетнева, 1962а].

В 1959 г. в трудах Волго-Донской экспедиции выходит, по существу ее первая статья, посвященная археологии Хазарского каганата, в которой анализируется керамика Саркела-Белой Вежи. С. А. Плетнева дает подробную типологию и выстраивает хронологическую колонку этого памятника [Плетнева, 1959].

В 1958 — 1959 гг. по поручению М. И. Артамонова, С. А. Плетневой проводились раскопки на Правобережном Цимлянском городище, исследования на котором еще в 1939 г. проводил И. И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1941]. Результаты этих работ нашли отражение в одном из сборников Государственного Эрмитажа [Плетнева, 1964а], а также в статье, посвященной исследованию традиции планировки поселений у кочевников. В этой статье С. А. Плетнева широко использовала накопленный материал, а также этнографические параллели [Плетнева, 1964б].

В 1960 г. в статье «Средневековые поселения верховьев Северского Донца» С. А. Плетнева подводит предварительные итоги разведок в данном регионе и публикует материалы раскопок Мохначевского городища. В этой же статье автор дает типологию поселений салтово-маяцкой культуры и по существу впервые высказывает мысль о взаимном смешении в данном регионе керамических традиций славян и населения салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1960].

В 1961 г. С. А. Плетнева продолжает разведки в районе Северского Донца и обследует территории двух притоков нижнего течения реки — рек Кундрючей и Быстрой. На берегах р. Кундрючей было выявлено 20 памятников (все — селища), 13 из которых относились к VIII—IX вв., еще 3 — к эпохе бронзы, датировку остальных 4-х памятников установить не удалось из-за разрушенного многолетней распашкой слоя. В ходе разведок по реке Быстрой обнаружено 5 селищ [Плетнева, 1961].

Кроме разведок С. А. Плетнева продолжает исследования Дмитриевского комплекса. В 1961 г. на городище закладывается траншея шириной 4 м, длиной с севера на юг — 130 м. В ходе раскопок были подтверждены первоначальные выводы об отсутствии средневекового слоя на мысовой части городища и большом количестве материала на северной части городища [Плетнева, 1961].

В 1962 г. С. А. Плетнева продолжила раскопки могильника и селища Дмитриевского комплекса. На селище уже к существующему раскопу было прирезано 200 м², на которых было обнаружено пять хозяйственных ям, а также прямоугольное сооружение. Жилых построек обнаружено не было. На могильнике было открыто и исследовано 5 катакомб и 2 тризны.

Кроме того, в этом же году были проведены разведки в Воронежской области вдоль левого берега Дона, а также по двум левым притокам Дона — Икорцу и Битюгу в ходе которых было обнаружено 22 селища, обследовано 5 городищ, в том числе, Маяцкое. В Ростовской области по берегам Миусского и Таганрогского лиманов, отряд также провел разведки и выявил шесть поселений VIII—IX вв. [Плетнева, 1962б].

В 1962 г. С. А. Плетнева публикует статью «О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.», очень важную для понимания роли и места алано-болгарского населения в восточноевропейской истории. В статье достаточно аргументировано поднимается вопрос о формах связей, взаимодействия населения северо-западных регионов Хазарского каганата и соседних восточнославянских племен [Плетнева, 1962в].

В 1966—1967 гг. С. А. Плетневой продолжались раскопки на Дмитриевском комплексе — на селище и могильнике. На селище была обнаружена гончарная мастерская, найдены заготовки глины разных сортов. На могильнике за два года раскопаны 53 катакомбы, одна грунтовая могила, 6 трупосожжений, 32 тризны [Плетнева, 1967а].

Проведенная более чем за десятилетие серия разведок на огромном пространстве от Приазовья до верховьев Северского Донца, открытие более 120 новых памятников, раскопки Дмитриевского археологического комплекса (селище, городище, могильник), исследования Правобережного Цимлянского городища, работа под руководством Б. А. Рыбакова на Таманском городище — все это дало возможность С. А. Плетневой на более высоком уровне решать «...задачи исследования культуры и создавших ее народов» [Плетнева, 1967б].

В 1967 г. на Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в Кишиневе, С. А. Плетнева выступила с докладом на пленарном заседании, в котором изложила основные итоги своих исследований в области изучения салтово-маяцкой культуры, остановившись на проблемах, которые, по ее мнению, требовали большего внимания. В докладе по существу были затронуты почти все вопросы, нашедшие отражение в книге «От кочевий к городам», которая к тому времени уже находилась в издательстве и вышла в том же году [Плетнева, 1967в].

Итак, в 1967 г. вышло итоговое на тот период исследование по археологии Хазарского каганата. Во введении С. А. Плетнева, рассматривая работы своих предшественников по изучению салтово-маяцкой культуры (М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, Н. Я. Мерперта и других), отмечает, что с одной стороны, что они внесли огромный вклад в изучение проблем,

связанных с этой культурой, но, с другой — многократно возросший археологический источник дает возможность не только существенно расширить круг вопросов изучаемой культуры, но и найти ответы, которые содержатся только в археологическом материале. Кроме того, она отмечает, что значительно пополнившийся археологический источник важен для изучения и освещения проблем, которые до этого были уже в центре внимания исследователей. С точки зрения методики исследования археологического материала, С. А. Плетнева довольно высоко оценила работу И. И. Ляпушкина, она писала: «Я пользуюсь методикой И. И. Ляпушкина, то есть прежде всего классифицирую памятники на основе изучения археологических источников, а затем уже делаю выводы, следующие из материала» [Плетнева, 1967б. С. 10]. В своем исследовании С. А. Плетнева широко использовала этнографические материалы и отдельные сведения письменных источников, которые в той, или иной степени коррелировались с археологическими материалами.

В работе автором в определенной последовательности рассматриваются: типы поселений; жилые и хозяйственные постройки; планировка поселений; погребальные обычаи и культовые обряды; керамический материал, которому и до этой работы и в этой С. А. Плетнева придавала большое значение как историческому источнику; хронология памятников; орудия труда и оружие. Такой порядок рассмотрения позволяет, по мнению С. А. Плетневой, наметить определенную эволюцию культуры населения, оставившего салтово-маяцкие памятники и проследить единство ее вариантов на значительной территории [Плетнева, 1967б. С. 12].

Прошло уже около полувека со времени выхода книги С. А. Плетневой «От кочевий к городам», но и до настоящего времени это исследование является единственной монографией (если не считать «Очерки хазарской археологии» в двух изданиях, автором которых также является С. А. Плетнева) по комплексному исследованию салтово-маяцкой культуры. Вышел ряд работ по отдельным регионам салтово-маяцкой культуры, а также по отдельным проблемам [Афанасьев, 1987, 1993; Флеров, 1993, 1996а], но нового комплексного исследования, охватывающего все проблемы, пока нет. В 1968 г. книга «От кочевий к городам» была защищена в качестве докторской диссертации.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг., уже после выхода книги «От кочевий к городам», С. А. Плетнева продолжила разведки в верховьях Северского Донца и раскопки Дмитриевского комплекса памятников [Плетнева, 1967, 1968, 1971; Плетнева, Макарова, 1974].

В эти же годы она знакомится с замечательным краеведом, большим энтузиастом в изучении древней истории края, учителем истории Волоконовской средней школы Белгородской области — А. Г. Николаенко, сотрудничество с которым продолжалось многие годы [Винников, Степовой, 2012. С. 6–11]. Ими было открыто и обследовано значительное число па-

мятников салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Оскол. Среди них Волоконовский грунтовый могильник, материалы которого позже опубликованы в совместной статье, где убедительно доказывается мысль о возможности присутствия в глубине аланского мира (салтово-маяцкой культуры) праболгарского этноса [Плетнева, Николаенко, 1976].

В 1971 г. в сборнике, посвященном 70-тию А. В. Арциховского, выходит небольшая, но очень интересная статья С. А. Плетневой, посвященная погребениям по обряду трупосожжения на Дмитриевском могильнике, в которой ею впервые была высказана мысль в качестве научной гипотезы о возможности контактов аланского населения, осваивавшего лесостепной район Северского Донца, со славянским населением пеньковской культуры, остававшемся в этом регионе после отхода основного населения в более северные районы [Плетнева, 1972].

Помимо активной исследовательской деятельности С. А. Плетнева выполняла ряд научно-организационных обязанностей. В 1974 г. С. А. Плетнева была назначена заведующей отделом славяно-русской археологии, которым руководила до 1991 г.

В этот период началась работа по написанию фундаментального обобщающего труда «Археология СССР» в двадцати томах. С. А. Плетнева была ответственным редактором и автором многих статей, таблиц и карт первого тома — «Степи Евразии в эпоху Средневековья». Ею написаны введение, разделы, посвященные балкано-дунайской культуре, ранним болгарам на Волге и салтово-маяцкой культуре [Степи Евразии..., 1981. С. 58, 62–80]. Издание «Археология СССР» в 20 томах было призвано подвести итоги, осветить основные результаты археологической науки в изучении различных исторических периодов. В томе «Степи Евразии в эпоху Средневековья», в разделах, написанных С. А. Плетневой прежде всего, нашли отражение достижения в области изучения археологического хазароведения на конец 1970-х гг.

Кроме того, С. А. Плетнева была членом Редколлегии и автором двух глав в томе по истории Европы в эпоху средневековья, а также редактором, совместно с Т. И. Макаровой тома «Археология» «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV – XIII века)», который вышел в 2003 г.

Следует отметить, что с середины 1970-х гг., не без влияния С. А. Плетневой, круг вопросов, рассматриваемых сектором славяно-русской археологии, расширяется. Помимо изучения славянской и древнерусской материальной и духовной культур, в круг интересов сотрудников сектора входят проблемы истории и археологии кочевников. Выходит ряд исследований как самой С. А. Плетневой («Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей», «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс»), так и других сотрудников (И. Л. Кызласова; М. Д. Полубояриновой и др.). К середине 1980-х гг. в Отделе образовалось

уже ядро исследователей, специализировавшихся на неславянской археологии, в частности на изучении тюркских и иранских народов (С. А. Плетнева, В. С. Флеров, И. Л. Кызласов, А. Г. Атавин, Г. Е. Афанасьев).

Кроме огромной административной и организационной работы как руководитель одного из крупнейших отделов Института Археологии в то время, С. А. Плетнева вела большую научную работу. В эти годы у исследователя проявляется значительный интерес к проблеме средневекового кочевничества и его теоретическим разработкам. В одной из своих статей С.А Плетнева обобщила сведения русских летописей о кочевниках эпохи раннего средневековья [Плетнева, 1979]. На IV международном конгрессе славянской археологии в Софии С. А. Плетнева выступила с докладом «Земледельцы и кочевники», в котором она обстоятельно проанализировала развитие форм взаимодействия оседлых народов, прежде всего славянских с кочевническими этносами в различных исторических ситуациях [Плетнева, 1980а]. В 1982 г. этот доклад был опубликован в Болгарии [Плетнева, 1982а].

В 1981 г. в журнале «Вопросы истории» С. А. Плетнева публикует обстоятельную статью, в которой рассматривает закономерности развития кочевнических обществ в период средневековья. В статье прослежена эволюция хозяйственного уклада, социальной структуры кочевнического общества, обращено внимание на определенные закономерности в историческом пути кочевых народов в эпоху средневековья [Плетнева, 1981а].

В контексте проблем истории кочевнических народов, культуры и закономерностей их развития, С. А. Плетнева в ряде статей останавливается на рассмотрении ранней истории болгар (праболгар или протоболгар). Объектом ее исследования являлась география расселения болгар, проблема их миграции в Восточной Европе, а также эволюция болгарских племен от кочевого к полуоседлому, а затем и оседлому типу хозяйства. Эти работы в известной степени явились развитием идей, изложенных в книге «От кочевий к городам» [Плетнева, 1980б, 1981б].

Итогом разработок С. А. Плетневой теоретических проблем кочевниковедения явилась книга «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей» [Плетнева, 1982б]. Это первая и по существу единственная работа в отечественной исторической науке, в которой сделана попытка проследить эволюцию экономических, социально-политических структур, общественного устройства, религиозных воззрений кочевых обществ и показать этот процесс на примерах конкретных этносов с широким использованием археологических источников, подкрепленных этнографическими материалами. В качестве базового региона С. А. Плетнева взяла Евразию, хронологические рамки — эпоха средневековья. Автором выделены три стадии кочевания: 1. «самый кочевой» — таборный; 2. Ограничение территории кочевания для каждой орды или рода и «соответственно появление постоянных мест для сезонных стойбищ — зимовок и летовок».

Эта стадия была разделена на две разновидности — полукочевая и полуоседлая. С. А. Плетнева отмечает, что «своеобразие Хазарского каганата заключалось в том, что сами хазары, несмотря на активное оседание других входивших в каганат этнических групп, постоянно оставались на второй, а некоторые орды даже возможно на первой стадии кочевания». Довольно подробно на примере болгар, остановившихся кочевать в Приазовских степях, а позже, перекочевавших частично на север в Донские степи, она показала переход от одной стадии кочевания к другой. Этот процесс прослежен ею на эволюции поселений, типов жилищ и развитии ремесленного производства, в частности, керамического. 3. Третья стадия кочевания, как отмечает С. А. Плетнева «по существу не является «кочеванием» в широком смысле этого слова». Основная масса населения занимается земледелием и осваивает многочисленные ремесла, «тенденция оседлости» превалирует. Именно на этой стадии, как считает С. А. Плетнева, возникают «степные города». В заключении автор подчеркивает, что в данной работе она ограничилась только выделением общих тенденций формирования культурных общностей, «развернутому их изучению, выявлению закономерностей культурного развития должна быть посвящена отдельная монография».

В 1974 г. в Москве состоялось Советско-Венгерское совещание, посвященное «Истории раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». На нем С. А. Плетнева предложила в качестве объекта для совместного исследования вместе с венгерскими археологами Маяцкое городище, ориентируясь на высокую значимость данного памятника [Юшко, 1976]. (О Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции см. статью А. З. Винникова в данном сборнике). Здесь мы отметим, что созданная на базе этих предложений С. А. Плетневой экспедиция на данный момент, безусловно, является вершиной полевой работы в области изучения памятников салтово-маяцкой культуры (после Волго-Донской экспедиции (руководитель М. И. Артамонов) и исследования Дмитриевского комплекса).

В 1977–79 гг. С. А. Плетнева во главе Советского отряда принимала участие в исследованиях древней болгарской столицы — Плиски [Плетнева, Афанасьев, 1978; Плетнева, Макарова, Афанасьев, 1979; Плетнева, 1980в].

Важным направлением деятельности С. А. Плетневой в эти годы являлась популяризация научных знаний — написание работ не только для профессиональных историков и археологов, но и для широкого круга читателей, учителей истории, студентов. В 1976 г. выходит книга «Хазары» [Плетнева, 1976], а в 1986 г. она переиздается с некоторыми дополнениями [Плетнева, 1986]. Эта работа была переведена в Германии, Японии, Югославии. Также появляются работы научно-популярного характера в других изданиях [Плетнева, 1980г, 1988].

Безусловно, вершиной научного творчества 1970–80-х гг. в период пребывания ее в должности заведующей Отделом славяно-русской археологии

является выход в 1989 г. книги, подводящий итог многолетнего исследования Дмитриевского археологического комплекса (городище, селище, могильник) [Плетнева, 1989].

Этот комплекс исследовался С. А. Плетневой в течение одиннадцати полевых сезонов, начиная с 1957 по 1973 г. с перерывами. В ходе исследований на городище вскрыто 1600 м², на двух селищах — более 2000 м², на могильнике — более 3000 м²; исследовано 152 катакомбы, 9 ямных погребений, 9 трупосожжений, 52 тризны; найдено 2234 предмета различного назначения, 4000 бусин, 1500 бисерин, более 400 сосудов.

Несмотря на то, что этот материал частично (за шесть полевых сезонов) был использован автором еще в книге «От кочевий к городам», новые источники, полученные в последующие годы на данном памятнике «...позволили пересмотреть некоторые выводы, сделанные ранее, и вновь обратиться к вопросам хронологии этого археологического памятника, а вместе с ним и всей салтово-маяцкой культуры». Кроме того, в качестве одной из главных задач этой монографии было — введение в научный оборот колоссального по масштабам и разнообразию археологического источника, как по крепостной архитектуре, так и по характеру жилых и хозяйственных построек.

Специальная глава книги посвящена типологии инвентаря погребений, который был разбит на группы (оружие, конская сбруя, орудия и бытовые предметы, амулеты, туалетные принадлежности, предметы одежды, украшения, керамические сосуды). Для каждой группы также была разработана довольно подробная типология. Затем, методом корреляции различных категорий вещей, автором была установлена относительная хронология и выделены хронологические группы вещей.

В этой же работе С. А. Плетнева подробно рассмотрела похоронный обряд по типам погребальных сооружений: катакомбы, кенотафы, подбойные погребения, ямные захоронения. Обращено внимание на планировку могильника.

В заключительной главе (заключении) С. А. Плетнева еще раз останавливается на этнических проблемах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, подчеркивая, что основным этносом этого памятника были аланы при довольно значительном проценте древнеболгарского населения. Она отмечает, что «Видимо, мы можем говорить, что здесь на окраине каганата происходило сложение новой этнической группировки».

Эта работа С. А. Плетневой дала исследователям богатейший и хорошо обработанный археологический материал, который стал для специалистов археологов-хазароведов прекрасным историческим источником.

В 1990 г. С. А. Плетнева публикует в «Советской археологии» статью «Проблемы хазарской археологии» [Плетнева, 1990], в которой подводятся итоги археологических исследований в данной области науки, начиная с работ М. И. Артамонова 1930–40-х гг. Автор подчеркивает колоссальную

значимость работ М. И. Артамонова в становлении хазарской археологии и большую роль Волго-Донской экспедиции и публикации материалов этой экспедиции в развитии хазароведческих исследований.

В этой же работе С. А. Плетнева вновь поднимает вопрос о единстве и вариантах салтово-маяцкой культуры, отмечая достижения в изучении каждого из них, подчеркивая при этом, что большинство материалов раскопок остались неопубликованными и остаются неизвестными специалистам. В этой статье она по существу впервые обратила внимание на открытые на территории Прикаспия, Нижнего Дона и Нижнего Поволжья кочевнические захоронения, совершенные под небольшими курганными насыпями в подбойных могилах, окруженных квадратными ровиками. Захоронения человека нередко сопровождалось богатым инвентарем и погребением лошади в сбруе. В принципе, С. А. Плетнева не возражала против интерпретации захоронений как хазарских. Она пишет: «Очевидно, следует признать, что это самое крупное открытие в хазароведении, которое по значению сравнимо только с результатами работ Волго-Донской экспедиции [Плетнева, 1990. С. 82].»

В заключении анализа хазароведческой археологии по выделенным ею вариантам С. А. Плетнева отмечает, что наблюдается поступательное развитие в этой области археологии. Но есть проблемы, связанные с «научной разобщенностью археологов-хазароведов», ликвидация которой поможет в координации усилий исследователей и выработке «унифицированной методики» изучения источников, что будет способствовать более эффективному исследованию не только истории и не только самого Хазарского каганата, но и стран и народов, окружавших его.

С 1992 по 2002 гг. С. А. Плетнева являлась заведующей группой средневековой археологии евразийских степей. В докладной записке от 5 марта 1992 г. С. А. Плетнева, вместе с И. Л. Кызласовым, В. Е. Нахапетян и В. С. Флеровым выступили с инициативой о создании в Институте археологии Группы средневековой археологии степей Евразии.

Главным вектором исследований созданной группы было определено изучение средневековых государств евразийской степи на основе археологических источников, которые были разделены на ряд крупных тем, разработкой которых занимались отдельные специалисты: истоки средневековых степных культур (В. А. Могильников); духовная культура и письменность в средневековых степях (И. Л. Кызласов); ремесла и промыслы в средневековых степях (В. Е. Нахапетян); архитектурные традиции и домостроительство (В. С. Флеров); поселения и города в средневековых степях (С. А. Плетнева) и другие.

В рамках разработки темы «поселения и города в средневековых степях» в 1993 г. С. А. Плетневой была опубликована статья, в которой она с несколько иных позиций посмотрела на раскапывавшееся ею Правобережное Цимлянское городище [Плетнева, 1993а]. Если ранее, в книге от «Кочевий

к городам», в краткой информации об этих раскопках в трудах Эрмитажа, а также в научно-популярной книге «Хазарь», С. А. Плетнева основывалась на позициях М. И. Артамонова, который считал, что крепость была феодальным замком и гибель ее связана с внутренними раздорами в Хазарском каганате, то в данной статье, на основе стратиграфических наблюдений, она предложила рассматривать существование на Правобережном Цимлянском городище двухэтапного поселения: 1. открытое поселение с юртообразными постройками, разбитое кочевниками (предположительно, первой волной печенегов); 2. строительство крепости (замка), которое не было закончено и просуществовало, по мнению Плетневой, очень короткий период. К этому памятнику она обращается еще раз и публикует довольно большую статью о нем [Плетнева, 1994а], в которой содержится полная публикация материалов и подробный анализ стратиграфии памятника, жилых и хозяйственных комплексов. На основании всего комплекса источников С. А. Плетнева фактически повторяет выводы, сделанные в статье в «Российской археологии» 1993 г., в которой говорит о двух этапах существования поселения на месте Правобережного городища. Возникает поселение, по ее мнению, не ранее начала IX в. и существует до середины IX в., «то есть не более 50 лет» и после разгрома, спустя 10–15 лет, началось строительство крепости «где-то в 80–90-х годах IX века, то есть через 40–50 лет после постройки Саркела».

В 1987, 1988, 1990 гг. этот памятник раскапывался В. С. Флеровым, одним из учеников С. А. Плетневой. Материалы своих раскопок он также опубликовал в том же номере МАИЭТ, а затем в сокращенном варианте в «Российской археологии» [Флеров, 1996б]. Он прямо пишет, что в ряде «...наиважнейших аспектов изучения городища наши выводы по сравнению с выводами С. А. Плетневой оказались несовместимыми, а то и противоположными» [Флеров, 1996б].

Основные выводы, к которым пришел В. С. Флеров, заключаются в следующем: 1. следов поселения, предшествующего крепости, на месте Правобережного городища и за пределами крепости не обнаружено; 2. основание крепости можно отнести к первой четверти IX в.; 3. гибель крепости произошла не позднее середины IX в. и какое-то время она сосуществовала с Саркелом; 4. разгром крепости связан с гражданской войной в Хазарии, как и предполагал в свое время М. И. Артамонов.

Если В. С. Флеров к этой дискуссии больше не возвращался даже в своей книге, посвященной проблеме городов в Хазарском каганате [Флеров, 2010. С. 45–50], то С. А. Плетнева повторила основные выводы в одной из своих основополагающих работ «Очерки хазарской археологии», на более обстоятельной характеристике которой остановимся ниже [Плетнева, 1999. С. 105–112].

Несмотря на имеющиеся определенные разногласия в оценке памятника и в трактовке материалов, полученных разными специалистами во вре-

мя полевых раскопок, можно отметить, что каждый из них пытался вписать данную проблему в исторический контекст Хазарского каганата, найти его место в событиях IX – X вв., нашедших отражение в ряде письменных источников. И в этом плане роль С. А. Плетневой достаточно велика, хотя дискуссия о роли и месте Правобережного Цимлянского городища в истории Хазарского каганата не получила свое окончательное завершение.

Кроме того, в качестве фундаментальной темы в работе группы было предложено комплексное изучение Хазарского каганата по археологическим источникам. Руководителем темы стала сама С. А. Плетнева. В исследовании планировалось рассмотреть поселения и города, ремесла, домашние производства, прикладное искусство, письменность, этнические процессы, экономику, социальные отношения, взаимодействия с соседями. Помимо этого, в группе планировалось изучение других степных государств: Тюркских, Кимакского и Кыргызского каганатов, Хунну и империи Атиллы.

Несмотря на определенные сложности, возникшие в начале 1990-х гг. в связи с отсутствием какого-либо финансирования в Институте археологии полевых работ и в издании научной продукции, исследовательская деятельность группы продолжалась. Регулярно проводились заседания, на которых заслушивались доклады не только по плановым темам сотрудников группы, но и сотрудников других подразделений института и других организаций.

Сотрудники группы, в том числе и С. А. Плетнева принимали активное участие в различного рода конференциях, симпозиумах, коллоквиумах. На конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье IV – IX века» в Алуште С. А. Плетнева выступила с докладом «Саркел и «шелковый путь» [Плетнева, 1994б], а на конференции в Воронеже «Археология и история юго-востока Древней Руси» – с докладом «Саркел – Белая Вежа. Сложение городской многоэтнической культуры» [Плетнева, 1993б]. В 1999 г. члены группы принимали участие в международном коллоквиуме «Хазары» в Иерусалиме [Флеров, 2000].

В 2002 г. в Москве состоялся второй Международный коллоквиум по хазарам. С. А. Плетнева выступила с вступительным словом, в котором обобщила уровень знаний о Хазарском каганате на начало XXI в. В своем выступлении она опиралась на данные письменной традиции и археологических источников [Плетнева, 2002].

В течение ряда лет С. А. Плетнева читала спецкурсы в Воронежском государственном университете и в 2003 г. выходит учебное пособие: «Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья (IV – XIII века)». Несмотря на характер этого издания как учебного пособия, в нем нашли отражение позиции автора по многим вопросам истории кочевых народов в Восточной Европе в эпоху Средневековья, изложенные в чисто научных работах [Плетнева, 2003].

В 1993 г. С. А. Плетнева завершила полностью работу по составлению Отчета о раскопках Волго-Донской экспедиции Саркела-Белой Вежи в 1949–1951 гг. Этому предшествовали события, о которых С. А. Плетнева пишет в своих воспоминаниях о М. И. Артамонове. Артамонов после смерти его супруги попросил С. А. Плетневу разобрать архив и завершить работу над отчетом, который не успела закончить Ольга Антоновна [Плетнева, 1998]. Полевая документация в виде нескольких десятков дневников, разнообразных чертежей, выполненных в поле архитекторами и художниками, чертежи всех раскопов, зачерченные на уровне материка, рисунки уникальных находок, сами находки, хранившиеся в Государственном Эрмитаже — все это было передано М. И. Артамоновым С. А. Плетневой для составления отчета, который спустя 20 лет и был написан. Объем его составил более 20 п. л. [Плетнева, 1996а. С. 7–8].

По окончанию этой огромной и по объему, и по значимости работы С. А. Плетнева издает ряд работ, которые вполне могли быть составить 4 и 5 тома трудов Волго-Донской экспедиции. О планировке жилищ в Саркеле С. А. Плетневой была написана обширная статья [Плетнева, 1994в]. Кроме того, С. А. Плетнева опубликовала очень интересные и уникальные для Саркела металлургический и кузнечный комплексы [Плетнева, 1996б]. Она обратила внимание на серию ям с обожженными и даже ошлаковавшимися поверхностями, с находками в некоторых из них кусков железного шлака и вполне справедливо связала их с обнаруженными в степных районах салтовской культуры аналогичными комплексами, которые вполне справедливо увязываются с металлургическим производством. Дается в данной статье и публикация построек, которые вполне аргументировано связываются автором с кузницами хазарского периода существования крепости, что наряду с самими металлическими изделиями свидетельствуют о «высоком уровне развития кузнечного ремесла в Хазарии».

Среди материалов, переданных С. А. Плетневой для написания отчета была и начатая О. А. Артамоновой статья об исследовании одного из самых важных участков городища — цитадели. Как пишет С. А. Плетнева, Ольга Антоновна сделала «наброски стратиграфии культурного слоя» [Плетнева, 1998. С. 31]. По существу, эта статья была написана С. А. Плетневой и позже опубликована. В статье прослежены, «переворачивая земляные тяжелые страницы», основные этапы жизни крепости, от зарождения до полного затухания жизни на данном памятнике (от 30-х гг. IX в. до середины XII в.). Эта статья блестяще демонстрирует возможности использования «стратиграфических исследований», по выражению С. А. Плетневой «неиссякаемого источника информации» [Артамонова, Плетнева, 1998. С. 622].

Основным итогом работы С. А. Плетневой над отчетом об исследованиях Волго-Донской экспедиции стали две монографии. Первая из них посвящена Саркелу [Плетнева, 1996а], а вторая, вышедшая одновременно в двух изданиях — Белой Веже [Плетнева, 2006а, 2006б].

Остановимся кратко на характеристике работы, посвященной Саркелу, непосредственно связанной с археологией и историей Хазарского каганата. Во введении С. А. Плетнева подробно излагает историю изучения Левобережного Цимлянского городища, которое ассоциируется с Саркелом, что убедительно было доказано М. И. Артамоновым еще в работах 1930–40-х гг. и останавливается на основных выводах относительно этого памятника, сделанных М. И. Артамоновым в указанных работах, еще до начала раскопок Саркела в 1949–1951 гг., которые в основном подтвердили первоначально сложившиеся представления о данном памятнике. С. А. Плетнева подчеркивает роль и значимость «керамической стратиграфии» Саркела, которая была разработана ею и опубликована еще в 1959 г. в одном из томов Волго-Донской экспедиции, и которая до сих не теряет актуальности. Автор отмечает, что эта работа дала ей возможность разделить культурный слой городища на три: хазарский (саркельский), древнерусский (беловежский) и половецкий [Плетнева, 1996а. С. 12].

В целом, работа посвящена исследованию отдельных аспектов ранее в работах других авторов не рассматривавшихся, а именно хазарского (саркельского) слоя и сопутствующих ему различных строительных комплексов. В книге уделено внимание вопросам планировки поселения, остатков ремесленных производств, характеристике ритуальных сооружений и ряду других проблем, связанных с историей Хазарского каганата.

С. А. Плетнева вновь поднимает вопрос о роли Византии в строительстве крепости, подчеркивая, что «самое деятельное участие византийцы принимали в планировке крепости – в разбивке ее на местности», в сооружении печей для обжига кирпичей и ряда других технологических элементов сооружения крепости. Однако она также отмечает приемы строительства и не византийского происхождения [Плетнева, 1996а. С. 20–21].

Принципиально важными являются разделы, в которых дается описание и характеристика комплексов сооружений, интерпретируемых С. А. Плетневой как караван-сараи, относящихся к наиболее раннему периоду функционирования крепости, спланированных еще до начала ее строительства и датируемых первой половиной IX в. С. А. Плетнева подчеркивает, что «строительство внутри крепости двух караван-сараяв, выполнявших торгово-перевалочные функции «означает очевидно, что одной из основных функций крепости являлась охрана торговых караванов, проходивших через Саркел» [Плетнева, 1996а. С. 55–56].

В книге публикуются материалы и других участков и этапов существования Саркела как крепости, но одна из основных мыслей данной книги – продемонстрировать место и роль крепости с учетом ее географического положения в системе торговых путей в эпоху раннего средневековья.

Работа С. А. Плетневой над отчетом и в целом с материалами Саркела-Белой Вежи стимулировала интерес к данному памятнику других исследователей. В. Е. Флерова обработала комплекс изделий из кости и рога и из

дала книгу, посвященную косторезному делу в Саркеле-Белой Веже [Флорова, 2001].

В 1999 г. вышел итоговый труд С. А. Плетневой по археологии Хазарского каганата, где были подведены итоги исследования этой огромной темы на конец XX в. [Плетнева, 1999]. Издание книги было приурочено к состоявшемуся в Иерусалиме (Институт Бен-Цви) в мае 1999 г. Первого коллоквиума по проблемам истории Хазарского каганата и его места в раннесредневековой Евразии [От редколлегии, 2005]. В первых строках предисловия автор заявила свою позицию: «Книга посвящена археологическим древностям, которые... можно связывать с культурой Хазарского каганата... эта культура известна под названием „салтово-маяцкая“» [Плетнева, 1999. С. 3]. При этом С. А. Плетнева отмечает, что речь идет о культуре, складывавшейся «из культур разных этносов, входивших в Хазарскую державу». Исходя из этого, она определяет главную задачу «Очерков» — характеристика салтово-маяцкой культуры и определение ее распространения, совпадающего, по всей видимости, с ареалом Хазарского каганата. Понятие «культуры разных этносов» следует подразумевать в археологическом выражении как варианты салтово-маяцкой культуры, количество которых в работах С. А. Плетневой, в зависимости от накопленного археологического материала, менялось, что нашло отражение и в данной ее монографии. Она еще раз напоминает читателю, что «об этой-то многовариантной культуре» и писал М. И. Артамонов еще в 1940 г., связывая ее не с этническими хазарами, а с государственной культурой Хазарского каганата [Плетнева, 1999. С. 23].

В последующих разделах данной монографии дается характеристика всех вариантов салтово-маяцкой культуры, которые были выделены по материалам исследованных памятников на конец XX в. В заключительном разделе книги автор пытается проследить и выделить, не все, но принципиально важные черты и признаки, нашедшие отражение в археологическом материале рассмотренных вариантов, которые их объединяют и свидетельствуют о сложении государственной культуры Хазарского каганата [Плетнева, 1999. С. 206–221].

В. Я. Петрухин в Послесловии к данной книге писал, что, с одной стороны, написание этих «Очерков» — научный долг С. А. Плетневой, посвятившей свою жизнь исследованию хазарских и шире — «кочевнических древностей Восточной Европы», с другой, книга С. А. Плетневой не столько подводит итоги полустолетнего изучения древностей Хазарского каганата, сколько ставит новые исследовательские задачи [Петрухин, 1999].

Итак, в научной и творческой биографии С. А. Плетневой можно выделить несколько ключевых этапов — знаменательных дат. Среди них, безусловно, необходимо обозначить 1950 г., когда она, будучи аспиранткой Б. А. Рыбакова, прибыла в Волго-Донскую экспедицию и познакомилась с М. И. Артамоновым, что, вероятно, сыграло решающую роль в ее профессиональной судьбе. Участие в Волго-Донской экспедиции, исследовав-

шей памятники эпохи Хазарского каганата, было началом формирования научного интереса к материалам, хронологически предшествовавших теме ее кандидатской диссертации. Вот что пишет сама С. А. Плетнева по этому поводу: «После защиты в 1952 году кандидатской диссертации я стала заниматься исследованием степной культуры, предшествовавшей печенегско-половецкой и получившей в археологической литературе название «салтово-маяцкой». Фактически, это была синкретическая государственная культура Хазарского каганата» [Плетнева, 1998. С. 24 – 25].

Следующим, довольно значимым этапом, сформировавшем С. А. Плетневу как ученого – археолога-хазароведа, был 1967 г. – выход книги «От кочевий к городам» и ее защита в качестве докторской диссертации в следующем 1968 г. В этой работе ею сформулированы основные положения и концепции археологии Хазарского каганата, которые впоследствии развивались, уточнялись, от каких-то положений она отказывалась, появлялись новые, становившиеся в центре внимания исследовательницы. Но во всех случаях она опиралась на археологический источник.

На наш взгляд, этапным в научном творчестве С. А. Плетневой необходимо выделить 1989 г. – выход книги «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс», в котором опубликованы материалы многолетних раскопок замечательного памятника, ставшего по многим показателям эталонным при изучении салтово-маяцких древностей: в вопросах внутренней хронологии культуры, погребального обряда, типологии инвентаря и так далее.

В следующем 1990 г. в «Советской археологии» напечатана статья С. А. Плетневой «Проблемы хазарской археологии», в которой подводятся определенные итоги в изучении салтово-маяцкой культуры, и заостряется внимание на некоторых появившихся к концу 1980-х гг. проблемах в данной области археологии.

Через 9 лет, в 1999 г. появляются «Очерки хазарской археологии» – книга, которая по существу не только подводит итоги всей деятельности С. А. Плетневой в данном научном направлении, но и предлагает пути решения проблем, которые являются дискуссионными и вызывают достаточно острые научные споры. Это последняя крупная работа С. А. Плетневой в области хазарской археологии.

Итак, на наш взгляд, основные вехи научной биографии С. А. Плетневой в области хазарской археологии: 1950 – 1967; 1968 – 1989; 1990 – 1999. Конечно, в эти периоды укладываются не только выходы основополагающих книг. Они достаточно условны. В промежутках между обозначенными датами выходит огромное количество ее разнообразных статей, монографий, проводятся очень серьезные полевые работы, о которых говорилось выше. Мы попытались передать лишь основные точки-вехи в достаточно сложной и разноплановой научной работе С. А. Плетневой, взяв за основу ее хазароведческие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. — Симферополь : Таврия, 1998. — Вып. VI. — С. 539—624.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. — М. : Наука, 1987. — Вып. 2. — 200 с.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асса-бургтасского населения бассейна Среднего Дона. — М. : Наука, 1993. — 184 с.
- Винников А. З., Степовой А. В. Анатолий Григорьевич Николаенко — учитель, краевед, археолог / А. З. Винников, А. В. Степовой // Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2012. — С. 6—11.
- Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII веков на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА СССР. — М. : Изд-во АН СССР, 1941. — Вып. 6. — С. 191—246.
- От редколлегии // Хазары. Евреи и славяне. — Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 2005. — Том 16. — С. 13—16.
- Петрухин В. Я. Послесловие // С. А. Плетнева Очерки хазарской археологии. — М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 1999. — С. 223—230.
- Плетнева С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1954 года. // НА ИА РАН. Ф-1. Р — 1. № 1025. 49 л.
- Плетнева С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда близ с. Мохнач Змиевского района Харьковской области в 1955 году // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1132. 28 л.
- Плетнева С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда летом 1956 года. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1230. 45 л.
- Плетнева С. А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1957 году // НА ИА РАН. Ф -1. Р-1. № 1446. 73 л.
- Плетнева С. А. Печенег, тюрки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. — М., 1958а. — Вып. 62. — С. 151—226.
- Плетнева С. А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1958 году (б) // НА ИА РАН. Ф -1. Р-1. № 1742. 110 л.
- Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. — № 75. — С. 212—272.
- Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. — 1960. — Вып. 79. — С. 3—20.
- Плетнева С. А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское в 1961 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р — 1. № 2242. 75 л.
- Плетнева С. А. Подгоровский могильник // СА. — 1962а. — № 3. — С. 241—251.
- Плетнева С. А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища и могильника у с. Дмитриевское Шебekenского района Белгородской области в 1962 году (б) // НА ИА РАН. Ф-1. Р — 1. № 2471 50 л.
- Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // СА. — 1962в. — № 1. — С. 83—94.
- Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище // Сообщ. Гос. Эрмитажа. — Л. : Сов. художник, 1964а. — Вып. 25. — С. 55—59.
- Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. — 1964б. — № 3. — С. 133—140.

- Плетнева С. А. Отчет Северо-Донецкого отряда о раскопках городища, селища и могильника у с. Дмитриевское Шебекинского района Белгородской области в 1967 году (а) // НА ИА РАН. Ф -1. Р - 1. № 3633. 158 л.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА СССР. - М. : Наука, 1967б. - № 142. - 198 с.
- Плетнева С. А. Народы Юго-Восточной Европы в VIII—IX веках // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. - Кишинев, 1967в. - С. 26—28.
- Плетнева С. А. Работа Северодонецкого отряда // АО 1966 года. - 1967. - С. 54—55.
- Плетнева С. А. Работа Северодонецкого отряда // АО 1967 года. - 1968. - С. 62—63.
- Плетнева С. А. Работа Левобережного днепровского отряда // АО 1970 года. - 1971. - С. 72—74.
- Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. - С. 108—118.
- Плетнева С. А. Хазары. - М. : Наука, 1976. - 93 с.
- Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья // Археология восточноевропейской лесостепи. - Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. - С. 24—36.
- Плетнева С. А. Земледельцы и кочевники // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980. - М. : Наука, 1980а. - С. 19—20.
- Плетнева С. А. Древнитебългари в Източна Европа // Известия на българскотоисторическо дружество. XXXIII. - София : Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1980б. - С. 29—40.
- Плетнева С. А. Болгаро-Советская экспедиция // АО 1979 года. - 1980в. - С. 489—490.
- Плетнева С. А. «Исчезнувшие народы». Хазары // Природа. - М. : Наука, 1980. - № 1. - С. 59—70.
- Плетнева С. А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. - М., 1981а. - № 6. - С. 50—63.
- Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарскатакултура : Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. - София : Българска академия на науките, 1981б. - Т. 2. - С. 9—19.
- Плетнева С. А. Земледельцы и кочевники // Славяни и прабългари. - София : Българска акад. на науките, 1982а. - С. 31—43.
- Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. - М. : Наука, 1982б. - 188 с.
- Плетнева С. А. Хазары. - М. : Наука, 1986. - 92 с.
- Плетнева С. А. Хазары // Исчезнувшие народы. - М. : Наука, 1988. - С. 20—33.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М. : Наука, 1989. - 285 с.
- Плетнева С. А. Проблемы хазарской археологии // СА. - 1990. - № 2. - С. 77—91.
- Плетнева С. А. История одного хазарского поселения // РА. - 1993а. - № 2. - С. 48—69.
- Плетнева С. А. Саркел. - Белая Вежа. Сложение городской многоэтнической культуры // Археология и история юго-востока Древней Руси : материалы научной конференции. - Воронеж, 1993б. - С. 16—21.
- Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958—1959 годов // МАИ-ЭТ. - Симферополь : Таврия, 1994а. - Вып. IV. - С. 271—396.
- Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь» // Византия и народы Причерноморья в раннее средневековье (VI—IX вв.) : материалы международной конференции. - Симферополь, 1994б. - С. 49—51.

- Плетнева С. А. О «гнездовой» планировке жилищ в Саркеле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. — СПб. : АРТ-СОНТАСТ, 1994в. — С. 183–197.
- Плетнева С. А. Саркел и «Шелковый путь». — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996а. — 168 с.
- Плетнева С. А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. — 1996б. — № 2. — С. 182–197.
- Плетнева С. А. Вспоминая М. И. Артамонова // МАИЭТ. — Симферополь : Таврия, 1998. — Вып. VI. — С. 20–33.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М. : «Мосты культуры», Иерусалим : Гешарим, 1999. — 248 с.
- Плетнева С. А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары. 2-й Международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 81–84.
- Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Уч. Пособие. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. — 247 с.
- Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи : историко-стратиграфическое исследование. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2006а. — 392 с.
- Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) // МАИЭТ. — Симферополь, 2006б. — 248 с.
- Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е. Болгаро-Советская экспедиция // АО 1977 года. — 1978. — С. 579–580.
- Плетнева С. А., Макарова Т. И. Работа Северодонецкой экспедиции // АО 1973 года. — 1974. — С. 69–70.
- Плетнева С. А., Макарова Т. И., Афанасьев Г. Е. Болгаро-Советская экспедиция // АО 1978 года. — 1979. — С. 600–601.
- Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № 3. — С. 279–298.
- Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР в 20 томах. — М. : Наука, 1981. — 303 с.
- Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). — Волгоград : Перемена, 1993. — 143 с.
- Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М. : Институт археологии РАН, 1996а. — 100 с.
- Флеров В. С. Правобережная Цимлянская крепость (Проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. — 1996б. — № 1 — С. 100–113.
- Флеров В. С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим и «Краткая еврейская энциклопедия о Хазарах») // РА. — 2000. — № 3 — С. 229–234.
- Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2011. — 260 с.
- Флерова В. Е. Резная кость юго-восточной Европы IX–XIII веков : искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи, из коллекции Государственного Эрмитажа. — СПб. : Алетейя, 2001. — 352 с.
- Юшко А. А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы // СА. — 1976. — № 2. — С. 287.

А. З. Винников

**ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВЕТСКО-БОЛГАРО-ВЕНГЕРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА МАЯЦКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
КОМПЛЕКСЕ ПАМЯТНИКОВ**

The article describes the history of the organization of the Soviet-Bulgarian-Hungarian expedition that studied well-known complex of archaeological monuments – Mayatsk fortress, settlement and burial of Saltovo-Mayatsk culture. The excavations gave a new material that is almost completely published, and which draws attention to different aspects of history of population of the north-western outskirts of the Khazar Khaganate.

В декабре 1974 г. в Москве состоялось очередное Советско-Венгерское совещание, посвященное «Истории средневековых народов степной полосы Восточной Европы». В нем приняли участие сотрудники Института археологии АН СССР и Института археологии АН Венгрии. Обсуждался вопрос о территории расселения древних венгров. На этом совещании С. А. Плетнева в качестве объекта для совместных археологических исследований предложила Маяцкое городище [Юшко, 1976]. В отчете за первый год работы экспедиции (1975 г.) она так объясняла выбор этого памятника в качестве объекта для раскопок: во-первых, Маяцкое городище максимально приближено к территориям, где встречаются памятники близкие венгерским; во-вторых, этот памятник обладает высокой научной значимостью и дал имя всей культуре [Плетнева, 1975. С. 1].

Созданная на базе этих предложений С. А. Плетневой экспедиция на данный момент, безусловно, является вершиной полевой работы в области изучения салтово-маяцкой культуры, после Волго-Донской экспедиции (рук. М. И. Артамонов). Организованная в 1975 г. как Советско-Венгерская, а с 1978 г. – Советско-Болгаро-Венгерская по исследованию Маяцкого комплекса памятников (городище-крепость, селище и могильник), экспедиция работала до 1982 г. (в 1976 г. раскопки не велись).

Как отмечала С. А. Плетнева, экспедиция объединила исследователей, работающих по близкой проблематике – «истории и культуре народов Юго-Восточной и Южной Европы эпохи раннего средневековья» [Плетнева, 1984а. С. 15]. Все эти годы С. А. Плетнева осуществляла общее руководство всеми объектами, на которых велись изыскания, но большее внимание уделяла Маяцкой крепости, особенно в первый год работы экспедиции.

В последующие годы раскопками крепости руководил Г. Е. Афанасьев, а С. А. Плетневу в большей степени интересовали рисунки, знаки, надписи на меловых блоках стен крепости. Раскопками могильника, открытого в 1975 г. руководил В. С. Флеров, селища — А. З. Винников. Активное участие в работе экспедиции принимали В. К. Михеев (1975 г.), К. И. Красильников, В. Е. Флерова (Нахапетян), Ф. Х. Арсланова, А. Г. Атавин, Т. С. Кондукторова и ряд других специалистов. Со стороны Венгерской АН в работе экспедиции принимали участие Иштван Эрдели, Ласло Ковач, Балаш Эрдели, Я. Матольчи и другие. С болгарской стороны — Станчо Станчев (Ваклинов), Стефан Баяджев, Дафина Василева, Рашо Рашев, Оленка Миланова (выпускница Воронежского университета).

После первых трех полевых сезонов С. А. Плетнева предложила опубликовать материалы, полученные в ходе раскопок, и хотя сборник вышел уже после окончания работы экспедиции, в 1984 г., материалы, изданные в нем дали возможность авторам изложить свое понимание археологического источника, полученного на данном памятнике на начальном этапе его исследования. Сама С. А. Плетнева в этом сборнике опубликовала статью, посвященную выявленным на стенах Маяцкой крепости рисункам, включая обнаруженные еще в начале XX в. А. И. Милютиным и Н. Е. Макаренко [Плетнева, 1984б]. Ею классифицированы рисунки по содержанию, выделено девять типов, каждый из которых описан достаточно подробно. На основании анализа рисунков С. А. Плетнева сделала ряд принципиально важных выводов. Во-первых, рисунки имеют широкую географию распространения в степях Евразии, наиболее крепкие связи прослеживаются с Дунайской Болгарией; во-вторых, «все рассмотренные рисунки — произведения дилетантов... этот вид художественной деятельности нельзя назвать даже отраслью изобразительного искусства»; в-третьих, создателями рисунков были воины, несшие службу вдоль внешней стены; в-четвертых, некоторые композиции дают «нам большее количество сведений о жизни населения» [Плетнева, 1984б. С. 91—92]. В этом же сборнике опубликована статья Иштвана Эрдели, в которой он рассматривает вопросы, связанные с пребыванием венгров в Восточной Европе и пишет об их контактах со славянским миром. Отдельно он обращает внимание на то, что «данные о географической и политической близости хазар и венгров требуют тщательного анализа материальной культуры Хазарского каганата с точки зрения выявления в ней венгерских древностей [Эрдели, 1984. С. 24]. Сразу отметим, что за все годы работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком археологическом комплексе памятников никаких следов «венгерских древностей» не обнаружено.

В этом же сборнике опубликована статья Г. Е. Афанасьева о первых результатах исследования укреплений Маяцкого городища-крепости. Он подчеркивает, что «применявшиеся при возведении Маяцкой крепости строительные приемы характерны для северо-кавказско-причерномор-

ско-балканского круга памятников VIII—X вв., а некоторые архитектурные особенности Маяцкой крепости «говорят о знании салтовским населением строительных приемов, использовавшихся зодчими европейских и среднеазиатских государств» [Афанасьев, 1984. С. 54].

Две статьи в данном сборнике также посвящены публикации материалов. В статье А. З. Винникова рассмотрены результаты раскопок Маяцкого селища в 1975, 1977—1978 гг. [Винников, 1984]. В. С. Флеров публикует результаты исследований Маяцкого могильника, открытого в первый год работы экспедиции. Уже в этой статье В. С. Флеров отметил «господство обряда разрушения скелетов» [Флеров, 1984. С. 197]. Как продолжение статьи В. С. Флерова можно рассматривать статью Т. С. Кондукторовой, посвященную анализу антропологического материала Маяцкого могильника, в которой автор делает принципиально важный вывод: «...в создании лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры принимали участие как аланские, так и болгарские племена. Активные брачные связи между представителями этих двух этнических групп не исключаются, судя по морфологическим особенностям Маяцкой серии» [Кондукторова, 1984. С. 236].

Безусловно, большой интерес представляет статья венгерского палеозолога, участника экспедиции Я. Матолчи «Кости животных с городища, селища и могильника (1978—1979 гг.)». Значимость статьи определяется еще и тем, что остеологический материал из последующих лет раскопок был также передан Я. Матолчи для определения, но в связи со смертью исследователя он не был обработан.

Второй и последний сборник трудов Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции вышел в 1990 г. [Маяцкий археологический комплекс, 1990]. В нем помещены статьи И. Л. Кызласова о рунических надписях, обнаруженных на стенах Маяцкой крепости, В. С. Нахапетян, в которой опубликованы и проанализированы граффити, выявленные на Маяцком городище, являющейся продолжением исследования С. А. Плетневой. К. И. Красильников и С. А. Плетнева опубликовали в данном сборнике результаты исследования ремесленного гончарного района. В. С. Флеров продолжил публикацию материалов, полученных на Маяцком могильнике. Здесь же содержится статья М. М. Талмачевой о технологии изготовления железных изделий, полученных в ходе работы экспедиции на всех трех объектах: городище, селище, могильнике.

Сборник завершает статья Дафины Василевой — болгарского историка средневековой архитектуры, участницы экспедиции, о строительных особенностях Маяцкой крепости с вариантами ее реконструкции.

В «Предисловии» к данному сборнику С. А. Плетнева писала: «Совершенно очевидно, что это не последний том материалов и исследований Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Перед ее участниками стоят большие и серьезные задачи не только публикационного характера. Прочтение надписей, осмысление сложной системы планировки поселения,

этническая принадлежность населения и связи его с окрестным миром, в первую очередь со славянами, отношения с Хазарским каганатом, уровень общественного и экономического развития — все эти вопросы и еще многие другие, более мелкие и частные нам предстоит решать» [Плетнева, 1990. С. 7–8].

Этими сборниками уже в 1980-е гг. публикация материалов экспедиции не ограничивалась. Г. Е. Афанасьев в специальной статье проанализировал постройки Маяцкого городища с точки зрения социального устройства аланского общества [Афанасьев, 1984]. В. Е. Нахапетян (Флерова В. Е. опубликовала знаки строителей на камнях Маяцкого городища [Нахапетян, 1988]. К сожалению, третьего выпуска трудов экспедиции не было, на двух изданиях эта серия была завершена. Но появилось несколько монографических исследований, в которых или публиковались материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, или они привлекались в качестве одного из основных компонентов научного исследования. Это, прежде всего, две монографии Г. Е. Афанасьева [Афанасьев, 1987; 1993].

В целом, оценивая результаты работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком археологическом комплексе, необходимо отметить, что был получен хорошо документированный новый археологический источник, давший возможность соотнести результаты исследования разных памятников, составляющих единый комплекс и с хронологической, и с культурно-этнической точки зрения.

В течение последних лет, уже после окончания работ на Маяцком городище, где было вскрыто и изучено около 4000 м² площади, его основным исследователем Г. Е. Афанасьевым написан ряд работ, в которых публикуются и интерпретируются результаты изучения этого памятника [Афанасьев, 2010; 2012].

Проведенные исследования на селище (вскрыто около 6000 м² площади) дали хороший материал для изучения жилых и хозяйственных построек. Практически впервые в археологии салтово-маяцкой культуры были выявлены культовые комплексы — святилища с прилегающими к ним погребальными сооружениями и жертвенниками [Винников, Афанасьев, 1991]. Полная публикация материалов раскопок Маяцкого селища содержится в совместной монографии С. А. Плетневой и А. З. Винникова, в которой С. А. Плетневой написан ряд ключевых глав. Среди них, посвященная общей характеристике салтово-маяцкой культуры и ее локальным вариантам [Винников, Плетнева, 1998].

Интересные результаты были получены В. С. Флеровым при раскопках Маяцкого могильника. Им исследовано более 130 разнохарактерных погребальных комплексов, 23 тризны. В опубликованной монографии на большом материале сделана попытка обосновать наличие у средневековых алан обряда обезвреживания погребенных как элемента погребального ритуала [Флеров, 1993].

Кроме того, материалы, полученные в ходе раскопок Маяцкого городища, селища и могильника, стали предметом исследования для решения более частных, конкретных проблем истории народов, входивших в состав Хазарского каганата [Флерова, 1997; Кызласов, 1990].

Говоря о Маяцкой экспедиции, не следует забывать, что она стала для некоторых ее участников своеобразной школой профессионального мастерства. Здесь начинали свои первые серьезные шаги в археологии А. В. Мастыкова, ныне доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, М. В. Цыбин — кандидат исторических наук, доцент ВГУ, В. Д. Березуцкий — доцент ВГПУ, кандидат исторических наук и ряд других ныне известных ученых-археологов.

Подводя итоги комплексного исследования этого замечательного памятника, следует подчеркнуть, что полученные результаты имеют огромное значение для понимания многих процессов в истории населения, представленного памятниками салтово-маяцкой культуры.

Исследование крепости, впервые после раскопок Саркела Волго-Донской экспедицией (рук. М. И. Артамонов), дало хорошо документированный материал, позволяющий судить о крепостной архитектуре на северо-западной периферии Хазарского каганата. Несмотря на имеющиеся в науке определенные разногласия об истоках и традициях этой архитектуры, технике и технологии сооружения, Маяцкая крепость остается на данный момент практически единственным памятником, результаты раскопок которой позволяют сделать достаточно широкие исторические выводы. При этом трудно согласиться с Г. Е. Афанасьевым, когда он пишет, отставив участие византийских мастеров в постройке Маяцкой крепости по примеру Саркела: «...нет никаких свидетельств о том, что сами жители Маяцкого селища вообще занимались изготовлением каменных блоков, как строительного материала...» [Афанасьев, 2012. С. 114]. Естественно, возникает вопрос: А кто же изготовлял эти блоки, сотни которых требовалось для постройки крепости?

Исследования Маяцкой крепости дали прекрасный материал, но может быть еще недостаточный для изучения письменности и языка народов, входивших в этническую базу Хазарского каганата, открыли новую страницу в изучении очень своеобразного раннесредневекового искусства в виде рисунков на стенах крепости — искусства дилетантов, как пишет С. А. Плетнева.

Исследование селища дало возможность проследить многообразие типов построек сосуществовавших практически одновременно. Выявлены комплексы культовых сооружений, воплотивших в себе традиции не только алан, но и тюркские — болгарские. Раскопки значительной площадью позволили выявить определенную планировку в расположении жилых построек, возможно отражающую какие-то семейные кланы и их эволюцию. Впервые выявлен отдельно расположенный центр гончарного производ-

ства, свидетельствующий о выделении данного вида ремесла в специальную отрасль. Материалы раскопок селища дали возможность более аргументировано говорить о славяно-алано-болгарских контактах, особенно в области домостроительства. Маяцкое селище преподнесло и некоторый ожидаемый сюрприз — значительное число погребений в различного типа постройках, не считая тех, которые связаны с культовыми сооружениями. Внятного ответа о причинах этого явления пока нет.

Раскопки Маяцкого могильника еще раз подтвердили неоднократно высказывавшуюся С. А. Плетневой мысль о своеобразии каждого катакомбного могильника в ареале салтово-маяцкой культуры, которое проявляется в конструкции погребальных сооружений, в погребальной обрядности, в вещевом комплексе. Следует, наверно, согласиться с В. С. Флеровым, утверждающим наличие на данном могильнике, в большинстве погребений обряда обезвреживания, как одного из главных действий после совершения захоронения. Как и в ряде других могильников, на Маяцком при полном преобладании катакомбных захоронений, присутствуют и ямные с иным антропологическим обликом, связываемым с болгарским этносом, что еще раз подтверждает, неоднократно высказывающуюся С. А. Плетневой мысль о достаточно сложных этнических процессах, протекавших на северо-западной окраине Хазарского каганата.

В. С. Флеров в своих публикациях неоднократно подчеркивал, что на Маяцком могильнике можно отметить отсутствие какой-либо имущественной дифференциации погребенных, что является довольно спорным тезисом, ибо он сам в ряде случаев отмечает отдельные погребения, выделяющиеся из числа других по инвентарю, что еще раз подтверждает, что данный могильник и в этом вопросе не выбивается из ряда других аналогичных памятников, но имеет свою специфику.

Все вышесказанное, конечно, не означает, что все проблемы, связанные с изучением этого памятника, решены и освещены в литературе. И вопросы хронологии, и этноса, и архитектуры крепости, и погребальной обрядности и ряд других требуют дальнейшего изучения и обсуждения научным сообществом.

Но главный итог работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции — это создание музея-заповедника «Дивногорье».

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е.* Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. — С. 26–56.
- Афанасьев Г. Е.* Большая семья у алан // СА, 1984, № 3 — С. 66–82.
- Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Археологические открытия на новостройках. Выпуск 2. М., Наука, 1987. — 200 с.
- Афанасьев Г. Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., Наука, 1993. — 180 с.

- Афанасьев Г. Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости. // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 5. Липецк, 2010. — С. 123—148.
- Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища. // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Выпуск 3. Воронеж, Научная книга, 2012. — С. 93—122.
- Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984. — С. 95—135.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. — 192 с.
- Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж. Издательство Воронежского государственного университета, 1998. — 216 с.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника. // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука. 1984. — С. 200—236.
- Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. (Опыт палеографического анализа). М., 1990—179 с.
- Матолчи Я. Кости животных городища, селища и могильника 1978—1979 гг. // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984. — С. 237—260.
- Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука. 1990. — 238 с.
- Нахапетян В. Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА, 1988, № 3. — С. 91—105.
- Плетнева С. А. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 5313—100 л.
- Плетнева С. А. Маяцкое городище // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984а. — С. 3—19.
- Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984б. — С. 57—94.
- Плетнева С. А. Предисловие // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — М. : Наука, 1990.
- Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984. — С. 142—199.
- Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград. «Перемена». 1993—143 с.
- Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 172 с.
- Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., Наука, 1984. — С. 20—25.
- Юшко А. А. Советско-Венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» // СА. — № 2. — М., 1976. — С. 287.

ПИСЬМО С. А. ПЛЕТНЕВОЙ Г. Е. АФАНАСЬЕВУ (ПРИСЛАНО В ХУТОР ДИВНОГОРЬЕ)

12.VII.82

Дорогой Гена,

Думаю Вы были правы в том, что мне не стоит приезжать в экспедицию раньше 4–5 августа. Поэтому, если у нас есть возможность (в смысле бензина) было бы очень хорошо, чтобы И. Д. приехал на УАЗике за мной так, как мы договаривались.

Хочу Вам напомнить, что в экспедицию приедет «маршакловская» девочка Наташа.

Кроме того приедет одна девочка (21 год). Она неплохо рисует, т. ч. нам пригодится. Зовут Алла (нам везет!) Дёмина. Если она явится раньше меня, пожалуйста, позаботьтесь о ней (место в лагере) и пошлите работать на лопату на могильник. Думаю, на городище она опростоволосится с Красильниковцами, а на мог-ке все-таки полегче.

И еще — со мной приедет Игорь (племянничек без мамы). Ему нужны: маленькая палаточка, мешок и раскладушка. Если палатки нет — попросите у Винникова — даст, наверное? Я бы сама попросил, да вы все стали дюже обидчивые — как уже Вы хотите, так и сделайте. Палаточку его, пожалуйста, поставьте рядом с моей, чтобы всё же у меня на глазах был.

И последнее — стол, пожалуйста, поставьте не у моей палатки — мне он не нужен совсем. Если Вас не затруднит — поставьте его ближе к своей палатке — между своей и флеровской — что-нибудь вроде этого.

Если Флеров не захочет жить в этой палатке — было бы хорошо, чтобы было так, но стол все равно подальше от моей «жилплощади».

Впрочем, это последнее (о столе) неважно и, если Вы уже все сделаете, когда получите это письмо, — оставьте как сделали, конечно.

Было бы хорошо, если бы Красильников расположил свой лагерь в этом году на месте, где в прошлом году жили калининцы, т. е. в нашем ряду. Попросите его об этом.

О болгарях пока ничего неизвестно.

Привет Ив. Дм.

До скорой встречи.

С.А.

Р. S. Как там у Вас дело с бульдозером?! Очень важно в этом году все привести в порядок.

12.VII.82.

Дорогой Геня,

думаю ты буди прав в том, что мне не стоить приезжать в экспедицию раньше 4-5 августа. Поэтому, если у нас есть возможность (в смысле бензина) было бы очень хорошо, когда И.Д. приехал не ЧАБ и не с тобой так, как мы договаривались.

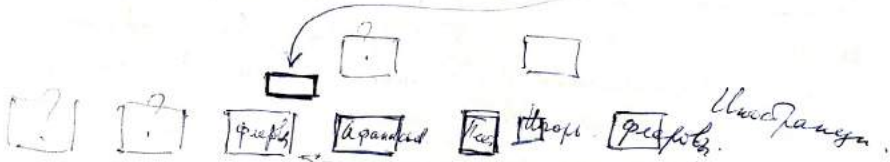
Хочу взять напомним, что в экспедицию придет "маршановская" девочка Наташа. (21/11/82)

Кроме того придет еще одна девочка. Она конечно расцвет, т.е. как расцветает. Зовут Анна (не везет!) Демкина. Если она будет раньше меня, пожалуйста, позаботьтесь о ней (место в лагере) и пошлите работать на лопату на могильник. Думаю, на горюшке она опростоловится с красноярскими, а на лопатке все-таки полегче.

И еще - со мной придет Игорь (миланский без мамы). Ему нужны: миланская палаточка, маток и раскладушка. Если палатки нет - попросите у Викканова - даст, каверное! Я бы сама попросила, да во все стали дороже обидравсе - как уже вы хотите, так и сделайте. Палаточку его, пожалуйста, поставьте рядом с мной, тогда всё же у меня не глаза для.

И последнее - стол, пожалуйста, поставьте же у моей палатки - мне он же нужен совсем. Если Вас не затруднит - поставьте его ближе к своей палатке - между своей и орловской -

это - кидать среди этого:

Если Федор захочет жить в этой юрте -
было бы хорошо, ведь было так, но это
все равно не лучше от левой "жилплощадки".

Впрочем, это последнее ^(в смысле) предложение и, если вы
еще все сделаете, когда получите это письмо, -
оставьте как есть, конечно.

Было бы хорошо, если бы Красильников
расположил свой лагерь в этом году на
месте, где в прошлом году жили калининцы, т.е.
в нашей яру. Попросите его об этом.

О болгарях пока ничего неизвестно.

Привет Ив. Дм.

До скорой встречи.

С.А.

P.S. Как там у Вас дело с буржуйками!? Очень
важно в этом году все правды в корень.

Г. Е. Афанасьев

О ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА И ХАЗАРСКОГО «ДОМЕНА» В IX ВЕКЕ

This article examines the question of archaeological features making it possible to speak of the self-identification of the Khazar Khaganate in the IX-th century. The author draws attention to the fact that in the third decade of the IX-th century building projects were underway to create a chain of fortresses with the help of Byzantine experts. This process coincided in time with the emission of dirhams, with the inscriptions identifying the land of the Khazars as the point of issuing coins. The designated borders of their territory are commensurate with the density of Khazar burials in burial-mounds. All these data point to the fact that the core territories of the Khaganate in the IX-th c. were the lower reaches of the Don.

Решение многих исторических проблем, связанных с изучением памятников салтово-маяцкой культуры, как структурных поселенческих и фортификационных звеньев в системе расселения различных этнических групп входивших в состав Хазарского каганата, основывается на понимании того, где именно в тот или иной период времени своей истории располагалось интересующее нас государственное образование, какие археологические объекты или антропологический материал и на каком основании могут быть с ним связаны. Ответ на этот вопрос важен и для детального изучения этнополитических и этнокультурных процессов, проходивших в I тыс. н. э. на юге Восточной Европы [Ващенко, 2000. С. 1 – 196]. При этом необходимо различать три самостоятельных вопроса. Во-первых, это проблема этнической территории хазар (иногда ее называют «хазарский «домен»»), маркируемой их могилами. Во-вторых, – проблема огражденной системой фортификационных сооружений территории Хазарского каганата в целом, занятой, кроме хазар, их донскими аланскими «конфедератами», потомками оногуро-булгарского населения, а также потомками местных славянских и финно-угорских племен дохазарского времени – псевдобулгар. В-третьих, – проблема соседних с Хазарским каганатом территорий, которые находились под его эпизодическим протекторатом, или кондоминиумом.

Представления историков о размерах и локализации Хазарии главным образом базируются на различных трактовках информации средневековых арабских, армянских, византийских, грузинских, древнерусских, персидских, хазарско-еврейских и других письменных источников. В одних

исторических моделях занятая хазарами территория принимает обширные размеры от Арала до Киева [Голстов, 1948. С. 228, 229. Карта 3; Brook, 1999. P. 27–44; Петрухин, 2013. С. 107–133] и от Куры до Камы. В других – ограничивается скромными по площади землями Волго-Донского [Рыбаков, 1953; Гумилев, 1966. С. 9–182; Golden, 1992. P. 232, 282, Map. VII, VIII; Галкина, 2006б] или Волго-Терского междуречья [Семенов, 2009]. Наконец, некоторые авторы особо оговаривают, что этот вопрос остается открытым в виду недостаточной изученности именно **археологического источника** [Голб, Прицак, 1997. Аннотация к карте]*.

В последние десятилетия в научной литературе обсуждаются две гипотезы, размещающие территорию хазарского «домена» и место его столицы в IX в. Первая заключается в том, что центр Хазарии располагался в низовьях Волги. Она основывается на убеждении, что название реки Атель/Итиль [Фасмер, 1986. С. 336, 337], где, согласно письменным источникам, находилась хазарская столица, связано исключительно с Волгой [Dunlop, 1967. P. 50, 88; Заходер, 1962. С. 167–202; Golden, 1980. P. 224–229; Новосельцев, 1990. С. 128–131; Калинина, 2007. С. 106–117; Семенов, 2009. С. 294, 295; Крюков, 2013], но допускается, что на каком-то историческом этапе так мог называться и Терек [Мудрак, 2010. С. 374–377]. Вторая гипотеза базируется на предположении, что гидроним «Атель/Итиль» имел более широкое применение. По этой причине хазарский «домен» и его столица вполне могут быть локализованы к западу от Волги [Гадло, 1979. С. 190], в бассейне Дона, нижнее течение которого воспринималось античными и средневековыми информаторами как параллельное русло Волги [Чичуров, 1975. С. 73, 74; Джексон, Калинина, Коновалова, Подосинов, 2007. С. 13–250]. Отсюда делается вывод, что название «Атель/Итиль» распространялось, кроме главного русла Волги, и на участок Дона от переволоки до его устья. В последнем случае в качестве этнической территории хазар и места расположения их столицы в IX в. очерчивается бассейн Нижнего Дона [Катунин, 2000. С. 119, 120; Чередниченко, Ефанов, 2011].

Дискуссионным остается и намеченный вариант северо-западного рубежа Хазарского каганата. Историки первой половины XX в. следовали историографической традиции XIX в., согласно которой население «дикого поля» к югу от современного Воронежа и Харькова и далее к Волге, Крыму и Кавказскому хребту в IX в. считалось хазарским [Веселовский, 1866.

* Автор не разделяет исследовательскую идеологию тех коллег, специалистов в области археологии Хазарского каганата, кто под «археологическим изучением» понимает процесс земляных работ, направленный на добычу артефактов и публикацию отчетного характера их описания, фотографий или рисунков, а не глубокий и всеобъемлющий междисциплинарный анализ археологического источника с целью извлечения из него максимально возможной на современном методическом уровне исторической информации при минимальном деструктивном вмешательстве в культурный слой изучаемого памятника салтово-маяцкой культуры.

С. 3; Вейнберг, 1885. С. 7—11; 1891. С. 59—72; Ефименко, 1906. С. 15; Грушевский, 1911. С. 273—280; Багалеи, 1914. С. 188—190]. Показательно, что, когда воронежский священник С. Е. Зверев задал научному сообществу вопрос: кто же обитал на Маяцком городище, то Д. Я. Самоквасов без колебаний, но и без каких-либо аргументов ответил — хазары [Захарова, 2010].

Археологи второй половины XX в., за редким исключением или с некоторыми оговорками, придерживались взглядов М. И. Артамонова и С. А. Плетневой о том, что лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, носителем которого, в их представлении, было болгаро-хазаро-аланское население, маркирует северо-западные рубежи Хазарского каганата [Красильников, 2012; Сидоренко, 2014]. Никаких доказательств в пользу этой гипотезы высказано не было, на что обращал внимание еще И. И. Ляпушкин [1958. С. 140], но, как показывает отечественная историография, вплоть до последнего времени многими исследователями она воспринималась в качестве аксиомы [Галкина, 2001. С. 88—111; Талашов, 2005. С. 3—277]. В какой степени археологический источник соответствует той или иной гипотезе о локализации хазарского «домена» в IX в.? Ответ на этот вопрос состоит в проверке предложенных исторических реконструкций. Задача заключается в экспертной оценке археологического, антропологического и генетического материала салтово-маяцкой культуры* на предмет поиска в нем этнокультурной, популяционной и генетической специфики с определением плотности соответствующих артефактов, признаков и маркеров.

Археологи XX в., чьи научные интересы были связаны с памятниками салтово-маяцкой культуры, доверились тем историкам-востоковедам, кто считал, что река Итиль — исключительно Волга, и размещал столицу Хазарии в ее низовьях, очерчивая этот регион как сердцевину государства. Поиски там археологических памятников, оставленных хазарскими и бургт/фурт-асскими этническими группами, ведутся уже около 180 лет, начиная с поездки В. Булыгина из Саратова в Астрахань, но фактически безрезультатно [Булыгин, 1836]. Целенаправленные разведки в Нижнем Поволжье, проводимые московскими, петербургскими, ростовскими, калмыкскими, астраханскими, волгоградскими, саратовскими и дагестанскими археоло-

* Подготовленный С. Н. Замятниным проект ответа ГАИМК на письмо И. И. Турбина с информацией об открытии Алексеевского городища свидетельствует о том, что именно он был первым, кто в 1926 г. сформулировал само понятие «салтовская культура» в качестве научно-исследовательского инструмента и выделил характеризующие ее признаки [Турбин, 1926. С. 4—7]. В том же году оно уже фигурирует в официальном письме ГАИМК в адрес Воронежского музея, а несколько позже этот же термин использует в своем отчете в ГАИМК Т. М. Олейников [Олейников, 1927. С. 8]. В понимании С. Н. Замятина, салтовская культура охватывала узкую полосу лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья между Верхнесалтовским и Маяцким городищами. Для ее изучения он кратко сформулировал собственную научную программу, которая включала исследование Алексеевского, Верхнеольшанского, Маяцкого городищ, раскопки Подгоровского и Маяцкого катакомбных могильников, разведки с задачей поиска новых памятников.

гами в последние 50 лет с задачей обнаружить хазарскую столицу также положительного результата не дали. Не удалось там найти не только города Итиль, но и вообще следов каких-нибудь хазарских долговременных поселений со слоями салтово-маяцкой или иных синхронных ее археологических культур, которые можно было бы аргументировано связать с хазарами. Нет ничего, что могло бы свидетельствовать о существовании там крупного государственного объединения, каким в письменных источниках рисуется Хазарский каганат с его сформировавшейся системой широкого расселения.

Обнаруженные на правобережной приволжской территории Волгоградской и Астраханской областей редкие разбросанные погребения хазарского времени, не связанные территориально с долговременными или даже с сезонными поселениями [Гумилев, 1966. С. 148–154; Археологическое..., 2013. С. 143–148; Кутуков, Пантелеев, 2013], создают впечатление далекой периферии. Предположение об открытии нижеволжского варианта салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 2000. Рис. 1] оказалось не только поспешным [Талашов, 2005 С. 105, 106], но и в научном отношении совершенно не обоснованным. В то же время на Нижней Волге обнаружены многочисленные памятники других народов – сарматского, огузского и золотоордынского времени [Скрипкин, 1984. С. 3–149; Перерва, 2005. С. 3–286; Атавин, 2008; Федоров-Давыдов, 1966. С. 3–271; Васильев, 2012], что говорит о довольно хорошей археологической изученности этого региона и полностью снимает вопрос о неисследованных территориях – «белых пятнах», где, якобы, может скрываться, но пока еще не найден, весь массив разыскиваемых многие десятилетия хазарских памятников – могильников, поселений и городищ. Так в чем же дело, почему нет археологических следов хазарского наследия там, где, по мнению сторонников первой рабочей гипотезы, нарративные документы размещают центральные земли Хазарского каганата?

В 1960-х гг. эту проблему пытался решить Л. Н. Гумилев, возглавлявший в течение ряда лет специальную археологическую экспедицию Государственного Эрмитажа, безуспешно искавшую хазарский Итиль в дельте Волги. Он считал, что хазары были оседлыми земледельцами и в VI–X вв. их этническая территория располагалась в северной части Прикаспия, где пустовали обширные территории плодородной земли, которые активно осваивались. Эти земли и составляли экономическую базу Хазарского каганата. В X в. уровень Каспия поднялся на 3 м, в результате чего вся страна хазар оказалась на дне морском [Гумилев, 1966. С. 9–189].

Одновременно с Л. Н. Гумилевым к решению этой проблемы приступила С. А. Плетнева. В ее представлениях хазары были кочевниками, поэтому факт отсутствия их археологического наследия в Северном Прикаспии она объясняла особенностями кочевого быта [Плетнева, 1982. С. 51]. Что же касается города Итиль, то его руины, по мнению исследователей

ницы, размыты и засыпаны песком [Плетнева, 1967. С. 46]. Для того чтобы как-то обозначить территорию Хазарского каганата археологическим материалом, была выдвинута гипотеза о существовании «государственной культуры», которая отождествлялась с салтово-маяцкой культурой [Плетнева, 1967. С. 189; 2000. С. 206–221; Петрухин, 2013. С. 121–133; Флеров, 2012. С. 260–265]. У современных последователей этих взглядов [Петрухин, Аржанцева, Зиливинская, Флеров, 2009. С. 90–103] главным этномаркирующим признаком в керамическом производстве булгаро-хазарских племен фигурируют кухонные горшки с гребенчато-волнистым орнаментом, в формовочной массе которых присутствовал песок. Этот аргумент потерял свою научную значимость после того, как стало ясно, что такие сосуды производились и донскими аланами, и северокавказскими аланами, и представителями северокавказского субстратного населения, и многими другим этнокультурными группировками Восточной Европы [Афанасьев, 2013а; 2013б].

Вплоть до 1960–70-х гг. археологические памятники хазарских этнических групп IX в. вообще не были известны нашей науке, а в обобщающих работах по археологии Хазарского каганата [Плетнева, 1967. С. 3–189] этот пробел в наших знаниях скрывался в общих рассуждениях о полиэтничности и «государственности» салтово-маяцкой культуры, в которой артефакты донских алан и праболгар/псевдобулгар были призваны иллюстрировать материальную и духовную культуру хазарского этноса [Pletnjowa, 1978. S. 7–162]. Благодаря открытию С. И. Калошиной, Г. А. Федоровым-Давыдовым и Л. С. Клейном подкурганых погребений, чью этнокультурную принадлежность хазарам впервые аргументировано сформулировал А. И. Семенов, стали ясны общие контуры этой проблематики [Семенов, 1983. С. 101,102; 1988; Иванов, 1999. С. 3–252; Флерова, 2001; Круглов, 2005а. С. 427–451; Кольцов, 2008].

Для решения вопроса о локализации этнической территории хазар во второй половине VIII – в IX вв. мною была предложена процедура изучения динамики плотности ареала хазарских подкурганых погребений ГИС-методами (рис. 1). Результаты исследований показали, что наивысшая концентрация таких памятников в IX в. приходится на бассейн Нижнего Дона [Афанасьев, Атавин, 2002; Афанасьев, 2012а]. Оказалось, что этот ареал сопряжен и с концентрацией находок монголоидных черепов, характеризующих, скорее всего, хазарские этнические группы [Батиева, 2002; Балабанова, 2006; 2013], и с концентрацией рунических надписей [Кызласов, 1994. С. 3–320], обнаруженных на юге Волго-Донского междуречья. Кроме того, на эту же территорию приходится основной массив находок луков хазарского типа [Савин, Семенов, 1998. С. 295], хотя по этому вопросу существуют и иные суждения [Круглов, 2005б]. Наконец, в отличие от населения, практиковавшего катакомбный и ямный обряд погребения, в подкурганых могилах найдены зеркала с длинной ручкой, аналогичные зер-

калам из погребений Самарской Луки, джетыясарских и кенкольских могильников [Левина, Равич, 1995. С. 127 – 129; Богачев, 2005. С. 150; Зубов, 2006. С. 76]. Следует оговорить, что такие же зеркала встречаются в некоторых могильниках в долине Северского Донца [Аксенов, 2008], но там их появление, скорее всего, отражает не этномаркирующую специфику материальной культуры представителей патрилокальных поселений в целом, а документирует факт пришлого этнокультурного компонента, возможно, брачные связи местного мужского населения с хазарскими женщинами из степных регионов Черноморо-Каспийского междуморья. Подобная ситуация была хорошо прослежена антропологами на памятниках в долине Кубани [Балабанова, 2004] и Нижнего Дона [Батиева, 2002].

Возникает вопрос о степени соответствия всех этих наблюдений той ситуации, которую показывает анализ системы обороны хазарского времени в регионе Волго-Донского междуречья. Как известно, этнические группы, обосновавшиеся на определенной территории и осознающие свою принадлежность к какому-то политическому образованию, стремились создать комплекс защитных мер, направленных на отражение возможных угроз со стороны враждебных им этнополитических группировок или государств. Особое значение придавалось укреплению центральных районов, где концентрировались органы власти и управления. Во второй половине XX – начале XXI вв. городища салтово-маяцкой культуры, как правило, рассматривались в социальном аспекте. Создавалась, дискутировалась и опровергалась концепция белокаменных феодальных замков Хазарского каганата, якобы маркирующих процесс перехода населения бассейна Дона от кочевий к городам и соответствующей трансформации социально-экономических отношений. Активизировались полевые исследования памятников фортификационной архитектуры. В одних случаях (Маяцкое городище), идеология раскопок была нацелена на документацию результатов исследований, произведенных еще в первой четверти XX в., при минимальном вскрытии ранее не потревоженных участков культурных слоев памятника [Афанасьев, 2012б]. В других (Верхнесалтовское городище), – на выяснение строительных традиций и системы организации обороны [Свистун, 2007; 2009]. В третьих (Правобережное и Семикаракорское городища), – на получение нового материала, который в последствии, хоть и был опубликован, но в историко-архитектурном и строительном аспектах остался неизученным авторами раскопок. Да и сама задача исследования системы обороны, ареалов и истоков хазаро-аланской фортификационной архитектуры, использованных при ее возведении строительных материалов и приемов, динамики развития плана и внутреннего пространства, как основы для последующих этнокультурных, этно-социальных и этнополитических построений, по существу, ими не ставилась [Плетнева, 1994; Флеров, 1994; 2001]. В обобщающих работах, посвященных археологии Хазарского каганата, им не нашлось места в качестве самостоятельной базы источни-

ков для анализа и последующих исторических реконструкций. Материалы раскопок Правобережного и Семикаракорского городищ служили всего лишь дескриптивным и иллюстративным фоном, который был оторван от практического исследования археологического и историко-архитектурного первоисточника [Плетнева, 2000. С. 3–23; Флеров, 2011. С. 9–225].

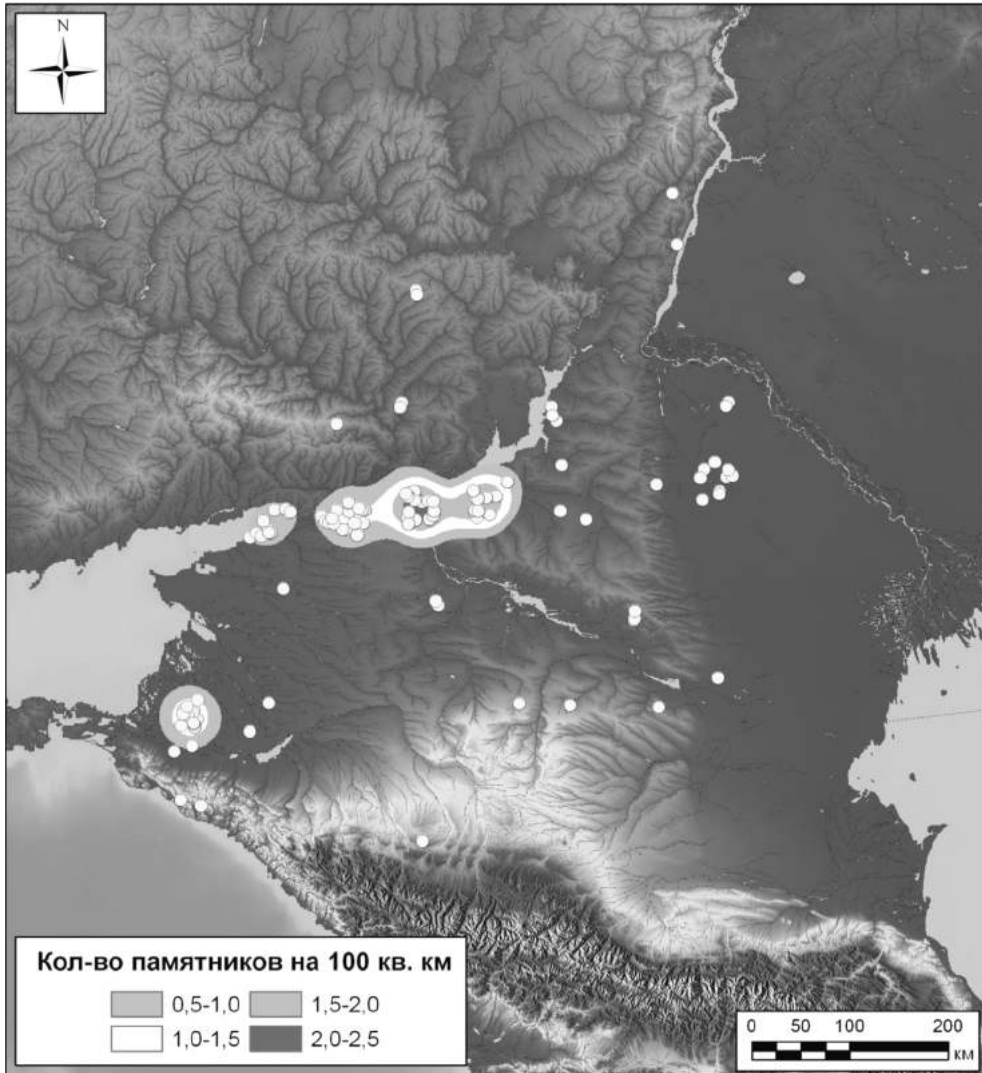

Рис. 1. Ареал и плотность подкурганых погребений хазарского времени в Волго-Донско-Кубанском междуречье

Между тем, анализ ГИС-методами ареалов, взаимосвязи и плотности 48 городищ хазарского времени, открытых в Волго-Донском междуречье, может дать нам представление о системе обороны Хазарского каганата

в целом, о расположении и «центральности» защищенных областей этой страны. Большая часть укреплений (таблица 1, тип 1, рис. 2а) иллюстрирует традиционную для Юго-Восточной Европы систему фортификационных элементов, состоящую из эскарпов, рвов и грунтовых валов — простейших способов обеспечения безопасности зоны ответственности родоплеменных групп или территориальных общин [Афанасьев, 1993. С. 123–150; Тортика, 2012а]. Меньшую часть (таблица 1, тип 2; рис. 2б) составляют крепости геометрической формы, построенные из сырцового, обожженного кирпича или обработанных каменных блоков. Они отражают принципиально новое явление в фортификационном зодчестве населения Юго-Восточной Европы, уходящее в традиции позднеантичной — ранневизантийской полевой архитектуры и (при содействии византийских архитекторов и строителей) воплощенные в специальных мероприятиях по обеспечению безопасности Хазарского каганата на государственном уровне в связи с возникновением угрозы со стороны Русского каганата [Афанасьев, 1993. С. 123–150; Седов, 1999. С. 67–77; Петров, 2013].

Таблица 1

Основные городища хазарского времени в бассейне Дона

№	Название	Тип	Долина реки
1	2	3	4
1	Верхнеольшанское	2	Тихая Сосна
2	Маяцкое	2	Тихая Сосна
3	Павловское	1	Тихая Сосна
4	Мухоудеровское	2	Тихая Сосна
5	Колтуновское	2	Тихая Сосна
6	Алексеевское	2	Тихая Сосна
7	Красное	2	Тихая Сосна
8	Чугуевское	1	Северский Донец
9	Верхнесалтовское	2	Северский Донец
10	Хотомлянское	1	Северский Донец
11	Кочеток-1	1	Северский Донец
12	Кабаново	1	Северский Донец
13	Мохнач	1	Северский Донец
14	Сухая Гомольша	1	Северский Донец
15	Вербовское	1	Северский Донец
16	Старосалтовское	1	Северский Донец
17	Кицевское	1	Северский Донец

Окончание табл. 1

1	2	3	4
18	Коробовы Хутора	1	Северский Донец
19	Афоньевское	1	Оскол
20	Ютановское	1	Оскол
21	Поминовское	1	Оскол
22	Подлысенки	1	Оскол
23	Яблоновское	1	Оскол
24	Большое Городище	1	Короча
25	Дмитриевское	1	Короча
26	Карабут	1	Дон
27	Волчанское	1	Волчья
28	Левобережное	2	Дон
29	Правобережное	2	Дон
30	Камышовское	2	Дон
31	Потайновское	1	Дон
32	Среднее	1	Дон
33	Семикаракорское	2	Дон
34	Крымское-1	2(?)	
35	Крымское-2	1	
36	Золотовское	1	Дон
37	Золотые Горки	1	Дон
38	Великокняжеское	1	Маньч
39	Рыгинское	1	Северский Донец
40	Святогорское	1	Северский Донец
41	Татьяновское	1	Северский Донец
42	Богородичное	1	Северский Донец
43	Теплинское	1	Северский Донец
44	Кировское	1	
45	Сидоровское	1	Северский Донец
46	Царино (Маяки)	1	Северский Донец
47	Осияновогорское	1	Северский Донец
48	Райгородское	1	Северский Донец

Тип 1 – городища с насыпными из грунта валами; тип 2 – городища со стенами из каменных блоков, обожженного или сырцового кирпича.

а)

б)

Рис. 2. Космические снимки Ютановского и Маяцкого городищ:
а – Ютановское городище; б – Маяцкое городище

Изучение этой выборки аналитическими процедурами географических информационных систем позволяет выделить в зонах лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры **шесть фортификационных агломераций** – укрепрайонов (рис. 3, 4). Две первые, одна из которых охватывала долину Тихой Сосны, а вторая – долину Оскола, территориально сопряжены с расселением родственного северокавказскому консолидированного аланского сообщества (рис. 5, 6а, табл. 2). Это – носители катакомбного обряда погребения, обладающие единством морфологического облика, проявляющегося в чертах строения черепа, посткраниального скелета и демографической структуры [Бужилова, 2010]. Их краниологические особенности позволяют выделить два морфологических подтипа [Кондукторова, 1991. С. 145; Ефимова, Кондукторова, 1995; Решетова, 2014. С. 83, 84], сложившихся на сармато-аланской основе. Наличие двух морфологических подтипов в сообществе донских алан, по-видимому, как-то сопряжено с двумя основными вариантами катакомбной погребальной традиции (ютановско-верхнесалтовской и нижнелубянско-дмитриевской), указывающими на уже сформировавшиеся племенные субкультуры [Афанасьев, 1993. С. 80–93], но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Как показывают результаты антропологических изысканий, донские аланы сохраняли традиционную структуру брачных связей с низкими метисационными процессами [Решетова, 2014. С. 128]. На оседлость и стационарность их образа жизни указывают результаты изотопного анализа: значительная часть растительного компонента в рационе, низкая индивидуальная изменчивость изотопных показателей [Добровольская, Решетова, 2014. С. 39–47]. У донских алан зафиксирован более высокий уровень травматизма, обусловленный военными столкновениями, чем у их соседей – праболгар/псевдобулгар [Бужилова, 2010; Решетова, 2014. С. 107].

Исследования последних лет позволяют указать и на главную особенность в специфике сельского хозяйства донских алан, выраженную в системе террасного земледелия (рис. 6-б), следы которого зафиксированы в окрестностях Маяцкого, Красного, [Афанасьев, Добровольская, Борисов, 2012; Рябогина и др., 2013], Ютановского и Дмитровского городищ. Эта система землепользования, аналогичная северокавказской традиции [Борисов, Коробов, 2013. С. 7–233], по-видимому, не практиковалась (или пока еще не зафиксирована) у аланского населения, проживавшего в долине Северского Донца [Михеев, 1985. С. 32–52; Колода, Горбаненко, 2010. С. 3–183] и была совершенно незнакома соседним славянскому [Винников, 2014. С. 176–183], праболгарскому/псевдобулгарскому [Красильников, 1984] и финно-угорскому населению [Гришаков, 2001; Вихляев, 2013]. Наконец, еще одна важная особенность производственной деятельности донских алан состоит в использовании для получения железа специфического типа железоплавильных горнов [Афанасьев, 1987. С. 75–83; Степовой, 2011. С. 3–296].

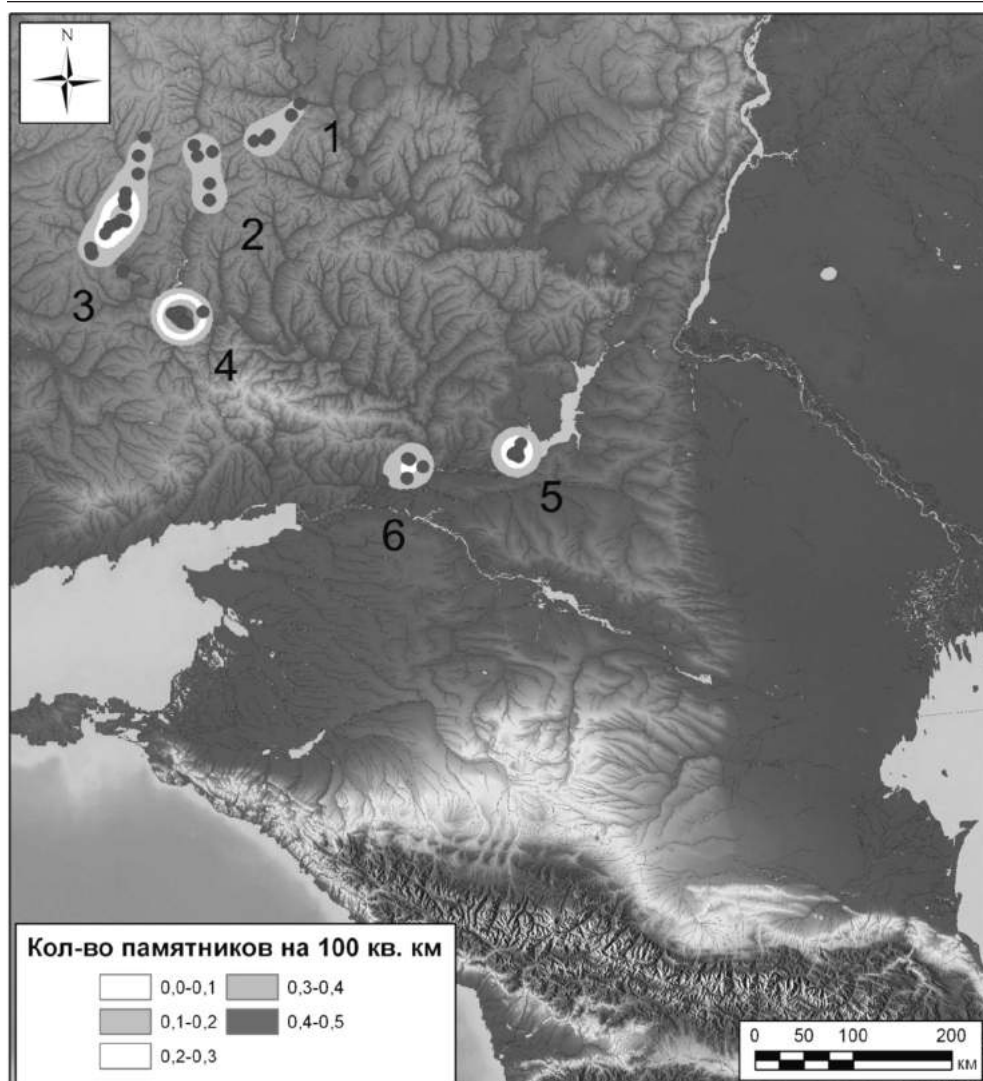

Рис. 3. Фортификационные агломерации и плотность городищ хазарского времени в Волго-Донском междуречье

После открытия в начале XX в. катакомбных могильников в Верхнем Салтове и близ Маяцкого городища носители этой погребальной традиции в VIII – IX вв. чаще всего отождествляются с донскими аланами, известными в письменных источниках под именем асов, ясов, асиев, бурт/фурт-асов, ас-келов [Спицын, 1909; Готье, 1927; Vernadsky, 1943. Р. 226, 241; Ляпушкин, 1958. С. 137 – 148; Артамонов, 1962. С. 246, 353 – 364; Lewicki, 1965; Гаглойти, 1966. С. 189 – 202; Минаева, 1971. С. 191 – 209; Chwiłkowska, 1978; Pritsak, 1978. Р. 264; Афанасьев, 1987. С. 155 – 167; Добродомов, 1989. С. 16; Кузнецов, 1992. С. 160 – 169; Бушаков, 1995. С. 38 – 40; Голб, Прицак, 1997. С. 160; Бубе-

нок, 2008; Kovács, 2013]. До нашего времени этноним «Ас-кел» сохранился в гидрониме «Ос-кол», в значении «река асов» [Добродомов, 1986; Смолицкая, 1998. С. 90, 91]. Предполагается, что донские аланы – асы генетически связаны с упомянутыми в «Армянской географии» ас/аш-дигорами, обитавшими в Кисловодской котловине и на соседних территориях [Коробов, 2014. С. 511–541]. Следует отметить, что была высказана и альтернативная точка зрения, согласно которой донские аланы фигурируют в нарративных документах под именем «рус» и именно они являлись этнообразующим ядром Русского каганата [Березовец, 1970; Николаенко, 1995. С. 29–68; Галкина, 2001. С. 3–266; 2006. С. 27, 28; Жих, 2009; Карпенко, 2011].

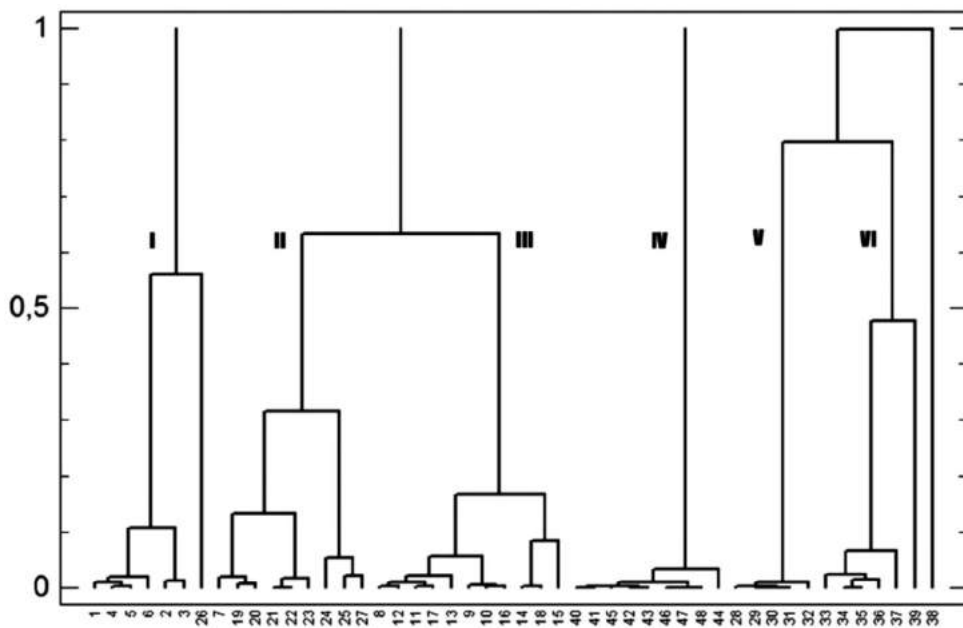

Рис. 4. Дендрограмма взаимосвязи городищ хазарского времени в Волго-Донском междуречье

Таблица 2

Основные ямные, катакомбные и кремационные могильники и отдельные погребения в лесостепной зоне бассейна Дона

№	Ямные могильники	Катакомбные могильники	Кремационные могильники
1	2	3	4
1	Дивногорье	Маяцкий	Кочеток
2	Павловск	Афоньевка	Тополи
3	Червоная Горка	Ютановка	Новая Покровка

1	2	3	4
4	Сердюково-2	Нижняя Лубянка	Сухая Гомольша
5	Мартовая	Подгоровка	Лысый Горб
6	Петровское	Дмитровка	Пятницкое
7	Хотомля	Рубежное	Червоная Горка
8	Металловка	Верхний Салтов	Вербовка
9	Червоная Гусаровка	Старый Салтов	Червоная Гусаровка
10	Бочково	Алексеевка (?)	Кицевка
11	Тишанка	Бочково (?)	
12	Титовка	Ниновка (?)	
13	Ржевка	Столбище (?)	
14	Рождественский		
15	Мандрово		
16	Храпово		
17	Утиново		
18	Терехово		
19	Большой Хутор		
20	Столбище		
21	Волоконовка-1		
22	Волоконовка-2		
23	Волоконовка-3		
24	Волоконовка-4		
25	Шелаево		
26	Белый Плес		
27	Борки		
28	Чертовицкое		
29	Старая Тойда		
30	Старая Калитва		
31	Чибисовка		
32	Тишанская		

Третья фортификационная агломерация, располагалась в бассейнах Нежеголи, Волчьей и части Северского Донца до места впадения в него р. Балаклея. Раннесредневековое население этого укрепрайона неоднородно и включало три этнокультурных компонента. Один из них, занимающий северную часть территории, состоит из носителей катакомбного обряда погребения (рис. 5, табл. 2). Это представители того же аланского

консолидированного сообщества, которое было территориально сопряжено с первой и второй фортификационными агломерациями. Второй этнокультурный компонент третьей фортификационной агломерации, охватывающий южную часть укрепрайона, представлен населением, практиковавшим обряд кремации трупов (рис. 5, табл. 2). Этнический облик этого населения продолжает активно обсуждаться: высказаны славянская, тюркская, хазарская, иранская, финно-угорская версии [Афанасьев, 1987. С. 150–155, рис. 86; Лаптев, 2013. С. 88–95, 178; Аксенов, 2014].

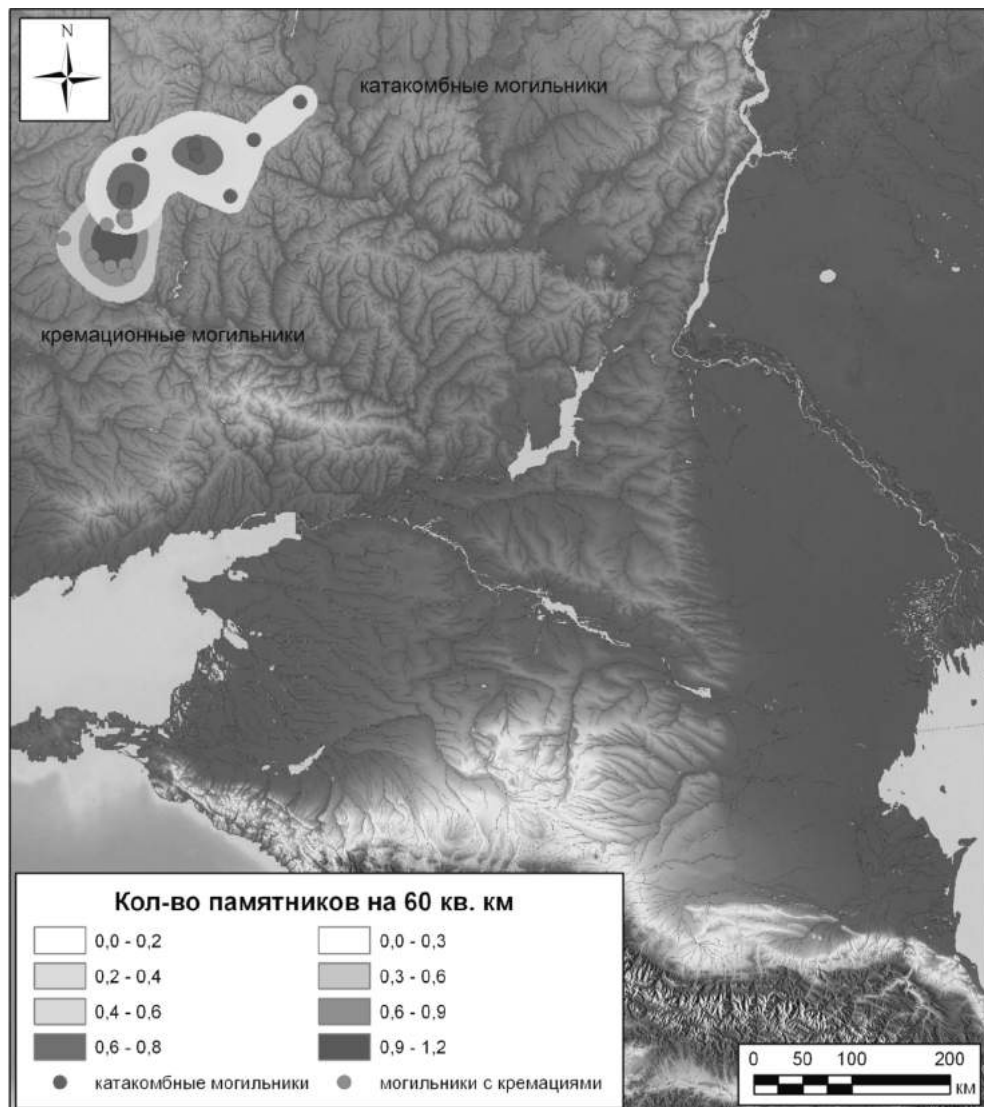
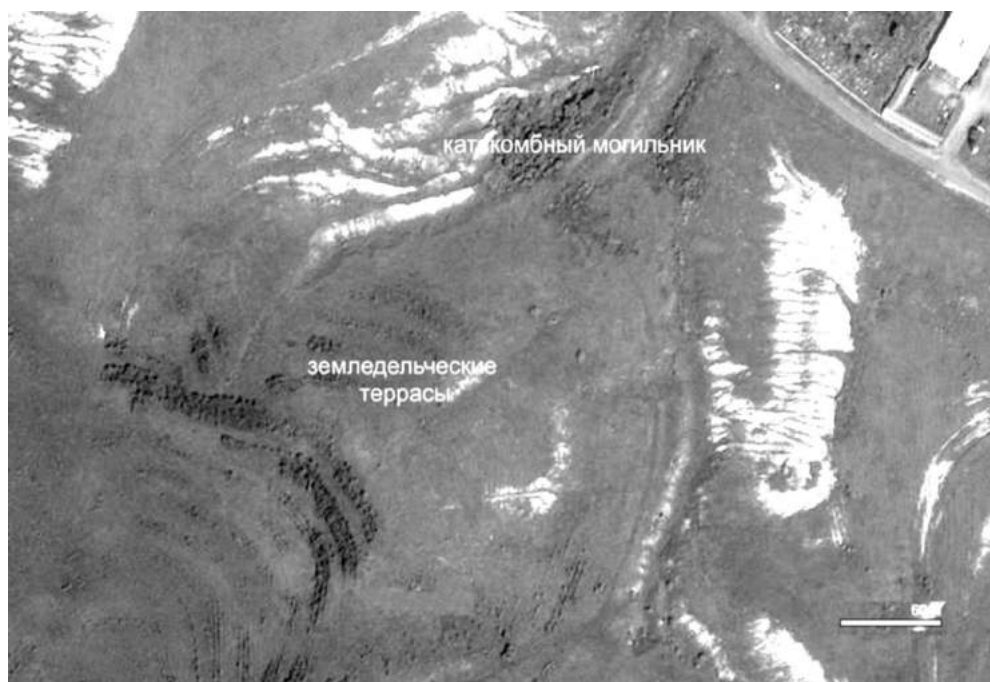

Рис. 5. Ареал и плотность катакомбных и кремационных могильников в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья

а)

б)

Рис. 6. Городища салтово-маяцкой культуры в долинах Тихой Сосны — Оскола и следы террасного земледелия:
а — городища салтово-маяцкой культуры в долинах Тихой Сосны и Оскола;
б — следы террасного земледелия близ Ютановского городища

Третий компонент представлен населением, у которого существовал обычай ямного обряда погребения (рис. 7, табл. 2). В этническом/популяционном отношении оно также не было однородным, о чем свидетельствуют не только археологические источники [Афанасьев, 1987. С. 150–155, рис. 86; Лаптев, 2013. С. 88–95, 178; Аксенов, 2014. С. 4–33], но и результаты палеоантропологических исследований. Установлено, что морфологический облик этого неконсолидированного населения, которое в исторической литературе именуется праболгарами/псевдобулгарами, характеризуется пестротой и свидетельствует о степном, лесостепном и лесном происхождении отдельных групп населения, практикующего общий для широкого круга различных по своему этногенезу популяций ямный обряд погребения и элементы салтово-маяцкой культуры. Результаты изотопного анализа позволили установить, что это население не имело каких-то общих традиций ив системе питания. У представителей данной этнокультурной группы зафиксирована высокая индивидуальная изменчивость, которая объясняется тем, что в последние 10 лет жизни индивидуумы вели подвижный образ жизни, пребывали в разных ландшафтно-климатических условиях, где практиковали широкое разнообразие диет. Их жизненный уровень был значительно ниже уровня аланского населения, что выражается в высоких показателях маркеров стресса, в практически полном отсутствии детских погребений и в ряде других характеристик [Решетова, 2014. С. 122–126]. Нет никаких оснований говорить о постоянном проживании хазарских этнических групп в зонах ответственности первой-третьей фортификационных агломераций, хотя в некоторых публикациях можно встретить высказанные без соответствующей аргументации утверждения о каких-то хазарских ханских ставках, хазарских гарнизонах или хазарских торговых факториях, якобы, размещавшихся на славянском пограничье в зоне лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Территория четвертой фортификационной агломерации охватывала долину Северского Донца от места впадения в нее р. Оскол до места впадения р. Боровой. Она сопряжена с населением, которое по своим погребальным традициям и антропологическим характеристикам близко популяции, представленной третьим этнокультурным компонентом в третьей фортификационной агломерации [Ефимова, Кондукторова, 1995]. Мнение В. Г. Крюкова о том, что это были праболгарские племена, известные в письменных источниках под именем «бурджан», поддержано некоторыми исследователями, но в то же время вызвало критику со стороны ряда востоковедов и археологов [Крюков, 1981; Калинина, 2011; Красильников, 2012. С. 35]. Спорными остаются и попытки отождествить это население с черными булгарами [Голб, Прищак, 1997. С. 159, 160; Тортика, 2012б; Бубенок, 2012. С. 28, 29]. И хотя вполне очевиден тот факт, что датировка ряда археологических памятников в долине Северского Донца [Кравченко, 2000; Бубенок, 2009] близка или совпадает по времени (середина X в.) с упомина-

нием в письменных источниках черных булгар, проживавших, как полагают некоторые исследователи этого вопроса, где-то в Среднедонецье между Хазарией и Русью [Константин Багрянородный, 1989. С. 335; Тортика, 2012б], но предположение о генетической связи представленной там популяции с населением Великой Болгарии (первая треть VII в.) остается не аргументированным. Хронологический разрыв почти в 300 лет пока не удастся заполнить ни исследованным археологическим и антропологическим материалом, ни данными письменных источников, ни результатами молекулярно-генетических изысканий.

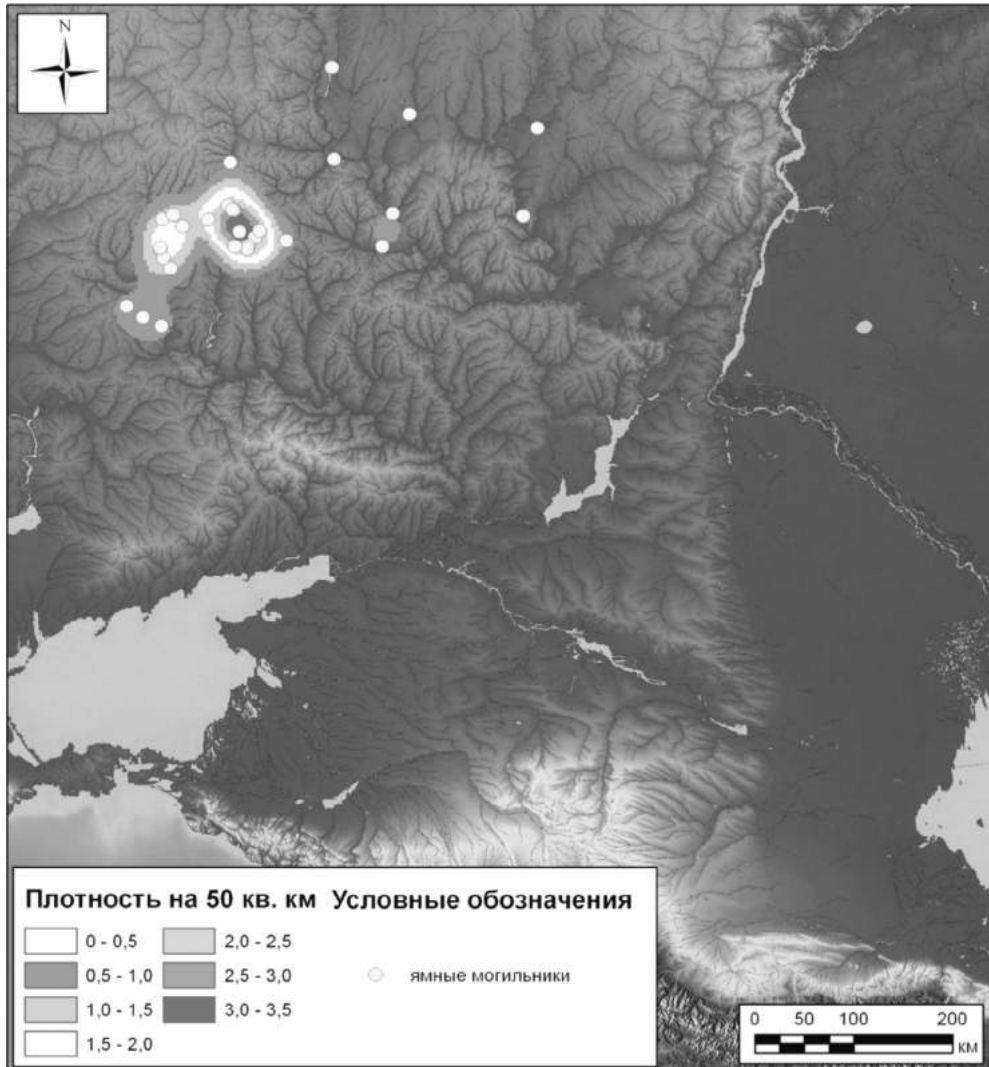

Рис. 7. Ареал и плотность ямных погребений салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне бассейна Дона

Для темы настоящего исследования важно обратить внимание на то обстоятельство, что пятая и шестая фортификационные агломерации сопряжены с расселением на Нижнем Дону собственно хазар, практиковавших подкуранный обряд захоронения (рис. 8) и имевших значительный монголоидный компонент в своем морфологическом облике [Батиева, 2002; Балабанова, 2006; 2013]. Здесь наивысшая плотность оборонительных сооружений приходится на территорию окрестностей Волгодонска, где выделяется Цимлянская оборонительная агломерация (Камышовское, Левобережное и Правобережное, Потайновское, Среднее городища) и Семикаракорская оборонительная агломерация (Семикаракорское, Крымское 1, Крымское 2, Золотовское, Золотые Горки, Великокняжеское, Рыгинское городища). Установлено, что с Цимлянской агломерацией территориально сопряжен Верхнесальский кластер подкуранных погребений, а с Семикаракорской агломерацией — Нижнесальский кластер. Все это указывает на сложение в бассейне Нижнего Дона хорошо продуманной системы обороны, направленной на защиту этого поселенческого микрорайона [Ларенок, 2000] в пределах этнической территории хазар в IX в. [Афанасьев, 2012а].

Время сооружения городищ, построенных в землях Хазарского каганата в византийских архитектурных и строительных традициях в процессе реализации общегосударственной оборонительной концепции (рис. 9), приходится на 30–40-е годы IX в. На это указывает радиоуглеродная дата образца бревна из Алексеевского городища (767–847 гг.), которая в рамках четвертого десятилетия IX в. синхронна с радиоуглеродной датой основания Маяцкого городища (809–891 гг.) и одновременна с младшей монетой (813 г.) из клада Правобережного Цимлянского городища (с учетом поправки на время ее хождения). Все они совпадают с миссией Петроны Каматиры в Хазарию для возведения Саркела (834–840 гг.) [Афанасьев, в печати], за которой скрывается строительство цепи крепостей в бассейне Дона [Vernadsky, 1959. P. 186; Obolensky, 1971. P. 176; Афанасьев, 1993. С. 123–150; Седов, 1999. С. 72; Петров, 2013].

Вряд ли можно считать случайным и то обстоятельство, что именно в первой трети IX в. в Хазарском каганате происходит политическая реформа — выдвижение на первый план шада-бека, отвечающего за безопасность государства. Более того, процесс государственной самоидентификации Хазарского каганата в это же время находит отражение и в денежной системе. Хазары начали чеканить свою собственную монету по образцу арабских дирхемов [Быков, 1974. С. 67; Фомин, 1990; Сидоренко, 2002. С. 429–454; Noonan, 1984. P. 186–209; Петров, 2013], но с дополнительным изображением трезубца. К 837/838 гг. и 842 г. относятся эмиссии дирхемов с указанием места их выпуска — «Страна Хазар». Вместо традиционной легенды «Мухаммад посланник Божий» на некоторых монетах размещается легенда «Моисей посланник Божий» [Kovalev, 2005], что отражает известный факт принятия хазарской властью иудаизма в качестве государственной религии [Golden, 1983. P. 128–156].

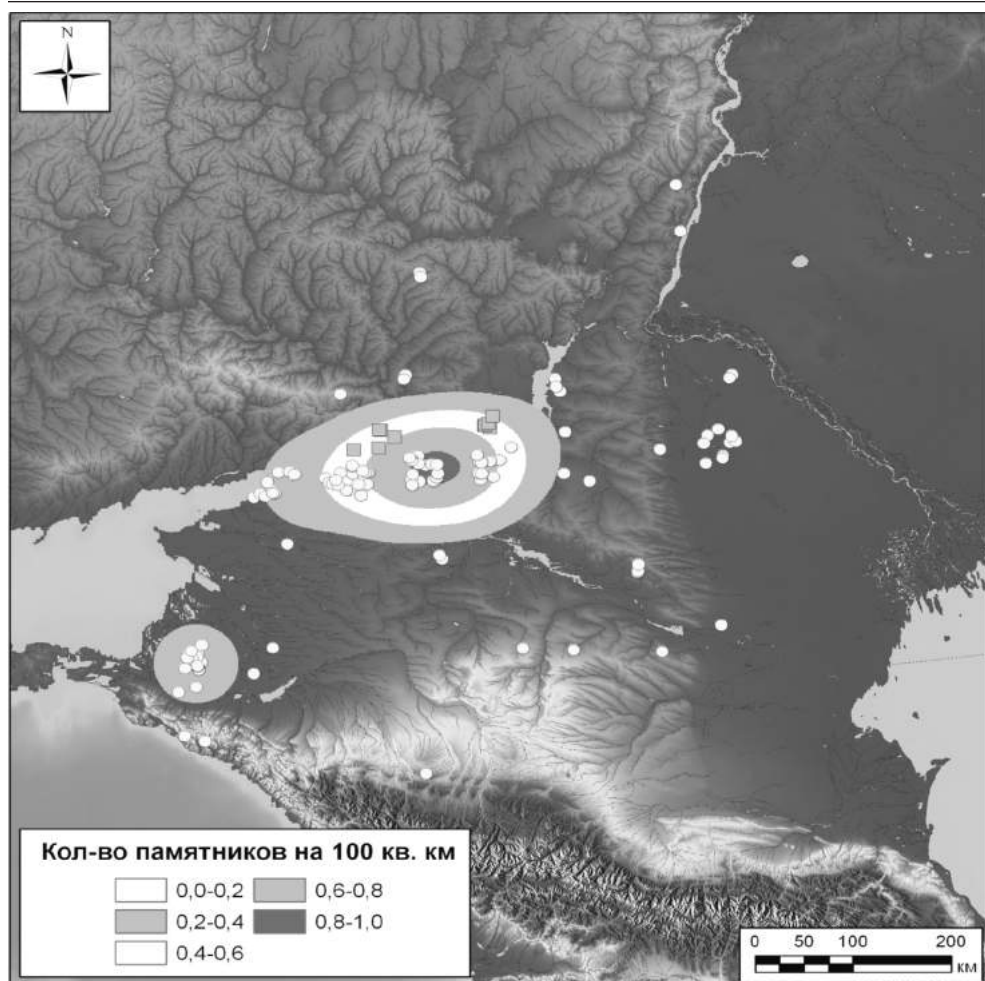

Рис. 8. Ареал подкурганых погребений хазарского времени и городищ пятой и шестой фортификационных агломераций в Волго-Донском междуречье

Изложенные аргументы значительно корректируют наше понимание информации письменных источников и предложенные ранее историками модели локализации страны хазар в IX в. в Волго-Донском междуречье. Они показывают, что в 30–40-х годах IX в. в Хазарском каганате действительно происходят активные внутривосточные процессы, направленные на государственную самоидентификацию с четким обозначением рубежей страны фортификационными сооружениями. Археологические источники, которыми наша наука располагает в настоящее время, позволяют уточнить этническую территорию хазарских племен в IX в. и говорить о том, что центральным регионом Хазарского каганата были земли Нижнего Дона от Таганрогского залива до Волго-Донской переволочки (рис. 10), а не низовья Волги. Размеры хазарского «домена», намеченные Б. А. Рыба-

ковым и с некоторыми корректировками принятые в настоящее время рядом исследователей [Рыбаков, 1953; Галкина, 2006а; Шорохов, 2010. С. 89 – 94], в большей степени соответствуют современным археологическим данным, чем те гипертрофированные размеры, которые фигурируют в работах авторов [Плетнева, 2000. С. 206 – 221; Флеров, 2012. С. 260 – 265; Петрухин, 2013. С. 121 – 133], ориентирующихся или на сильно преувеличенную информацию хазарско-еврейских письменных источников о занятой хазарами территории, или опирающихся на устаревшую гипотезу о маркирующей Хазарский каганат свойствах «государственной культуры», представленной салтово-маяцкой культурой в ее самом расширенном понимании.

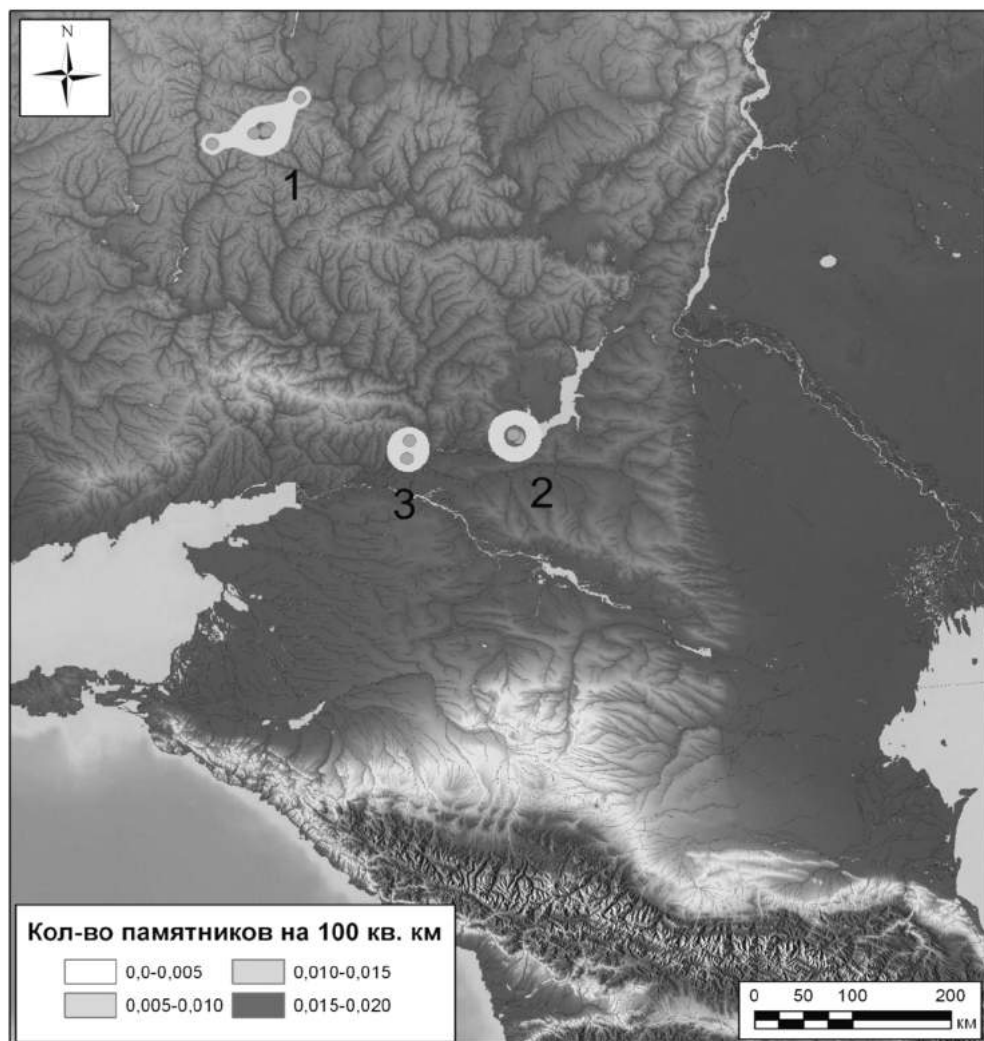

Рис. 9. Ареал и плотность каменных и кирпичных городищ IX в. в Волго-Донском междуречье

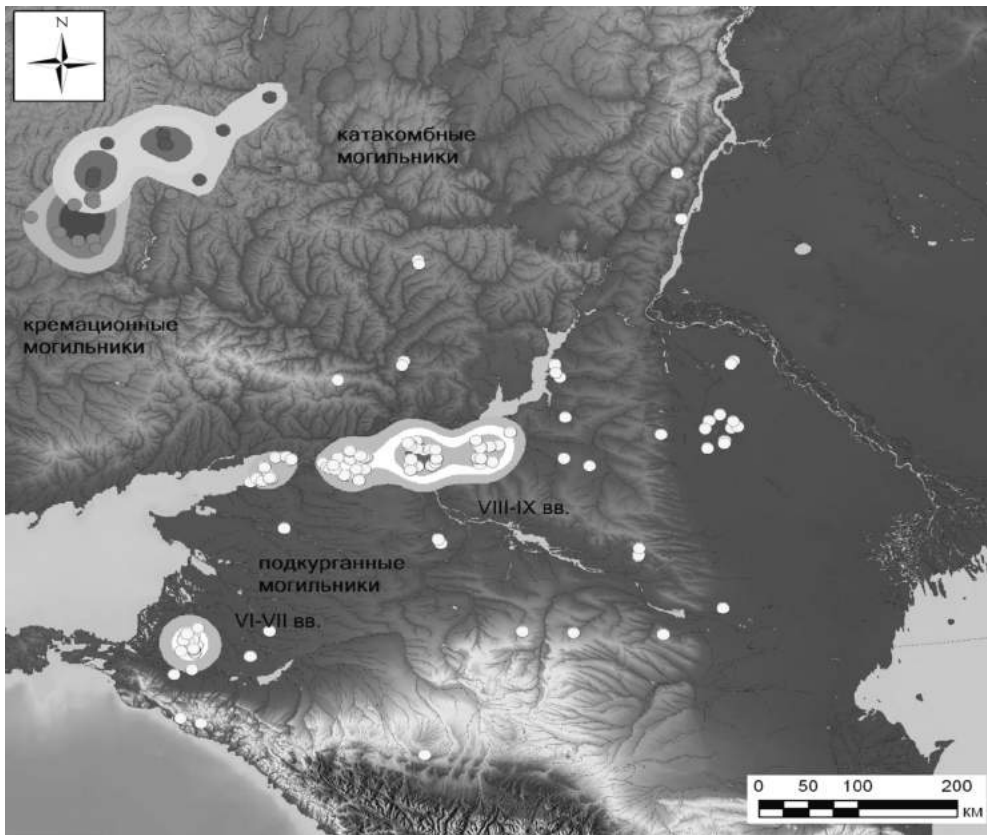

Рис. 10. Ареал и плотность подкурганных, катакомбных и кремационных могильников салтово-маяцкой культуры

Рубежи Хазарии в целом в IX в. рисуются шире. Как было показано выше, на северо-западе они обозначены расположенными в долине Тихой Сосны городищами византийского облика, возведенными в рамках государственной оборонительной концепции в первой трети IX в. Этому наблюдению соответствует ареал катакомбных могильников, раскрывающих систему расселения донских алан (асиев, бурт/фурт-асов, ас-келов), которые в IX в. выступают в письменных источниках в качестве хазарских конфедератов, но в X в. некоторые из них уже фигурируют в списке врагов хазар [Голб, Прицак, 1997. С. 160, 172]. Южный рубеж Хазарии в письме Иосифа очерчивается по реке Уг-ру [Коковцов, 1932. С. 106], для которой предложены разные варианты отождествления – с рукавом Волги [Westberg, 1899. S. 294], с Кумо-Маньчской речной системой [Рыбаков, 1953. С. 141 – 145; Плетнева, 1976. С. 48], с Терекком [Артамонов, 1962. С. 385 – 390; Гумилев, 1966. С. 19, 20; Кузнецов, 1992. С. 152, 153], с Курой [Виноградов, Ртвеладзе, 1981].

Мне представляется более убедительной гипотеза Б. А. Дорна, отождествившего реку Угру с упомянутой в сочинении Константина Багряно-

родного рекой Укрух, отделяющей округ Таматархи от Зихии [Дорн, 1875. С. 330; Константин Багрянородный, 1989. С. 174, 175, 404]. Его аргументы дополнил Г. З. Анчабадзе, обративший внимание на то, что в «Картлис Цховреба» река Уг-ру/Укрух носит название «река Малой Хазарии» [Анчабадзе, 2006], которую принято идентифицировать с Кубанью [Мровели, 1979. С. 22, 45]. Более того, в «Картлис Цховреба» она описывается как пограничная река между Хазарией и Абхазией. По мнению Г. В. Цулая, левобережье Кубани в этот период времени населяют предполагаемые предки абхазо-адыгских племен — брухи [Мровели, 1979. С. 45]. В тексте кембриджского документа, население кубанского левобережья фигурирует под именем *zybos=zykws* и значится в списке хазарских врагов [Голб, Прицак, 1997. С. 155, 172]. Исследованиями П. С. Успенского, установлено, что территория Зихии, Папагии и Касахии археологически маркируется ареалом закубанских кремаций [Успенский, 2015. С. 248–274] (рис. 11). Вместе с намеченной мной ранее юго-западной границей зоны распространения подкурганых захоронений хазарского времени [Афанасьев, 2012a] они дают дополнительные основания для отождествления р. Кубань с упомянутой в сочинении Константина Багрянородного рекой Укрухи рекой Уг-ру письма Иосифа как южного рубежа Хазарского каганата.

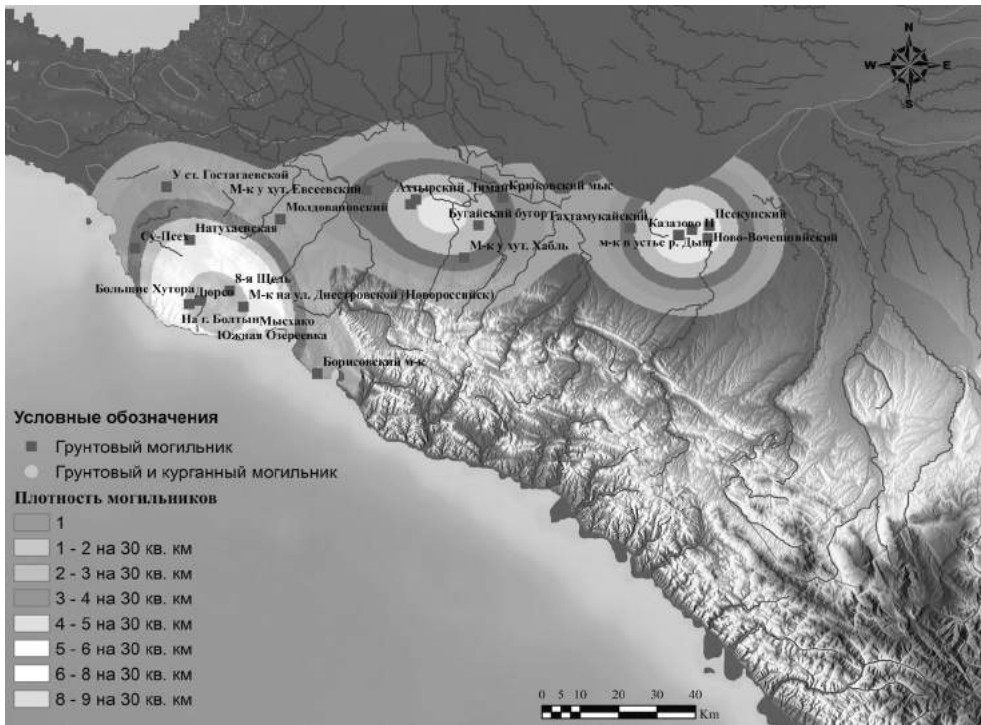

Рис. 11. Ареал и плотность грунтовых и подкурганых могильников с кремациями на левобережье Кубани (по П. С. Успенскому, 2015)

В какой степени все эти наблюдения, сделанные на базе исследования археологического, антропологического материала и сопряженной с ним информации письменных источников, соответствуют реальной этногеографической ситуации IX в.? Ответить на этот вопрос в будущем поможет массовый анализ палео-ДНК носителей салтово-маяцкой культуры и их соседей. В рамках работы над проектом РФФИ 13–06–12010 первые шаги в этом направлении уже сделаны [Афанасьев, Добровольская, Коробов, Решетова, 2014]. По результатам лабораторных работ В. В. Ильинского, допускается возможность реконструкции из палеогенетического материала донских алан мужской гаплогруппы G2 и женской гаплогруппы I. Ранее венгерскими коллегами, проводившими молекулярно-генетическое изучение образцов из Верхесалтовского могильника, выявлены гаплогруппы U*, U2, H, K, D, U5 митохондриального ДНК [Чез, Ланго, Менде, 2012].

Результаты изучения современного генофонда народов Северного Кавказа [Схалыхо и др., 2013; Теучежи др., 2013] открывают большие возможности для сравнительного анализа созданной исследователями базы данных (как и базы данных FamilyTreeDNA) с палео-ДНК раннесредневекового населения Евразии. Решение проблемы аланской ДНК, неразрывно связанное с выяснением роли алан и кавказского субстрата в формировании современных северокавказских народов, теперь принимает более отчетливые методические очертания*.

Необходим дальнейший углубленный анализ палео-ДНК образцов антропологического материала на уровне субкладов не только представителей катакомбного обряда погребения в Донецко-Донском междуречье в VIII–IX вв. и на Северном Кавказе в III–XII вв. Чрезвычайно важно молекулярно-генетическое изучение носителей подкурганного и ямного обрядов погребений на территории Хазарского каганата, а также одновременного им и предшествующего им центрально-кавказского субстрата, практиковавшего захоронения в каменных ящиках, в подземных и наземных склепах. Тогда станет ясно, какие характеристики палео-ДНК донских алан являются наследием северокавказских алан, сармат, кангюйцев и т. д., а какие — центрально-кавказского субстрата или местного населения Волго-Донского междуречья предхазарского времени. Все это позволит в будущем скорректировать базирующиеся на рассмотрении археологического и антропологического материала выводы о территории расселения

* Когда данная работа уже была подготовлена к печати, я получил результаты исследования палео-ДНК, проведенные проф. Х. Ли и док. Р. Вэем в MOE Key Laboratory of Contemporary Anthropology, School of Life Sciences, Fudan University (Шанхай), переданных мною 4-х образцов антропологического материала из Подгоровского катакомбного могильника VIII–IX вв. салтово-маяцкой культуры (раскопки В. А. Сарапулкина, антропологическая экспертиза И. К. Решетовой). Установлено, что в состав генофонда населения, оставившего этот могильник, входили мужские гаплогруппы R1a1a1b2a2, G, J2a и женские I4a, D4m2. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

и этническом составе населения Хазарского каганата в IX в., позволит проверить степень соответствия информации о генофонде исследуемых раннесредневековых популяций различным вариантам исторических трактовок письменных источников и археологических данных*.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В. С. Зеркала из праболгарских могильников салтовской культуры Верхнего Подонечья // Древности Юга России. М. : Таус, 2008. — С. 441—445.
- Аксенов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Том 12. Київ — Харків, 2014. — С. 4—33.
- Анчабадзе Г. З. К исторической гидронимии Северного Кавказа : река Уг-ру // Материалы международной научной конференции «Кавказоведение — опыт исследований». Владикавказ, 2006. [Электронный ресурс]. URL : <http://kvkz.ru/history/2376-k-istoricheskoy-gidronimii-severnogo-kavkaza-reka-ug-ru.html>
- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. — 521 с.
- Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград : Издатель. Под редакцией А. С. Скрипкина, 2013. — 288 с.
- Атавин А. Г. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России. М. : Таус, 2008. — С. 106—171.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М. : Наука, 1987. — 200 с.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М. : Наука, 1993. — 184 с.
- Афанасьев Г. Е. ГИС-процедуры в определении этнической территории хазар // Археология и геоинформатика. Первая международная конференция. М. : ИА РАН, 2012а. — С. 6—7.
- Афанасьев Г. Е.. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Выпуск 3. Воронеж, 2012б. — С. 93—122.
- Афанасьев Г. Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры — этномаркирующий признак? // РА. 2013а. № 3. — С. 13—25.
- Афанасьев Г. Е. Отощители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак // Очерки средневековой археологии Кавказа. М. : Таус, 2013б. — С. 34—50.
- Афанасьев Г. Е. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // КСИА. (В печати).
- Афанасьев Г. Е., Атавин А. Г. Что же такое хазарский погребальный обряд? (Проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары. Второй международный коллоквиум. М., 2002. — С. 14—16.

* Вряд ли можно серьезно относиться к постулату В. С. Флерова, согласно которому исторические выводы, сделанные в процессе анализа археологического материала и одновременно ему нарративных документов, нельзя сравнивать между собой, потому что это «в методическом плане» просто не допустимо [Флеров, 2011. С. 118, 119]. Такая, несколько странная, исследовательская позиция вступает в явное противоречие с общепринятым современным широким междисциплинарным подходом к работе с историческими источниками [Стены, 2012. С. 6—340].

- Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Борисов А. В. Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи и фактор византийско-хазарского противостояния русам // Мегаструктуры евразийского мира. М. : Таус, 2012. — С. 77–83.
- Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К. О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. М. : Таус, 2014. — С. 312–315.
- Багaley Д. И. Русская история. Том 1. Княжеская Русь (до Иоанна III). М. : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. — 513 с.
- Балабанова М. А. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая Балка 1 и 2) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 4. Армавир. 2004. — С. 200–215.
- Балабанова М. А. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб. : МАЭ РАН, 2006. — С. 59–61.
- Балабанова М. А. Проблемы дифференциации средневековых популяций юга Восточной Европы и Кавказа // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. — С. 76–78.
- Батиева Е. Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. 2002. № 3–4. — С. 71–101.
- Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археология. Т. XXIV, 1970. — С. 59–74.
- Богачев А. В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2000. — 432 с.
- Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине : итоги почвенно-археологических исследований. М. : Изд-во Таус, 2013. — 271 с.
- Бубенок О. В. Проблема прохождения буртасів у дослідженнях О. Й. Пізцака ісхідноєвропейських вчених другої половини ХХ ст. // Східний світ. № 4. 2008. — С. 5–10.
- Бубенок О. В. «...и города пойма половецкие, Галин, Чешуев, Сугров...» // Східний світ. № 1. 2009. — С. 26–39.
- Бубенок О. В. Потомки сарматов в степях Восточной Европы (VI–XIV вв.) // Східний світ. № 4. 2012. — С. 15–40.
- Бужилова А. П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и древности : памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М. : Гриф и К., 2010. — С. 855–866.
- Булыгин В. Исторические воспоминания на пути из Саратова в Астрахань // ЖМНП. Часть 12. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1836. — С. 32–65.
- Бушаков В. А. Етноніми «бордак» і «буртас» (До питання про історичну долю буртасів) // Східний світ. 1995. № 2; 1996. № 1. [Электронный ресурс]. URL : <http://ua.convdocs.org/docs/index-581.html>
- Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. 1974. — С. 26–71.
- Васильев Д. В. Где находились город и область Саксин? (Постановка проблемы) // Каспийский регион : политика, экономика, культура. № 4. 2012 — С. 13–20.
- Ващенко Э. Д. Восточное славянство и Хазария в трудах отечественных историков XVIII–XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2000. — 208 с.
- Веселовский Г. М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж : Типография Губернского Правления, 1866. — 456 с.

- Вейнберг Л. Б. Воронежский край. Исторический очерк. Выпуск 1. Воронеж. Типо-литография Губернского Правления, 1885. — 122 с.
- Вейнберг Л. Б. Следы хазарской народности в пределах Воронежской губернии // Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж. Типография губернского правления, 1891. — 106 с.
- Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII- нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж : Кварта, 2014. — 395 с.
- Виноградов В. Б., Ртвеладзе Э. В. О реке Уг-ру — южной границе Хазарии в X веке // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. — С. 116—123.
- Вихляев В. И. Расселение мордвы в III — начале XIII вв. // Поволжская археология. № 2 (4). 2013. — С. 162—170.
- Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси : Изд. — во Мецниереба. 1966. — 254 с.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. — 216 с.
- Галкина Е. С. Русский каганат и салтово-маяцкая археологическая культура. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001. — 266 с.
- Галкина Е. С. Кочевая периферия восточных славян и Древней Руси : этносоциальные процессы и политогенез. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2006а. — 38 с.
- Галкина Е. С. Территория Хазарского каганата IX — первой половины X в. в письменных источниках // Вопросы истории. № 9. 2006б. — С. 132—145.
- Голб Н., Прицак. Хазарско-Еврейские документы X в. М. — Иерусалим : Гешарим, 1997. — 239 с.
- Готье Ю. Ясы-Аланы в ранней русской истории // ИТОИАЭ. Т. I (58). 1927. — С. 46, 47.
- Гришаков В. В. Население мордовского края в эпоху раннего средневековья // История Мордовии (с древнейших времен до середины XIX века). Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2001. С. 36—53.
- Грушевский М. Киевская Русь. Том 1. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб. : Типография Императорского училища глухонемых, 1911. — 490 с.
- Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М. : Наука, 1966. — 189 с.
- Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. Русская река (речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии). М. : Языки славянских культур, 2007. — 360 с.
- Добровольская М. В., Решетова И. К. Питание носителей традиции салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // РА. № 2. 2014. — С. 39—47.
- Добродомов И. Г. Оскол // Русская речь. № 3. 1986. — С. 117—121.
- Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя — этнос — история. М., 1989. — С. 15—24.
- Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. С дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1875. — 718 с.
- Ефименко А. Я. История украинского народа. СПб. : Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1906. — 228 с.
- Ефимова С. Г., Кондукторова Т. С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краииологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1995. — С. 562—583.
- Жих М. К проблеме «Русского каганата» : Древняя Русь и ее степные соседи // Русин. № 3 (17). 2009. — С. 147—157.

- Захарова Е. Ю. Археологическая деятельность С. Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия : история, политология, социология. № 1. 2010. — С. 13–22.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. М. : Изд-во Восточной Литературы, 1962. — 279 с.
- Зубов С. Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте). Диссертация на соискания ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2006. — 320 с.
- Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Волгоград, 1999. — 252 с.
- Калинина Т. М. Днепровско-Донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX–X вв. // Хазарский альманах. Том 6. Киев — Харьков, 2007. — С. 106–119.
- Калинина Т. М. Этноним бурджан Ал-Хорезми и Агапия Манбиджского как конструкт // XV сходознавчі читання А. Кримського до 140-річчя А. Ю. Кримського та 20-ї річниці Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського // Тези доповідей міжнародної наукової конференції м. Київ 20–21 жовтня 2011 р. Київ, 2011. — С. 11–15.
- Карпенко А. А. Об имени алан салтово-маяцкой археологической культуры // Молодежь и наука : Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию первого полета человека в космос Красноярск : Сибирский федеральный ун-т. 2011. [Электронный ресурс]. URL : <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>
- Катунин В. А. Итиль и Цимлянские городища : к вопросу об идентификации // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. — С. 119–120.
- Коковцов П. К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л. : АН СССР, 1932. — 134 с.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев : Институт археологии НАН Украины, 2010. — 216 с.
- Кольцов П. М. Северо-западный Прикаспий в период Хазарского каганата // Вестник Прикаспия : археология, история, этнология. № 1. 2008. — С. 8–19.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // В кн. : Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж : Изд-во Воронежского ун. — та, 1991. — С. 144–170.
- Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. 1. М., 2014. — 610 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М. : Наука, 1989. — 494 с.
- Кравченко Э. Е. Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Выпуск 1. Донецк : ДонНУ, 2000. — С. 75–100.
- Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. № 4. 1984. — С. 110–125.
- Красильников К. И. К вопросу о правомерности понятия «степная донецкая» салтово-маяцкая культура праболгар // Дриновський збірник. Т. 5. Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків-Софія, 2012. — С. 32–41.
- Круглов Е. В. Хазары — поиск истины // Хазары. Евреи и славяне. Том 16. Иерусалим—М. : Гешарим — Мосты культуры, 2005а. — С. 427–457.
- Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк : Донецкий нац. ун-т. 2005б, — С. 73–142.
- Крюков В. Г. Этноним «бурджан» у арабских авторов IX в. // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР // Вопросы истории, идеологии,

- философии, культуры народов Востока. Т. 1. Источниковедение и историография. М., 1981. — С. 7–8.
- Крюков В. Г. Писемні документи Арабського Халіфату IX–X століть про місце розташування столиці Хозарського каганату // Наука. Релігія. Суспільство. № 1. 2013. — С. 28–35.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ : Ир, 1992. — 390 с.
- Кутуков Д. В., Пантелеев С. А. Исследование булгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. № 3 (5). 2013. — С. 175–190.
- Кыласов И. Л. Рунические письменности Евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. — 327 с.
- Липтев А. А. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтово-маяцка археологічна культура : проблеми та дослідження. Випуск 3. Харків : Видавець Савчук О. О., 2013. — С. 88–96, 178–181.
- Ларенок П. А. Хазария и Нижний Дон // Światowit. Tom 2 (43). 2000. — S. 81–92.
- Левина Л. М., Равич И. Г. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников // Джетыясарская культура. Часть 5. М., 1995. — С. 122–185.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона. // МИА. — № 62. М., 1958. — С. 85–150.
- Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь : Ставропольское книжное изд-во, 1971. — 248 с.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков : Вища школа. 1985. — 147 с.
- Мрочели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М. : Наука, 1979. — 101 с.
- Мудрак О. А. Ранние Хазары с точки зрения этимологии // Хазары : миф и история. М. — Иерусалим : Мосты культуры-Gesharim, 2010. — С. 374–389.
- Николаенко А. Г. Древний город у Ютановки (заметки краеведа к истории России и Приоскольского края). Волоконовка, 1995. — 111 с.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука, 1990. — 264 с.
- Олейников Т. М. Отчет за 1927 г. о раскопках около Дмитровского городища Воронежской губ. // Архив ИИМК. № 208. — 13 с.
- Перерва Е. В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005. — 322 с.
- Петров И. В. Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе : варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 8. 2013. — С. 132–133.
- Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М. : Форум — Нелит, 2013. — 463 с.
- Петрухин В. Я., Аржанцева И. А., Зиливинская Э. Д., Флеров В. С. «Хазарский проект» : новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Выпуск 1. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 2009. — С. 90–106.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. — 198 с.
- Плетнева С. А. Хазары. М. : Наука, 1976. — 93 с.
- Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М. : Наука, 1982. — 188 с.
- Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1994. — С. 271–396.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. — Иерусалим : Мосты культуры — Гешарим, 2000. — 241 с.

- Решетова И. К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014. — 263 с.
- Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Выпуск XVIII. 1953. — С. 128—150.
- Рябогина Н. Е., А. В. Борисов А. В., Иванов С. Н., Занина О. Г., Н. М. Савицкий Н. М. Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX—X вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). — С. 182—194.
- Савин А. М., Семенов А. И. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. — С. 290—295.
- Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Выпуск 2. Харьков, 2007. — С. 40—58.
- Свистун Г. Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. — С. 459—478.
- Седов В. В. Древнерусская народность. М. : Языки русской культуры, 1999. — 320 с.
- Семенов И. Г. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский альманах. Том 8. Харьков — Киев, 2009. — С. 289—314.
- Семенов А. И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов Н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1983. — С. 98—102.
- Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29. 1988. — С. 97—111.
- Сидоренко В. А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь, 2002. — С. 429—454.
- Сидоренко Т. Е. Варианты салтово-маяцкой культуры и их связь с территорией Хазарского каганата в исследованиях С. А. Плетневой // Вестник ВГУ. Серия : история, политология, социология. № 2. 2014. — С. 117—120.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первых веках нашей эры. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. — 149 с.
- Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. № 1. 1998. — С. 88—93.
- Спицын А. А. Историко-археологические розыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XIX. Январь. 1909. — С. 67—98.
- «Стены и мосты» : междисциплинарные подходы в исторических исследованиях : материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13—14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. М. : Совпадение, 2012. — 343 с.
- Степовой А. В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. — 296 с.
- Схаляхо Р. А., Почешхова Э. А., Теучеж И. Э., Дибирова Х. Д., Агджоян А. Т., Утевская О. М., Юсупов Ю. М., Дамба Л. Д., Исакова Ж. Т., Момыналиев К. Т., Тагирли Ш. Г., Кузнецова М. А., Коньков А. С., Фролова С. А., Балановская Е. В., Балановский О. П. Тюрки Кавказа : сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. 2013. — С. 34—48.
- Талаиов М. В. Этноконфессиональные отношения на территории Хазарского каганата (отечественная историография : вторая половина XVIII — начало XXI вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2005. — 277 с.

- Теучеж И. Э., Почешихова Э. А., Схалыхо Р. А., Дибирова Х. Д., Аджоян А. Т., Утевская О. М., Кузнецова М. А., Богоунов Ю. В., Шанько А. В., Коньков А. С., Чиковани Н. Н., Епископосян Л. М., Балановская Е. В., Балановский О. П. Генофонды абхазо-адыгских народов, грузин и армян в евразийском контексте // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 2. 2013. — С. 49–62.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. — 328 с.
- Тортика А. А. Городища северо-западной Хазарии и их военно-политическое значение // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза : XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2012а. — С. 252–257.
- Тортика А. А. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении Империей» и «черные болгары» «Повести временных лет» : проблемы локализации // Дриновский збірник. Т. 5. Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова. Харків — Софія, 2012б. — С. 23–31.
- Турбин И. И. Заявление о городищах в Воронежской губернии. Дело № 163. 1926 // Архив ИИМК. № 202. — 13 с.
- Успенский П. С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2015. — 308 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М. : Прогресс, 1986. — 573 с.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. : Изд-во Московского университета, 1966. — 276 с.
- Флеров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, 1994. — С. 441–516.
- Флеров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. № 2. 2001. — С. 56–70.
- Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М. — Иерусалим : Мосты Культуры — Gesharim, 2011. — 258 с.
- Флеров В. С. О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза : XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2012. — С. 260–266.
- Флерова В. Е. Курганы с квадратными ровиками : Центральная Азия или Восточная Европа // РА. № 2. 2001. — С. 71–82.
- Фомин А. В. Подражательный дирхем «Ард-ал-Хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. — С. 136–138.
- Чередищенко А. Г., Ефанов А. Н. Византийская традиция о реке Игиль-Атель // Научные Ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (96). Выпуск 17. 2011. — С. 67–70.
- Чез А., Ланго П., Менде Б. Г. Археогенетическое исследование материалов салтовской и древневенгерской культур (предварительное сообщение) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ — Полтава, 2012. — С. 94–101.
- Чичуров И. С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР (материалы и исследования). М. : Наука, 1975. — С. 65–80.
- Шорохов В. А. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского Университета. № 2. 2010. — С. 88–98.
- Brook K. A. The Jews of Khazaria. Northvale, New Jersey, Jerusalem : Jason Aronson Inc., 1999. — 352 p.

- Chwiłkowska E.* Wiadomości perskiego pisarza Gardizi'ego (XI w.) o ludach wschodniej i środkowej Europy // *Slavia Antiqua*. T. XXV. 1978. — S. 141–172.
- Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. New York : Schocken Books, 1967. — 293 p.
- Golden P. B.* Khazaria and Judaism. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1980. — 291 p.
- Golden P. B.* Khazaria and Judaism // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. III. Wiesbaden, 1983. — P. 127–156.
- Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1992. — 483 p.
- Kovács A.* A Kazár Kaganátus egy népe : a burtászok // *Belvedere Meridionale*. 2013. XXV. № 4. — P. 6–16.
- Kovalev R. K.* Creating Khazar Identity through Coins : The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. The University of Michigan Press, 2005. — P. 220–253.
- Lewicki T.* Ze studiów nad źródłami arabskimi. Cz. III. 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów // *Slavia Antiqua*. 1965. № 12. — S. 1–33.
- Noonan T. S.* A Ninth-Century Dirham Hoard from Devista in Southern Russia // *Numismatic Chronicle*. Vol. 144. London, 1984. — P. 185–209.
- Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London : Weidenfeld – Nicolson, 1971. — 445 p.
- Pletnjowa S. A.* Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga. Leipzig : Koehler-Ame-lang, 1978. — 172 s.
- Pritsak O.* The Khazar Kingdom Conversion to Judaism // *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge, 1978. II. — P. 261–281.
- Vernadsky G.* Ancient Russia. Yale University Press. New Haven. 1943. — 425 p.
- Vernadsky G.* The Origins of Russia. Clarendon Press – Oxford University Press, 1959. — 354 p.
- Westberg F.* Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa // *Известия Императорской Академии наук*. Том 11. № 5. СПб., 1899. — С. 275–314.

Н. В. Днепровский

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ
ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ТОПОНИМА «КУТ»
ИЗ ПИСЬМА ХАЗАРСКОГО КАГАНА ИОСИФА
С ГОРОДИЩЕМ ЭСКИ-КЕРМЕН В КРЫМУ

Determining the border between the Byzantine Empire and the Khazar Khaganate in Crimea remains disputable for a long time. While analyzing the letter of the Khazar Kagan Joseph to Cordoba Caliph's vizier Hasdai Ibn Shaprut, some scholars tend to identify «Kut» which is mentioned there with the «cave town» Eski-Kermen. The reason is that Ch. Montandon in the early 19th century had probably named Eski-Kermen as «Koutteley». However, appealing to the original text of Montandon's «Guide» shows that he binds the toponym «Koutteley» to the fortification near the village Tcherkess-Kermen but not to Eski-Kermen. Meanwhile, this fortification is dated as late as 13th-14th centuries AD. Therefore, it did not exist in the Khazar period and could not be mentioned in the letter of Khagan Joseph. The creators of toponym «Koutteley» were the local Greeks because the word «κοῦτάλι» means «a spoon» in modern Greek language. It is much more similar with the word «Koutteley» than «Kut». Indeed, the plan of the fortress resembles a spoon to a great extent. A misconception about localization of «Koutteley» on the plateau of Eski-Kermen had originated only due to the disappearance of old landmarks in conjunction with the informational incompleteness of the narrative sources.

«Исследовали, описывали, срисовывали, комментировали все древнее в Крыму несчетное число раз и может казаться, что все уже известно, все определено и новые занятия этим делом будут только повторением старого. Однако, читая внимательно разные описания, легко придти к иному выводу: окажется почти полное, непримиримое разногласие комментаторов, по любой частности каждого вопроса, и, если не всегда, то очень часто, это разногласие основано не только на том или ином толковании письменных документов, что, конечно, зависит вполне от знания и умения ими пользоваться, но и еще более на различном понимании чисто местных условий, в отношении которых, казалось бы, все мнения должны быть одинаковы», — это высказывание А. Л. Бертье-Делагарда [Бертье-Делагард, 2012. С. 7] как нельзя более точно описывает и дискуссию по вопросу разграничения сфер влияния между Византийской Империей и Хазарским каганатом на территории Крымского полуострова.

Так, анализируя пространную редакцию письма хазарского кагана Иосифа к визирю кордовского халифа Хасдаю ибн-Шапруту, ряд ученых

(А. Г. Герцен, Ю. Г. Лосицкий, Е. А. Паршина, А. К. Шапошников) полагают возможным отождествить упоминающийся там «Кут» с «пещерным городом» Эски-Керменом, хотя еще в 1929 г. Н. Л. Эрнст предупреждал: «Сохранение письма этого настолько темное, что строить на нем какие-либо выводы весьма рискованно» [Эрнст, 1929. С. 20].

Правда, сам А. Г. Герцен в своих предположениях осторожен, обосновывая их следующим образом: «Помещенный между Алушкой (Алубихой) и Мангупом „Кут“ пытались искать в восточной части полуострова (Кутлак близ Судака), что противоречило принципу географической последовательности перечня... Логичнее было бы направить поиски к северу — северо-западу от Алушки... в район Внутренней гряды, где сконцентрированы раннесредневековые городища и селища, в том числе и так называемые „пещерные города“. Обращает на себя внимание расположенное в 5 км к западу от Мангупа городище Эски-кермен...»

Сам топоним „Эски-кермен“ впервые упоминается в конце XVIII в. Ему предшествовало название „Черкес-кермен“ (от наименования татарской деревни в ущелье к западу от городища). В 1578 г. его зафиксировал польский посол в Крыму Мартин Броневский* [Броневский, 1867. С. 343]...**

Кроме этих двух топонимов, в начале XIX в. бытовал еще один — „Куттелей“ (Koutteley), упоминаемый автором первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандоном...» П. И. Кеппен, обративший внимание на это, считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-керменом плато Топшан [Кеппен, 1837. С. 260]. Действительно, Монтандон указывает, что Куттелей татары называли башню древней крепости и какие-то постройки, рядом с которыми находится вырубленный в скале глубокий колодец, в подробном описании которого легко узнать знаменитый осадный колодец Эски-кермена. Таким образом, топоним «Куттелей» распространялся на это городище (курсив наш. — Н. Д.). Это тем более вероятно, что на узкой северной оконечности плато Топшан, где находится башня, культурный слой ничтожен, отсутствуют сколько-нибудь значительные постройки. У Боданинским, проводившем здесь раскопки в начале 1930-х гг., были открыты лишь остатки небольшой часовни рядом с башней [Боданинский 1935. С. 83 — 86].

Переключка топонима «Кут» из еврейско-хазарской переписки и Куттелей весьма заметна, хотя, разумеется, вопрос об отождествлении Ку-

* Это не соответствует действительности. Как известно, М. Броневский подчеркивал, что ни турки, ни татары, ни даже сами греки уже не знали имени древнего города и крепости, лежащих недалеко от «Черкессигермена» [Броневский, 1867. С. 343]. Таким образом, М. Броневский ясно различал Черкес-Кермен и Эски-кермен, оставляя, естественно, последний безымянным. Более того, именно в «безобразном», по выражению Н. Л. Эрнста [Эрнст, 1929. С. 18, прим. 4], переводе М. Броневского издания 1867 г. «Черкессигермен» и вовсе отождествлен с «Манкопом» (Мангупом), а отнюдь не с Эски-Керменом [Броневский, 1867. С. 343].

** Эта и следующие литературные ссылки в данной цитате принадлежат А. Г. Герцену.

та с Эски-керменом нуждается в дальнейшем изучении» [Герцен, 1993. С. 61 – 62].

Основываясь на выводах А. Г. Герцена, Ю. Г. Лосицкий и А. Е. Паршина делают следующее заключение: «Таким образом, это первое упоминание в письменном источнике, известное в настоящее время, которое можно с большой долей вероятности отнести к Эски-Керменскому городищу» [Лосицкий, Паршина, 2002. С. 103].

В то же время Х. – Ф. Байер вступил с А. Г. Герценом в полемику. Он полагает, что если следовать приведенной А. Г. Герценом географической последовательности, то Эски-Кермен должен был бы стоять раньше Мангупа. А это заставляет усомниться в его тождестве с Кутом [Байер, 2003. С. 463]. По мнению Х.-Ф. Байера, *куты* суть ни кто иной, как *готы* и остаются открытым «лишь вопрос, называли ли татары в случае «Куттелей» кутами настоящих готов... или черкесов, которые в XV в. присвоили этот этноним» [Там же]. При этом и он привязывает последний топоним к Эски-Кермену [Байер, 2003. С. 464 – 465].

С чисто филологической точки зрения подошел к интересующему нас вопросу А. К. Шапошников: «КУТ(А) или КУТАЙОН средиземный городок на Таврическом п-ове Κύταιον πόλις μεσόγειος ἐν τῇ Ταυρικῇ) Χερσονήσῳ (Ptol.), Κύτα πόλις· Σκοθική (Steph. Byz.), топоним Кут-Телей (Эски-Кермен) и связанный с ним, соседний с Мангупом город-народ 𐌆𐌆 [kut] (Ioseph, X в.). \\\ \ \ Наличие на Керченском п-ове местного названия Κύταιον позволяет реконструировать синдо-меот. основу *kutai – «плетнево-земляная ограда, город с китай-стеной»... Альтернативная этимология – адаптация в иноязычии этнонима готов (ср. Γυθῶνες (Ptolem.), др.-норв. Gautar – название племени в юж. Швеции.). Ср. Гето. \\\ \ \ Значение «укрепление, крепость» могло бы подойти даже к крепости Эски-Кермен, второму городу готов после Мангупа. \\\ \ \ Обозначаемое – позднескифская крепость (по данным Птолемея – где-то к сев. от Феодосии), название которой было позднее перенесено на «пещерную» крепость готов Кут-Телей. \\\ \ \ Создатели топонима, скорее всего, синдо-меоты. См. Скиварин» [Шапошников, 2011. С. 345 – 346].

Как мы видим, этот ученый уже не объясняет ни причины отождествления «Кут-Телея» с Эски-Керменом, ни характера «связи» Эски-Кермена и «соседнего с Мангупом города-народа Кут». Причем он *одновременно* предлагает *две* «альтернативных этимологии», и если одна из них перекликается с гипотезой А. Г. Герцена, то вторая, напротив, совпадает уже с предположениями его оппонента Х. – Ф. Байера. Но и А. К. Шапошников в обоих случаях локализует «Кут-Телей» на Эски-Кермене.

Первым же, видимо, отождествил их Н. Л. Эрнст: «С.Н. Montandon в своем Путеводителе (Guide du voyageur en Crimée. Odessa) описывает Эски-Кермен, называя его почему-то Koutteley, но упоминает только пещеры вообще и в отдельности пещерную лестницу с колодцем» [Эрнст, 1929. С. 17].

Итак, проблема должна быть разделена на две составляющие: 1) можно ли отождествить «Кут» и «Куттелей», и 2) можно ли отождествить «Куттелей» с Эски-Керменом.

Обратимся к П. И. Кепшену: «Г. Монтандон говорит, что на восточной стороне Черкес-Кермена видна башня, оставшаяся от древнего укрепления, и несколько построек, именуемых татарами Куттелей» [Кепшен, 1837. С. 260 – 261]. Таким образом, именно он вводит в оборот *русскую* транскрипцию топонима – «Куттелей» и при этом однозначно относит его к *Черкес-Кермену*, который четко отделял от Эски-Кермена.

Сам же «Путеводитель» Ш. Монтандона у современных ученых остается «за скобками». Между тем в нем *совершенно точно описывается как дорога из Каралеза в Черкес-Кермен, так и сама деревня*: «Эта деревня, зажатая среди скал, вероятно, изрытых водой, удивляет своим необычным расположением и конструкцией домов. Большинство из них выходит на улицу... фасадом, снабженным дверью и отверстиями, через которые проникает дневной свет. Другую сторону этих жилищ совершенно особого рода, как и их потолок, составляет скала... На скалах на востоке заметна башня древнего форта и несколько каменных построек, называемых местными татарами «Кутелей»» [Монтандон, 2011. С. 181].

Это описание однозначно привязывает интересующий нас топоним к укреплению, ныне именуемому «Кыз-Куле», поскольку плато Топшан, на котором оно расположено, действительно ограничивает Черкес-Керменское ущелье с востока, но совершенно закрывает из этого ущелья Эски-Кермен. Это полностью согласуется с мнением П. И. Кепшена и прекрасно отражено на гравюре из альбома П. Сумарокова (рис. 1).

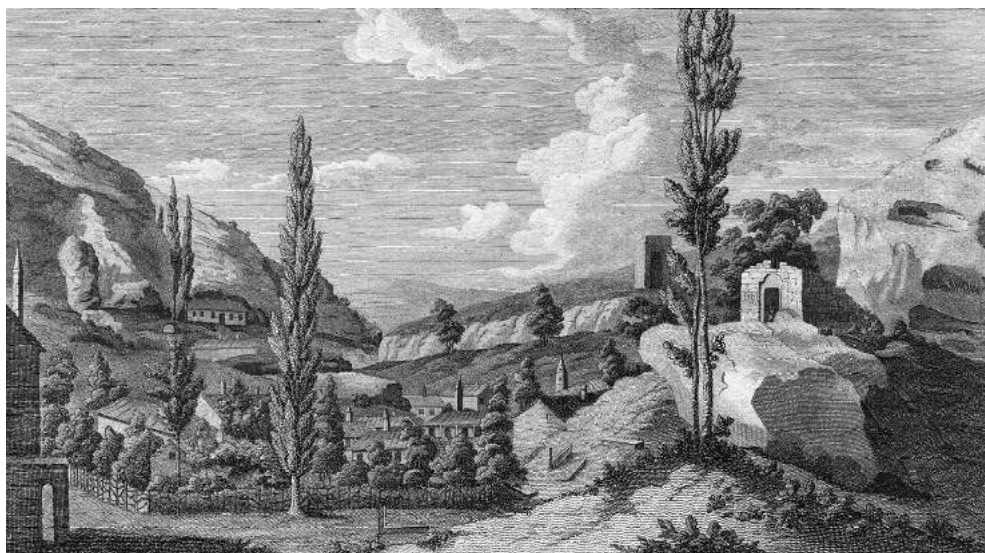

Рис. 1. Черкес-Керман (гравюра Е. Корнеева [Сумароков, 1805. Рис. 7])

Однако Н. Л. Эрнст и другие исследователи, казалось бы, знакомые с местностью, полагали иначе. *Причина* этого расхождения состоит в том, что дальнейшие слова «Путеводителя» попросту оказались *слишком лаконичными*: «Совсем неподалеку отсюда есть колодец, заслуживающий любопытства путешественников. Туда можно пробраться через верх скалы, но так как лестница, высеченная в камне и спускающаяся там, сильно разрушена, лучше пройти к нижнему отверстию колодца» [Монтандон, 2011. С. 181].

*Эта краткость и ввела в заблуждение последующих исследователей, поскольку, хотя осадный колодец действительно расположен уже на Эски-Кермене, разделяющее Эски-Керменское плато и плато Тапшан ущелье Джурла у Ш. Монтандона не упоминается. Эта информационная неполнота сообщения Монтандона еще более усугублялась сходной информационной неоднозначностью сообщения П. С. Палласа: «Не достигнув вершины, налево, в некотором отдалении (около трех четвертей версты от дороги) видна башня старого укрепления, называемого татарами Черкес-Кермен, давшая свое название близлежащей деревне, где прежде жили греки, теперь же живут только татары. Всего замечательнее в этом старом укреплении, где уцелели только башня и часть стен, высеченный в скале, в нескольких сотнях саженей от укрепления глубокий колодезь...» [Паллас, 1999. С. 54]. Эта противоречивость описания** («в укреплении» и в то же время «в нескольких сотнях саженей от укрепления») дала последующим интерпретаторам *свободу выбора*. У части из них логика научного мышления сформировала *энтимему* — неполно выраженный силлогизм, где опущена одна из посылок: «(1. *Объективно колодец находится на Эски-Керменском плато.*) 2. По свидетельству Палласа, колодец находится в укреплении Черкес-Кермен. 3. Следовательно, Эски-Керменское плато входит в состав укрепления Черкес-Кермен». Таким образом, именно *опущение* части сведений привело ряд авторов к отождествлению *Черкес-Кермена с Эски-Керменом* и к выводу о том, что Монтандон также относит ойконим «Koutteley» к *Эски-Кермену*. Способствовала этому и фраза о том, что колодец находится «совсем недалеко».

Однако проанализируем дальнейшие слова Ш. Монтандона: «В этом случае *снова спускаемся вглубь деревни* до большого дома, строительство которого приостановлено со смертью владельца, князя Кая-Бея; *оттуда следуем версту по дороге, огибающей скалу* (курсив наш. — Н. Д.). Потом через кустарник поднимаемся на гору, находящуюся справа, до отверстия, распо-

* В этом смысле показательно, что *побывавший на местности П. И. Кепшен* никаких сомнений не испытывал: «В другом месте (курсив наш. — Н. Д.) находится главная, по мнению Палласа, достопримечательность этих мест: глубокий колодец, иссеченный в скале... Сумароков видел тут две церкви. Это-то место, которое у Татар, конечно для отличия от Турецкой постройки, (курсив наш. — Н. Д.) получило название Эскермен или Эски-Кирман (старинная крепость), есть, без сомнения тот древний, ныне уже безымянный (курсив наш. — Н. Д.) город, о коем упомянул Броневский» [Кепшен, 1837. С. 259–260].

ложенного у подножия скалы, в которую заходим, чтобы осмотреть при свете факелов (ими придется запастись) великолепный источник в форме колодца» [Монтандон, 2011. С. 181].

Все сразу становится на свои места, стоит нам задаться вопросом: *зачем, откуда и в какую* «глубь деревни» должен был «*снова спуститься*» путешественник, чтобы добраться до этого колодца? И почему этот маршрут следовало начинать именно от дома некоего Кая-Бея?

Сейчас ни прежней деревни Черкес-Кермен, ни дома Кая-бея не существует. Но П. И. Кепшен и Ф. Дюбуа де Монпере составили планы местности, позволяющие в деталях проследить предложенный Ш. Монтандоном маршрут [Кепшен, 1837. С. 253; Dubois de Montrépeux, 1843a. Pl. XVII, fig. 9]. Вспомним, что деревня Черкес-Кермен располагалась в *ущелье*. А на плане П. И. Кепшена (рис. 2) — *уже за пределами* этого ущелья, буквой «В» отмечен «недостроенный дом владельца Черкес-Кермена и за оным сады С вдоль по ущелью, между высокими скалами К» [Кепшен, 1837. С. 254]. На плане Дюбуа — еще более подробном (рис. 3) — также отмечены и дом Кая-Бея, и деревня Черкес-Кермен, и «замок Черкес-Кермен». Поскольку деревня имела только один выход — на север, то путешественник, посетивший Черкес-Кермен, неизбежно должен был *подняться вверх по ущелью*. А вот для осмотра осадного колодца ему, действительно, следовало сначала *вернуться по ущелью* (т. е. «*снова спуститься*») до выхода из него, что хорошо видно на рис. 1 и, в особенности, на рис. 4. А затем он должен был повернуть направо, т. е. как раз мимо недостроенного дома *бывшего владельца деревни Кая-Бея*. Именно оттуда к осадному колодцу проходил самый короткий маршрут, а сам колодец от этого места, действительно, находился «совсем недалеко», а, точнее, на расстоянии «версты по дороге». А. Г. Герцен поставил знак равенства между этим «совсем недалеко» и «рядом». На равнине это было бы действительно так. Однако в данном случае, в самом прямом смысле этого слова, «гладко было на бумаге, но *забыли про овраги*» — а именно, про *ущелье Джурла*, которое разделяет два совершенно *разных* географических объекта — плато Тапшан и Эски-Керменское плато. *О нем, действительно, почему-то не упомянул Ш. Монтандон*. Достаточно одного взгляда на план П. И. Кепшена, чтобы в этом убедиться*.

* Эта информационная неполнота «Путеводителя» Ш. Монтандона привела к поистине удивительным последствиям — для целых поколений последующих исследователей балка Джурла стала «как бы невидимой!» Так, в путеводителе Г. Караулова и М. Сосногоровой написано, что *над* татарской деревней *Черкес-Кермен* «возвышается громадный утес, называемый также *Черкес-Кермен* (черкесская крепость) в котором иссечен один из самых замечательных пещерных городов в Крыму. Он называется также у татар и *Эски-Кермен* (старая крепость), а иногда и *Джингис-Кермен* [Караулов, Сосногорова, 1883. С. 248]. Равным образом, и у А. Безчинского читаем, что «пещерный город *Черкес-Кермен* (татары называют его *Эски-Кермен*) находится над деревней, на громадной скале» [Безчинский, 1901. С. 126]. Ясно, что подобные утверждения уже нельзя признать соответствующими действительности ни с какой натяжкой.

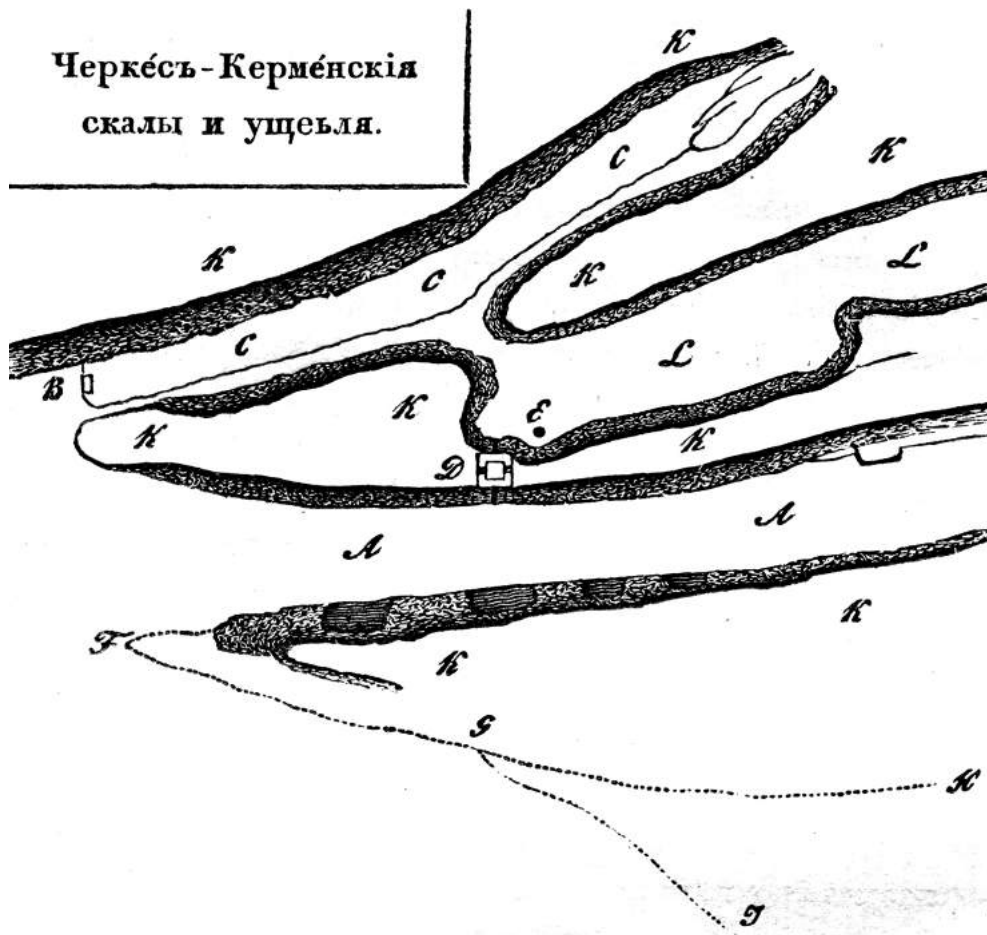

Рис. 2. План окрестностей Черкес-Кермена по П. И. Кеппену [Кеппен, 1837. С. 253]

Поэтому замена А. Г. Герценом этого «недалеко» на «рядом» без учета не только конкретного значения расстояния (одна верста), но и характера местности (о чем и предупреждал А. Л. Бертье-Делагард в своей фразе, с которой мы начали нашу статью) привела его к неверным выводам.

Более того, можно утверждать, что Ш. Монтандон проник в колодец непосредственно с дороги, а на Эски-Керменское плато не только сам не поднимался, но и предупредил от этого своих читателей. Именно поэтому и нет у него упоминаний более ни о каких скальных сооружениях, кроме колодца. А значит, он просто не мог приписать название «Koutteley» не увиденному им Эски-Кермену. Прав был П. И. Кеппен, когда «считал, что название относится к укреплению Кыз-куле, расположенному на соседнем с Эски-керменом плато Топшан», поскольку он, во-первых, в подлиннике (а, следовательно, в неискаженном виде) читал сочинения М. Броневского, Ф. Козена и Ш. Монтандона (т. е., выполнил первое условие А. Л. Бертье-Делагар-

да — знание документов), а, во-вторых, не только мог проверить сочинение последнего на местности, но и зафиксировал все на собственноручно начерченном плане. Это и позволяет нам проверить его выводы: как совершенно правильно указывал А. Л. Бертье-Делагард, никакое, даже самое лучшее словесное описание не заменит чертежей и планов [Бертье-Делагард, 2012. С. 8—9].

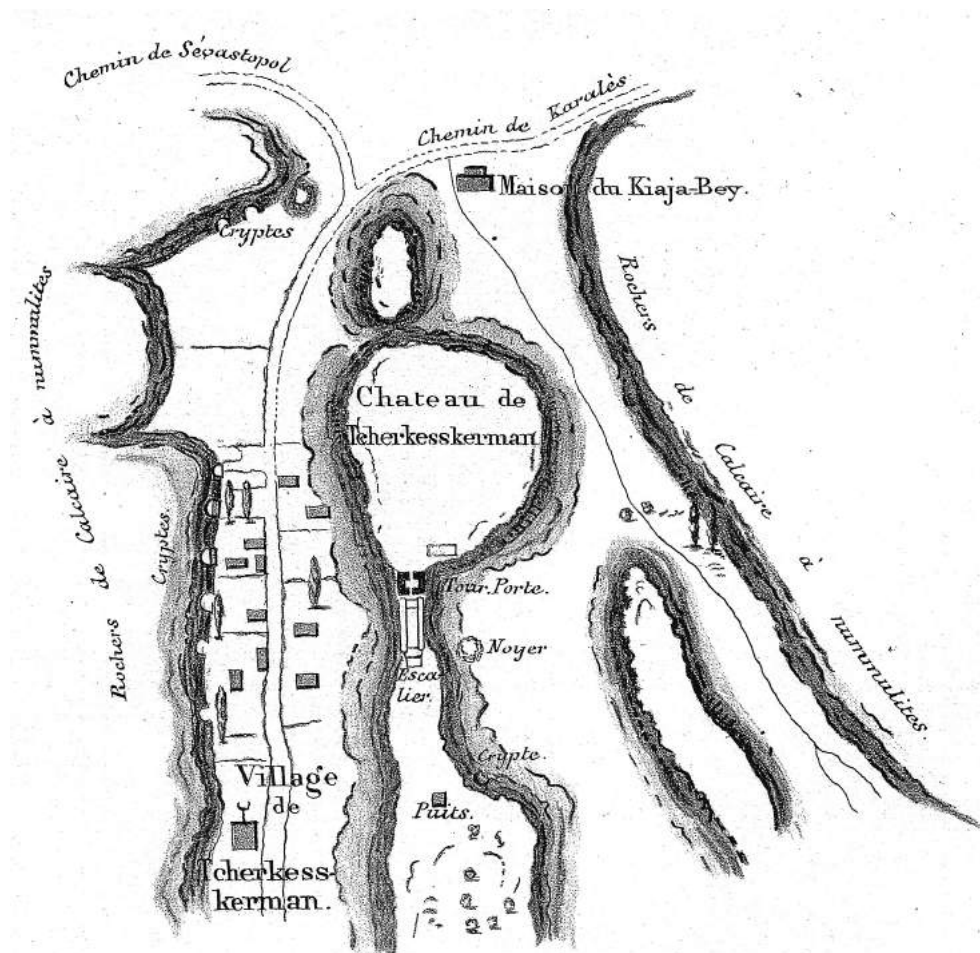

Рис. 3. План окрестностей Черкес-Кермена по Ф. Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreu, 1843a. Pl.XVII, fig. 9]

Итак, топоним «Кутелей» (а, точнее, «Koutteley») вообще никоим образом на городище Эски-Кермен распространяться не может, тем более что на северной оконечности Эски-керменского плато вообще нет никаких построек. На это специально обращал внимание Е. Л. Марков: «Он (Эски-Кермен. — Н. Д.) стоит совершенно отдельной горою... Кроме пещер — ничего, ни малейше-

го следа развалин (курсив наш. — Н. Д.)» [Марков, 2009. С. 400—401]. Действительно, остатки наземных построек расположены лишь на южной оконечности плато и за скатом горы от укрепления Кыз-куле попросту не видны.

Рис. 4 Черкес-Кермен (фото из архива А. Л. Бертье-Делагарда [Научные фонды Центрального Музея Тавриды. КП 11449/4])

Какие же каменные постройки, в таком случае, видел на скале Ш. Монтандон? Ответ мы находим у Ф. Дюбуа де Монпере: «Значительная часть руин (курсив наш. — Н. Д.) расположена на узком и высоком плато скалы, которая тянется вдоль деревни с востока... доступ сюда возможен только через узкий выступ, служащий мостом между ней и остальной частью скалы... Сегодня здесь можно видеть башню — единственный остаток укреплений более поздних... По краям скального плато не заметны никакие следы укреплений или стен, за исключением небольшой, почти стертой руины справа от ворот» [Дюбуа де Монпере, 2009. С. 259—260].

Будучи хорошим рисовальщиком, Ф. Дюбуа де Монпере отобразил все вышеописанное не только на плане (где справа от воротной башни хорошо просматривается план «полустертой руины»), но и представил соответствующий плану общий вид местности на одной из таблиц своего «Атласа» [Dubois de Montrépeux, 1843b. Pl. LIX] (рис. 5). Благодаря этому мы можем ясно понять, что именно видел Ш. Монтандон — это были фундаменты построек на территории укрепления, располагавшегося на мысе Кыз-Куле-бурун. Даже

сегодня очертания этих былых построек хорошо видны с воздуха. На аэрофотоснимках (рис. 6, 7) отчетливо различимы слабые контуры нескольких (не менее пяти) прямоугольных строений. Особенно хорошо видны остатки той самой «небольшой, почти стертой руины справа от ворот», которую зафиксировал Дюбуа — это, вне всякого сомнения, остатки часовни (рис. 8). Надо также учесть, что Ш. Монтандон посетил Черкес-Кермен десятилетием ранее Дюбуа, а крымское население охотно разбирало на камень оставшиеся без присмотра постройки. П. С. Паллас, побывавший здесь сорока годами ранее, еще говорит даже о виденных с дороги частях стен [Паллас, 1999. С. 54].

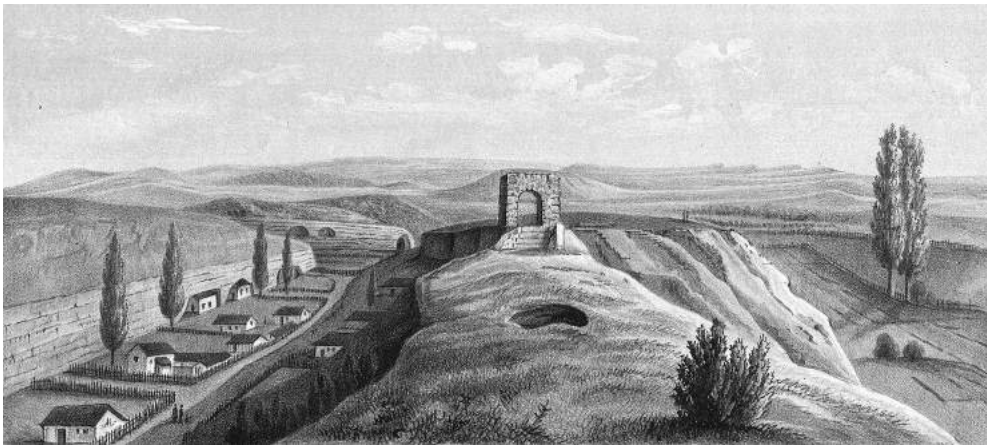

Рис. 5. Вид Черкес-Кермена по Ф. Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreau, 1843b. Pl.LIX]

Все эти дополнительные материалы также подтверждают, что справедлива именно кеппеновская привязка к местности ойконима «Koutteley»: он относился не к Эски-Кермену и даже не к деревне Черкес-Кермен в целом, а именно к территории укрепления на мысу плато Тапшан.

Однако это укрепленное убежище площадью не более 1,3 га [Мыц, 1991. С. 136] никак не «тянет» на роль «полиса» («города-народа»). Не имея запасов воды, оно, по мнению Н. И. Репникова, было неудобно для постоянного жилья [Репников, 1932. С. 140]. А. Г. Герцен специально подчеркивает, что «на узкой северной оконечности плато Топшан, где находится башня, культурный слой ничтожен». В таком случае нельзя считать убедительным и предположение А. К. Шапошникова о переносе на это скромное убежище названия *позднескифской крепости птолемеевских времен, некогда расположенной на другом конце Крымского полуострова* — «где-то к северу от Феодосии», «на Керченском полуострове». Ведь мы имеем как прямое свидетельство М. Броневского о том, что Черкес-Кермен был «*крепостью новой*» [Эрнст, 1929. С. 16; Харитонов, 2004. С. 118], так и археологические доказательства его позднего происхождения. В. Л. Мыц относит «замок» Кыз-

Куле к XIV – XV вв., причем отмечает, что памятник является *однослойным* [Мыц, 1991. С. 136]. По данным У. А. Боданинского, найденные в часовне на его территории погребения датируются XIII – XIV вв., а настил пола часовни имеет аналог в чуфут-калинской мечети, также относящейся к XIV в. [Боданинский, 1935. С. 84 – 85]. К XII – XIV вв. относится и керамика культурного слоя на дне черкес-керменского ущелья в окрестностях храма «Донаторов» [Домбровский, 1966. С. 23].

Рис. 6. Укрепление Кыз-Куле. Аэрофотосъемка (предоставлено ГБУ РК БИКАМЗ)

Рис. 7. Вид укрепления Кыз-Куле с юга. Аэрофотосъемка (предоставлено ГБУ РК БИКАМЗ)

Следовательно, есть все основания полагать, что в хазарский период (и даже намного позже) этого укрепления попросту не существовало. А, значит, упоминание о нем никоим образом не могло попасть в письмо кагана Иосифа. Поэтому ни о каком «связанном» с ним «городе-народе Кут» также не может быть речи. Этот город надо искать где-то еще.*

Строго говоря, тема, вынесенная в заголовок статьи, этим выводом исчерпывается.

Однако «недоуменный вопрос» Н. Л. Эрнста о том, откуда появился у Ш. Монтандона топоним «Koutteley», остается. Ведь до сих пор мы анализировали лишь второй аспект проблемы, очерченной А. Л. Бертье-Делагардом — аспект «понимания чисто местных условий». Поэтому для закрепления полученного результата вернемся теперь к первому заданному им параметру — «толкованию письменных документов».

* Так, по мнению С. Б. Сорочана, «с не меньшим основанием можно считать, что хазарский топоним Кут, упомянутый в письме кагана Иосифа около середины X в. имел отношение к Чуфут-Кале или к любому другому хазарскому опорному пункту в Юго-Западном Крыму на отрезке между Алубихой (Алупкой) и Манкутом (Мангупом)» [Сорочан, 2004. С. 383, прим. 108].

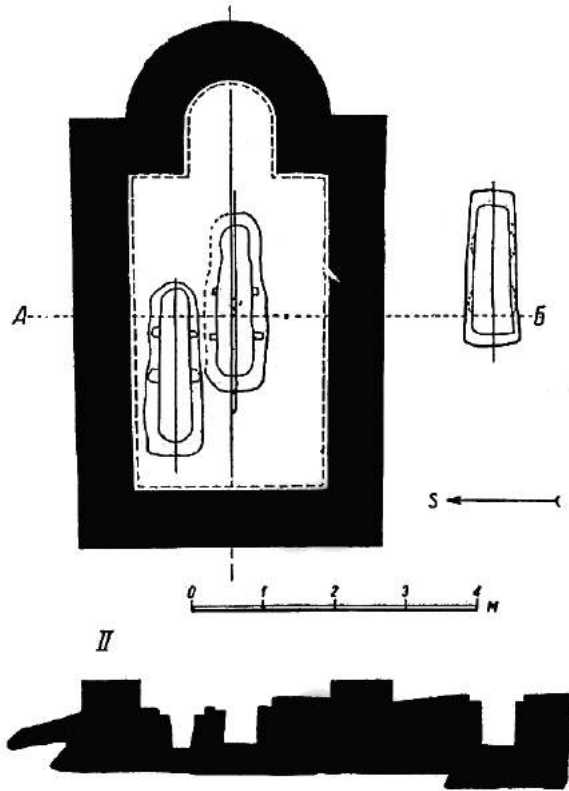

Рис. 8. План и разрез храма («часовни») на территории укрепления Кыз-Куле возле городских ворот [Боданинский, 1935. С. 86, рис. 49.]

Если наша гипотеза о привязке загадочного ойконима к укреплению Кыз-Куле верна, то он не мог быть перенесен с Керченского полуострова, а возник в среде местных жителей. Поэтому в первую очередь нужно вернуться к его оригинальному написанию. Дело в том, что все русскоязычные авторы не только при передаче, но и при интерпретации топонима берут за основу транскрипцию П. И. Кеппена («Куттелей»). А она представляет собой всего лишь простую русскую транслитерацию названия, написанного латиницей. В XIX в. это был весьма распространенный способ передачи собственных имен. Как известно, произнесение слова при этом сплошь и рядом грубо искажается. Французский язык в этом отношении особенно уязвим. Трудно представить себе, что местные жители написали по-французски Ш. Монтандону название укрепления. Поэтому ориентация интерпретаторов этого ойконима не на его звучание, а на простейшую транслитерацию изначально является неверной*.

* Особенно удивляют в этом отношении А. К. Шапошников и Х. — Ф. Байер, притом, что последний с апломбом утверждает, что «мог сравнительно много обнаружить или опровергнуть того, что должны были обнаружить местные исследователи, но не смогли из-за незнания языков» [Байер, 2003. С. 466].

Между тем современные французы, опрошенные знакомой автора, произносили название Koutteley несколько наподобие «[koö-tole]». А непосредственное обращение автора к носителям языка на сайте forvo.com [forvo.com] дало другой результат – [ˈkutule], причем с ударением на *первом* слоге. Следовательно, фонетическое воспроизведение данного топонима даже в устах носителей языка вызывает сложности. При этом отдельно звучащий «кут» в обоих вариантах отсутствует.

Упомянутые нами трудности произношения отнюдь не случайны. Как это ни удивительно, но *никто* из исследователей интересующего нас вопроса (включая филологов) не заметил того очевидного факта, что *во французском языке полностью отсутствуют слова, в окончании которых после гласной стоит игрек*. Так, среди всех географических названий, приведенных в 900-страничном французско-русском словаре К. А. Ганшиной, нам удалось найти лишь одно, заканчивающееся на «у» – Paraguay (Парагвай) [Французско-русский словарь, 1962. С. 852]. Но последнее написание было заимствовано из *испанского языка, имеющего совершенно иные нормы правописания и произношения*, поэтому аналогия с нашим случаем здесь не просматривается. В основной же (смысловой) части словаря таких слов мы не нашли вовсе.

Не характерно подобное окончание и для языка немецкого. Зато оно *типично для английского языка* (ср. *valley, Berkley etc.*), где оно читается как *И*.

Получается, что Ш. Монтандон, *будучи носителем языка, ИПИ, тем не менее, сознательно пошел на грубое нарушение норм французского правописания, ИПИ заимствовал написание данного топонима из какого-то другого языка (вероятнее всего, английского), в котором подобное написание нарушением не являлось*.

Отметим, что Ш. Монтандон начинает топоним с латинской буквы «К». Если он записывал слово *по-английски*, то это позволяет разобраться с произношением дифтонга «ои». По правилам *английского языка* в словах, *заимствованных из восточных языков*, после буквы «К» он читается в закрытом слоге как «и:» даже перед согласной «r»: «koumiss [ˈku: mis]» – «кумыс» [Англо-русский словарь, 1963. С. 558]. Наконец, Ш. Монтандон явно целенаправленно *удвоил на письме согласную «t»* в середине слова (что также согласуется с нормами английского языка). Поэтому у нас есть все основания утверждать, что слово «Koutteley», *записанное Ш. Монтандоном не во французской, а в английской транскрипции* (вероятнее всего, *позаимствованное из какого-то неизвестного нам англоязычного источника*), *следует читать как [ˈku: telɪ]*.

Учтем, что топонимы являются чрезвычайно устойчивыми лексическими образованиями. Но в нашем случае даже П. И. Кеппен всего через три года после Ш. Монтандона уже только ссылается на сведения своего предшественника. Если сопоставить это с тем, что в 1778 г. из Крыма было депортировано его греческое население, то напрашивается вывод: *ис-*

чезновение топонима объясняется исчезновением самих носителей языка. Это согласуется со свидетельством П. С. Палласа о «башне старого укрепления, называемого татарами Черкез-Кермен, давшей свое название близлежащей деревне, где прежде жили греки (курсив наш. — Н. Д.), теперь же живут только татары» [Паллас, 1999. С. 54]. Поэтому, скорее всего, создателями интересующего нас названия первоначально были именно греки.

Это уже дает нам все необходимое для реконструкции ойконима.

В современном греческом языке есть слово «*κοῦτάλι*» («кутАли») — «ложка» [Contopoulos, 1868. P. 227; Jannaris, 1895. P. 359; Pervanoglu, 1894. P. 436]. Его сходство со словом «*Koutteley*» и в написании, и в произношении не нуждается в комментариях*.

Достаточно одного взгляда на планы оконечности плато Тапшан, снятые П. И. Кепшеном (рис. 2) или В. Н. Чепелевым** (рис. 9) или на аэрофотоснимки (рис. 6 и 7), чтобы увидеть, насколько метким является это определение. Треугольная площадка укрепленного мыса переходит в длинный изогнутый гребень—«черенок», соединяющий его с основным массивом плато Тапшан. А о том, что греки, издревле давали географическим объектам подобные имена, говорит хотя бы греческое название Чатыр-Дага — «Трапезус» («Стол»). Именно поэтому вскоре после исхода греческого населения из Крыма старое название и было забыто.

Правда, Ш. Монтандон приписывает название «*Koutteley*» местным татарам. Возможно, какое-то время это наименование и могло продержаться в среде оставшегося в Черкес-Кермене татарского населения, но, скорее всего, уже в переосмысленном виде — *Кут-Эли*. «В ойконимах Крыма компонент *эль* (1 — люди, народ; 2 — край, местность) обычно стоит в конце и имеет аффикс притяжательности — *и* (отсюда *эли*), а родовое имя при этом ставится в именительном падеже: Черкез-Эли, Шейх-Эли, Ана-Эли, Барак-Эли» [Словарь ойконимов Крыма, 2010. С. 154–155]. «Кут — тюрк. а) «жизненная сила», «дух»; б) «счастье», «судьба»; в) «большая бабочка коричневого цвета»; г) «доброе предзнаменование»; д) «пропитание»; е) «крепость»; 2. Родоплеменное название» [Словарь ойконимов Крыма, 2010.

* Для ответа на вопрос, почему никому из ученых эта параллель не приходила в голову ранее, автор настоящей статьи просмотрел большое количество греческих словарей. Выяснилось, что даже гораздо позже Ш. Монтандона создатели подавляющего большинства из них ориентировались либо на древнегреческую лексику, либо на лексику Нового Завета. Поэтому слово «ложка» в них если и присутствует, то в архаичном варианте «*κοῦλίριον*». Отметим, что данный термин относился не к любой ложке, а лишь к предназначенной для поедания яиц и моллюсков и имевшей вполне определенную форму [Rich, 1849. P. 183]. Лишь спустя некоторое время после обретения Грецией независимости появились словари современного греческого языка, где слово «*κοῦτάλι*» было представлено наряду с «*κοῦλίριον*», а впоследствии его вытеснило. Очевидно, современным историкам просто не пришло в голову предположить поздний характер ойконима.

** Глазомерные планы в гораздо большей степени отражают те же особенности зрительного восприятия, которые порождали и соответствующие названия.

С. 225]. Наиболее вероятным смыслом слова «кут» в данном контексте следует считать «крепость». Другими словами, местные татары вполне могли переосмыслить первоначальное греческое название как «территорию, относящуюся к укреплению».

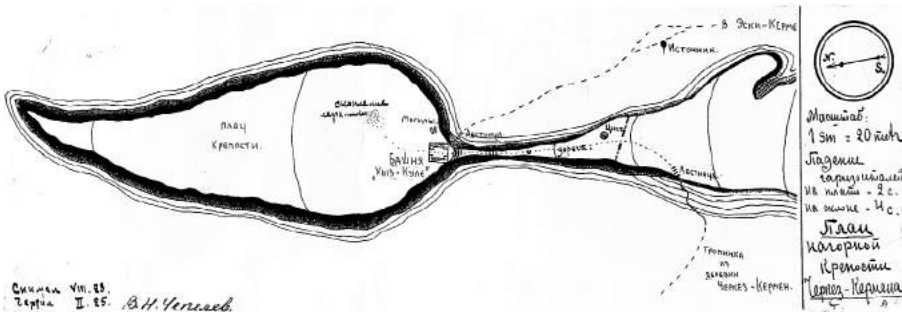

Рис. 9. План укрепления Кыз-Куле, снятый В. Н. Чепелевым в 1923 г. [Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ ф. 22, оп. 1, д. 43. Л. 35]

В то же время предположение о том, что данный ойконим (в его последнем варианте) изначально возник не в греческой среде, а непосредственно среди татар, кажется нам гораздо менее вероятным. В этом случае он не был бы так скоро забыт и заменен известным нам татарским (или, как полагает Х. — Ф. Байер, турецким [Байер, 203. С. 464]) наименованием укрепления — «Кыз-куле».

Предлагаемая нами интерпретация носит вероятностный характер. Однако гипотеза об *англоязычном* источнике, зафиксировавшем *позднегреческий* топоним, имевший *очевидное бытовое происхождение*, продиктованное самой *формой* географического объекта, представляется нам гораздо более правдоподобной, чем описанное выше нагромождение никак не обоснованных предположений. Ведь она вполне соответствует известному принципу «бритвы Оккама», требующему «не создавать без необходимости лишних сущностей», самой первой из которых была бы необходимость как-то объяснить грубейшее несоответствие написанного слова нормам французского языка. А «перекличка» топонима «*Koutteley*» с греческим словом «*κουτάλι*» представляется более «заметной», чем «перекличка топонима «Кут» из еврейско-хазарской переписки и Куттелей».

Итак, можно утверждать, что происхождение данного ойконима прекрасно объясняется из уже известных нам исторических и этнических реалий *при условии* учета наличных условий местности, которыми, собственно, оно и было продиктовано. В любом случае этот ойконим никоим образом не мог — вопреки устоявшемуся среди части ученых мнению — распространяться на Эски-Кермен.

В целом же описанный казус только подтверждает сделанный нами ранее вывод о глубине той культурной катастрофы, которая стала следстви-

ем депортации одного из коренных народов полуострова — крымских греков [Днепровский, 2012].

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность заведующей Научной библиотекой Русского Географического Общества С. Д. Мангутовой и заведующей научными фондами Центрального Музея Тавриды Л. Н. Храпуновой за предоставление уникального иллюстративного материала, а М. В. Ивашкиной и С. В. Харитонову — за ценные консультации.

ЛИТЕРАТУРА

- Англо-русский словарь / Сост. Мюллер В. К. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 1192 с.
- Байер Х.-Ф. Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // Античная древность и средние века. 2003. — Т. 34 : К 110-летию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 452–481.
- [Безчинский А.] Путеводитель по Крыму при участии д-ра В. Н. Дмитриева, С. Я. Елпатьевского, И. М. Педдекаса и Е. М. Швединова. — М. : Издание редакции журнала «Русская Мысль», 1901. — XIV, 471 с.
- Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Избранные труды по истории средневекового Крыма : сборник. — Симферополь : Доля, 2012. — Ч. III. — С. 7–154.
- Боданинский У. А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г. // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Известия Государственной Академии материальной культуры. М. — Л. : ОГИЗ, 1935. — Вып. 117. — С. 81–87.
- Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского Общества истории и древностей. — Одесса : Тип. Х. Алексомати, 1867. — Т. 6. — С. 333–367.
- Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. — Симферополь : Таврия, 1993. — С. 58–66.
- Днепровский Н. В. История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь — Тюмень, 2012. — Вып. IV. — [Электронный ресурс]. URL : <http://maiask.ru/data/documents/MAIASK4-2012.pdf>. — С. 194–206.
- Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. — К. : Наукова думка, 1966. — 110 с.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Т. 5, 6. — Симферополь, 2009. — 328 с.
- Караулов Г., Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. 4-е изд. — Одесса : тип. А Шульце, 1883. — 512 с.
- Кетпен П. И. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1837. — 412 с.
- Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика. // Православные древности Таврики. — Киев : Стилос, 2002. — С. 99–113.
- Марков Е. Л. Очерки Крыма. — К. Стилос, 2009. — 520 с.
- Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. — К. : Стилос, 2011. — 416 с.
- Мыц В. Л. Укрепления Таврики. — К. : Наукова думка, 1991. — 164 с.

- Научные фонды Центрального Музея Тавриды. *Архив А. Л. Бертье-Делагарда*, КП 11449.
Научный архив ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 43.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах // Историческое наследие. – М. : Наука, 1999. – Т. 27. – 246 с.
- Ретников Н. И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. Т. 12, вып. 1–8. – Издательство ГАИМК, 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 107–151.
- Словарь ойконимов Крыма // Топонимика Крыма 2010. Сборник статей памяти И. Л. Белянского / Сост. *Белянский И. Л.* и *Усеинов С. М.* – Симферополь : Универсум, 2010. – С. 153–300.
- Сорочан С. Б.* Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры : межвузовский сб. – М. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского пед. ин-та, 2004. – Вып. 14. – С. 337–398.
- [*Сумароков П. И.*] Досути крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Ч. II. – СПб : Императорская География, 1805. – [10], 244, [15] с.
- Французско-русский словарь. Издание пятое, стереотипное / Сост. проф. Ганьшина К. А. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 902 с.
- Шапошников А. К.* Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011 / Сост. Ю. А. Беляев. – Симферополь : Универсум, 2011. – С. 275–442.
- Эрст Н. Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Известия Таврического Общества истории, антропологии и этнографии. Симферополь, 1929. – Т. III. – С. 15–43.
- Contopoulos N. A.* Lexicon of Modern Greek-English and English-Modern Greek. – L. : Trübner & Co, 60, Paternoster-Row, 1868. – 456 p.
- [*Dubois de Montpéroux F.*] Voyage au Caucase chez les Tcherkesses & les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéroux. Atlas série de géographie ancienne & moderne ou I^e Série. – Neuchatel en Suisse, chez L' Auteur Paris, chez Gide Libraire-Editeur, Rue des petits Augustins № 5. 1843a. Lithographie de H. Nicolet a Neuchatel (Suisse.)
- [*Dubois de Montpéroux F.*] Voyage au Caucase chez les Tcherkesses & les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéroux. Atlas série pittoresque ou IIe Série. – Neuchatel en Suisse, chez L' Auteur Paris, chez Gide Libraire-Editeur, Rue des petits Augustins № 5. 1843b. Lithographie de H. Nicolet a Neuchatel (Suisse.)
- forvo.com. [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.forvo.com/word/koutteley/#fr>
- Jannaris A. N.* A Concise Dictionary of the English and Modern Greek Languages as Actually Written and Spoken. – L. : John Murrey, Albemarle Street, 1895. – 441 p.
- Pervanoglu J.* A Dictionary of the Greek and English Languages With a Table of Proper Nouns and a Compendious History of English Literature. – Athens : P. D. Sakellarios, 1894. – 978 p.
- Rich A.* The Illustrated Companion to the Latin Dictionary, and Greek Lexicon Forming a Glossary of all the Words Representing Visible Objects Connected with the Arts, Manufactures, and Every-Day Life of the Greeks and Romans, with Representations of Nearly Two Thousand Objects from the Antique. – L. : Longman, Brown, Green and Longmans, Paternoster-Row, 1849. – 778 p.

Е. Ю. Захарова

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ: ВКЛАД АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 50 – 60-х гг. XX в.*

The article examines the contribution of two leading archaeologists Ivan Ivanovich Lyapunshkin and Svetlana Alexandrovna Pletneva to the study and preservation of archaeological antiquities of Khazar Khaganate in the Central Chernozem region 1950 – 1960. The dynamics of the formation of the source base on these problems, as well as the evolution of the views of the scientists on the definition of the territory of the distribution and chronology of monuments Saltovo-Maytsk culture is analyzed.

В 1950–1960-е гг. древности Хазарского каганата на территории Центрального Черноземья находились в сфере научных интересов двух крупных академических экспедиций: Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Южно-Русской (затем Черниговской, Нижне-Донской) археологической экспедиции ИА АН СССР.

В 1950–1951 гг. ряд городищ указанного региона был обследован в ходе работ разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством И. И. Ляпушкина. Занимаясь, прежде всего, изучением славян Днепровского левобережья, Иван Иванович постоянно сталкивался и с необходимостью изучения памятников салтово-маяцкой культуры в силу их пограничного со славянскими местоположения. Не случайно в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1941 г. под руководством М. И. Артамонова и посвященной славяно-русским поселениям на Дону и в Приазовье, он уделил много внимания и характеристике салтово-маяцкой культуры, памятников которой на изучаемой территории оказалось гораздо больше, чем славянских [Ляпушкин, 1941]. Закономерным в связи со сказанным выглядит и назначение именно его руководителем отряда выше названной экспедиции, производивший разведки и раскопки средневековых памятников, близких к Саркелу.

Центральное Черноземье к началу 1950-х гг. представляло собой слабоизученный в археологическом отношении регион.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14 – 11 – 48004 «Изучение и сохранение археологического наследия Центрального Черноземья: вклад академических экспедиций в конце 40-х – 60-х гг. XX в.».

Формирование источниковой базы становилось актуальной задачей для определения территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры, решения проблемы разграничения территорий славян и кочевников.

Именно эти обстоятельства и обусловили маршрут разведки 1950 г. вверх по течению Дона, прежде всего, исходя из уже имеющихся данных. Среди памятников, обследованных отрядом под руководством И. И. Ляпушкина, были городища у сс. Борщево, Голышевка, Дивногорье, Сторожевое, Тигчиха. Результаты обследования нашли отражение в соответствующем научном отчете [НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 429], а затем в обобщающей статье [Ляпушкин, 1958]. Приложение к указанной публикации дает представление об источниковой базе, анализ которой положен в основу авторской точки зрения по вопросу о салтово-маяцкой культуре. В числе 57 пунктов, близ которых расположены памятники салтово-маяцкой культуры, 12 — с территории Центрального Черноземья (все они были обследованы в ходе разведки). В указанной статье впервые была предложена классификация салтово-маяцких памятников, сама же культура разделена на два варианта — северный (преобладание аланов) и южный (преобладание болгар).

Показательно, что уже в отчете содержатся не только научные суждения И. И. Ляпушкина о каждом из упомянутых мною выше памятников, но и заключения охранного характера, а также рекомендации по дальнейшему изучению обследованных объектов. Говоря об их научном значении, Иван Иванович указывал, что «они представляют большую ценность как источники при изучении далекого прошлого нашей страны, в частности истории восточного славянства и юго-восточных племен и заслуживают бережного отношения». Но он вынужден был констатировать, что «они находятся в безнадзорном состоянии. Несомненно, памятники сильно пострадали от траншей и окопов Великой Отечественной войны, но, к сожалению, разрушение продолжается и сейчас. В частности, в таком положении находится Большое Боршевское городище, площадка которого в ряде мест перекопана в последние годы. Судя по частным (непроверенным) сведениям в этом повинны, прежде всего, «любители археологии», приезжающие индивидуально и коллективно осматривать памятник. Сильно разрушается также Маяцкое городище, особенно его валы, содержащие камень» [НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 429. Л. 49].

Пристальное внимание в отчете, а затем и в указанной выше статье, И. И. Ляпушкин уделил городищу у с. Сторожевое. Он установил многослойный характер памятника. В основе лежит слой скифского времени, более поздний относится к салтово-маяцкой культуре [НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 429. Л. 52]. Он привлек ученого в силу географического положения, поскольку тем самым «граница поселений салтово-маяцкой культуры на верхнем Дону должна быть передвинута на 30—40 км севернее, чем счита-

лось до сих пор». «В свете этих данных, — писал И. И. Ляпушкин, — большой интерес должно представлять раннеславянское поселение у с. Титчиха, расположенное в 3—4 км от поселения у с. Сторожевое, вниз по течению р. Дон. Это самое южное, известное нам в настоящее время раннеславянское поселение в бассейне верхнего течения Дона. Весьма любопытно при этом отметить, что поселение находится в границах территории, занятой поселениями салтово-маяцкой культуры. Аналогичная картина нами наблюдалась на стыке поселений раннеславянской и салтово-маяцкой культур в бассейне верхнего течения Северского Донца» [НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 429. Л. 53].

Как известно, в последующие годы на перечисленных выше памятниках были проведены крупномасштабные раскопки, позволившие выйти на новый уровень постановки проблем, обозначенных И. И. Ляпушкиным.

Центральное Черноземье (Белгородская, затем Воронежская области) прочно вошло и в сферу интересов Северо-Донецкого отряда (в составе Южно-Русской, Черниговской, Нижне-Донской экспедиции), работавшего под руководством С. А. Плетневой. Работы в регионе, включавшие разведки и раскопки памятников салтово-маяцкой культуры ею были начаты с 1957 г. Первым комплексом памятников, раскопанным под её руководством, стал Дмитриевский (Дмитровский) в Белгородской области, результаты работ на котором были обобщены монографически [Плетнева, 1989].

Городище у с. Дмитриевское на Короче представляет собой крайний северо-западный пункт в белокаменной системе донецких укреплений. Рядом с ним были обнаружены три небольших поселения и могильник, раскинувшийся на пологой нижней части холма рядом с селищем 1 [Плетнева, 1989. С. 9—10].

Впервые комплекс (городище, селище 1 и могильник) был обследован И. И. Ляпушкиным в 1951 г. В отчетах он именовал его Добринским или Козеевским по двум близлежащим деревням, в публикации назвал Добринским [Ляпушкин, 1958]. Но к моменту выхода публикации И. И. Ляпушкина С. А. Плетнева уже в отчетах назвала его Дмитриевским, и не стала менять название.

Работы на Дмитриевском комплексе под руководством С. А. Плетневой велись почти ежегодно в течение 11 сезонов с 1957 по 1973 гг. За эти годы на городище была вскрыта площадь около 1600 м², на селище 1 — 2000 м², на селище 2 — 100 м², на могильнике — более 3000 м², что позволило исследовательнице вновь обратиться к вопросам хронологии всей салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1989. С. 11].

Вплоть до 1965 г. С. А. Плетнева наряду со стационарными раскопками проводила ежегодные разведки в Подонье и Приазовье. Их масштабы очень впечатляющие: было обследовано более 2000 км, в результате выявлено свыше 120 новых памятников и обследованы почти все известные ранее.

Результаты проводимой работы нашли отражение в ряде статей, а итогом стала монография 1967 г. «От кочевий к городам» [Плетнева, 1967]. Указанное исследование базировалось уже на данных о 271 пункте, где выявлены памятники салтово-маяцкой культуры, при этом на территории Воронежской и Белгородской областей — 39 [Плетнева, 1967. С. 191 — 196]. Опираясь на надежную источниковую базу, исследовательница аргументировала целый ряд выводов, надолго определивших дальнейшее направление исследований салтово-маяцкой культуры. Что касается территории Центрального Черноземья, то в монографии 1967 г. было показано, что владения Хазарского каганата на северо-западе и севере вплотную подходили к землям славянских племен; границы каганата были довольно сильно укреплены; основными создателями салтово-маяцкой культуры были «болгары, смешанные с аланами» [Плетнева, 1967. С. 188].

Детализировала С. А. Плетнева и предложенную И. И. Ляпушкиным классификацию бытовых памятников, выделяя кочевья-стойбища и «обитаемые полосы», селища, городища с земляными укреплениями, каменные замки и города. На территории Центрального Черноземья ею зафиксированы все типы памятников за исключением городов.

С. А. Плетнева проследила три погребальных обычая: трупоположение в катакомбах, трупоположение в ямах и трупосожжение, каждый из которых был увязан ею с конкретным населением [Плетнева, 1967. С. 71 — 102].

Несколько слов хочу уделить непосредственно Маяцкому комплексу памятников, в связи с работами С. А. Плетневой в 1960-е гг. Посетив в 1962 г. Маяцкое городище, исследовательница осмотрела его с позиций степени сохранности, сделала «полуглазомерный» план памятника (более ранний датируется 1909 г.), собрала подъемный материал с распаиваемой тогда восточной части селища. С. А. Плетнева спустя годы сетовала, что в ходе посещения памятника не был выполнен план расположения на селище серых зольных пятен, характерных для других салтово-маяцких поселений, и четко выделявшихся тогда на черном фоне пахоты [Винников, Плетнева, 1998. С. 12]. Впоследствии распашка мыса была запрещена, образовался выпас для овец, и обнаружить зольные пятна оказалось невозможным. Правда, один из зольников все же был зафиксирован в раскопе 3 [Винников, Плетнева, 1998. С. 12].

В ходе данной разведки С. А. Плетнева посетила и городище у с. Сторожевое, на площади которого на валу, у въезда экспедицией П. Д. Либерова был заложен шурф в предшествующем 1961 г. Площадь городища в то время распаивалась, это дало возможность собрать подъемный материал, в котором скифская керамика составила 90 %, были встречены и единичные фрагменты салтовских лощеных сосудов. С. А. Плетнева писала, что «несмотря на их наличие, городище не может считаться салтовским памятником», в списке памятников она атрибутировала его как славянское [Плетнева, 1967. С. 191].

Уже после первых пяти лет своих работ в регионе, в 1962 г. С. А. Плетнева публикует статью, в которой поднимает наиболее актуальный для лесостепного Подонья вопрос о связях алано-болгарских племен со славянами [Плетнева, 1962].

Возобновление раскопок на Дивногорских памятниках также было обусловлено стремлением разрешить вопросы взаимодействия этносов на данной территории в эпоху раннего средневековья. В Москве в декабре 1974 г. проводилось советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». Оно было организовано Институтом археологии АН СССР и Венгерской частью Комиссии историков ВНР — СССР совместно с Археологическим институтом Венгерской АН для обсуждения в рабочей обстановке ряда тем, близко касающихся венгерской истории. В центре внимания собравшихся была и проблема локализации расселения древних венгров [Юшко, 1976. С. 287]. Поскольку для дальнейшего развития исследований в этом направлении было решено исследовать один из салтово-маяцких памятников Подонья, С. А. Плетнева предложила «знаменитое Маяцкое городище». По её словам, она руководствовалась двумя причинами: «максимальная приближенность к территории, где действительно попадаются памятники, которые можно сближать с венгерскими (Средняя Волга), и несомненно высокая научная значимость памятника» [НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5313. Л. 1].

Как известно, и в последующие годы С. А. Плетнева уделяла большое внимание не только научному осмыслению древностей Хазарского каганата в Центральном Черноземье, но и активно способствовала реализации идеи музеефикации Маяцкого археологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

- Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата : Маяцкое поселение. — Воронеж : ВГУ, 1998. — 216 с.
- Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА СССР. — № 6 : Этногенез восточных славян. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — С. 191—246.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА СССР. — № 62 : Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 85—150.
- Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // Советская археология. — 1962. — № 1. — С. 83—94.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА СССР. — № 142. — М : Наука, 1967. — 194 с.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М. : Наука, 1989. — 288 с., илл.
- Юшко А. А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» // Советская археология. — 1976. — № 2. — С. 287.

М. М. Казанский

ОНОГУРЫ В ПОСТ-ГУННСКОЕ ВРЕМЯ НА ДОНУ

This work is devoted to the antiquities of the so-called post-hunnic time (the second half of the V – first half of the VI cent.) in the Lower Don and their cultural and historical context. At this time there lived Huns-Hunnugurs/Onogurs. This antiquities represented a small number of ancient burials and commemorative monuments (Morskoï Chul'ek, Nizhne- Kurmoyarskaya, Yasyrev I, Liventsovsky VII). The Don finds the one hand, show a strong Byzantine influence over hunno-bulgarian nomads, which corresponds to reports of ancient authors about the political orientation of Onogurs, on the other hand contain items Central Asian tradition of supporting Eastern origin of Onogurs.

Данная работа посвящена древностям т. н. постгуннского времени* на Нижнем Дону и их культурно-историческому контексту (рис. 1). В гуннское время на этой территории проживали скорее всего гунны-акациры, занимавшие по Приску часть припонтийской Скифии [Приск Панийский, фр. 8]. Их древности выделяются условно и отличаются по ряду признаков в материальной культуре и погребальном обряде [Казанский, Мастыкова, 2009]**. Древности степного населения гуннского времени на Нижнем Дону представлены случайными находками и отдельными погребениями: Верхне-Курмоярская [Засецкая и др., 2007. С. 12, 13, рис. 1, 3], Верхне-Яблочное [Засецкая, 1994. С. 177, табл. 25, 2, 3], Елизаветовское [Иванов, 2001], ст. Ивановская [Засецкая, 1994. Рис. 21, 1], Павловка-Сулин [Древности, 1901. С. 70–72, рис. 4, 1–4], Синявка [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 77–82], возможно Танаис-Царский, если эта находка связана с кочевниками [Ильюков, 2004].

Этническая ситуация в степи постгуннского времени с известной долей вероятности восстанавливается по данным письменных источников (рис. 1, 2). Около 463 г. гунны-акациры разбиты сарагурами, составлявшими коа-

* Постгуннскому времени в степи соответствуют древности т. н. горизонта Шипово (приблизительно 430/470–530/570-е гг.). [Казанский, Мастыкова, 2010]. В их число входят в частности памятники второй хронологической группы по И. П. Засецкой [Засецкая 1994. С. 128, 130, 131], а также некоторые другие находки [Засецкая и др., 2007, С. 108–119; Засецкая, 2010; Kazanski, 2010; Храпунов, Казанский, 2015].

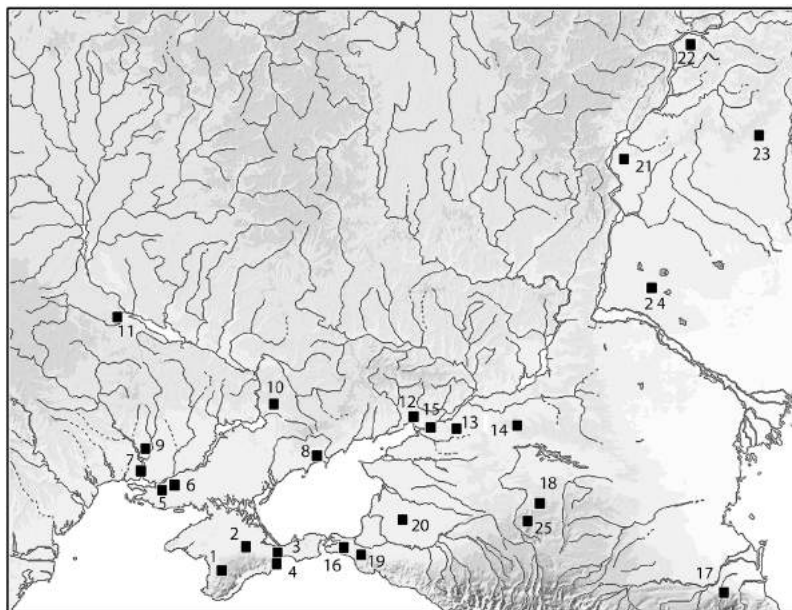
** Стоит отметить, что акациры не упоминаются при описании известного похода «царских» гуннов Васиха и Курсиха на Кавказ и в Закавказье, имевшего место ранее 433 г. Маршрут похода проходил мимо какого-то озера, в котором чаще всего видят Сиваш, Керченский пролив или даже дельту Дона [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 124]. Видимо в это время акациры находились несколько восточнее или северо-восточнее.

лицию с оногурами/хунугурами и урогами, последние, возможно, являются уграми [Артамонов, 1962. С. 76; Приск Панийский, фр. 30]. Свидетельства древних авторов второй половины V – VII вв. позволяют локализовать сарагур на Северо-Восточном Кавказе, где они действуют против персов [Приск Панийский, фр. 37], а угров где-то на Волге [Феофилакт Симокатта, VII.7.1.13; Артамонов, 1962. С. 62 – 64]. Вскоре на Северный Кавказ вторгаются гунны-савиры, пришедшие с востока [Артамонов, 1962. С. 79 – 102]. Хунугуры, занимавшиеся меховой торговлей, Иорданом не локализованы [Иордан, *Getica*, 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII- начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (автор сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота [Равеннский Аноним, IV.2]*. На этом основании хунугуров принято размещать в Северо-Восточном Приазовье, близ устья Дона [Altheim, 1952. P. 205]. Не исключено, что в течении VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» [Артамонов, 1962. С. 167 – 169; Гадло, 1979. С. 58, 69]. Локализация хунугур/оногур на Северном Кавказе ранее VII в., также предлагаемая исследователями, вряд ли может быть принята, поскольку она, по сути, исключает участие в торговле мехом, который мог поступать только с севера, из лесной зоны [Засецкая и др., 2007. С. 106; Kazanski, 2010. P. 225, 226; Казанский, 2014. С. 77].

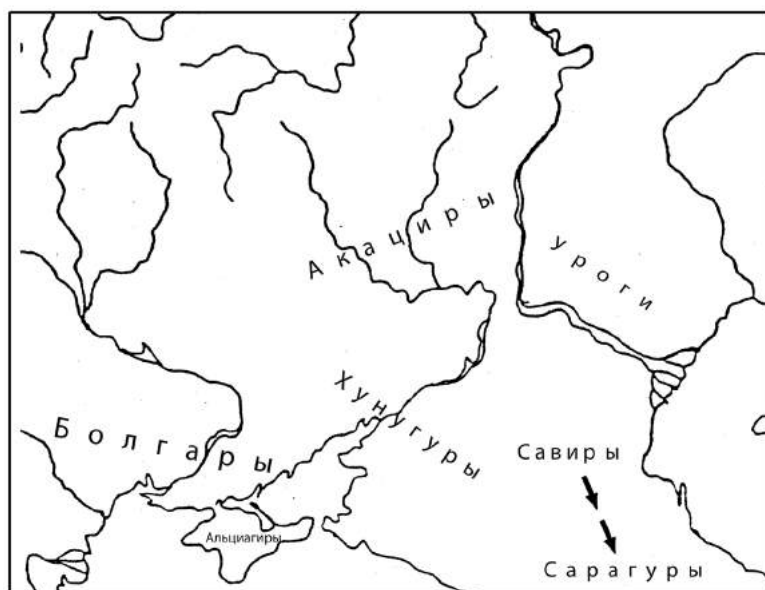
Похоже, что вторжение сарагур и их союзников резко изменило ситуацию в бассейне Дона. В это время исчезает Танаис, где самые поздние слои и погребения не заходят далее 450 – 460 гг. [см. обзор: Kazanski, 2009. P. 171 – 181; Обломский, 2010, там же подробная библиография]. Вполне возможно, что часть населения региона Танаиса около 463 г. ушла на север, в бассейн Верхнего Дона. По крайней мере культурные элементы связанные по происхождению с Танаисом в V в. здесь хорошо прослеживаются [Обломский, 2009; Обломский, 2011; Kazanski, 2009. P. 180, 181]. Акациры в пост-гуннское время оказываются оттесненными на север, возможно в верхнедонской регион или в междуречье Дона и Днепра [Иордан, *Getica*, 36, 37] [см. карты: Фурасев, 2013. Илл. 2; Обломский, 2014. Рис. 3; Казанский, 2014. Рис. 30, 1]**.

* См. Подосинов, 2002. С. 162.

** Гипотеза А. Г. Фурасьева о возможной связи акацир с оседлым населением лесной зоны [2013] нуждается, как минимум, в развернутой аргументации. Выявление памятников степных кочевников постгуннского времени на Верхнем и Среднем Дону, а также в лесостепном междуречье Дона и Днепра также может быть предметом отдельной дискуссии. По мнению А. В. Комара к их числу может быть отнесено известное погребение Животинное на Верхнем Дону [Комар, 2004. С. 177], однако такая атрибуция не является единственно возможной [Kazanski, 2009. P. 180, 181]. В междуречье Донца и Днепра А. В. Комар считает «постгуннскими» находки в Ново-Подкрыже, Константинограе и Лихачевке [Комар, 2008. С. 175 – 177]. Однако эти памятники имеют более широкую дату, включающую и гуннское время [Засецкая и др., 2007. С. 109, 110].

1

2

Рис. 1. Степные кочевники постгуннского времени:

1: Карта памятников кочевников шиповского («постгуннского») горизонта.

1: Нейзац; 2: Чикаренко; 3: Новопокровка; 4: Айвазовское; 5: Лисьи Могилы; 6: Малые Копани; 7: Оливия; 8: Дмитриевка-Вольная Вода; 9: Новая Одесса; 10: Новогригорьевка; 11: Бабичи; 12: Морской Чулек; 13: Ясырев I; 14: Верхне-Курмоярская; 15: Ливенцовский; 16: Тамань; 17: Хасав-Юрт; 18: Тугулук; 19: Михаэльсфельд; 20: Малай; 21: Покровск; 22: Владимирское; 23: Шипово; 24: Царева; 25: Татарка.

2: Карта гипотетического расселения степных кочевников постгуннского времени

Древности степных кочевников «постгуннского» времени в бассейне Дона немногочисленны, но очень выразительны (рис. 1)*. Это в первую очередь две женские «аристократические» могилы в Морском Чулеке близ дельты Дона (рис. 2–5). Они были обнаружены при строительстве железной дороги в 1868 г. Это две ингумации, не исключено что череп из второго погребения имел следы искусственной деформации. Погребения содержали женские украшения, во второй могиле, в ногах находились элементы парадной конской сбруи (рис. 5). Оба захоронения, судя по богатству инвентаря, несомненно относятся к числу «княжеских» и датируются второй половиной V — началом VI вв. [Засецкая и др., 2007]. О высоком ранге погребенной в могиле 2 свидетельствуют и два «статусных» золотых браслета с расширенными концами и латинской весовой надписью (рис. 4). Золотые калачевидные серьги, скорее всего происходящие из богатого погребения, были найдены в Верхне-Курмоярской (рис. 2, 11, 12). Они аналогичны найденным в погр. 1 Морского Чулека и по всей вероятности относятся к тому же времени [Засецкая и др. 2007. С. 12, 13].

Гораздо более скромное погребение было найдено на могильнике Ясырев I, в кургане 2 (погр. № 1) [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. С. 29]. Это подкурганная ингумация в яме, ориентированная головой на 3. В ногах находились кости конечностей и череп барана, а в головах — керамические сосуды (рис. 6, 7, 8). В состав инвентаря входили также браслеты на руках (рис. 6, 5, 6) и зеркало с довольно длинной ручкой (рис. 6, 4). В курганной насыпи было совершено захоронение лошади, связанное с данной ингумацией. Судя по инвентарю погребение женское. Зеркало имеет параллели в кургане 3 «постгуннского» могильника Шипово [Засецкая, 1994. Табл. 40, 5], что и определяет дату ясыревского захоронения.

Наконец, надо упомянуть комплекс в могильнике Ливенцовский VII, курган 35 [Безуглов, Ильюков, 2007]. Здесь была обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи (рис. 7). Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды (рис. 8). Исследователи памятника обоснованно определяют его как поминальный, подчеркивают его «воинский» характер и относят по имеющемуся инвентарю к юстиниановской эпохе [Безуглов, Ильюков. 2007. С. 36, 37].

* Не исключено, что помимо нижеперечисленных, в бассейне Дона к шиповскому горизонту (его начальной фазе?) относится фаллическая фигурка, найденная в Танаисе [об их дате см. Мастыкова, 2009. С. 82, 83]. В бассейне Верхнего Дона «постгунским» может оказаться и погр. 2 на могильнике Таганский, из раскопа 1. Это ингумация в яме, ориентированная головой на ССЗ, с черепом и костями конечностей лошади в ногах, содержавшая лук с костяными накладками, трехлопастные стрелы и костяную подпружную пряжку [Матвеев, Цыбин, 2004. С. 8–10, рис. 6, 7]. Но в целом вещи из данного погребения имеют более широкую дату и охватывают также т. н. эпоху геральдических поясов [550–670/700е гг.].

Действительно, из данного комплекса, помимо типичных тисненых накладок с характерным для шиповского горизонта декором (рис. 8, 1–21) происходят металлические детали раннего геральдического (или протогеральдического) стиля (рис. 8, 44, 47, 49, 54–58) [Богачев, 2010], а также Р-образная портупейная скоба (рис. 8, 48), которые появляются только в VI в. [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; Koch, 1999].

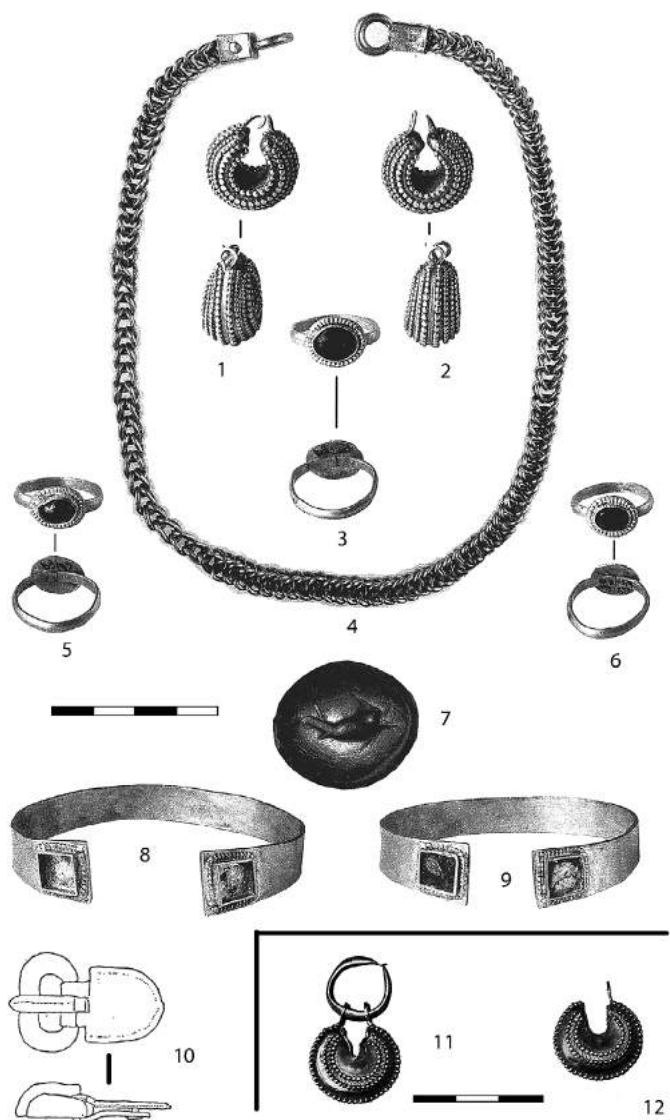

Рис. 2. Находки из погребения 1 могильника Морской Чулек (1–10) и случайная находка из станицы Курмоярская (11, 12).
[По Засецкая и др., 2007. Табл. I; Рис. 1]

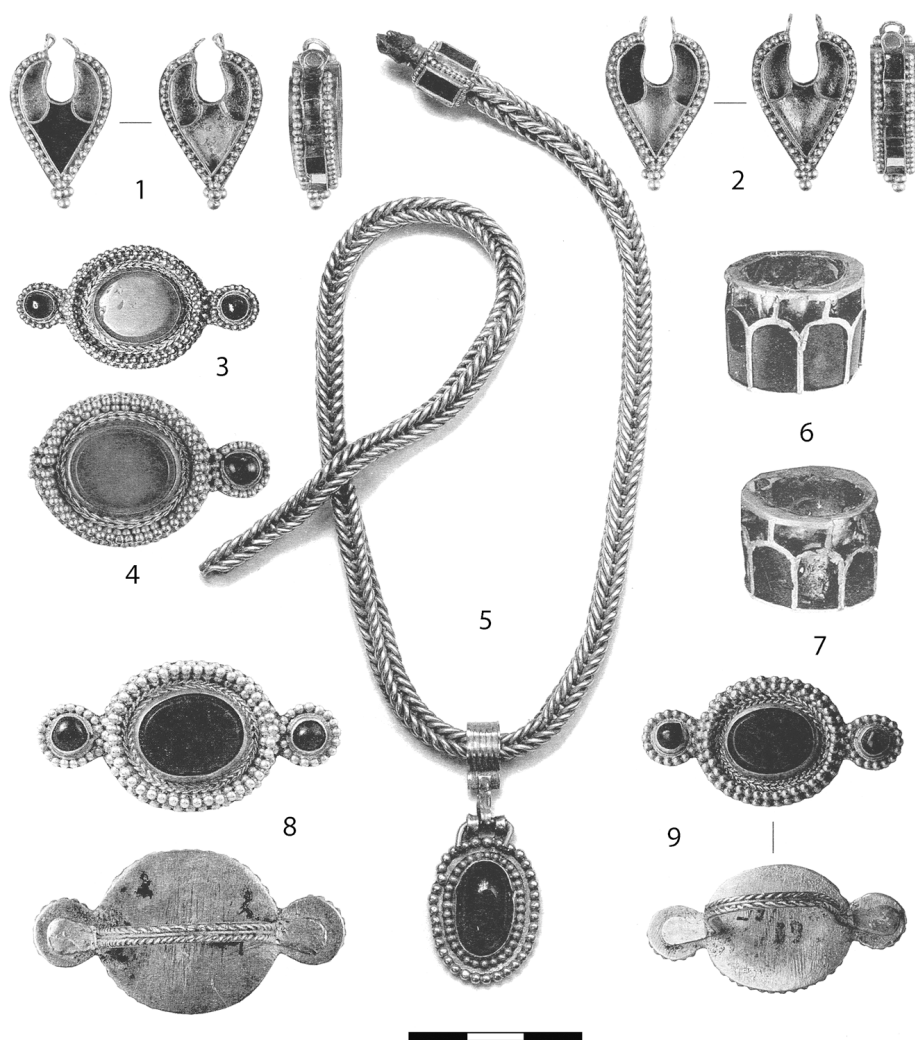

Рис. 3. Находки из погребения 2 могильника Морской Чулек.
[По Засецкая и др., 2007. Табл. II]

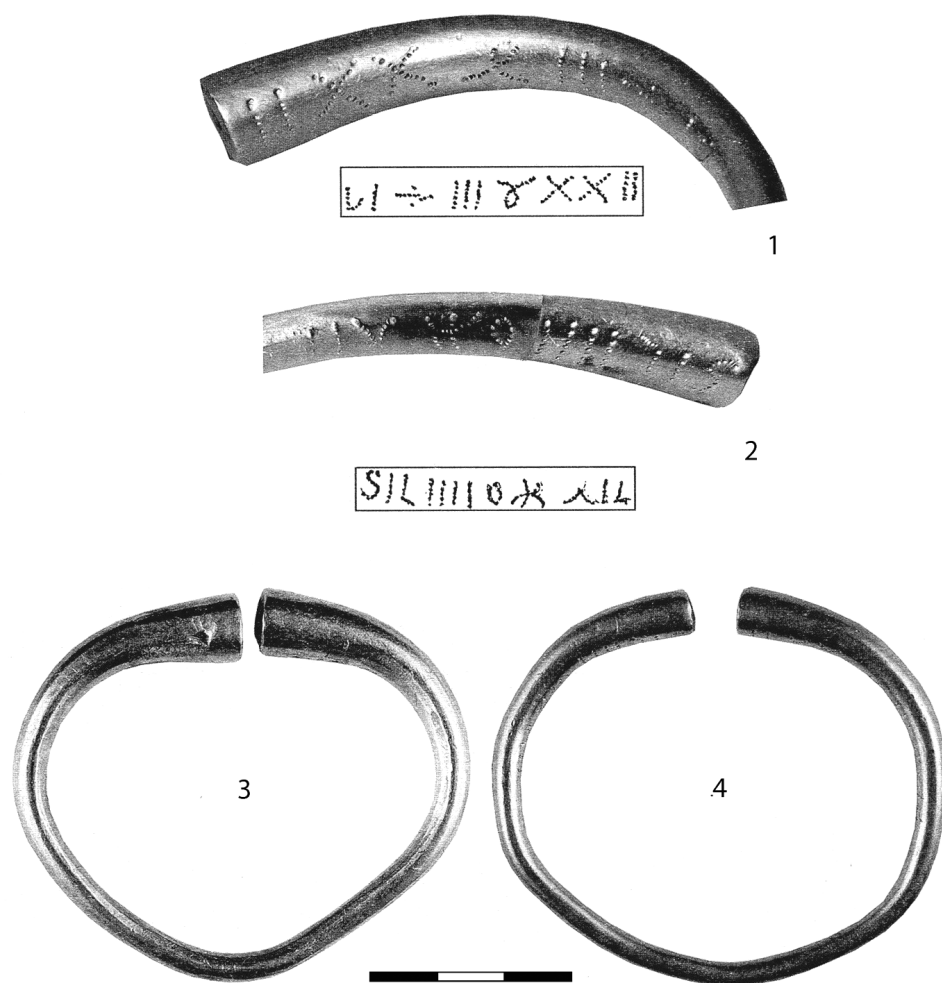

Рис. 4. Браслеты из погребения 2 могильника Морской Чулек.
[По Засецкая и др., 2007. Табл. III]

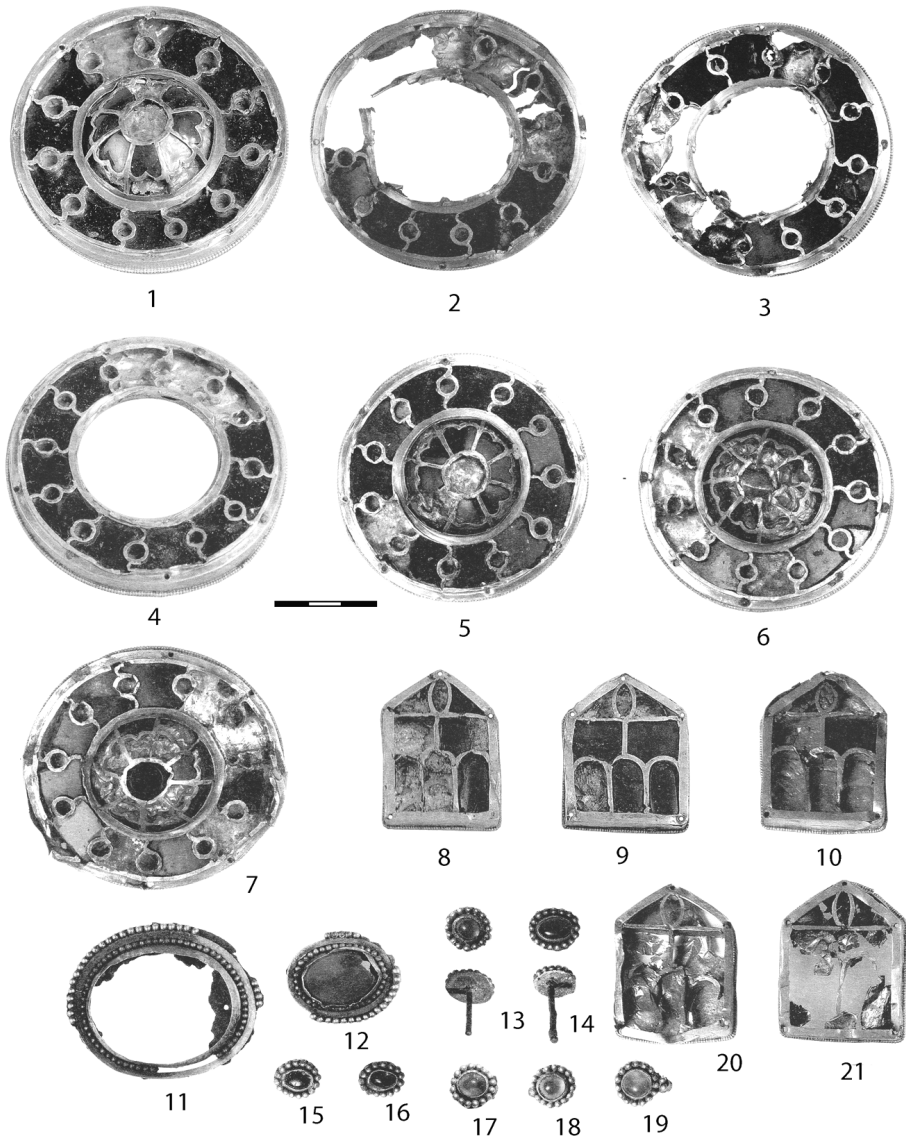

Рис. 5. Элементы конской упряжи из погребения 2 могильника Морской Чулек.
[По Засецкая и др., 2007. Табл. IV]

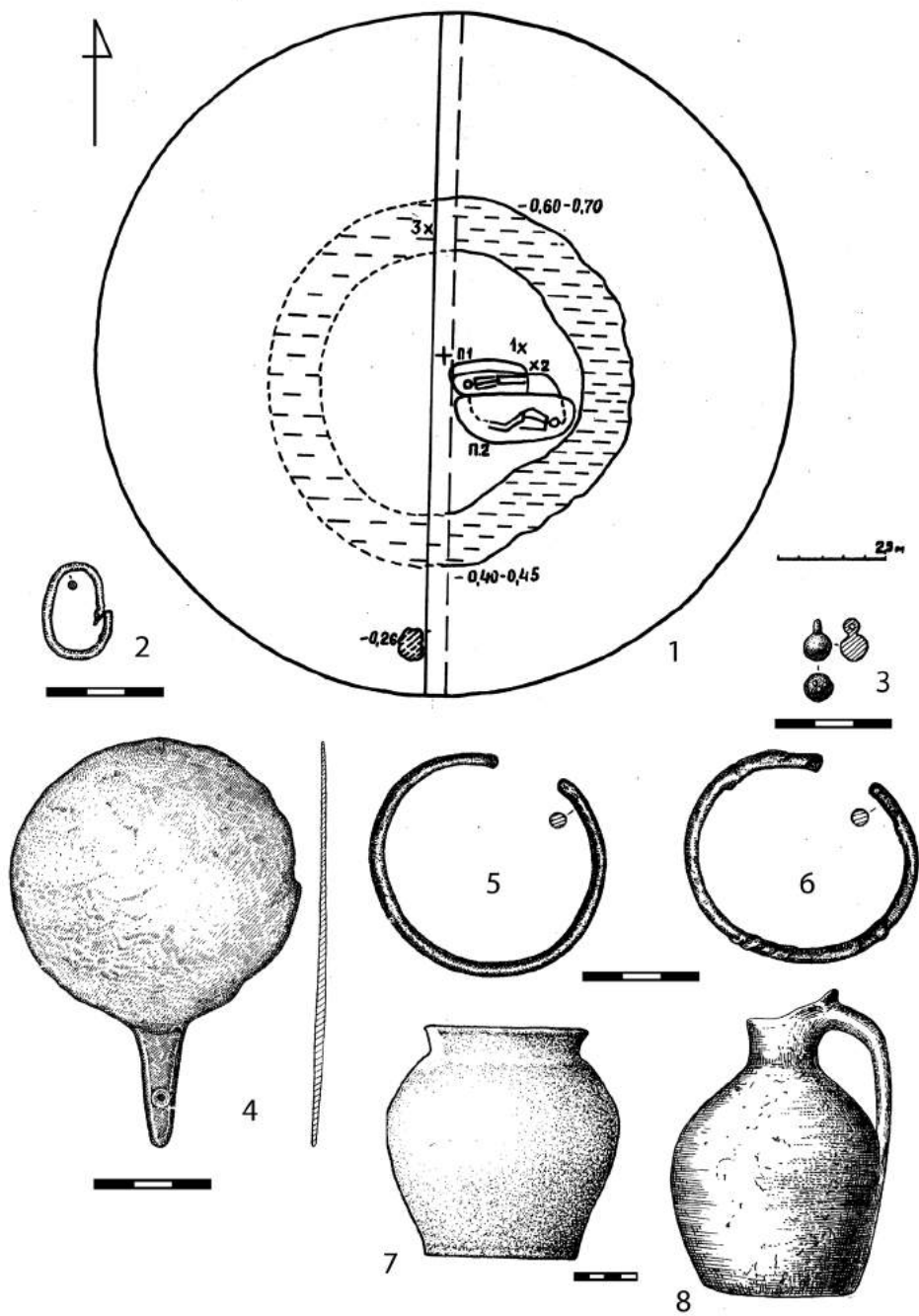

Рис. 6. Погребение в могильнике Ясырев I (курган 2, погр. 1).
[По Мошкова, Федорова-Давыдова 1974. Табл. II, 6,7,9-11; Табл. V; Табл. VI, 1,2]

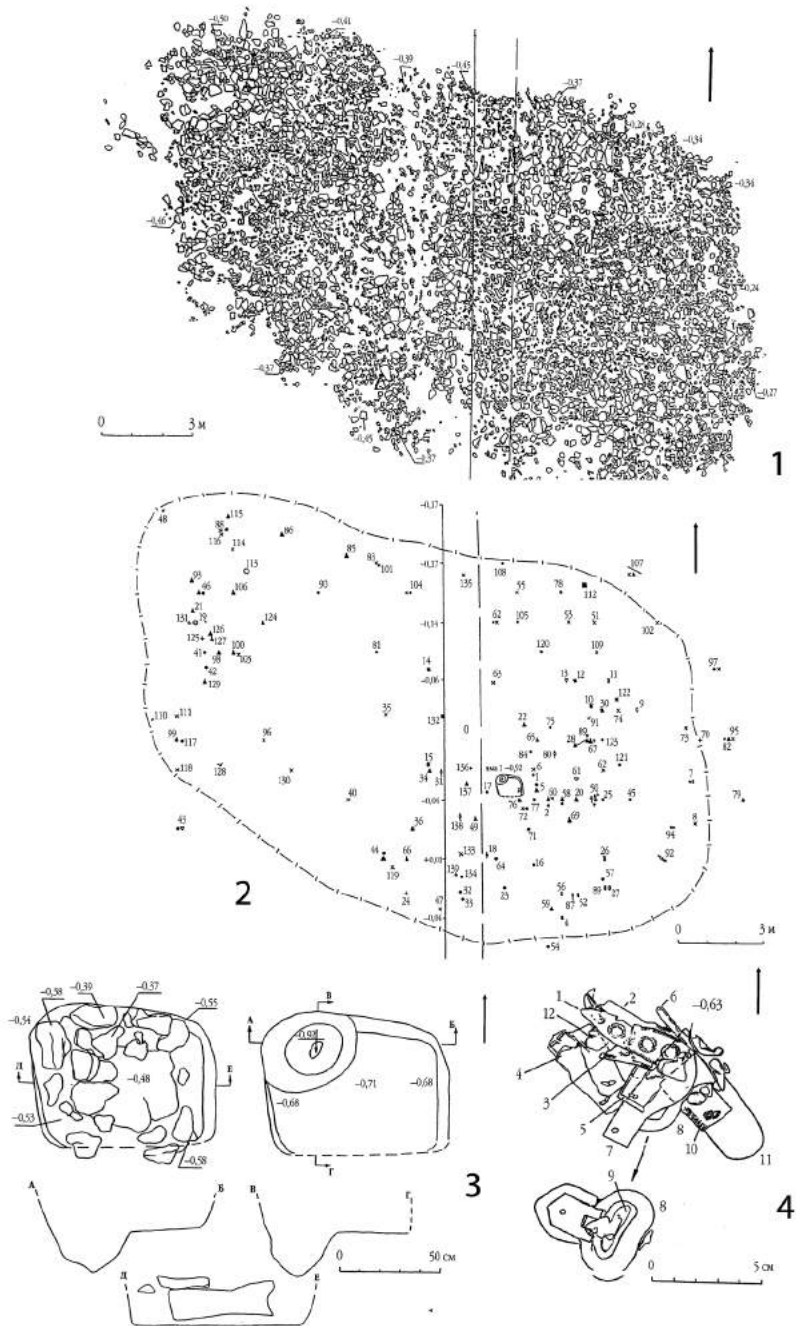

Рис. 7. Комплекс в некрополе Ливенцовский VII, курган 35.

1: план площадки; 2: схема расположения находок; 3: яма со скоплением вещей.

[По Безуглов, Ильюков, 2007. Рис. 1; Рис. 2; Рис. 3]

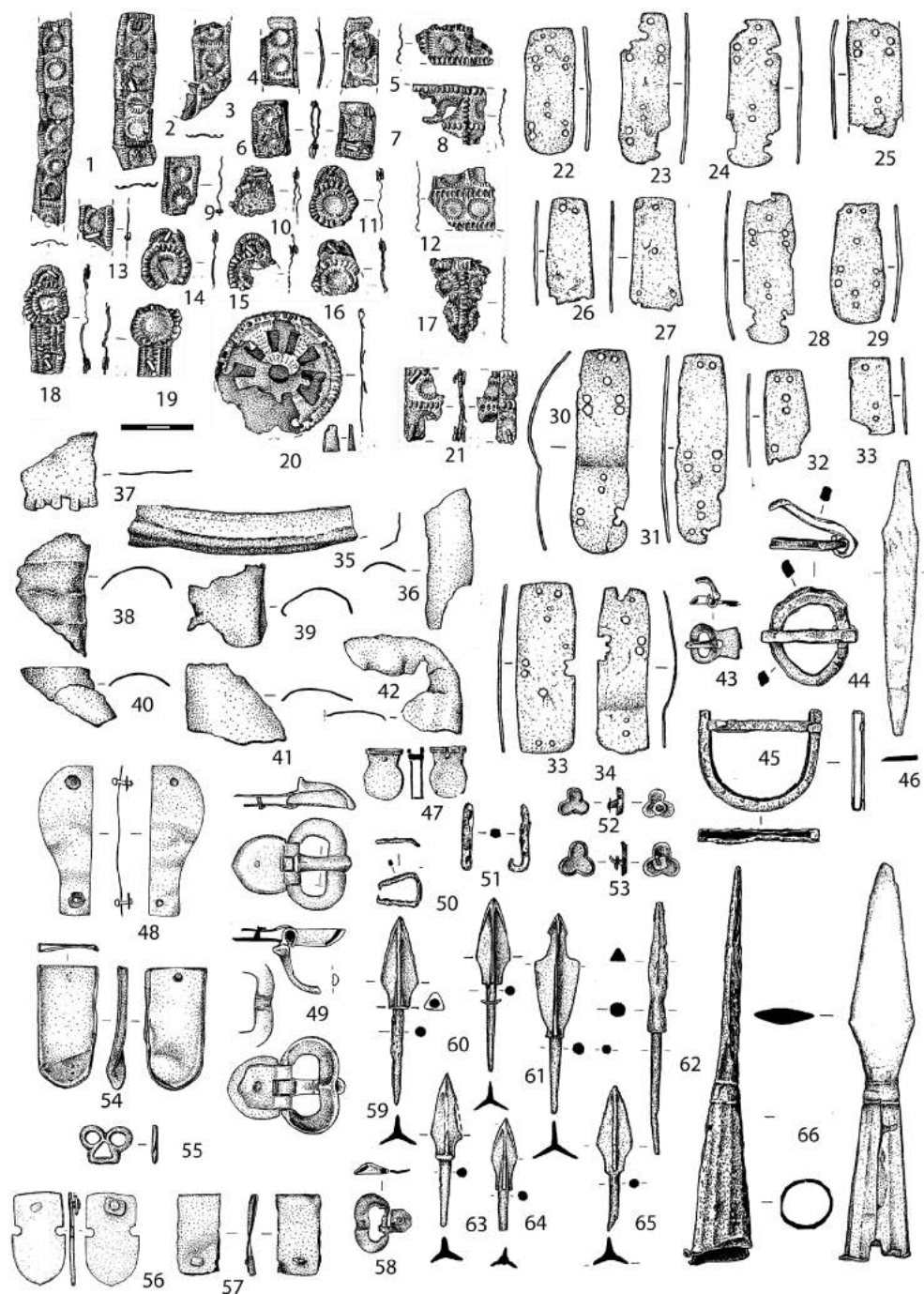

Рис. 8. Вещевые находки из кургана 35 в некрополе Ливенцовский VII.
[По Безуглов, Ильюков, 2007. Рис. 4–9]

Около 550 г. Дон, по крайней мере его нижнее течение, становится границей между кутригурами на западе и утигурами на востоке [Прокопий, Война с готами, IV.4.7–9, 5.15–21, 18.22]. Меняется военно-политическая, а также видимо и культурно-историческая ситуация. В степи для второй половины VI–середины VII вв. являются погребения с вещами геральдического стиля [Комар, 2008, там же библиография]. В донском регионе этому горизонту степных древностей соответствуют такие показательные находки как Хутор Елифанов-Красюковская [Безуглов, 1985], Пухляковский [Безуглов, Парусимов, 2013], Ясырев III, курган 5 [Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974. С. 74, табл. XXIII, 3], относимые к группам Суханово и Сивашовка по А. В. Комару [Комар, 2008].

На сегодняшний день в степях восточной Европы, между р. Урал и устьем Дуная известно менее 30 кочевнических памятников «постгуннского» (шиповского) времени (рис. 1, 1). Это в первую очередь изолированные погребения а также «поминальные» (?) комплексы, не содержавшие человеческих останков [Храпунов, Казанский, 2015]. Разумеется, на таком ограниченном материале сложно выявлять какие-либо закономерности и общие черты в погребальном обряде и в материальной культуре этого населения. К тому же, часть немногочисленных нижнедонских памятников относится к старым, плохо документированным находкам (Морской Чулек, Верхнее-Курмоярская). Можно лишь отметить, что и курганные погребения, как в Ясыреве I, и грунтовые захоронения, как в Морском Чулеке, совершенные по обряду ингумации, хорошо представлены в «постгуннских» древностях практически везде в восточноевропейских степях, хотя грунтовые погребения тяготеют, скорее, к северопонтийскому региону (например Дмитриевка-Вольная Вода, Новопокровка, Морской Чулек, погр. 1 и 2, возможно Айвазовское*) [Засецкая и др., 2007. С. 108–113; Храпунов, Казанский, 2015].

Подкурганное погребение в могильнике Ясырев I в обрядности имеет ряд параллелей среди степных памятников шиповского времени. Так, форма погребальной ямы, со ступенькой, отмечена также в Новопокровке, в Восточном Крыму [Гаврилов, 1996], а западная, с отклонениями, ориентировка костяка зафиксирована, помимо Ясырева, в прикубанском могильнике Малай, курган 1, погребение 12 [Лимберис, Марченко, 2011. С. 417–420], и в поволжском некрополе Владимирское, курган 4, погр. 2 [Засецкая, 1994. С. 186, 187], где покойники были ориентированы на ЗСЗ, и наконец, в погр. 114 крымского могильника Нейзац, где костяк был расположен головой на СЗ [Храпунов, Казанский, 2015]. Обнаруженные в ясыревском погребении кости черепа и конечностей барана также присутствуют в кургане 3 могильника Шипово [Засецкая, 1994. С. 188–190]. Сопровождающие

* Датировка этого погребения [Кругликова, 1957] нуждается в уточнении [Храпунов, Казанский, 2015].

захоронения лошадей, как в Ясыреве, также известны в степных могилах «постгуннского периода», например, Дмитриевка-Вольная Вода, Лисьи Могилы [Засецкая и др., 2007. С. 108–110]; Малай курган 1, погр. 12 [Лимберис, Марченко, 2011. С. 420–422]; Нейзац, погр. 114 [Храпунов, Казанский, 2015]. Помещение керамических сосудов в головах покойного отмечено как в погребении могильника Ясырев I, так и в степных захоронениях того же времени в Тутулук 3, курган 4, погр. 5, на Ставрополье [Ляхов, Мячин, 2010] и в уже упоминавшемся крымском погребении Айвазовское [Кругликова, 1957].

Еще один обрядовый элемент, присутствующий в нижнедонских погребениях, это искусственная деформация черепа, вроде бы отмеченная в погр. 2 Морской Чулек (см. выше). В захоронениях шиповского периода деформированные черепа известны в Нейзаце, погр. 114 [Храпунов, Казанский, 2015] и в курганах 2 и у могильника Шипово [Засецкая, 1994. С. 190, 191].

Материальная культура нижнедонских кочевников в целом типична для восточноевропейских степных народов «постгуннского» времени. Это вещи со штампованным декором, как в Ливенцовском комплексе (рис. 8, 1–21), характерные для второй хронологической группы по И. П. Засецкой [1994. С. 126–128], различные элементы ременной гарнитуры, в том числе овальные и В-образные пряжки со щитком (Морской Чулек, Ливенцовский: рис. 1, 10; рис. 8, 49), детали протогеральдического стиля (Ливенцовский: рис. 8, 47, 49, 54–48), округлобокие лепные сосуды, типа найденных в Ясыреве I (рис. 6, 7), трехлопастные стрелы (Ливенцовский: Рис. 8, 59–61, 63–65).

Особо стоит отметить «княжеский» женский убор из погребений в Морском Чулеке (рис. 2, 3–7; рис. 3; рис. 4), имеющий византийское происхождение, который, вместе с находками в Ольвии и Михаэльсфельде свидетельствует об изменении в «постгуннское» время, по сравнению с предшествующим гуннским периодом, престижной женской моды [Засецкая, 2010; Казанский, Мاستыкова, 2014]. О том же византийском влиянии и «парадный» византийский конский убор (рис. 5, 1–10, 20, 21) из погр. 2 в Морском Чулеке [Засецкая и др., 2007. С. 60–75].

Вторым важным элементом материальной культуры степняков Нижнего Дона является центральноазиатский. Он проявляется прежде всего в присутствии элементов конского снаряжения в погр. 2 могильника Морской Чулек (рис. 5, 11–19), которое имеет параллели в таких погребениях как Шамси в Киргизии [Засецкая и др., 2007. С. 75–80] или Аржан Бугузун в Южной Сибири [Кубарев, 2010]. Подобное снаряжение представлено и в «постгуннском» погр. 114 крымского могильника Нейзац [Храпунов, Казанский, 2015]. Скорее всего центральноазиатским по происхождению является и зеркало из могильника Ясырев I (рис. 6, 4), имеющее параллели в могильнике Шипово, но особенно в материалах культуры Джеты-Асар в Восточном Приаралье [Левина, 1993. Рис. 49; Левина, 1993а. Рис. 85; Леви-

на, 1994. Рис. 176–185; Левина, 1996. Рис. 152–155]. Как показала И. П. Засецкая [1994. С. 39], азиатскими по происхождению являются и «ярусные» трехлопастные стрелы, вроде найденных в Левенцовском комплексе (рис. 8, 61). Наконеч Р-образная портупейная скоба из Ливенцовского могильника (рис. 8, 48) имеет прототипы в древностях VI в. в Китае, Южной Корее и у кочевников степей Центральной Азии [Zaseckaja, 1993; Koch, 1998; Koch, 1999].

Итак, донские материалы с одной стороны, свидетельствуют о сильном византийском влиянии на донских кочевников, что соответствует сообщениям древних авторов о политической ориентации оногур, а с другой стороны содержат вещи центральноазиатской традиции (Морской Чулек, Ясырев I), подтверждающие восточное происхождение оногур.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. — М. : Палеограф, 2001. — 276 с.
- Артамонов М. И. История хазар. — Л. : Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. — 524 с.
- Безуглов С. И. Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону // Советская Археология, 1985. — № 2. — С. 248–252.
- Безуглов С. И. Парусимов И. И. Раннесредневековые погребения у хутора Пухляковский на Нижнем Дону // Хазарские древности / Коллектив авторов — Ростов-на-Дону : Аксай, 2013. — С. 256–261.
- Безуглов С. И., Илюков Л. С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. — М. ; Иерусалим : Мосты культуры, 2007. — С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона ; Вып. II).
- Богачев А. В. В поисках стиля : состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдического стиля // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия / Отв. ред. Д. А. Сташенков. — Самара : Офорт, 2010. — С. 155–168.
- Гаврилов А. В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии, 1996. — Вып. V. — С. 111–113.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1979. — 216 с.
- Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. Протоколы заседаний. — М., 1901. — Т. XIX-2.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). — СПб. : АО «Эллипс ЛТД», 1994. — 222 с.
- Засецкая И. П. Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья [к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности] // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, 2010. — Вып. 38. — С. 123–159.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. — СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. — 212 с.
- Иванов А. А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // Российская Археология, 2001. — № 2. — С. 119–121.
- Илюков Л. С. Курган из окрестностей Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов : Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2004. — Вып. 12. — С. 341–345.

- Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб. : Алатай, 2001. — 512 с.
- Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. — М. : ИА РАН, 2014. — С. 45—137.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / начн. ред. и предисл. А. Г. Фурасьев. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009 — С. 114—126
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской Археологический Сборник, 2010. — Вып. 5. — С. 93—104.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. — Краснодар : Традиция, 2014. — С. 97—108.
- Комар А. В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. — Киев-Судак : Академперіодика, 2004. — С. 169—200.
- Комар А. В. Памятники типа Суханово : к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. // Сугдейский сборник, 2008. — Вып. III. — С. 87—117.
- Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. н. э. у дер. Айвазовское. Советская Археология, 1957. — № 2. — С. 253—257.
- Кубарев Г. В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Отв. ред. А. А. Тишкин — Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. — Барнаул : Азбука, 2010. — С. 27—31.
- Левина Л. М. Джетысарские склепы // Отв. ред. Б. И. Вайнберг — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетасарская культура. Часть I. Склепы. М. : РАН, Институт Этнологии и Антропологии, 1993. — С. 33—198.
- Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Беданк-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Отв. ред. С. А. Трудновская — Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетасарская культура. Часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М. : РАН, Институт Этнологии и Антропологии, 1993а. — С. 32—193.
- Левина Л. М. Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск IV. Джетысарская культура. Часть 3—4. Могильники Алтынасар 4. — М. : РАН, Институт Этнологии и Антропологии, 1994. — 121 с.
- Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. — М. : Восточная литература, 1996. — 396 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. Шаров О. В. — СПб. ; Кишенев : Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. — С. 417—442 (Библиотека Stratum plus).
- Ляхов С. В., Мячин С. В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тугулук Ставропольского края // Археология Восточноевропейской степи, 2010. — Вып. 8. — С. 225—230.
- Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. — М. : ИА РАН, 2009. — 502 с.
- Матвеев Ю. П., Цыбин М. В. Таганский грунтовый могильник. — Воронеж : Воронежский Государственный университет, 2004. — 78 с. (Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6).
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. I // Отв. ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов / М. : Наука, 1974. — С. 21—127.

- Обломский А. М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». — Воронеж, 2009. — Вып. 1 : Археология. — С. 252–267.
- Обломский А. М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. — Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. — Тула : Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. — С. 174–202.
- Обломский А. М. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О. В. Шаров. — СПб.; Кишенев : Университет «Высшая антропологическая школа», 2011. — С. 443–462. (Библиотека Stratum plus).
- Обломский А. М. Карта Скифии по «Гетике» Иордана // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. — Москва : ИА РАН, 2014. — С. 13–25.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. — М. : Индрик, 2002. — 488 с.
- Приск Панийский Готская история // В. В. Латышев Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. — СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1890. — С. 810–847.
- Прокопий из Кесарии Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. — М. : Издательство АН СССР, 1950. — 516 с.
- Равеннский Аноним Космография // А. В. Подосинов Восточная Европа в римской картографической традиции. — М. : Индрик, 2002. — С. 161–286.
- Феофилакт Симокатта История. Перевод С. П. Кондратьева. — М. : Издательство Академии Наук СССР, 1957. — 224 с.
- Фурасьев А. Г. Акациры — соседи эстиев // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, 2013. — Вып. 39 — С. 185–196.
- Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V — первой половины VI в. — Краткие Сообщения Института Археологии, 2015. — Вып. 238. — С. 167–190.
- Altheim F. Attila et les Huns. — Paris : Payot, 1952. — 230 p.
- Kazanski M. Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologicae Antiquitatis et Medii Aevi V). Bucarest-Brăila, Editura Academiei Române, 2009. — 489 p.
- Kazanski M. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G. H. Jeute. = 2010, Rahden/Westf. : Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. — S. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria; 31).
- Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriemenhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 1998, — Jg. 45 — S. 571–598.
- Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-no, Kyôngju (Südkorea) // Archäologisches Korrespondenzblatt, 1999 — Bd. 29 — S. 407–423.
- Zaseckaja I. To the Dating of the Dagger from Borovoe-Lake find in Kazakhstan // F. Vallet, M. Kazanski (dir.), — L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. — Saint-Germain-en-Laye : AFAM, 1993. — P. 437–444.

К. И. Красильников

**«БУЛГ-Р ... ВСЕ ОНИ МНЕ СЛУЖАТ
И ПЛАТЯТ МНЕ ДАНЬ»^{*}
(НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КОММЕНТАРИИ)**

The status of the peoples that were subservient to the Khazar Khaganate should be considered taking into account its economic, military, geo-strategic, demographic, service problems that we know from the Khazars. In regard to proto-Bulgarians should be mentioned that they were paying tribute in the form of fodder for the maintenance of the cavalry. In addition, they attracted to military service, performance of works during the construction of forts, administrative and service work and other duties, which were accompanied by forced migration.

Статус народов, подвластных Хазарскому каганату, прежде всего праболгар, «булг-р», войнами включенных в государственное образование, следует рассматривать не только с учетом его внутренних хозяйственно-экономических задач, но, что не менее важно, внешних геостратегических проблем, о чем не умалчивают сами хазары [Коковцов, 1932. С. 9; Артамонов, 1962. С. 171–172; Плетнева, 1976. С. 7–11]. О характере зависимости различных этносов, как тех, которые непосредственно входили в территориальные пространства каганата, так и примыкавших к нему, сообщается в хазарских текстах, датированных серединой X в. Степень достоверности содержания еврейско-хазарской переписки, опубликованной А.Я Гаркави и П. К. Коковцовым с комментариями событий, происходивших более тысячи лет назад, вопросы самостоятельного исследования. Нас, в контексте ими предложенных переводов, интересуют факты, засвидетельствованные археологией на раскапываемых в Подонцовье поселениях и некрополях, в том числе отдельных захоронениях, оставленных этносами, обитавшими в степных и лесостепных зонах юго-востока Восточной Европы в хазарское время. Известно, что аланам, являвшимся населением лесостепного массива, он же одноименный «вариант» [С. А. Плетнева] салтово-маяцкой культуры (СМК), расселившимся вдоль северо-западного пограничья каганата, видимо, доверили охрану в пределах «демаркационной зоны», разделяя

^{*} Фрагмент из текста пространной редакции письма царя хазар Иосифа [Плетнева, 1976. С. 9–10].

ющей славян и хазар [Плетнева, 1967. С. 25–35; 1989. С. 268; 1999. С. 24 и сл.; Винников, Плетнёва, 1998. С. 18].

Признаки пограничья здесь прослеживаются по укрепленным городищам, белокаменным [Афанасьев, 1987. С. 88–142] и кирпичным крепостям [Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204–225]. Военизированность здешнего населения подтверждают захоронения воинов с оружием, погребения всадников с соответствующей амуницией и коней с упряжью [Мерперт, 1955. С. 131–168; Аксьонов, 2000. С. 7–13].

Ничего подобного в степных массивах СМК Подонцовья, то есть к югу от лесостепей, у проживавших здесь праболгар, не наблюдается. Степная периферия каганата была, видимо, связана исключительно с хозяйственными интересами хазар [Апареева, Красильников, 2011. С. 189–190]. Участие праболгар в системах военных контингентов, в этой части территории каганата, не находят подтверждений [Красильников, 2009. С. 371–384]. Обязанности местного населения определялись экономическими задачами каганата, администрация которого, видимо, не только регламентировала порядок сбора дани, но определяла приоритеты хозяйственных отраслей. На факты даннических обязанностей населения, обитавшего в бассейнах рек степного массива Подонцовья, впервые обратил внимание И. И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1958. С. 140]. В настоящее время мы располагаем археологическими материалами, свидетельствующими не только о продуктово-фуражном содержании дани, но, что не менее важно, организации её исполнения [Красильникова, Красильников, 2013. С. 163–164]. Вероятно, население каждого отдельно взятого территориально-локального массива, с учетом потенциальных природных возможностей приселищных зон, было обязано выполнять определенные виды и объемы повинностей, чем обеспечивало каганату хозяйственно-экономическую стабильность [Калинина, 2010. С. 33–35].

Убедительным примером являются раскрытые в степном Подонцовье хозяйственные комплексы, как, например, амбары – сооружения с общим объемом ям до 30–35 м³ и, здесь же на поселении при бытовых постройках индивидуального пользования, хозяева, средний объем которых в пределах 1,4–1,8 м³, максимум 2 м³.

В заполненном состоянии ям, в системе амбаров коллективного одновременного складирования, определяем до 20 тонн злаковых культур, в системе индивидуального хозяйства до 1,3–1,5 тонны, что, вероятно, достаточно для годовичного обеспечения зерновыми продуктами семьи из 5–6 человек при норме потребления до 200–210 кг на индивида в год. Анализы палеоэтноботанических материалов, проведенные в лаборатории физико-химических методов ИА НАН Украины Г. А. Пашкевич определили различный состав злаков из ям в хозяйственно-амбарных и ям из жилищно-бытовых строений. В первом случае заметно преобладают фуражные культуры: овес – 55 %, ячмень – 33 % (суммарно 88 %), необходимые для

обеспечения конных контингентов хазарского войска. Пищевые же злаки, как, например, пшеница здесь же составляет менее 1 %, просо до 2 % [Пашкевич, 1991; Пашкевич, Горбаненко, 2002. С. 133–144; Колода, Горбаненко, 2010. С. 147]. О практике выращивания культурных пищевых и фуражных злаков свидетельствуют семена сорняков, традиционно сопровождающих эти растения. В частности, в лаборатории палеоэтноботаники Луганского университета (зав. лабораторией доктор сельхоз наук, профессор Н. И. Конопля) определили наличие в этих же ямах семена 114 видов идентифицированных сорняков, из которых 90 % представляли местную природную флору, сопровождающую злаки, 10 % – приносную. С учетом биогрупп 41 % семян сорняков – яровые, 29 % – многолетние, 21 % – озимые, 9 % – двухгодичные. В целом, общая масса сорных семян в зерновых ямах составляла 4 %, что указывает на невысокий уровень засоренности полей, связанных с выращиванием культурных злаков.

В хозяйствах при жилищах подворий, как и в керамических тарных емкостях, предназначенных под хранение семейных припасов, а также в некоторых горшках из погребений здешнего населения, в преобладающей степени обнаруживаем злаки в виде проса-пшена. Факты его регулярного потребления населением подтверждены биохимическими анализами костных останков из ямных могил праболгар Подонцовья, выполненными И. К. Решетовой.

Выводы археологов, палеоэтноботаников, палеоантропологов в комплексе позволяют гарантировать надежность исторических событий, происходивших в системе хозяйственных взаимоотношений хазар и податного им населения.

Плательщиками дани хазарам, как известно, являлись отдельные племена, которые территориально примыкали к каганату [Петрухин, 2008. С. 52–55; Гиппиус, 2011. С. 49–54]. В этой связи, осуществлять фискальную деятельность на всем пространстве пребывания податного каганату населения, тем более на землях отдаленных от прямого контроля хазарской администрацией, задача далеко не из простых. Следует также учитывать проблемы, связанные с охраной границ, протянувшихся на тысячи километров, усилия по сдерживанию натиска кочевников Центральной Азии и, конечно же, военной экспансии Багдадского халифата с юга. Естественно, военных контингентов в 10–12 тысяч всадников, которыми реально мог располагать каганат, для решения внутренних, а тем более внешних оборонительных задач явно недостаточно [Калинина, 2011. С. 98]. В северо-западном направлении проблема прикрытия границ, как известно, отчасти была решена путем привлечения переселенцев-алан. Причины, «толкнувшие» северокавказских алан к массовой миграции в европейские лесостепи, окончательно не установлены. Ими могли быть арабо-хазарские войны, в которые оказались втянутыми тамошние аланы [Плетнева, 1967. С. 91], возможно, вторжение на территории обитания

алан «протоболгар» [Кузнецов, 1964. С. 34–39; Ковалевская, 1984. С. 173], вероятны факторы, касающиеся трансформаций хозяйственных и социально-политических систем в среде этого этноса, другие ситуации. Каковы бы ни были мотивы их переселений, необходимо учесть, что такого рода массовые перемещения этносов без санкции хазар были бы невозможны [Афанасьев, 1981. С. 63]. В этой связи несложно обозначить направление использования переселенцев в качестве реальной силы для защиты территорий в целом, либо отдельных участков обширного северо-западного пограничья Хазарского каганата [Плетнева, 1967. С. 91; Афанасьев, 1987. С. 88–132; Винников, Плетнева. 1998, С. 27], путем создания хозяйственно-военизированных поселений [Плетнева, 1989. С. 278]. Для решения оперативных задач, естественно, необходимы специальные мобильные военные и административные команды, вероятно, создаваемые из числа местных, подчиненных каганату, этноконтингентов, которые не были бы связаны с хозяйственной оседлостью и выполняли различные служебные обязанности. Среди таковых этносов, населявших степные пространства хазарской периферии, мог быть, упомянутый в письменных источниках, народ «булг-р».

Археологические данные СМК определяют традиционные регионы заселения праболгар в степном Подонье и Подонцовье [Красильников, 1980. С. 18–22; 1981. С. 110–125]. Однако имеются свидетельства, подтверждающие присутствие мигрантов праболгар за пределами степей. Сошлёмся на имеющиеся факты их обитания в лесостепи.

Ямные погребения в лесостепном массиве, в системе аланских катакомбных могильников, впервые обнаружены В. А. Бабенко при исследовании Верхне-Салтовского комплекса (1906 и 1911 гг.). В обоих случаях захоронения были им, а позднее и С. А. Семеновым-Зусером, отнесены к пост-хазарскому времени, точнее, к древностям славян [Афанасьев, 1987. С. 147 и сл.]. Н. Я. Мерперт, проанализировав вещевые материалы из ямных могил, показал, что катакомбные и ямные захоронения Верхне-Салтовского комплекса одновременны. Этот факт, в частности, подтверждали дирхемы с признаками общей им эмиссии. Сам факт присутствия среди катакомб погребений, выполненных в ямах, Н. Я. Мерперт связывает с проникновением в аланскую этносреду групп населения из соседнего степного региона [Мерперт, 1957. С. 33–37]. И теперь, спустя более 100 лет с момента обнаружения на катакомбных некрополях ямных захоронений, проблема присутствия праболгар в среде алан не утрачивает актуальности [Хоружая, 2012. С. 429–443]. Этнический образ населения, обитавшего в лесостепных массивах, в хазарское время сохранившего зливкинские погребальные традиции, обозначил И. И. Ляпушкин. Ими, по его мнению, были племена болгар, оказавшиеся под властью каганата [Ляпушкин, 1958. С. 147]. Данную точку зрения, ссылаясь на материалы Нетайловского могильника, поддержали Д. Т. Березовец и О. В. Пархоменко [1986. С. 219].

Праболгарскую версию принадлежности захоронений в ямных могилах среди алан усиливают материалы Дмитриевского могильника. С. А. Плетнёва полагает, что в конструкциях ямного типа (Дмитриевском некрополе. — К. К.) погребены две этносоциальные категории СМК, одна из них — слуги-рабы из среды алан, другая — болгары-переселенцы [Плетнева, 1972. С. 108—112]. Позднее обстоятельства нахождения среди катакомбных захоронений ямных могил автором пересмотрены в направлении военизированной части населения, размещенного хазарами вдоль северо-западных рубежей каганата [Плетнева, 1989. С. 268—269, 278]. В этой связи захоронения праболгар на Нижнее Лубянском, Ютановском, Маяцком [Флеров, 1989. С. 46—59; Кашкин, 2009. С. 41—42] и других некрополях алан, не вызывают недоумений. Ямные могилы на них составляют от 0,7 до 6,7 % к числу захоронений выполненных в катакомбах.

В дискуссии, касающейся ямных погребальных сооружений на аланских могильниках, приняли участие специалисты-алановеды Г. Е. Афанасьев и О. Б. Бубенок. Оба автора, говоря о практике захоронений в ямах, обнаруженных в условиях компактного пребывания аланского этноса, акцентируют внимание на роли и месте семейно-брачных традиций и социальных половозрастных признаков погребенных [Афанасьев, 1987. С. 148—149; Бубенок 1993. С. 49—53]. На наш взгляд, недостающим звеном предложенного ими подхода является отсутствие анализа инвентарных комплексов, с помощью которых позиции авторов, возможно, оказались бы аргументированными, следовательно, более убедительными.

В лесостепном массиве СМК известен не только погребально-обрядовый биритуализм, но и полностью ямные некрополи. Примером может служить могильник Нетайловка, включающий 122 захоронения зливкинско-го типа [Березовец, 1962. С. 18—22]. Материалы этого некрополя длительное время являлись объектом полемики этнохронологических направлений [Пархоменко, 1983. С. 75 и сл.; Зиневич, 1967. С. 152—153]. Определенная ясность в содержание могильника внесена исследованиями проблемного комплекса В. К. Михеевым, А. В. Крыгановым, В. С. Аксёновым. В частности, они особое внимание обратили на материалы тех ямных погребений, в которых находились останки коней. Выводы исследователей недвусмысленны — ингумированные люди с конями из лесостепного микрорегиона Северского Донца относятся к тюркско-угорскому населению, входящему в состав объединения праболгар [Аксёнов, 2000 С. 15; 2006. С. 51—63; Аксёнов, Крыганов. 2009. С. 34]. Видимо, такой контингент мог составить ядро конного строя войска, сконцентрированного хазарами на одном из участков северо-западного пограничья каганата.

Знаковым ямным могильником лесостепи следует считать Волоконовский, обустроенный вблизи аланского комплекса Ютановка [Плетнева, Николаенко, 1976. С. 279—298]. Принадлежность погребенных волоконовской группы к болгарам подтверждают не только обрядово-инвентарные при-

знаки, но и антропокраниометрические характеристики черепов. Обработав основную часть находок, Т. С. Кондукторова пришла к заключению, что вся серия черепов могильника соответствует зливкинскому морфологическому типу [Кондукторова, 1984. С. 236], версия же, касающаяся появления болгарской общины в лесостепном Поосколье, изложена С. А. Плетнёвой. По мнению автора, болгары в Поосколье — следствие их бегства от печенегов. Однако, ямные захоронения лесостепного массива нередко содержат вещи и даже наборы, которые вряд ли можно связывать с беженцами. К таковым относим военную амуницию, оружие, упряжь, иногда взнузданные кони, тризны и жертвенники из туш животных и другое [Михеев, 1990. С. 50].

Показательны в этом плане материалы Мандровского могильника на р. Валуи, бассейн р. Оскол, на котором расчищено около 50 ямных захоронений, ритуальные тризны, погребения коней с деталями упряжи [Винников, Сарапулкин, 2001. С. 55–65]. Инвентарные комплексы, в сочетании с формами могил, позами и обрядами погребенных, обозначают не только их принадлежность к праболгарам, но одновременно статус особей при жизненном и посмертном состояниях. Например, поясная гарнитура — признак не только военноподданности, военноподданности, но рангового различия воинов, идентификатор сложившегося в среде хазаро-алан и болгар социального этикета [Плетнева, 1967. С. 164; 1999. С. 39; Ковалевская, 1979. С. 36–37]. Принадлежность населения к военному делу обосновывают захоронения коней с деталями упряжи [Винников, Сарапулкин, 2008. С. 27–28, 34–36]. В этой связи Мандровский могильник еще раз инициирует осмысление обстоятельств пребывания военизированных групп праболгар в лесостепном Поосколье.

Однако не только системой мобильных структур, к примеру, конницей обеспечивалась охрана рубежей Хазарии. Г. Е. Афанасьев, анализируя организацию обороны территории каганата, обозначает мероприятия администрации по защите северо-западного пограничья посредством строительства крепостей с привлечением для их возведения специалистов-фортификаторов из Византии [Афанасьев, 1987. С. 88 и сл.; Афанасьев, Красильников, 2012. С. 209–219; Калинина, Флеров, Петрухин, 2014. С. 147–153]. Здесь, в частности, выявлено 23 укрепленных городища, из которых, около 8 являлись по настоящему фортами, вполне соответствующими своему предназначению.

Динамика военно-политических взаимоотношений Каганата, Византии и смежных государственных образований, представленная в письменных свидетельствах, в основном не хазарского происхождения, позволяет проследить тенденции и усилия Византии к консолидации сил против арабского Халифата [Тортика, 2015 (см. настоящее издание)]. В свою очередь, факты, свидетельствующие о формировании византийского вектора в хазарской внешней политике, немногочисленны. По существу лишь еврей-

ско-хазарская переписка, считает А. А. Тортика, обозначила устремления хазарской внешнеполитической линии в направлении к Византии, которая нашла понимание и реализацию в её императорских кругах. В данном случае речь идет о взаимодействии двух государств, для которых первостепенное место занимают вопросы регулярно усиливающейся с конца VII — начала VIII вв. военной экспансии арабов в пространственные территории хазарских и византийских владений [Артамонов, 1962. С. 202—260; Гадлю, 1979. С. 156—169; Новосельцев, 1990. С. 174]. В этой связи в первой половине, середине IX в. в системе хазаро-византийских отношений наметились реальные мероприятия взаимодействий по совместной защите стратегического волго-донского междуречья, как основного региона водных артерий, посредством строительства здесь, при участии византийцев, крепости Саркел [Константин Багрянородный, 1991. С. 171; Продолжатель Феофан, 2009. С. 83—84]. Тогда же, в условиях достаточно тесных и, видимо, взаимно необходимых союзнических отношений, возникли идеи возведения серии фортов не только на Дону, но и его притоках. Обнаруженные каменно-кирпичные крепости (Маяцкая, Колтуновская, Красная) свидетельствуют об использовании византийских знаний и навыков архитектурно-военного зодчества, засвидетельствованных в общих системах планировок фортов и строительных материалах, технике оформления «фундаментов», кладки стен [Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204—225]. Естественно, каменщиками, кирпичниками и растворщиками были не византийцы, а, вероятнее всего, местные народы, освоившие строительные навыки [Калинина, Флеров, Петрухин, 2014. С. 147—153], в том числе из привлеченных к трудовым повинностям групп подчиненного населения, какими, к примеру, могли быть степные праболгары Подонцовья.

Предметным и убедительным фактом совместных оборонительных мероприятий Хазарии и Византии является возникновение серии крепостей по Тихой Сосне. В их число, естественно, в первую очередь, следует включить Маяцкий комплекс, крепость, являющуюся ядром военно-заградительной системы в структуре эшелонированной оборонительной линии со стороны северо-запада. Однако, в нашем представлении, проблема заключается ещё и в том, каким образом осуществлялось наполнение военными контингентами не только отстроенных фортцентров, но и прочего промежуточного между фортами пространства вдоль линии границы. Естественно, без привлечения населения подчиненного каганату, столь масштабные массовые и актуальные военные мероприятия решить было невозможно.

Факты перемещения части праболгар из степей в лесостепи, к славяно-хазарскому пограничью, не вызывают возражений, не сложно также определить от кого исходила инициатива «миграций» и их целевая направленность [Винников, 2010. С. 189—214]. Как уже отмечалось, С. А. Плетнёва, например, в материалах Дмитриевского могильника прослеживает определенный процент погребений «военизированного» населения, при этом

указывает, что, так называемая, «военноправность» касалась не только мужской, но и женской его части [Плетнева, 1989. С. 278]. Исполнять воинские повинности, видимо, в равной степени надлежало всему взрослому населению, обитавшему в пограничном порубежье. Учитывая, что в системе биритуальных могильников лесостепной части СМК в захоронениях болгар присутствуют вещи военного назначения, амуниция, упряжи конницы, полагаем, что они одинаково с аланами связаны с военной службой, причем, видимо, не так гарнизонного, как мобильно-строевого характера. Вряд ли такого рода обязанности, в условиях чужого для праболгар края и уклада жизни, являлись делом добровольным [Красильников, 1981. С. 110–125].

Аналогичным способом хазары могли укреплять южные границы каганата, тем более, что в данном регионе традиционно сложными складывались отношения каганата с арабским миром Передней Азии [Артамонов, 1962. С. 202 и сл.]. В этой связи, совместными усилиями Византии и Хазарии возникла оборонительная линия на Нижнем Дону, включая систему крепостей и укрепленных городищ. К ним относятся Семикаракорское, Самбекское, Камышинское, Правобережное и, естественно, Левобережная крепость — Саркел [Афанасьев, 2001. С. 47–48]. Они, в комплексе с бытовыми поселениями-селищами, могли обеспечивать защиту южных территорий каганата. Администрация каганата стремилась не только привлечь поселенцев к выполнению военной службы, но и увеличить здесь количество податного населения занятого хозяйством. Показательным в этом отношении является Крымский комплекс в пойме Дона, включающий укрепленное городище, обычные бытовые селища и могильник. Для рассматриваемой темы первостепенное значение имеют материалы серии захоронений выполненных в ямах [Савченко, 1986. С. 70–101]. В комплексе признаков, включающих в себя: ямные конструкции могил с применением плах, подстилок из древесного угля, позы, придаваемые при ингумации, западная ориентировка, жертвенники из частей туш мелких травоядных домашних животных, ограниченность, даже скудность инвентаря, характер посуды и другое, свидетельствуют о том, что захороненными являются праболгары. Из анализа погребального инвентаря складывается впечатление о сугубо гражданском составе здешнего населения, однако, в части могил с захоронениями мужчин находилось оружие — военная гарнитура, боевые топоры, удлинненные до 28 см кинжалы, трехлопастные стрелы, здесь же найдены обкладки тяжелых луков, сабель [Савченко, 1986. С. 99–101]. К числу предметов воинской гарнитуры относятся пояса с различными по количеству наборами бляшек. Погребения с оружием или воинской амуницией сопровождалась традиционными для праболгар наборами посуды, предметами быта, жертвенниками.

О существовании конницы, как военного подразделения свидетельствуют захоронения коней во взнузданном состоянии. Упряжь всадников включала: удила, стремяна, подпружные пряжки, словом, предметы, обеспечи-

вающие верховую езду в регламенте боевого строя. Однако ограниченность погребений таковых воинов свидетельствует о том, что их контингент, среди основной массы населения, немногочисленный и он, видимо, выделился в самостоятельную социальную группу призванных к службе болгар. Такое подразделение, естественно, отличалось мобильностью, обеспечивающей контроль определенного участка хазарского пограничья.

Болгары, привлекаемые хазарами к служебным делам, могли выполнять и административно-фискальные функции, например, проводников и охранников купцов как во внутренних хазарских, так и на отдаленных территориях, например, в землях северян, радимичей, вятичей, в том числе, неславянских племен [Григорьев, 2011. С. 67–71]. Там же они могли быть сборщиками хазарской дани [Петрухин, 2008. С. 52 и сл.]. Подтверждением «проникновения» праболгар в отдаленные от степей массивы является погребение на Чертовицком городище в верховье р. Воронеж [Медведев, 2009. С. 83–88]. Захоронение, обнаруженное в славянских землях, удалено на расстояние более 150 км к северу от окраины общепринятого ареала СМК. В данном случае автор раскопок предполагает двойкий сценарий событий с «участием» праболгарина. Первый, связан с торговыми делами, в которых в качестве проводника купцов в «город Вантит» [Рыбаков, 1982. С. 221; Григорьев, 2011. С. 68–70] мог быть болгарин. Второй, касается данничества, распространившегося на племена «в-н-н-тит», они же «в-н-нт-ры». В письме Иосифа сообщается о том, что хазары вели с ними длительные войны и в конечном итоге, победив их, заставили платить дань. В этих событиях фигурирует народ (племя) под различными этнонимами: «в-н-нт-ры», «огхондары», «вананды», «оногуры», «венендры» или «нендеры» в дальнейшем «черные болгары» [Артамонов, 1962. С. 171–172]. За пределами Хазарии, например, в землях вятичей, фискальные действия в пользу каганата могли выполнять специальные поручители, находящиеся на его службе [Григорьев, 2011. С. 67]. Практика привлечения к выполнению фискальных поручений сторонними представителями в период раннего феодализма имеет прецеденты. К примеру, на некрополе дружинников Древнего Киева, находящихся на службе, раскрыто захоронение воина. В погребальный набор должностного лица, помимо колчана, набора стрел, меча, пряжек, ножа и других предметов военной экипировки, входило деревянное ведро цилиндрической формы диаметром 20–22 см, оформленное пятью железными обручами. На поясе в кожаном мешочке-кошельке сохранились монеты IX – нач. X вв. херсонесско-византийской эмиссии [Мовчан, Боровский и др. 2003. С. 190]. Комплекс вещей, сопровождающий воина-дружинника, в первую очередь, мерная ёмкость, свидетельствует о том, что круг служебных обязанностей, видимо, включал регламентированный пятью мерными обручами объем натуральной дани. Оружие же подчеркивает статус официального представителя княжеской фискал-администрации.

Возможно случайное совпадение, но и в захоронении болгарина на Чертовицком городище также находился серебряный дирхем, который мог являться и формой дани или оплаты должностному лицу. Каково бы не было происхождение серебряного дирхема, становится очевидным, что захороненный на городище человек, являлся либо непосредственным сборщиком хазарской дани, либо персонажем, сопровождающим сборщика, возможно, купца. «Должностное лицо... — заключает автор статьи, — умерло при исполнении своей службы на земле славян» [Медведев, 2009. С. 88].

Миграционные процессы, не без участия хазар, затронули и славянский мир из лесостепей. В территориальных пространствах периферии каганата, в первую очередь Правобережном Подонье, неоднократно зафиксированы поселения славян [Ляпушкин, 1958. С. 337–347; Белецкий, 1959. С. 40–134; Флеров, 1971. С. 260–265]. В последние десятилетия здесь выявлены новые местонахождения их обитания [Ларенок, 1992. С. 60–61]. Говоря о причинах расселения славян степных массивов, как, например, на Нижнем Дону, авторы из разных поколений археологов, в своих выводах высказывают почти близкие по смыслу суждения. Суть их в том, что VIII–X вв. ознаменованы регулярными миграциями славян из Верхнего Дона к югу, юго-востоку, то есть на Нижний Дон. Однако, в вопросах причин перемещений, условий пребывания, статуса, хронологии этих событий в литературе наблюдаются различные мнения и оценки. С. А. Плетнёва, например, переселение славян в низовья Дона связывает с постхазарским временем [Плетнева, 2000. С. 88]. П. А. Ларенок, напротив, факты появления славян на Нижнем Дону объясняет насильственным перемещением северян — роменской и вятичей — боршевской культур хазарами в направлении к южным пограничьям каганата [Ларенок, 1992. С. 60–61]. В. В. Прокофьев, продолжив мысль, высказанную П. А. Ларенком, как бы обосновывал цели и задачи предпринимаемого хазарами миграционного мероприятия. В данном случае следует обратить внимание на мысли автора, касающиеся стратегических планов каганата по хозяйственному обустройству его южных территорий, расширению зоны экономического пространства, в дальнейшем сопровождаемой данническими обложениями, что способствовало бы упрочению экономической стабильности Хазарии [Прокофьев, 2007. С. 223]. Наконец, следует учитывать стремление каганата создать из перемещаемого им населения внутренний «людской» барьер, препятствующий свободному проникновению завоевателей. Заметим, что с гибелью каганата приток славянского населения на Нижний Дон с середины X в. ослабевает [Плетнева, 2000. С. 82–85].

Итак, статус населения в каганате был неравнозначным. Обитатели степного массива СМК связаны с оседлым укладом, занимаются хозяйством, исполняют повинности, видимо в форме фуражной дани [Плетнева, 1976. С. 5–10]. Дословно в переводе краткой редакции записано: «Народы живут здесь на открытой местности ... они многочисленны и платят

мне дань», в пространной редакции: «они живут на открытой местности в укрепленных стенами городах», что соответствует реалиям в виде селищ и городищ. В отдалении от пограничий каганата это население к военной службе в местных условиях было не востребовано [Красильников, 2011. С. 153]. Однако, некоторая часть праболгар оказалась в ситуации вынужденных «апоийкийцев» в отдаленных, от прежде занимаемых ими степных территорий, местах. Такого рода переселения, естественно, осуществлялись с учетом военно-стратегических задач, стоящих перед каганатом и во многом определялись состоянием взаимоотношений с окружающими его народами и государствами [Гадло, 1984. С. 26–27; Плетнева, 1989. С. 268–269]. Вместе с тем, обстоятельства появления болгар в лесостепном Подонье и верхнем Подонцовье, необычная для них погребальная инвентарность, биритуализм, выявленный на классических катакомбных могильниках лесостепи и другие темы остаются рабочими гипотезами [Аксёнов, Тортика, 2001. С. 211–212]. В нашем же представлении судьбы этносов каганата в IX – начале X вв. определяли хазары в соответствии с событиями, складывающимися и возникающими в системе внешних ситуаций. Естественно, без привлечения дополнительных контингентов из числа подчиненного ему населения к исполнению военно-административных обязанностей, решения вопросов податно-экономического, оборонительного направлений были бы для каганата, по меньшей мере, затруднены. В таком случае документированное источником понятие «мне служат...» вполне объяснимо.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половин VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (За матеріалами салтівських ґрунтових могильників) / Автореф. дис. канд. іст. наук. – К., 2000. – 23 с.
- Аксёнов В. С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.) // РА. – 2006. – № 2. – С. 51–63.
- Аксёнов В. С., Тортика А. А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонцовья VIII–IX ст. Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья : тр. по археологии. Хазарское время. – Донецк, 2001. – Т. 2. – С. 191–218.
- Аксёнов В. С., Крыганов А. В. Захоронения на селище салтовской культуры Нетайловка 2 // Дивногорский сборник. Археология. – Воронеж, 2009. – Вып. 1. – С. 23–37.
- Апареева Е. К., Красильников К. И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения СМК // Археологія і давня історія України. – К., 2011. – Вып. 5. – С. 186–192.
- Артамонов М. И. История хазар. – Л. : Изд-во Госэрмитаж, 1962. – 522 с.
- Афанасьев Г. Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. – Орджоникидзе, 1981. – С. 48–64.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – М. : Наука, 1987. – Вып. 2. – 200 с.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата // РА. – 2001. – № 2. – С. 43–56.

- Афанасьев Г. Е., Красильников К. И. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. — М. : ИА РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 204—225.
- Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. 75. — М. ; Л., 1959. — Т. II. — С. 40—134.
- Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове 1959—1960 гг. (Печенежское водохранилище) // КСИАУ. — К., 1962. — Вып. 12. — С. 18—22.
- Березовец Д. Т., Пархоменко О. В. Раннесредневековые памятники юга Украины. Салтовская культура // Археологія Української СРСР. Ч. 1. Археологічні культури I тис. н. зры. Тема 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. — К. : Наук. думка, 1986. — С. 212—224.
- Бубенок О. Б. Етнічна приналежність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. — 1993. — № 4. — С. 49—59.
- Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир // Хазары миф и история. — Москва-Иерусалим, 2010. — С. 189—214.
- Винников А. З., Плетнёва С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. — 216 с.
- Винников А. З., Сарапулкин В. А. Раннесредневековый грунтовый могильник у с. Мандрово // Средневековые древности Евразийских степей. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. — С. 55—65.
- Винников А. З., Сарапулкин В. А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. — 176 с.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.. — Л. : Изд-во Ленинград.ун-та, 1979. — 216 с.
- Гадло А. В. Северный Кавказ IV—X вв. (Проблемы этнической истории) / Автореф. дис. докт. ист. наук. — М., 1984. — 32 с.
- Гиппиус А. А. К хазарской дани // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. — М. : ИВИ РАН, 2011. — С. 49—55.
- Григорьев А. В. Торговые пути по реке Дону в IX веке // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. — М. : ИВИ РАН, 2011. — С. 67—71.
- Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. — К. : Наук. думка, 1967. — 243 с.
- Калинина Т. М. Три стадии существования и падения Хазарского каганата // Хазары миф и история. — Москва-Иерусалим, 2010. — С. 25—31.
- Калинина Т. М. Вопросы политогенеза хазар // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. — М. : ИВИ РАН, 2011. — С. 97—102.
- Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве : историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. — 209 с.
- Кашкин А. В. Маяцкое селище. Раскопки перед въездными воротами в крепость // Дивногорский сборник. Археология. — Воронеж, 2009. — Вып. 1. — С. 38—43.
- Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // САИ. — М. : Наука, 1979. — Вып. Е 1—2. — 112 с.
- Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы : Века и народы. — М. : Наука, 1984. — 193 с.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010. — 215 с.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. — М., 1984. — С. 200—236.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. — М. : Наука, 1991. — 496 с.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л. : Типогр. АН СССР, 1932. — 134 с.
- Красильников К. И. Население Среднедонечья в VIII — начале X веков / Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1980. — 23 с.

- Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. — 1981. — № 4. — С. 110–125.
- Красильников К. И. Бурджане (Булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья : тр. по археологии. — Донецк, 2009. — Т. 7. — С. 371–384.
- Красильников К. И. Праболгары в степной периферии каганата // Восточная Европа в древности и средневековье : XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. — М. : ИВИ РАН, 2011. — С. 150–154.
- Красильникова Л. И., Красильников К. И. Хозяйственные системы и дань населения степной периферии Хазарского каганата // Восточная Европа в древности и средневековье : XXV чтения памяти В. Т. Пашуто и А. П. Новосельцева. — М. : ИВИ РАН, 2013. — С. 160–164.
- Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. — 1964. — Вып. 99. — С. 34–39.
- Ларенок П. А. О славянских поселениях на Нижнем Дону в эпоху Хазарского каганата // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1992. — С. 51–61.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. — М. ; Л., 1958. — Т. I. — № 62. — С. 85–150.
- Медведев А. П. Салтовское погребение на реке Воронеж // Дивногорский сборник. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2009. — Вып. 1. — С. 83–88.
- Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (салтовская культура) / Автореф. дис. канд. ист. наук — М. ; Л., 1949. — 18 с.
- Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. — 1955. — Т. XXIII. — С. 131–168.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. — Казань : Изд-во Татполиграф, 1957. — 37 с.
- Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника СМК // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 45–71.
- Мовчан І. І., Боровський Я. Є., Гончар В. М., Ієвлев М. М. Дослідження в «городі Володимира» стародавнього Києва // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. — К. : ІА НАН України, 2003. — С. 187–191.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. — М. : Наука, 1990. — 264 с.
- Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. — 1983. — № 43. — С. 75–87.
- Пашкевич Г. А. Палеозтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. — II тыс. н. э. Каталог II. Препр. Ин-т ареол. АН УССР — К., 1991. — 47 с.
- Пашкевич Г. А., Горбаненко С. А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам населения Рогалик) // Исторична наука : проблеми розвитку : Матеріали міжнар. наук. конф. 17–18 травня 2002 р. Секція «Археологія». — Луганськ, 2002. — С. 133–146.
- Петрухин В. Я. Славянские данники хазар : К истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2008. — С. 52–61.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — 196 с.
- Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения Северо-Западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. — М. : Изд-во МГУ, 1972. — С. 108–118.
- Плетнева С. А. Хазары. — М. : Наука, 1976. — 93 с.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. — М. : Наука, 1989. — 288с.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — Москва-Иерусалим, 1999. — 373 с.
- Плетнева С. А. О заселении славянами Саркела-Белой Вежи // Археология Восточноевропейской лесостепи. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. — Вып. 14. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2000. — С. 82–98.

- Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № 3. — С. 279–298.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / пер., статьи, коммент. Я. Н. Любарского. — СПб. : Алетейя, 2009. — 400 с.
- Прокофьев Р. В. Поселения IX в. на левобережье Северского Донца // Средневековые древности Дона. — Москва-Иерусалим, 2007. — Вып. II. — С. 215–239.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — М. : Наука, 1982. — 592 с.
- Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. — М. : Наука, 1986. — Вып. 1. — С. 70–101.
- Тортика А. А. Византия в политике Хазарского каганата : эволюция отношений Хазарский каганат и его место в исторических судьбах народов Восточной Европы : материалы междунар. науч. конф. 16–20 сентября 2015 г. Статья в рукописи.
- Флеров В. С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоярская // СА. — 1971. — № 2. — С. 260–265.
- Флеров В. С. Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. — Казань, 1989. — С. 46–59.
- Хоружая М. В. Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України : матеріали III історико-археолог. конф. пам'яті С. Н. Братченко. — Луганськ, 2012. — С. 429–443.

В. Я. Петрухин

**ВИКИНГИ И СТЕПЬ: К ПРОБЛЕМЕ
ВОЗДЕЙСТВИЯ ВОСТОКА НА ШВЕЦИЮ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Two Swedish complexes from the 10th century – rich burials from the Viking age demonstrate interaction between East and West (North Europe): they are the burial of horseman warrior in Rösta (Ås, Jämtland) and burial of a Scandinavian lady in Aska (Östergötland).

Ritual and burial gifts (a Hungarian bag and Khazarian «saltovo» belt) from Rösta shows the impact of the steppe: the parts of the horse were put at the side of a master, uncharacteristic for the Scandinavian chamber graves with burials of horses at the feet of the deceased. The Russian chamber graves from the 10th century in Middle Dnepr area (a big mound in Guschin) and in the Kiev necropolis – chamber (№ 112) and burial in the burial pit (106) – horse has been put according a steppe tradition at the side of a master. Similar ritual with similar steppe burial gifts is known from Gnëzdovo (Upper Dnepr).

The same steppe impulses were discovered in Aska burial: a rich set of silver jewelry, part of which is attributed as South-Russian. The pendant with female design is interpreted as an image of goddess Freya, but really resembles the buckle-straps distributed in «Southern Russia»

Сто лет назад в 1914 г. в Санкт-Петербурге вышла книга шведского археолога Туре Арне «Швеция и Восток». Арне (рис. 1), много работавший в дореволюционной России, собрал известные ему сто лет назад, но и тогда достаточно многочисленные археологические свидетельства восприятия предметов «восточного» происхождения культурой эпохи викингов в Швеции. Деятельность этого ученого, глубоко знавшего и любившего не только археологию, но и раннюю историю России, была ошельмована официальной советской наукой, особенно в период борьбы с низкопоклонством перед Западом: крайним выражением этого низкопоклонства считалась «реакционная норманская теория», признававшая исторические основы летописного предания о призвании варягов. Не могу не вспомнить в связи с этим позицию моего учителя (по кафедре археологии МГУ) Д. А. Авдусина (1918–1994), активного борца с норманизмом, теорией норманской колонизации Руси, выдвинутой Т. Арне и разделявшейся другим крупным шведским археологом Х. Арбманом. Радикальное неприятие «норманизма» сочеталось у Авдусина со стремлением исследовать скандинавскую археологию – книги Арне и Арбмана были включены в список обязательной

литературы Смоленского археологического семинара, изучавшего и древности Гнёздова — крупнейшего поселения эпохи викингов в Восточной и Северной Европе. Позиции самого Д. А. Авдусина в связи с этим претерпели изменения — он признал существенность скандинавской составляющей в Гнёздове и других центрах формирования русской государственности и даже скандинавскую доминанту в Гнёздове и Тимерёве [Авдусин, 1988; Авдусин, 1993]*.

Рис. 1. Туре Арне

В отечественной науке, в тот период, когда цензурные запреты на исследование скандинавского воздействия на историю Руси стали ослабевать, коллектив авторов, сотрудничавший с шведским знатоком северно- и восточноевропейских древностей И. Янссоном (недаром его именуют «Арне сегодня» [Svedin, 2007]), обозначил спектр «обратных» древнерусских (и шире — евразийских) импульсов, прослеживаемых в культуре раннесредневековой Скандинавии [Мельникова, Петрухин, Пушкина, 1984]. Эти импульсы стали привлекать все большее внимание исследователей, знакомых с восточноевропейским материалом — достаточно назвать недавние

* См. о Смоленском семинаре [Петрухин, Пушкина, 2009]. Арне первым указал, в частности, на вещи восточного («мусульманского») происхождения в Бирке: дальнейшие исследования значительно расширили каталог этих вещей в аналогичных некрополю Бирки древнерусских некрополях — Тимерёве и Гнёздове; эта «восточная» составляющая культуры «эпохи викингов» представляется более существенной и систематической, чем случайные «сувениры» или предметы торговли (ср. о салтовских — хазарских перстнях — [Арне, 1914. Р. 176; Чернышенко, 2015]).

монографии шведско-польского археолога В. Дучко [Duczko, 2004] и украинско-шведского археолога Ф. Андрошука [Androščuk, 2000]; культурное взаимодействие Севера и Востока Европы обнаруживается и на Балканах [Minaeva, Holmqvist, 2015; Petrukhin, 2015]. Неслучайно облик скандинавского конного воина, экипированного в Бирке, главном шведском городе на пути из варяг в греки, принимал все более «степной облик»: реконструкция всадника из Бирки кочует из издания в издание (рис. 2). Реконструкция основывается на материале камерной гробницы 581 из Бирки, где всадник был погребен в шапке с венгерским навершием и конем, располагающимся в ногах умершего, иногда за деревянной перегородкой (рис. 3) (ср. о древнерусских аналогиях из скандинавских камерных гробниц Среднего Поднепровья [Моця, 1990. С. 106]). Такую шапку носил и дружинник из скандинавской камерной гробницы (206) в Шестовице под Черниговом (рис. 4) [Петрухин, 2014. Рис. 21]. Впрочем, викинга из камерной гробницы Бирки Г. С. Лебедев с полным основанием именовал «русом» [Лебедев, 1985. С. 254].

Рис. 2. Всадник из Бирки, реконструкция [Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 255]

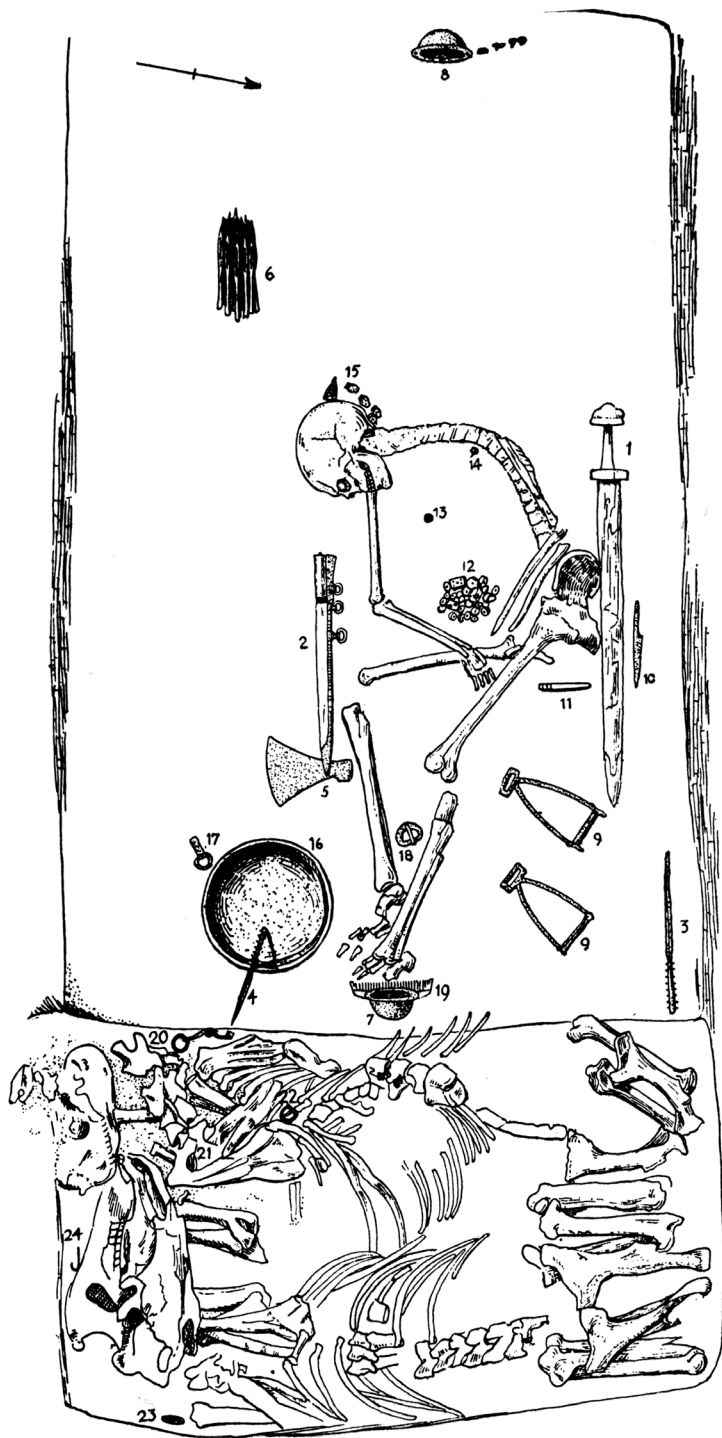

Рис. 3. Камерная гробница № 581 из Бирки [Vikingatidens ABC. S. 136]

Рис. 4. Навершия венгерских шапок:

a – Национальный исторический музей. Будапешт; *b* – Шестовица [Петрухин, 2014. рис. 21]

Два шведских комплекса X в. – богатых погребения эпохи викингов, традиционно привлекают внимание исследователей взаимодействия Востока и Запада (Севера Европы): это погребение конного воина в Рёста (Ос, Ямтланд, Северная Швеция) и погребение богатой скандинавской дамы в Аска (Эстерьётланд, Швеция).

Обряд и инвентарь (в том числе венгерская сумка-ташка) первого комплекса явно указывает на воздействие степи – таково расположение частей коня (сбоку от погребенного) и меча (острием к голове воина), нехарактерное для скандинавских камерных гробниц с захоронениями коней [Kjellmark, 1906]*: (рис. 5), располагавшихся, как уже говорилось, в ногах погребенного. Для восприятия степных импульсов скандинавам необязательно было проникать глубоко в степь: «контактная зона» степного и восточнославянского миров сформировалась в Среднем Поднепровье до проникновения норманнов вглубь Восточной Европы в ареале волынцевской культуры. В X в. в камерных погребениях Среднего Днепра (большой курган в Гущине (рис. 6) [Рыбаков, 1949. С. 26, рис. 5]) и в самом киевском некрополе – возможно, камера с парным захоронением (112, по Каргеру: план не был сделан [Каргер, 1958. С. 179]) и погребение в могильной яме

* Т. Арне отметил восточный поясной набор, также содержащийся в погребении [Arne, 1914. P. 154].

(106 по Каргеру) коня могли помещать по степному обычаю сбоку от хозяина. А. В. Комар считает обычай «древнерусским» [Комар, 2012. С. 357], А. П. Моця [1987. С. 117]*, исследуя этнические традиции населения Среднего Поднепровья, заметил, что в погребении 106 киевского некрополя инвентарь включал стрелы и амфору, и предположил кочевническое происхождение погребенного, но в том же комплексе обнаружена витая серебряная гривна [Каргер, 1958. С. 169], которая по преимуществу относится к ареалу Северной Европы (в Скандинавии считается заимствованной из Руси). Впрочем, инвентарь камерных гробниц может включать (как это известно из упомянутых материалов Бирки) вещи восточного происхождения: в киевской камере (112) погребённая с варяжским всадником, носившим серебряную скандинавскую кольцевидную фибулу (ring pin), имела славянские височные кольца – была славянкой [Каргер, 1958. С. 179–180; Андрощук, Зоценко, 2012. С. 66–67].

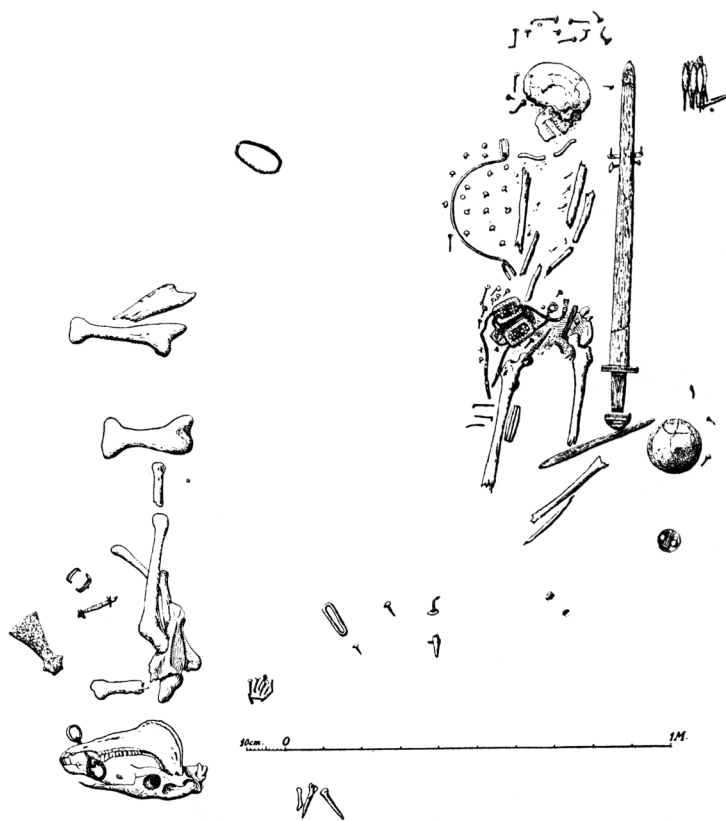

Рис. 5. План погребения с конем в Рёста [Kjellmark, 1906. S. 365]

* Еще Б. А. Рыбаков [1949. С. 52–53] обнаруживал в материалах черниговских дружинных курганов традиции степняков.

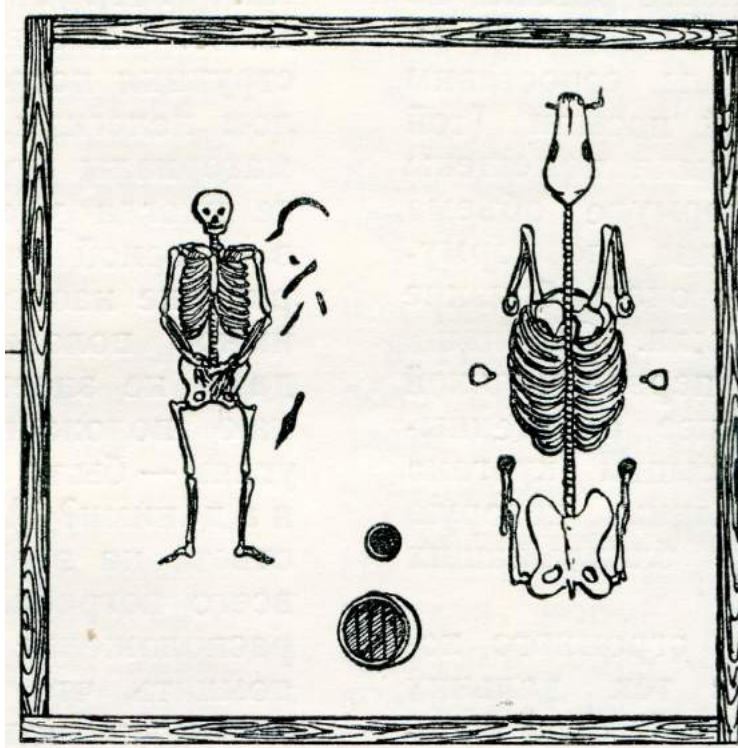

Рис. 6. План камерной гробницы в Гущине [Рыбаков, 1949. С. 26, рис. 5]

К. М. Михайлов [2001. С. 167] насчитывает 7 камерных гробниц в Гнёздове, Старой Ладоге и Шестовице (?), не упоминая Киева*, где конь помещался сбоку от погребенного. Сбоку от погребенных располагаются костяки коней в двух камерных гробницах Гнёздова Ц-191 (рис. 7), Ц-255 (рис. 8**; в каталоге Мурашевой ошибочно значится как кремация) в Верхнем Поднепровье; инвентарь содержит «восточные» предметы вооружения и украшения [Мурашева, 2000. С. 75; рис. 112–113] — поясной набор из кургана Ц-191. В камере кургана Ц-191 конь помещен головой к ногам погребенного, как в шведском погребении в Рёста. Впрочем, в русских комплексах неизвестно размещение частей конской туши, кроме разрушенного киевского погребения № 112. Давно отмечено [Кирпичников, 1973. С. 27–28], что экипировка и вооружение всадника развивалось в Восточной и Северной Европе под естественным влиянием степи.

* Конкретные комплексы не названы: к камерным гробницам едва ли можно отнести погребение в верхней части сопки насыпи в Старой Ладоге, хотя два коня, помещенные сбоку от погребенного, находят аналогии в обряде камерных гробниц (в упоминавшейся гробнице 581 из Бирки два коня располагались в ногах у погребенного); см. материалы разрушенного погребения из Старой Ладоги [Носов, 1985. С. 152].

** Автор искренне благодарен Т. А. Пушкиной за представленные фото гнёздовских камер.

Рис. 7. Камерная гробница Ц-191, Гнёздово (фото Т. А. Пушкиной)

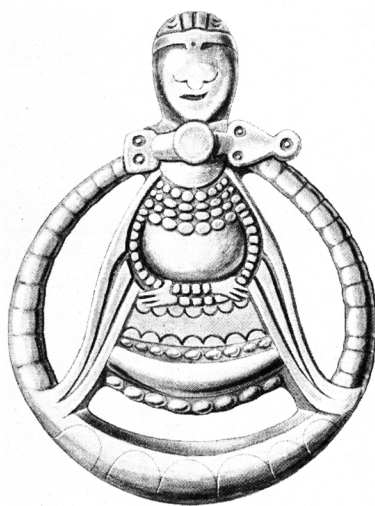

Рис. 8. Камерная гробница Ц-255, Гнёздово (фото Т. А. Пушкиной)

С этой тенденцией обнаруживает связь и материал женского погребения в Аске. Комплекс из Аска — погребение под невысоким kernom — включает богатый набор серебряных украшений с привесками, части которых приписывается «южнорусское» происхождение, и два бронзовых сосуда из Средней Азии. Специальный интерес представляет серебряная «подвеска» с изображением женщины. Следует отметить, что в скандинавской справочной литературе это артефакт именуется *sränne* — «пряжка», но интерпретаторы традиционно усматривают в ней изображение скандинавской богини Фрейи с ее фетишем — ожерельем Брисингов и т. п. [Vikingatidens ABC. S. 223] (рис. 9а-б). Романтические интерпретации доходят и до кажущихся физиологических аспектов изображения — Фрейя видится на «подвеске» беременной [Price, 2002. P. 158], что не соотносится ни с какими мифологическими текстами о скандинавской богине. По форме, однако, изделие действительно напоминает пряжку — распределитель ремней, широко распространенный от Приуралья до Приднепровья и вписывающийся в «южнорусский» контекст инвентаря погребения в Аске. В. В. Приймак [Приймак, 2010; Приймак, 2014] (рис. 10) издал каталог находок, отметив характерные древнерусские — в тех некрополях, где присутствовали скандинавы: это трупосожжение с конем в кургане 31 Шестовицы [Блифельд, 1977. С. 127, табл. VI, 2] (вещи пострадали в огне погребального костра) и курган 5 из раскопок 1976 г. в Тимерёве; распределитель ремней из Тимерёва отнесен публикаторами к поясному набору [Фехнер, Недошивина, 1987. С. 74, рис. 3] (рис. 11). Заметим, что средняя часть распределителя является наиболее изменчивой, может нести разнообразный декор (но не фигуративные мотивы).

а)

б)

Рис. 9. Подвеска из погребения в Аске (а - фото; б - прорись) [Olsen, 2006. P. 502]

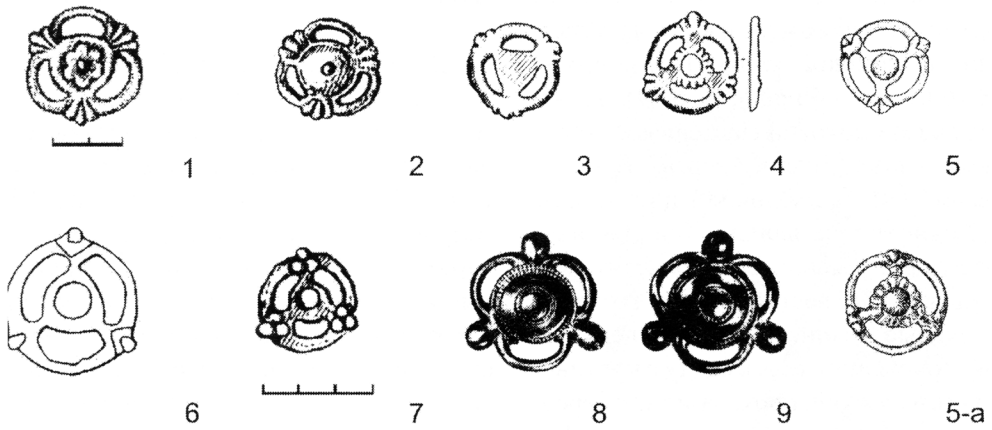

Рис. 10. Ремешные распределители [Приймак, 2010. С. 267]

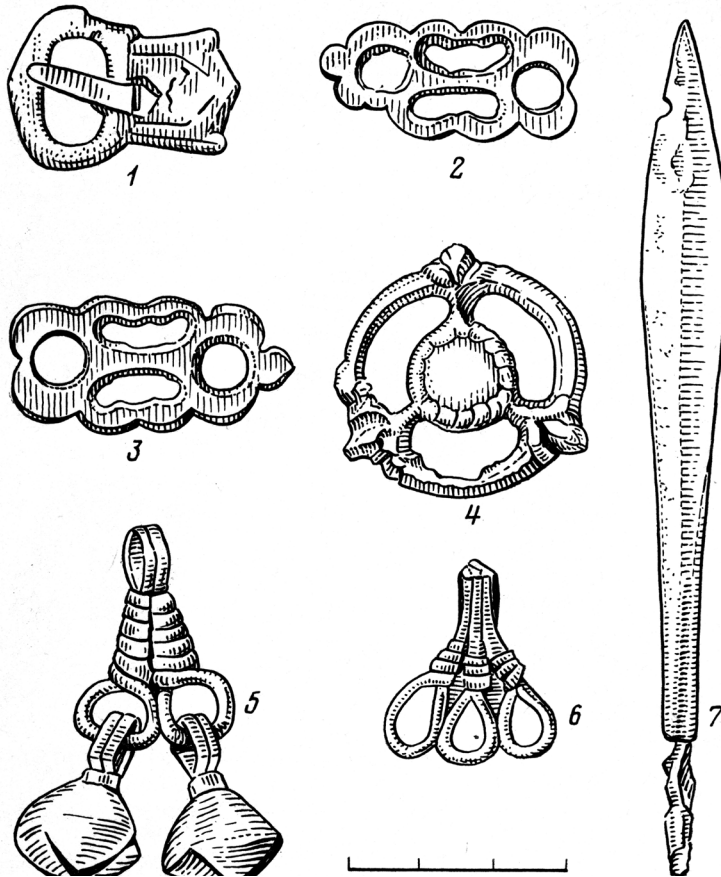

Рис. 11. Ремешной распределитель и инвентарь из кургана № 5, Тимерево [Фехнер, Недошивина, 1987. С. 74]

«Загадкой» остается декор — не «пектораль», принимаемая за ожерелье Брисингов, а арбалетовидная фибула с диском, традиционно увязываемая с культом Одина, хотя она является принадлежностью женского костюма [Olsen, 2006. P. 502]. Неясна технология формирования этого декора, но в основе подвески видится степной распределитель ремней.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. Современный антинорманизм // Вопросы истории, 1988. — № 7. — С. 23–34.
- Авдусин Д. А. Об этническом составе населения Гнёздова // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы. — М. : Институт Российской истории, 1993. — Ч. 1. — С. 106–107.
- Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности южной Руси. — Paris : Институт археології НАН України, 2012. — 368 с.
- Блифельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. — Київ : Наукова думка, 1977.
- Каргер М. К. Древний Киев. — Т. 1. М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958.
- Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. — Л. : Наука, 1973. — 138 с.
- Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. — М. : Древности Севера, 2012. — С. 334–365.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1985. 286 с.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья // История СССР, 1984. — № 3. — С. 50–65.
- Михайлов К. А. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Гнёздово : 125 лет исследования памятника. — М. : ГИМ, 2010. — С. 159–175.
- Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. — Киев : Наукова думка, 1987.
- Моця А. П. Срубные гробницы южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. — Киев : Наукова думка, 1990. — С. 99–107.
- Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). — М. : УРСС, 2000. — 136 с.
- Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л. : Наука, 1985. — С. 147–155.
- Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках : от призвания варягов до выбора веры. Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М. : Неолит/Форум, 2014. — 464 с.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Смоленский археологический семинар МГУ и норманнская проблема // Клейн Л. С. Спор о варягах : история противостояния и аргументы сторон. — СПб. : Евразия, 2009. — С. 301–309.
- Приймак В. В. Ременные распределители раннего и развитого средневековья // Верхнедонской археологический сборник. — Вып. 5. — Липецк, 2010. — С. 266–272.
- Приймак В. В. Ременные распределители древнерусского и золотордынского времени (новые находки) // Верхнедонской археологический сборник. — Вып. 6. — Липецк, 2014. — С. 538–545.
- Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. — Вып. 11. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — С. 14–53.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология, 1987. — № 2. — С. 70–89.
- Чернышенко Д. Ю. Перстни «салтовского» типа в женском костюме (по материалам Тимерёвского могильника) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. — Вып. 5 — СПб. : ООО Социальная пропаганда, 2015. — С. 222–226.

- Androščuk F.* Černigov et Šestovica, Birka et Hovgården : Le modèle urbain Scandinave vu de l'Est // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient // *Réalités Byzantines* 7. — Paris : Éditions P. Lethielleux, 2000. — S. 257–266.
- Arne T. J.* La Suède et L'Orient. Leipzig, Paris, СПб. : K. W. Appelbergs boktryckeri, 1914. — 243 s.
- Duczko W.* Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. — Leiden-Boston : Brill, 2004. — 290 p.
- Kjellmark K.* Ett graffält från den yngre järnåldern i Ås i Jämtland // *Ymer, Tidskrift utgifven af Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi, Häft 4*, 1906. — S. 363–369.
- Scandinavia and the Balkans : Cultural Interactions with Byzantium and Eastern Europe in the First Millennium AD.* ed. O. Minaeva, L. Holmqvist, Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2015. — 132 p.
- Olsen V. S.* The development of (proto)-disc-on bow brooches in England, Frisia and Scandinavia // *Palaeohistoria* 47/48 (2005/2006). — P. 479–528.
- Petrukhin V.* Rus', Scandinavians and the Balkans in the ninth and tenth centuries // *Scandinavia and the Balkans : Cultural Interactions with Byzantium and Eastern Europe in the First Millennium AD.* — Cambridge, 2015. — P. 49–58.
- Price N. S.* The Viking Way : Religion and war in Late Iron Age Scandinavia. — Uppsala : Elanders Gotab AB, 2002. — 435 p.
- Svedin M.* Ingmar Jansson — a 'Ture Arne' of our time // *Cultural interaction between east and west.* — Stockholm : Stockholm University, 2007. — P. 14–24.
- Vikingatidens ABC.* — Stokholm : Statens Historiska museum, 1981. — 318 s.

А. А. Тортика

ВИЗАНТИЯ В ПОЛИТИКЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ*

The dynamics of political relationship of the Khazar Khaganate and Byzantium appears at researchers in texts of written sources in the majority not of a Khazar origin. In the presence of close contacts, the Byzantine tradition is rather cool, and then, from X century and is hostile to Khazar's. Nevertheless, through negligence, of the Byzantines to barbarians also the independent position the Khazar, since the end VII continuing and developing the principles of creation of the foreign policy relations underlain by Turkic peoples is visible. The heritage of a Turkic khaganate is shown and in specific actions. It was connected not only by that Khazar's left the Turkic environment, but also that they inherited a certain geopolitical context. It is a steady interest in the rich Provinces of Transcaucasia. This aspiration to subdue the western groups of nomads and to establish the influence in the Crimea. At last, this association with Byzantium against the general opponent – the Arab Caliphate.

During the whole time of the existence, since the end of VII-on the middle of the X century, the Khazar Khaganate is the independent and active subject of the foreign policy relations imposes to neighbors the position, defends it in various ways. As it is represented, in the majority of known cases not so much the foreign policy of Khazar depended on efforts of Byzantium, how many on the contrary, the policy of Byzantium was under construction with calculation of interests of Khazar. In such aspect, from positions of the Khazar Khaganate, the relations of this early medieval state with one of his main contractors – Byzantium are considered here.

Динамика политических взаимоотношений Хазарского каганата и Византии предстает перед исследователями в текстах письменных источников в подавляющем большинстве не хазарского происхождения. При наличии тесных и дружественных контактов, византийская традиция достаточно прохладна, а затем, с X в. и прямо враждебна хазарам. Тем не менее, через пренебрежительное отношение византийцев к северным варварам просматривается и самостоятельная позиция хазар, с конца VII – начала VIII вв. продолжавших и развивавших заложенные тюрками принципы построения внешнеполитических отношений**. Наследие тюркского каганата проявля-

* Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701 – 3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

** В рамках настоящей статьи нет места для подробного анализа внешнеполитической практики Восточного и Западного Тюркских каганатов. Она описана в китайских летописях.

ется и в конкретных действиях. Связано это было не только с тем, что хазары вышли из тюркской среды и находились под тюркским управлением, но и с тем, что они унаследовали определенный геополитический контекст. Это, прежде всего, устойчивый интерес к богатым провинциям Закавказья. Это стремление покорить западные группы кочевников — протоболгар, и установить свое влияние на территории Крыма. Наконец, это объединение с Византией против общего противника — арабского Халифата.

Хазары беспокоят и откровенно грабят арабское Закавказье около 150 лет, с середины VII до конца VIII вв., несмотря на поражение 737 г., уже около 760/1 г. хаган хазар снова разоряет провинцию Армения.

Болгары бежали или были покорены хазарами около 679 г. К 700 г. большая часть Крыма находится под хазарским контролем, а свергнутый император Юстиниан II становится зятем кагана и с его помощью надеется вернуть себе престол. Пиком этих отношений является брак хазарки Чичак с Константином V в 732 г., а так же самостоятельное правление их сына Льва Хазарина в 775—780 гг. Даже после определенного ослабления влияния Хазарии в Приазовье и Крыму в начале IX в. (переселение венгров), византийцы участвуют в строительстве Саркела (около 840 г.), принимают в 860 г. хазарских послов и в 861 г. отправляют ответное посольство, в котором важную роль играет Константин Философ.

Вероятно только в правление Романа Лакапина (920—944 гг.) окончательно разрушается устойчивая модель хазаро-византийских связей и оба государства переходят к активной конфронтации, отраженной как в произведениях Константина Багрянородного, так и в т. н. хазаро-еврейской переписке. Тем не менее, в течение всего отмеченного периода времени, с конца VII — по середину X в. Хазарский каганат является самостоятельным и активным субъектом внешнеполитических отношений, навязывает своим соседям, в том числе и Византии, свою позицию, отстаивает ее различными доступными на тот или иной момент способами. Как представляется, в большинстве известных случаев не столько внешняя политика Хазарии зависела от усилий Византии, сколько наоборот, политика Византии строилась с расчетом интересов Хазарии. Именно в таком аспекте, с позиций Хазарского каганата и его международных интересов, политических традиций и дипломатической практики, следует рассматривать отношения этого раннесредневекового государства с одним из его основных контрагентов в черноморско-кавказском регионе — Византией.

Факты, позволяющие судить о развитии хазаро-византийских отношений и о формировании особого, византийского направления хазарской по-

сях [Бичурин, 1950. С. 227—300], отдельные ее проявления нашли отражение в тюркской рунической письменности [Бернштам, 1946. С. 33—53; Кляшторный, 2003. С. 11—89] и неоднократно подвергалась научному анализу в историографии, например [Барфилд, 2009. С. 110—124; Гумилев, 1993. С. 103—191; Кляшторный, 2003. С. 90—118; Кляшторный 2005. С. 89—110 и т. д.].

литики немногочисленны. В большинстве своем они содержатся в источниках не хазарского, чаще, именно византийского происхождения и, естественно, сопровождаются тенденциозными оценками и комментариями соответствующих авторов. Только документы еврейско-хазарской переписки, включая Текст Шехтера, сохранили некое отражение собственно хазарской политической линии в отношении Византии. Данные этих документов касаются только последнего этапа взаимоотношений этих государств, перешедших к тому времени в сугубо негативную фазу. Однако, даже здесь, в письме Хасдаи ибн Шафрута, направленного правителю Хазарии, говорится о том, что испанский сановник узнал о хазарах от византийских купцов, которые свидетельствовали о том, что даже в середине X в. между Константинополем и Хазарским каганатом идет оживленная торговля морем и осуществляется регулярный обмен посольствами.

Первые контакты между хазарами и византийцами происходят, по всей видимости, в Закавказье, и связаны с их общими интересами в борьбе с сасанидским Ираном во время известных походов Ираклия 624–627 гг. В это время хазары еще входили в состав Тюркского каганата, но, как считал А. П. Новосельцев, были практически самостоятельными и только номинально признавали власть «царя севера», тюркского кагана [Новосельцев, 1990. С. 88]. Возглавлял их Джебу каган, а военное командование осуществлял Шат, который был, по всей видимости, сыном последнего. Даже если тюрки и осуществляли какое-то общее руководство действиями хазар в Предкавказье и Закавказье, то оно заключалось, видимо, в решении принципиального вопроса, воевать или не воевать с Ираном. В конкретных ситуациях на театре боевых действий или в переговорах с Ираклием действуют только Джебу каган и Шад (Зиевил и его сын у Феофана).

В конце VII — начале VIII в., во время усиливающихся с каждым годом столкновений хазар с арабами, когда арабы все чаще проникают к северу от Дербента и беспокоят хазарские владения, осаждают Семендер, пытаются покорить племена и народы Северного Кавказа, все чаще, как справедливо отмечает А. П. Новосельцев, прослеживается некая корреляция между развитием арабо-хазарских и византийско-хазарских отношений [Новосельцев, 1990. С. 174]. Прямых данных об этом нет, но хорошо известная и многократно описанная в историографии ситуация, связанная с пребыванием Юстиниана II в Херсонесе, его бегством оттуда в Дорос — Мангуш, его переговорами с каганом, женитьбой на хазарской принцессе и т. д., вплоть до бегства из хазарской Фанагории и вторичного воцарения в Константинополе*, достаточно ясно иллюстрирует то значение, которое придавал тогда единовластный хазарский каган своим взаимоотношениям с Византией.

* Феофан Исповедник так пишет об этих событиях (И. С. Чичуров датирует их 704/705 г., К. Цукерман 700 г. [Цукерман, 2001. С. 312]): «Когда Юстиниан, живший [в то время] в Херсоне, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу. А он, про-

При этом заметны два обстоятельства. Прежде всего, хазары и их каган даже в передаче византийских авторов, Феофана и Никифора, выступают в качестве некой могучей, неумолимой и, безусловно, самостоятельной, самодостаточной величины, как бы нависающей с севера над Крымскими владениями империи. После победы над протоболгарами, покорения орды Батбая в Прикубанье и изгнания Аспаруха на Дунай (678–679 г.), хазары становятся основной силой на огромной территории от Нижней Волги и Северного Кавказа, до Приазовья, Подонья, Нижнего и Среднего Поднепровья [Иевлев и др., 2014. С. 85], степного и горного Крыма. Именно в этот период, как никогда более, в их внешней политике ощущается имперское наследие Тюркского каганата. Как, в передаче, Феофана, снисходителен каган, когда он передает Юстиниану II его хазарскую жену и родившегося сына уже после вторичного воцарения. Он явно иронизирует по поводу огромного флота, погибшего в буре, обращаясь к византийскому императору, он использует назидательный, поучительный тон*: «ты, что думал взять их силой, вот твоя жена и твой сын, забирай их»**. Это отношение умудренного опытом кочевого вождя, политика, понимающего выгоды своего

ведав [об этом], смог спастись бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями, и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой. Услышав про это, Алсимар послал хагану [посла], обещая ему множество даров, если он перешлет ему живого Юстиниана, если же нет, то хотя бы его голову. Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать. Но, так как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, [все] стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же Юстиниан поступил и с архонтом Валгицем. [Затем] он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам, тайно сбежав из Фанагории, прибыл в Томы» [Чичуров, 1980. С. 62–63].

* Здесь приходит на память речь кагана тюрков, которую приписывает ему Менандр Византиец: Владыка турков Сильзивул (Дизавул), узнав о побеге аваров, которые ушли по нанесении вреда туркам, со свойственной варварам дерзостью сказал: «Авары не птицы, чтобы летая по воздуху, избегнуть им мечей туркских, они не рыбы, чтобы нырнуть в воду и исчезнуть в глубине морской пучины, они блуждают на поверхности земли. Когда покончу войну с эфталитами, нападю на аваров, и они не избегнут моих сил» [Византийские историки, 1860. С. 328]. Здесь такое же осознание своего могущества, военных возможностей и неизбежности мести, которую испытывают противники каганата. В словах хазарского кагана нет открытых угроз, но смысл ее понятен. Смешно было бы пытаться посылать войска и брать хазарскую принцессу силой, но поскольку сам каган проявляет добрую волю и отдает ее византийскому императору, то он мог бы ограничиться и двумя-тремя кораблями, посланными, чтобы забрать его жену и сына.

** «...Юстиниан послал флот, чтобы привезти из Хазарии свою жену, но многие корабли затонули вместе с людьми. Хаган, услышав об этом, пишет ему: «О неразумный, неужели тебе недостаточно было двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их». Юстиниан, послав кувикулярия Феофилакта,

государства и последовательно действующего в нужном направлении*. Возможно, что именно тогда, на торжествах в честь новой императрицы и ее сына, каган первый и единственный раз в истории хазаро-византийских отношений, лично побывал в Константинополе. Очевидно, это был момент максимального признания Византией Хазарии, ее влияния, ее роли на территории юга Восточной Европы.

Второе обстоятельство, которое требует дополнительного анализа. Каган явно заинтересован в том, чтобы, воспользовавшись ситуацией династической борьбы в Византии, поставить ее правительство в максимально зависимое от себя состояние и заключить с ней договор на наиболее выгодных для каганата условиях. Как для настоящего политика (не наивного вождя кочевого объединения, случайно получившего карт-бланш во взаимоотношениях со старой Империей, а именно политика, унаследовавшего, возможно, некий опыт отношений тюркской элиты с Китаем, Ираном и той же Византией) для него важны не персоналии, а окончательный результат. Он хладнокровно наблюдает за действиями Юстиниана II и постепенно теряет веру в успех его предприятия, склоняясь к отношениям с действующим императором Тиберием Аспинаром. Как известно, по просьбе последнего он посылает убийц к Юстиниану, который, предупрежденный женой, не только спасается, но и, в конечном итоге, захватывает Константинопольский престол. Совершивший тактическую ошибку и поставивший не на того претендента каган спокойно выжидает, у него есть запасной козырь, новорожденный наследник Юстиниана, первый потомок в ряду династических браков, заключавшихся хазарами с представителями оседлых империй. И вот Юстиниан, не успев снова вступить на престол, пытается проводить активную антиарабскую политику в Закавказье, в 704 г. провоцирует восстание армян, во главе со Смбагом Багратуни, посылает им на помощь византийскую армию, как известно, предприятие заканчивается неудачей, арабы побеждают [Новосельцев, 1990. С. 177]. Не видны ли здесь результаты дипломатических усилий хазарского кагана, тестя Юстиниана, не менее чем Византия заинтересованного в создании прочной антиарабской коалиции, выступающей против Халифата на разных фронтах и борющейся, прежде всего, с его влиянием в Закавказье.

В то же время, если в первые годы правления Юстиниана II каган хазар поддерживает с ним дружественные (родственные) отношения, то к концу своего пребывания у власти, в 711 г. сам византийский император провоцирует военный конфликт с хазарами. Собственно говоря, именно эта

привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их и они воцарились вместе с ним» [Чичуров, 1980. С. 63].

* Здесь уместно вспомнить Тобо-хана, который к 572 г. подчинил оба существовавших тогда китайских царства — Северный Чжоу и Северный Ци и говорил в этой связи: «...только бы на юге два мальчика были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности...» [Бичурин, 1950. С. 233].

провокация стоила ему и трона, и жизни. Посланные им в Херсон войска пленили хазарского тудуна и ликвидировали городское самоуправление, херсонцы призвали хазар, те не отказали в помощи и принудили главу второй карательной операции, Маврикия, присягнуть новому претенденту на Константинопольский престол Вардану. Вмешательство хазар было своевременным и выгодным, прежде всего для каганата, поскольку после этого на длительный период византийцы соглашались со сложившейся ситуацией и мирятся с хазарским присутствием в Горном Крыму.

Анализ арабо-хазарского противостояния на Кавказе и в Закавказье, проводившийся различными авторами, в частности, М. И. Артамоновым [1962. С. 202–260], А. В. Гадло [1979. С. 156–169] и А. П. Новосельцевым [1990. С. 175–180], показывает, что каждый раз, когда арабы решались на какие-то масштабные действия против Хазарии, на Северном Кавказе и в Прикаспии, они, предварительно, наводили порядок на малоазийском фронте, побеждали или теснили византийские армии, принуждали противника к миру, а потом начинали накапливать силы в Закавказье.

По всей видимости, для укрепления создавшейся коалиции и подтверждения существующих договоров между Хазарией и Византией в 732 г. был заключен очередной династический брак, второй и последний, и, видимо, наиболее удачный по его результатам. Как известно, еще будучи наследником, по указанию своего отца Льва III Исавра, Константин женился на хазарской принцессе Чичак* и прожил с ней около 20 лет. Так или иначе, но Константин V, взойдя на престол в 741 г. проводил активную анти-арабскую и антиболгарскую политику, то есть сражался, по сути, с основными, на тот момент, врагами Хазарского каганата**. Его тесть в это время противостоит арабам на Кавказе, возможно именно он был тем каганом, который потерпел поражение во время похода Мервана 737 г., потерял свое войско и был вынужден (по данным арабских авторов) согласиться на принятие ислама. После этого хазары сначала временно, а затем и вовсе отказываются от завоевательной политики в Закавказье. В качестве основного признака этих изменений исследователи обычно приводят примеры двух браков (точнее одного брака и одной не состоявшейся попытки), которые хазарские каганы заключают с арабскими наместниками Армении. Первый был инициирован арабской стороной и свидетельствовал об окончании арабо-хазарских войн и признании сфер влияния и границ на Кавказе [Гадло, 1979. С. 162–163]. Тогда дочь хакана Багатура Хатун вышла замуж

* «В этом году (732/733 г.) василевс Лев женил сына Константина на дочери хагана, владителя скифов, обратив ее в христианство и назвав Ириной» [Чичуров, 1980. С. 68].

** К. Цукерман напрямую связывает это событие с внешнеполитическими интересами Византии. Хазары, верные союзническим отношениям, вторгаются в Закавказье, ослабляют арабов, и византийцы снова восстанавливают некоторые из своих владений в этом регионе [Цукерман, 2001. С. 333].

за Язида ибн Усайда ас-Сулами*, по расчетам М. И. Артамонова это должно было произойти в 759 г. [Артамонов, 1962. С. 244]. Через два с половиной года принцесса и двое ее детей умерли, а хазары, усмотревшие в этом коварство арабов, совершили опустошительный набег в Закавказье. Затем около 798 г. ал-Фадл ибн Яхья ибн Халид ал-Бармаки, также наместник Армении, Азербайджана, Мидии и Каспийских провинций, хотел жениться на хазарской принцессе Суб-т, но она умерла по дороге к жениху, что закончилось очередным хазарским набегом [Тортика, 2005. С. 93–100]. Тем не менее, после этого масштабные набеги хазар на Закавказье полностью прекращаются.

Исчезновение арабской угрозы для хазар на Кавказе и стабилизация византийско-арабской границы создают совершенно новые условия для построения хазаро-византийских отношений. Старые союзники оказываются в ситуации один на один, в достаточно замкнутом регионе, с давно назревшими противоречиями, поскольку традиционные интересы Византии были около ста лет назад достаточно сильно потеснены хазарской экспансией. Не вмешиваясь специально в и без того достаточно острую дискуссию по поводу степени и характера хазарского влияния в Крыму в VIII–IX в. [Айбабин, 2014. С. 161–174; Сорочан, 2014. С. 175–196] можно отметить только, что в любом случае значительная часть горного Крыма и городов побережья от Херсона до Боспора, так или иначе зависела от хазар, если не подчинялась им напрямую [Науменко, 2004]. Очевидно, что формы этой зависимости, ее интенсивность менялись во времени, были ситуативны, возможно, отдельные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Но главное, видимо, с конца VII и по вторую половину X в. Керченский пролив и связанный с ним путь в Азовское море, Дон и далее, вглубь Восточной Европы, находился под контролем хазар [Тортика, 2004. С. 382–384]. До 860-х гг. в Керчи и Таматархе, а после до 965 г. только в Таматархе находился боеспособный хазарский гарнизон, имевший возможность контролировать прохождение судов по проливу и таможенный пункт, взимавший десятину со всех провозимых товаров. Вероятно, долговременная политика Византии в Черноморском регионе предполагала возвращение контроля над обоими берегами пролива [Плетнева, 1976. С. 61], в то время как в аналогичную политику Хазарии входило удержание этого контроля. Он был настолько важен, что хазарская Таматарха сохраняет свое стратегическое

* Ничем не обосновано предположение о том, что после этого брака произошел «политический разрыв между Византией и Хазарским каганатом» [Аксенов, 2014. С. 17], что якобы повлияло и на формирование салтово-маяцкой культуры, в частности, отход от византийских традиций и появление растительного лотосовидного орнамента в поясных наборах [Комар, 2001. С. 112]. Торговые и иные связи с Византией продолжают весь последующий период хазарской истории, вплоть до падения Каганата, о чем свидетельствует огромное количество византийской тарной керамики на салтовских поселениях, элементы строительной техники и византийских архитектурных традиций, прослеженные на крепостях Нижнего Дона и тд.

значение вплоть до гибели каганата в целом и даже после крушения Хазарии здесь существует какой-то центр хазарской жизни. Но на рубеже VIII — IX вв. Хазарский каганат оставался сильным региональным государством и, по всей видимости, попыток вытеснения его из Крыма и из акватории Керченского пролива Византия не предпринимала. Определенным испытанием для прочности хазаро-византийских отношений стало в это время восстание Иоанна Готского.

Причины восстания, его ход, результаты неоднократно описаны и интерпретированы исследователями. Главным образом сведения о восстании получены на основании изучения Жития Иоанна Готского*. Датируют восстание временем между 784 и 786 гг. ...» [Могаричев и др., 2007. С. 199] или 786—787 гг. [Айбабин, 1999. С. 209].

В контексте данной работы важно упоминание о самом факте восстания против хазар владетеля Готии и его народа, а так же плачевный результат этого восстания. Интересно, что по времени оно приходится как раз на период начала стабилизации хазаро-арабских и арабо-византийских отношений и складывания новых, отмеченных выше условий для развития геополитической ситуации на юге Восточной Европы. Возможно, само восстание было неким отдаленным результатом определенного охлаждения Византии к Хазарии, вследствие отсутствия интереса к ней как к союзнику на арабском фронте в Закавказье. Характерно, что каган не только сохраняет свой контроль над Готией, но и делает это самым осторожным способом, оставляет у власти местную элиту и только показательно наказывает рядовых восставших. По всей видимости, на какое-то время отношения между Хазарским каганатом и Византией в Крыму вообще и, в частности, по поводу Готии (Горного Крыма) стабилизируются. Стабилизируется ситуация и в самом Горном Крыму, а хазары способствуют расселению здесь лояльных к каганату болгарских групп [Айбабин, 1999. С. 211 — 212]. Далее, на ближайшие пол столетия источники оставляют для исследователей некую хронологическую лауну, во время которой, как представляется, идет определенная позиционная борьба, закончившаяся к середине IX в. переходом территории Горного Крыма (по крайней мере, ее большей части) под византийское управление и созданием управляемой стратигом фемы Климата с центром в Херсоне. К сожалению, отсутствие данных не дает воз-

* «...А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владетелем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании. Чтобы их страна была неподвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владетель) перебежали к кагану, который пощадил владетеля Готфии, семнадцать же рабов каган замучил невинными. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду...» [Могаричев и др., 2007. С. 12 — 13].

возможности увидеть ситуацию в динамике, и исследователи вынуждены констатировать только конечные пункты развития тех или иных процессов. Вполне вероятно, что борьба за контроль над территорией и населением Крымской Готии происходила с переменным успехом, велась разными способами, в несколько этапов, возможно, что дипломатия играла здесь большую роль, чем прямое военное противостояние, и только один из эпизодов этой эпопеи, растянувшейся на столетие, отражает известный сюжет из Жития Иоанна Готского. В частности, А. И. Айбабин считает, что уже после 840/41 гг. в связи со строительством Саркела Византия заключила с хазарами очередной стратегический союз и, благодаря этому, вернула крепости Готии под свое управление [Айбабин, 1999. С. 216].

Итак, для первой половины, середины IX в. главным фактом, свидетельствующим о развитии хазаро-византийских отношений, является известное сообщение Константина Багрянородного* и Продолжателя Феофана** о строительстве византийцами хазарской крепости Саркела в 840 или 841 гг. в районе, расположенном неподалеку от места предполагаемой Волго-Донской перемычки (авторы комментариев к Продолжателю Феофана считают общепринятой датировку около 833–834 гг.). Суть события известна и достаточно подробно отражена источниками. В контексте настоящих рассуждений важно, что в 839 г. (когда хазарское посольство было отправлено к императору) между Византией и Хазарией существовали

* «...Их (печенегов. — А. Т.) места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. «Саркел» же означает у них «Белый дом»; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозвищу Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склоняясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями...» [Константин Багрянородный, 1991. С. 171].

** «...В это время (840 г.) хаган Хазарии и пех отправили к самодержцу Феофилу послов с просьбой отстроить им крепость Саркел (название означает «Белый дом»), ту, что расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую — хазар, и где, поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников. В ответ на их просьбу и мольбы послал Феофил спафарокандидата Петрону, сына Каматира, с царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии и приказал выполнить просьбу хазар. Пришль в Херсон Петрона причалил к берегу и оставил там длинные суда, пересадил войско на круглые, переправил его к Танаису, к тому месту, где нужно было сооружать город. Поскольку не было там камней, он выжиг в печах из мелких речных ракушек известь, глину обжиг, изготовил кирпичи и славно, хотя и с многими трудами, благодаря множеству рабочих рук закончив порученное ему дело, вернулся в царственный город. Дал он и царю совет относительно Херсона, поскольку познакомился там и с людьми и с местом: «Не будешь полновластно править сей землей, пока доверяешь их правителям и протевонам и не назначишь собственного стратига». Дело в том, что мы не посылали туда стратига, а всем заправлял так называемый протевон вместе с отцами города. В ответ на это Феофил возвел в протоспафарию и послал туда стратигом все того же Петрону, поскольку тот был знаком с местом, а протевону и всем другим велел безоговорочно ему подчиняться. С тех пор и поныне вошло в обычай отсюда посылать стратигов в Херсон...» [Продолжатель Феофана, 2009. С. 83–84].

достаточно тесные и, видимо, взаимовыгодные, союзнические отношения. Об этом свидетельствует и сам факт посольства, и неординарная просьба хакана и пеха, и положительная реакция на эту просьбу Феофила. Выше уже упоминалось предположение А. И. Айбабина о заключении в это время стратегического союза между двумя государствами. Отметим только, что исходя из обозначенного контекста такой союз, видимо, уже существовал и только нашел дальнейшее подтверждение и развитие, следствием чего явилось и строительство Саркела и восстановление византийского управления в Горном Крыму. Вероятно, византийская помощь заключалась не только в строительстве одной крепости, но и в определенном обучении местных строительных кадров. Как свидетельствует В. С. Флеров, не только на Левобережном Цимлянском городище, но и на Правобережном, а также на Семикаракорском обнаружены строительные материалы и строительные приемы, свидетельствующие об использовании византийских знаний и навыков. Это, прежде всего кирпичи, кровельная черепица (калиптеры и керамиды), керамическая плитка и даже штукатурка со следами краски [Калинина, Флеров, Петрухин, 2014. С. 147 – 153]. Судя по данным автора публикации, все или большинство этих материалов (кирпичи, черепица, плитка, о штукатурке ничего определенного сказать нельзя) изготавливались не византийцами, а скорее, местными мастерами-керамистами, прошедшими специальное обучение. Впрочем, конкретные строительные объекты, связанные с применением этих материалов и технологий, по тем или иным причинам описать или реконструировать пока не представляется возможным. Что касается причин строительства Саркела и других крепостей Нижнего Дона, то здесь необходимо согласиться с авторами, которые предполагают что они, прежде всего, прикрывали и контролировали водный путь, который шел из Черного и Азовского морей, через Дон и переволоку в Волгу и далее вглубь Восточной Европы. Очевидно, что прав В. С. Флеров, который утверждал, что никакая крепость не может остановить в степи кочевую армию, т. е. она не могла быть заслоном от венгров, печенегов или каких-то иных кочевников [Флеров, 2002. С. 158]. Очевидно, что и византийцы, и хазары стали осознавать как проблему и опасность начавшегося в это время проникновения в бассейн Черного моря групп скандинавов [Войтович, 2012 – 2013. С. 76 – 79], о чем, в частности, свидетельствуют Бертинские Анналы. Возможно появление этой новой опасности, помощь Византии в ее преодолении, путем строительства крепостей на Нижнем Дону и стали причиной определенной уступчивости Хазарии в отношении Крымской Готии, переданной под византийское управление. Выстроенная в этот период хазарами система безопасности, включавшая в себя контроль над тремя ключевыми пунктами водных путей: Керченским проливом, Нижним Доном и Нижней Волгой стала на ближайшее столетие основой существования их государства, гарантом господства над соседями и, в то же время, причиной накопления противоре-

чий и конкурентной борьбы за влияние в регионе, приведшей, в конечном итоге, к падению Хазарии.

После очередной 20-летней лакуны снова появляется источник, позволяющий судить о хазаро-византийских отношениях на момент их развития к 861 г. Таковым, в данном случае, является Житие Св. Константина Кирилла, сообщающее о византийском посольстве в Хазарию, участие в котором принимал и будущий креститель славян [Родник златоструйный, 1990. С. 115–120; Сорочан, 2005. С. 1408–1428].

Напомним основные факты хазаро-византийских отношений, о которых сообщает этот источник. Житие утверждает, что хазары прислали к византийскому императору Михаилу III (852–867 гг.) посольство. По всей видимости, это было стандартное дипломатическое мероприятие, направленное на поддержание лояльных отношений между двумя государствами. Тем не менее, с явными агиографическими преувеличениями Житие описывает заверения правительства хазар в дружбе и достаточно уничижительную просьбу о присылке христианского законоучителя, якобы необходимого хазарам для выбора новой веры. Михаил положительно реагирует на этот запрос и отправляет «с цесарской помощью» ответное посольство к хазарам. В составе посольства в качестве книжника и христианского богослова оказывается и Константин.

Как считают исследователи, отправка византийского посольства в Хазарию была вызвана рядом причин, среди которых одной из основных было первое нападение русов на Константинополь летом 860 г. [Кузенков, 2003] и, в этой связи, актуализировавшаяся необходимость нормализации отношений с Хазарским каганатом [Сорочан, 2005. С. 1102]. Драматизировать чрезмерное ухудшение этих отношений, также как и преувеличивать венгерскую угрозу для хазар нет никакой необходимости. Пограничные стычки, взаимные интриги, так же как династические, военные и иные союзы, обмен посольствами, строительство Саркела и т. д. были нормой византийско-хазарских отношений, практически не перераставших до 920–40-х гг. в открытую конфронтацию. Константин не был руководителем посольства, но отвечал за его идеологическую, религиозную часть, подготавливая, по всей видимости, возможности для создания и реального функционирования митрополии Дорос, в которую должны были войти и хазарские христианские общины [Науменко, 2002. С. 75–76].

Религиозная ситуация, которую застал в Хазарии Константин, соответствует классическим описаниям арабо-персидских авторов. Наиболее активны в диспуте с Философом иудеи, упомянуты мусульмане, крещению подвергаются язычники. Агиографическая традиция приписывает победу в диспуте Константину, что не соответствует как реальному положению вещей в Хазарском каганате, так и прозелитическим легендам, известным в изложении мусульманских или хазаро-еврейских авторов. Возможно, также, что политическая составляющая посольства оказалась несколько удач-

нее миссионерской. Хазары пообещали дружбу и помощь — если это не были очередные стандартные фразы, не предполагающие никакой реальной подошпки. Тем не менее, хазары не могли не отдавать себе отчет в той опасности, которую представляли передвигающиеся по рекам Восточной Европы военизированные отряды русов. Ведь, как уже отмечалось, именно против русов, а не против венгров совместными усилиями византийцев и хазар в 840/41 гг. была построена крепость Саркел на Дону.

Через пятьдесят с небольшим лет после миссии Константина армада русов, возвращающаяся из Каспийского грабительского похода будет разгромлена в окрестностях Итиля мусульманской гвардией хазар. Вполне возможно, что после 861 г. и до 920—40-х гг., когда Роман Лакапин спровоцировал нападение русов Хельгу на хазарский Самкерц — Таматарху, в акватории Керченского пролива, Азовского моря и Нижнего Дона действовала совместная хазаро-византийская пограничная и таможенная политика, направленная, прежде всего, на нейтрализацию русской угрозы, контроль над передвижением групп русов на Дон, Каспий и, наоборот, в Азовское море, Керченский пролив и Черное море. Как представляется, одним из этапов формирования этой целенаправленной и хорошо осознанной византийцами после 18 июня 860 г. политики и было то посольство, о котором мы узнаем только благодаря участию в нем будущего просветителя славян св. Константина-Кирилла [Тортика, 2008а. С. 51—53].

В связи с анализом информации, содержащейся в Житии св. Константина-Кирилла справедливы так же и размышления С. Б. Сорочана о том, откуда взялись 200 пленных христиан (греков?), обнаруженных будущим святым в ставке хазарского кагана [Сорочан, 2005. С. 1100, 1112]. Все это происходило где-то в северном Предкавказье, скорее всего, неподалеку от Дербента*. Очевидно, что эти люди были захвачены в плен во время каких-то

* Исходя из формулировки Жития — «Каспийские ворота Кавказских гор», а также из географических реалий Хазарии, следует признать, что правы те исследователи, которые помещают конечный путь посольства византийцев и ставку кагана в районе Прикаспийского Дагестана, недалеко от Дербента. Вероятно, автор Жития св. Константина-Кирилла, был достаточно образован для того, чтобы знать о некоторой путанице, возникшей в литературе в связи с применением традиционного античного термина «Каспийские ворота», обозначавшего изначально горный перевал в районе Тавра, по отношению к Дербентскому или Дарьяльскому проходам Кавказа. Именно поэтому он дает усложненную формулировку — «Каспийские ворота Кавказских гор», однозначно отрицающую античное понимание термина, а так же указывающую на то, что речь идет не о Дарьяле — «Кавказских вратах», а именно о Дербенте. В такой дислокации ставки кагана и остальной хазарской знати нет ничего удивительного. В ответном письме Иосифа Хасдаи ибн Шафруту содержится прямое указание именно на такое положение дел — правительство Хазарии, царь и знать весной покидают Итиль и кочуют в степи вплоть до осени. Несколько ставок кагана известно и в ранний период хазарской истории. О них упоминают арабо-персидские авторы (Халифа ибн Хаййат, Белазури, ат-Табари, Ибн ал Асир и др.) в связи с изложением событий арабо-хазарских войн конца VII- начала VIII вв. Ставка кагана могла находиться неподалеку от Дербента, в ал Байде, Семендере и тд. Наличие нескольких летних ставок — норма для пра-

военных столкновений, не исключено, что на территории Таврики. Именно там Константин (Кирилл) видел некоего хазарского воеводу осаждавшего какой-то христианский город. В то же время хазары поддерживали дипломатические отношения с Константинополем, сами отправили туда послов с заверениями о «старой дружбе и любви». Это свидетельствует, с одной стороны, об определенной децентрализации власти в Хазарии, самостоятельности правителей отдельных хазарских регионов (климатов, по Константину Багрянородному). С другой, о вполне зрелой и весьма характерной для своего времени позиции хазарской дипломатии и ее центрального правительства, заверяющего византийцев в дружбе, и в то же время, оказывающей военное давление на периферию основных владений Империи Таврики — окрестности Херсонеса.

Следующий, последний этап развития хазаро-византийских отношений, прослеживается благодаря соответствующим сообщениям Константина Багрянородного, еврейско-хазарской переписке и Тексту Шехтера. Как известно, все эти источники были созданы около середины X в. Для конца IX — начала X вв. определенные контекстные данные, позволяющие реконструировать ситуацию в зоне Керченского пролива, дают труды арабо-персидских авторов. Благодаря ибн Хордадбеху* и ибн ал-Факиху** известно, что существовал некий транзитный путь купцов русов или славян, который соединял юг и север Восточной Европы, Черное море и основные реки — Дон, Волгу, возможно, Днепр. Несмотря на различные варианты реконструкции этого пути, очевидно, что основными и важнейшими его участками являются Керченский пролив, Нижний Дон, Волго-Донская перелока и Нижняя Волга. Все эти пункты контролируются хазарами, имеют военные заставы и таможни. Проходящие здесь купцы платят десятину, ждут разрешения на проезд и полностью зависят от решения хазарских властей. К началу X в. такое положение дел не устраивает ни Византию, ни усиливающих свое присутствие в бассейне Черного моря русов. Визан-

вителя кочевой державы. Видимо в такую ставку и прибыли послы византийского императора в сопровождении (или по совету) хазарских послов, безусловно, знавших, где и в какое время нужно искать кагана и бека [Тортика, 2008б. С. 228 — 229].

* «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян (сакалиба). Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян (сакалиба) к Румийскому морю. Владетель ар-Рума взымает с них десятину. Если они отправляются по Танаису — реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель так же взымает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джудрджан...» [Ибн Хордадбех, 1986. С. 124; Калинина, 1986. С. 71].

** «Славяне (сакалиба) едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну славян (сакалиба) или переходят из моря славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем чтобы пройти в залив (или рукав? — халидж) Хазарский (ал-хазар), и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому...» [Гаркави, 1870. С. 251; Калинина, 1986. С. 75; Новосельцев, 2000. С. 292].

тия начинает интриговать против Хазарии, используя как сухопутные народы — печенегов, гузов, алан, так и флотилии русов.

В то же время, при анализе поздних источников по истории хазаро-византийских связей, обращает на себя внимание факт сохранения между Хазарией и Византией активных торговых и дипломатических отношений даже в середине X в., в период правления Константина Багрянородного и возникновения еврейско-хазарской переписки, инициированной Хасдай ибн Шафрутом. В то время как Константин в своем трактате «Об управлении империей» оценивает народы юго-востока Восточной Европы через призму их способности воевать с хазарами [Константин Багрянородный, 1991. С. 37–53], Хасдай сообщает о неких византийских послах, прибывших в Испанию и имевших определенные сведения о Хазарском каганате. По их словам иудейское государство действительно существует, и «...имя царства — ал-Хазар; что между ал-Кустантинией и их страной 15 дней пути, но что «сухим путем между нами (и ими) находится много народов»; что имя царя, царствующего (теперь над ними), Иосиф; что «корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары»; что «они с нами в дружбе и у нас почитаются», и что «между нами и ими (постоянный) обмен посольствами и дарами»; что они обладают (военной) силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают (на войну) по временам» [Коковцов, 1932. С. 63–64].

Особый интерес представляет тот факт, что, исходя из приведенной цитаты, хазары еще в середине X в. имели свой выход к Черному морю и могли вести на нем самостоятельную торговлю. Ведь речь идет не о том, что византийцы могут плавать к хазарам, а именно о том, что от хазар приходят корабли в Византию, скорее всего в Константинополь, и привозят туда свои товары. По всей видимости, хазарским портом, из которого приходили эти корабли, мог быть в это время только Самкерц — Матраха — Таматарха. Поскольку письмо Хасдая датируют 50-ми — 60-ми гг. X в., то можно с достаточной уверенностью говорить о том, что до этого времени Таматарха еще подчинялась хазарам.

Возможно, впрочем, что византийские послы, таким образом, старались произвести благоприятное впечатление на Хасдая, льстили его надеждам на существование сильного и процветающего иудейского царства в Хазарии и для этого преувеличили и степень дружественности отношений Константинополя с Хазарией, и интенсивность взаимных торговых контактов. Характерно, что первоначально поверивший этим сведениям Хасдай направил своего посланника в Хазарию именно через Константинополь, резонно предполагая, что это будет наиболее простой и удобный путь для установления отношений с Иосифом. Однако, как известно, византийский император (видимо, все тот же Константин Багрянородный) явно не был заинтересован в подобных контактах, он продержал испанского эмиссара шесть месяцев в почетном плену и отправил обратно, сославшись на труд-

ности и опасности пути: «касательно пути между нами и ими (нужно сказать, что) народы, живущие между нами, в раздоре друг с другом», и что «море бурно, и переправиться через него можно только в известное время» [Коковцов, 1932. С. 64]. И, либо изоляция посланника была настолько хорошо организована, что он не привез никаких новых сведений о Хазарии, заслуживающих упоминания в письме Хасдая, либо он действительно не видел за эти пол-года пребывания в Константинополе ни хазарских послов, ни пребывающих из Хазарии купцов.

О серьезном ухудшении хазаро-византийских отношений в конце IX — первой половине X вв. сообщает анонимный автор Кембриджского документа — Текста Шехтера. Его данные находятся как бы в одном ключе со сведениями Константина Багрянородного, подтверждают и дополняют труд византийского императора. Византия со времен правления хазарского царя Вениамина (ориентировочно, 880-е — 900-е гг.) интригует против Хазарии, сколачивает враждебные коалиции, провоцирует восстания и войны. С ее помощью или при ее подстрекательстве против хазар выступают турки-огузы, печенеги, возможно, черные болгары и буртасы. Затем, при Аароне (по О. М. Прицаку, 900-е — 920-е гг.), с хазарами воюют их традиционные союзники — аланы, и, наконец, уже видимо при Иосифе (920-е — 960-е гг.) некий царь Руси Хельгу неожиданно нападает на хазарский Самкерц и захватывает там большую добычу. Это событие происходит во время правления византийского императора Романа Лакапина, который, собственно, и побудил Хельгу к этому нападению, и датируется промежутком между 920—940-ми гг. «...Роман [злодей] послал большие дары HLGW, царю RWSY', побуждая его на его собственную беду; он пришел ночью к городу С-м-к-рай и взял его воровским способом, потому что его начальника, вождя войска тогда там не было. Когда это стало известно BWLSSY, то есть Песаху HMQR, он пошел в гнев на города Романа и губил и мужчин, и женщин. И он взял три города, не считая деревень большого количества. Оттуда он пошел на город SWRSWN и воевал против него» [Голб, Прицак, 1997. С. 141].

По мнению А. П. Новосельцева [1990. С. 214] и И. Г. Коноваловой [1999. С. 112—113], в первые десятилетия X в. хазарское правительство пытается направить агрессию русов на своих противников — Саманидов, используя их флот и военный потенциал. В это время, вытесненная из Днепро-Донского междуречья печенегами, а из Крыма — Византией, Хазария оказывается в затруднительном положении и в Поволжско-Прикаспийском регионе. На севере возникает новое исламское государство — Волжская Болгария, которая налаживает торговые отношения с городами Средней Азии в обход Хазарии, через огузские степи Южного Урала и Северного Казахстана. Южный берег Каспийского моря практически весь подчиняется Саманидам, враждебным хазарам. Запднокаспийские земли — Ширван и Дербент, а также царство Серир — горный Дагестан, угрожают хазар-

ским владениям в северо-восточном Прикаспии. В этих условиях хазарское правительство вынуждено лавировать между различными союзниками, натравливая их друг на друга, и сохраняя относительный паритет сил на своих границах. Ярким примером такой дипломатии хазар в отношении степных народов являются сообщения того же Кембриджского анонима о войне хазар против коалиции степных народов во время царя Вениамина (конец IX в.), в которой их поддержали аланы, а затем, о войне хазар и алан, произошедшей в период правления отца Иосифа — Аарона (возможно, начало X в.). В последнем случае союзниками хазар, решившими исход военного противостояния, оказались тюркские племена гузов.

Хазары на последних этапах истории каганата явно утрачивают активность во внешней политике, они всегда на шаг позади, они вынуждены обороняться и отвечать на агрессию тех или иных соперников, в борьбе за господство в регионе. Во взаимоотношениях с Византией ключевым, по всей видимости, является вопрос о преобладании в зоне Керченского пролива и контроле над торговыми путями, проходящими через Дон, Азовское море и Боспор Киммерийский. Здесь хазары традиционно преобладают. В этой связи заслуживает внимания описанный ал Мас'уди маршрут похода русов на Ардебиль и Баку (912 г.): «[Несколько времени] после 300/912 г. около 500 судов их (русов. — А. Т.) прибыли в пролив Нитаса, соединенный с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. [Их задача] оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря до Нитас... Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снесли с хазарским царем [просьба разрешения] пройти через его землю, спустится вниз по его реке, войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря... Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив, достигли устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...» [Минорский, 1963. С. 198—199]. В этом отрывке не только описан путь через Керченский пролив к Дону и далее, но и указано на существование хазарского гарнизона, закрывавшего этот путь для русов.

Нападение русов во главе с Хельгу [Петрухин, 2000] на Таматарху, спровоцированное византийской дипломатией имело целью, по всей видимости, лишение хазар выхода к Черному морю и прекращение деятельности хазарской таможни на Керченском проливе. Осуществление этой цели было выгодно и византийцам и русам. Византийцы, таким образом, окончательно вытесняли к тому времени уже враждебных им хазар с берегов Черного моря и лишали их последнего крупного порта. Русы, в случае удачи своего предприятия, получали добычу от грабежа, удобный порт, возможность для осуществления собственного контроля над Керченским проли-

вом и беспрепятственного проникновения в Азовское море и Дон, где последней преградой для них оставался Саркел на Волго-Донской переволоке.

Впрочем, и византийский император Константин Багрянородный, современник Иосифа и Хасдая, указывает на то, что Херсон в период его правления, т. е. в середине X в., находился в пределах досягаемости хазарских армий и требовал определенных дипломатических усилий, для обеспечения его защиты. Эти усилия должны были заключаться в том, чтобы привлечь на свою сторону «эксусиократора» Алании, который мог воспрепятствовать хазарским нападениям на Херсон: «... так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты...» [Константин Багрянородный, 1991. С. 53].

Все эти данные свидетельствуют о том, что представления о полном вытеснении хазар из Крыма в конце IX в. являются не совсем верными. Вплоть до середины X в. хазары имеют какую-то возможность для осуществления набегов на города Крыма и Херсон, в частности. Это позволяет предположить, что, либо они сохранили за собой какой-то из крымских портов в районе Керченского пролива, либо, скорее, имели возможность проникать в Крым через Приазовские степи и перекопский перешеек. Вероятно как аланы, так и печенеги далеко не всегда препятствовали в этом хазарам, и в определенные моменты могла существовать политическая ситуация, далекая от идеала, описанного Константином Багрянородным. Этот, обратный устремлениям Византии, идеал политических взаимоотношений между народами юга Восточной Европы, сформированный в результате успешных усилий хазарской дипломатии, и описывает Кембриджский аноним, когда повествует о победе хазар над коалицией народов в период правления Вениамина, а затем, над аланами во время царствования Аарона.

Также крахом закончилась интрига Романа Лакапина, побудившего захватить Самкерц предводителя русов Хельгу. В ответ хазары снова вторглись на территорию Крыма, взяли ряд византийских городов и даже осадили Херсонес. Как считается, это был последний хазарский набег на византийские владения в Крыму [Айбабин, 1999. С. 224]. Характерно, что, судя по данным источника, боевые действия продолжались достаточно долго, несколько месяцев, при этом ничего не сообщается о каком-либо противодействии печенегов столь активному поведению хазар в Крыму. Таким образом, хазаро-византийские отношения, в данном случае активное противодействие Византии со стороны хазар, были достаточно эффективны до самого конца существования Хазарского каганата. Гибель Хазарии была связана уже с самостоятельной деятельностью русских князей [Науменко, 2014. С. 118, 127 – 128] и не привела к переходу в византийское управление Азиатской стороны Боспора Киммерийского, где в конце X в. обосновалась Тмутараканская Русь.

Таким образом, история хазаро-византийских отношений может быть подразделена на три основных периода, характер и суть которых опреде-

ляются как внешними геополитическими условиями, так и содержанием тех проблем и противоречий, которые приходилось решать двум раннесредневековым государствам. В течение длительного времени, с конца VII по середину X вв. они являлись главными геополитическими игроками в регионе, непосредственными соседями на территории Крымского полуострова, торговыми партнерами в Черноморском бассейне и военными союзниками — соперниками в Закавказье, а позже, в Причерноморье и в Приазовье.

Очевидно, что периодизация этих отношений достаточно условна, учитывая дискретность сообщений источников, отсутствие объективных данных о наполненности событиями тех или иных периодов. В известной степени, она должна быть привязана к имеющимся сообщениям источников и как результат, зависит от них, от тех событий, с которыми связано их появление, от тех фактов, которые в них излагаются. Таким образом, выводы основаны на случайной выборке данных и их проверка и корреляция могут осуществляться только на основе понимания общих исторических тенденций и геополитического контекста хазаро-византийских взаимоотношений того или иного времени.

Первый период этих взаимоотношений (сер. VII — кон. VIII вв.), условно связан с арабской угрозой, как для Хазарии, так и для Византии, с необходимостью сотрудничества, военного союза, направленного против арабской агрессии. В силу отсутствия конкретных данных здесь трудно определить исходную дату, но предпосылки для формирования такого союза появляются с середины, второй половины VII в. в связи с арабской экспансией в Малой Азии и Закавказье. События рубежа VII—VIII вв., первого десятилетия VIII в., происходившие в Крыму и на Таманском полуострове, и связанные с борьбой Юстиниана II за возвращение императорского престола, а затем с его вторичным свержением, свидетельствуют о явной заинтересованности хазар в союзе с Византией. Хазарский каган использует все возможные варианты, делает ставки на всех претендентов и, в конечном итоге выигрывает долговременные союзнические обязательства Византии в борьбе с арабами и власть над большей частью Крымского полуострова. Подтверждением этого союза и обязательств стал в 732 г. брак Константина V с хазарской принцессой. Организовавший этот брак отец Константина, Лев III Исавр исходил из долговременных интересов Византии в противостоянии с арабами, совпавшем с интересами хазар в Закавказье. Даже поражение хазар в 737 г. не повлияло на хазаро-византийские договоренности. Византийцы, ни Константин V (741—775 гг.), ни Лев IV Хазарин (775—780 гг.) не оспаривают хазарского присутствия в Крыму, на Боспоре и власть хазар над Крымской Готией.

Конец первого периода хазаро-византийских отношений и начало следующего, второго (кон. VIII — кон. IX вв.) связаны с окончанием арабо-хазарских войн и стабилизацией арабо-византийской границы. Индикатором

начала изменений стало заключение хазарами двух династических союзов с арабскими наместниками в Закавказье (759 г. и 798 г.). За точку отсчета можно принять также дату восстания Иоанна Готского (около 786 г.), когда в свете отсутствия необходимости в антиарабском союзе всплывают старые противоречия между Византией и Хазарским каганатом в Крыму. Этот период в большей степени насыщен событиями восточноевропейской истории. Здесь и появление венгров в Днепро-Донском междуречье в 830-е гг., появление русов на реках в 830-е — 840-е гг., договор между Византией и Хазарией, который знаменует строительство Саркела в 841/42 гг. и, возможно, переход Крымской Готии под византийское управление. В 860 г. русы впервые осаждают Константинополь, что провоцирует совместные усилия дипломатии двух государств на возобновление пошатнувшихся дружественных отношений и, вероятно, создание некоей совместной системы контроля над водным путем, проходившим через Керченский пролив, Азовское море и Дон, предотвращавшей беспрепятственное проникновение русов в Черное море.

Вероятно, конец этого периода и начало последнего, третьего (конец IX в. — 969 г.), приходится на конец IX в., что связано с двумя основными причинами. Во-первых, печенеги с 889 г. изгоняют венгров из Приазовья и Причерноморья, осваивают этот регион и контролируют крымские степи, что полностью лишает хазар влияния на происходящие здесь события. Соответственно, Византия теряет заинтересованность в союзе с хазарами. Во-вторых, русы окончательно осваивают Днепровский путь в Черное море, что делает бесполезной для Византии хазарскую таможню в Керченском проливе, перекрывающую движение русов по Волго-Донскому пути. Мало того, Византия сама рассчитывает распространить свою власть на оба берега Керченского пролива, что дает ей возможность и беспрепятственной торговли и собственного контроля над передвижениями русов по Черному морю. На этом этапе хазары блестяще противодействуют всем проискам византийцев, путем заключения союзов и самостоятельно побеждают всех противников: гузов и печенегов, алан, русов царя Хельгу, и даже наносят удары по Византии на территории Крыма. Только вмешательство третьей силы — Руси, заканчивает затянувшееся противостояние гибелью Хазарского каганата после походов Святослава 965 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь : ДАР, 1999. — 352 с.
- Айбабин А. И.* К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // *Хазарский альманах*. — 2014. — Т. 12. — С. 161–174.
- Аксенов В. С.* Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах*. — 2014. — Т. 12. — С. 4–33.
- Артамонов М. И.* История хазар. — Л. : Изд-во гос. Эрмитажа, 1962. — 523 с.

- Барфилд Т. Дж.* Опасная граница : кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. — СПб, 2009. — 248 с.
- Бернитам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — 207 с.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. I. — 381 с.
- Византийские историки : Дексиппъ, Эвнапий, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Меландръ, Кандидъ, Нонносъ и Феофанъ Византиецъ / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гвріила Дестуниса. — СПб. : Иждивен. Духовного ведомства, 1860. — XIII, 516 с.
- Войтович Л.* Чи володіла Хозарія середнім Подніпров'ям у 839—860 рр.? // Хазарский альманах. — 2012—2013. — Т. 11. — С. 70—95.
- Гадло А. В.* Этническая история северного Кавказа IV—X вв. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. — 216 с.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). — СПб. : Типография Императорской АН, 1870. — 308 с.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послеслов. и коммент. В. Я. Петрухина. — М. — Иерусалим : Гешарим, 1997. — 239 с.
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. — М. : Товарищество Клышников — Комаров и К°, 1993. — 526 с.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с арабск., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. — Баку : ЭЛМ, 1986. — 428 с.
- Иевлев М. М., Козловский А. А., Минаева Н. И.* Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «жидовского города» на территории древнего Киева) // Хазарский альманах. — 2014. — Т. 12. — С. 69—90.
- Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 560 с.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
- Калинина Т. М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. : По данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха // История СССР. — 1986. — № 4 — С. 68—82.
- Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я.* Хазария в кросскультурном пространстве : историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. — 208 с.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка X в. — Л. : Изд-во АН СССР, 1932. — 138 с.
- Комар А. В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). — Самара, 2001. — Т. 2.
- Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе : К 80-ти летию В. Т. Пашуто. — М., 1999. — С. 111—120.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под. ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. — М. : Наука, 1991. — 496 с.
- Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. — М., 2003. — С. 3—172.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. — М. : Изд-во вост. лит., 1963. — 265 с.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». — Симферополь : АнтикВА, 2007. — 348 с.
- Науменко В. Е.* Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. — М., 2002. — С. 75—76.

- Науменко В. С. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин : Політико-адміністративний аспект / Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 2004. — 24 с.
- Науменко В. Е. К военно-политической истории Таврики X в. : русско-византийский конфликт 935—941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский альманах. — 2014. — Т. 12. — С. 118—134.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. — М. : Наука, 1990. — 264 с.
- Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI—IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл. — кор. РАН А. П. Новосельцева. — М. : Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 264—323.
- Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. — М., 2000. — С. 222—229.
- Плетнева С. А. Хазары. — М. : Наука, 1976. — 84 с.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер., статья, коммент. Я. Н. Любарского. — 2 изд. испр. и доп. — СПб. : Алетея, 2009. — 400 с.
- Родник златоструйный : Памятники болгарской литературы IX—XVIII вв. : Сб. / Пер. И. Калиганова и Д. Польшванного. — М., 1990. — 527 с.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков : Майдан, 2005. — Ч. 2. — С. 680—1638.
- Сорочан С. Б. Размышления над критикой (к статье А. И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // Хазарский альманах. — 2014. — Т. 12. — С. 175—196.
- Тортика А. А. Боспор Киммерийский а хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // Боспорские исследования. — 2004. — Вып. 5. — С. 362—387.
- Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // Східний світ. — 2005. — № 1. — С. 90—106.
- Тортика А. А. Хазарската мисия на Константин Философ : Проблеми на современната научна интерпретация // Списание на Българската академия на науките. — 2008а. — № 4. — С. 49—55.
- Тортика А. А. Пути Хазарии и конечный пункт назначения хазарской миссии Константина Философа // Восточная Европа в древности и средневековье. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, г. Москва, 16—18 апр. 2008 г. : материалы конф. / Ин-т всеобщей истории РАН. — М., 2008б. — С. 225—230.
- Цукерман К. Хазары и Византия : первые контакты // МАИЭТ. — 2001. — В. 3. — С. 312—333.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения : «хронография» Феофана, «бrevиарий» Никифора. — М., 1980. — 215 с.
- Флеров В. С. Крепости Хазарии в долине нижнего Дона (этюды к теме фортификации) // Хазарский альманах. — Т. 1. — Харьков : Каравелла, 2002. — С. 151—168.

С. П. Щавелев

НОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О СЛАВЯНСКОЙ ДАНИ ХАЗАРИИ*

Using newly discovered birch-bark manuscripts of Novgorod the Great and archaeological finds the author clarifies the composition of the tribute, which was paid by Slavs to Khazar Khaganate. New cartography of Arab silver in Eastern Europe (IX – X centuries) explains the news of the Primary Russian chronicle, according to which since the X c. Khazar tribute was purely monetary as a result of increasing of silver resources and coin hoards south-eastern Slavs had. The political and economic relations between Eastern Slavs, Khazars and Rus are analyzed in this context.

Летописный сюжет с данью, взимавшейся Хазарским каганатом с народов юго-востока славянского ареала вплоть до появления геополитических конкурентов в лице Руси, давно и небезуспешно рассматривался в исторической литературе. Однако относился он чаще всего к предыстории именно Руси, а не к потестарно-политическому развитию собственно славянских социумов. Между тем, в этом последнем контексте сам факт, состав и порядок выплаты дани хазарам выступает едва ли не единственной, во всяком случае, первоначальной и ключевой характеристикой такого рода в письменных источниках. Наконец, новые — письменные и археологические источники позволяют сузить круг догадок и гипотез по этому поводу.

Прежде всего встаёт вопрос о составе этой дани. Первое на сей счет сообщение «Повести временных лет» (условно за 859 летописный год) гласит: «...Козари имаху [дань] на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма» [ПВЛ, 2007. С. 12]. В историографическом архиве летописания имеются разные толкования содержания этой выплаты: только пушнина — «белая (т. е. зимняя) веверица» (белка, либо горностаи); или же сочетание пушных и монетных денег — «белая (т. е. серебряная) монета» и «беличья шкурка». Наибольшее признание получило последнее толкование, что отразилось в последнем издании текста ПВЛ, разбивке соответствующих слов.

Недавно в нашем распоряжении появился источник, давший возможность более убедительно разъяснить соответствующие летописные термины. Это берестяная грамота № 722, найденная в 1991 г. на Троицком раскопе Новгорода Великого. Она гласит: «Въвериць 12 гривьне во беле и в се-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–33–01018.

ребре... Соболя 4 гривене. ... Мьдъведьно 2 гривне» [Янин, Зализняк, 2000. С. 21]. Стратиграфическая дата документа — рубеж XII—XIII вв. Перед нами список разных звериных шкур (собольих, медвежьей) и прочих товаров, оцененных в денежных единицах — гривнах. Термин «веверицы» употреблен в начале грамоты явно как собирательное название денег. Издатели документа отмечают, что в том же смысле это выражение употребляется и в других грамотах на бересте — № 246 (XI в.), № 105, 335, 657 (XII в.). Таким образом, прослеживается устойчивая преемственность бытования данного понятия в экономическом сознании домонгольской Руси, восходящая практически к временам её соперничества с Хазарией.

После указания на общую сумму денег (вевериц) в 12 гривен следует указание на их состав — «в беле и в серебре» Это сочетание терминов очень близко вышеприведённой летописной записи о хазарской дани; оно не оставляет сомнения в том, что «бель» и там, и тут означает пушную часть денежной суммы (должно быть, именно беличьих шкурки, поскольку породы остальных пушных зверей в записи упоминаются отдельно). Употребленное летописцем в данном случае в единственном числе слово «веверица» должно в таком случае означать денежную часть дани, в виде одной денежной единицы (в ту эпоху — IX—X вв. у летописных северян и их соседей по Днепровскому Левобережью это был, конечно, арабский дирхем).

Непонятно только, откуда могли брать монетную часть своей дани поляне. На их Правобережной территории дирхемы в сколько-нибудь заметном (по кладам и единичным находкам) количестве оказываются почти веком позже, чем у северян и вятичей. Монетные индикаторы международной торговли появляются в Киеве лишь с началом X в. [Щавелев, Фетисов, 2014. С. 27—28; здесь же аргументированная критика наивных попыток удревить эту дату применительно к полянам и южной Руси: Зоценко, 1996]. Запоздалое по данным археологической нумизматики включение полян в орбиту монетного оборота «Восток—Запад» прекрасно соотносится с летописной легендой о специфике данеобложения полян Хазарией.

Может быть, полянам вся дань засчитывалась пушниной, а пресловутые «мечи», предложенные ими якобы в виде откупа хазарам, просто путаница информатора (или переписчика, редактора) летописца с «мехами». Во всяком случае, отраженная в летописном сюжете с полянской частью дани хазарам заминка с её выплатой вполне могла косвенно отражать реальный дефицит валютных ресурсов у этого, самого маленького и поначалу удаленного от торговых магистралей восточнославянского объединения.

Итак, подвластные хазарам славяне первоначально выплачивали дань пушниной и монетным серебром.

Этот вывод согласуется с последующими сообщениями летописца о дани, которую в пользу Хазарии позднее давали отдельные славянские объединения. Радимичи платили хазарам «по щялягу» [ПВЛ, 2007. С. 14], пока Олег Вещий в 885 г. не переключил эту дань на себя. Ту же цену — «по

щелягу от рала» [ПВЛ, 2007. С. 31.] платили хазарам вятичи перед тем, как их покорил Святослав Игоревич в 964 г. Как видно, ближе к X в. хазарская дань стала чисто монетной. Это произошло, должно быть, с увеличением серебряных ресурсов у восточных славян, что подтверждается и бурным ростом кладообразования на их территории с рубежа IX—X вв. [Янин, 1956; Щавелев, 2002].

Вариантов перевода летописного «щеляга» в свою очередь накопилось немало. Тут и германский «шиллинг» [Фасмер, 1987. С. 427], и византийская номисма [Казанский, 1855. С. 196], и «златники» («стьлязи» и т. п.) [Срезневский, 1912. Стб. 1587], и старославянское слово «пенязь» — «(мелкая) монета» [Лихачев, 1898. С. 105], и дирхем — арабская серебряная монета, в оригинале отличавшаяся ярким блеском, именно белизной. Согласно самой убедительной этимологии А. П. Новосельцева, от древнеевр. «шелэг» — снег, белый [Новосельцев, 1991. С. 3—4]. Стоит попутно отметить предельно положительные коннотации белого цвета в древнерусском сознании (жизнеспособность, вольность, независимость, благородство и т. п.). Применительно к благородному металлу, да еще в денежной его форме, все эти метафоры подходили как нельзя лучше.

Не успело это последнее толкование заслуженно утвердиться в научной литературе вопроса, как оказалось бездоказательно оспорено С. Н. Кистеревым, который попытался возродить идею щеляга — золотой монеты, которую хазары якобы получали «от рала» в виде дани со славян [Кистерев, 1998. С. 341]. В подтверждение чего этот автор ссылается на мнение нумизмата А. А. Быкова о «следах хождения золотой монеты на территории Хазарского каганата» (не вдаваясь в подробности относительно количества и происхождения таких денег в разных ареалах салтово-маяцкой археологической культуры — «государственной культуры Хазарского каганата», по определению С. А. Плетнёвой). Надо задуматься над тем, что прежде чем поступить туда, эти самые монеты должны были прежде оказаться у данников — в каждой славянской семье! («дым» — дом для малой, парной семьи, тогда собственно — полуземлянка, топившаяся по-черному; «муж» — свободный домохозяин, глава «дыма», руководитель «рала»). На памятниках роменской культуры, оставленных летописными северянами, золото, тем более монетное, практически отсутствует. А вот арабское серебро — дирхемы и переплавленные из них изделия ювелирного ремесла находятся в весьма значительных количествах. Их обнаруживают не только в виде кладов, но и в остатках тех самых «дымов» — полуземлянок, дворов на селищах и городищах, в самих жилищах, печах, хозяйственных ямах и т. п. местах их жилых зон, в курганных погребениях.

Перед нами прямые доказательства правоты сопоставления щеляга с шекелем (на иврите — белая, т. е. серебряная монета). У некоторых народов Кавказа, унаследовавших отголоски хазарского пребывания там, налоги до сих пор называются похоже — «челек» [Каракетов, 1997. С. 106]. При-

нимая в расчет государственный статус иудаизма в Хазарии*, в том числе роль его поклонников в делах финансовых, такая этимология летописного щеляга выглядит семантически безупречно. А западноевропейские монеты (в своем абсолютном большинстве также серебряные) появляются на Днепровском Левобережье (причем в несравненно меньшем количестве) только лишь с XI в., как замена истощившемуся тогда импорту арабского серебра.

Рис. 1. Подвеска (оловянистый сплав) с изображением иудейского семисвечника. Случайная находка у с. Жилина Рьльского района Курской области (?). Передана в Курский государственный музей археологии. Репродукция сообщена А. В. Зориным. Изображение увеличено

Серебро явно господствовало в составе денежного обращения в самой Хазарии. Тем же А. А. Быковым предположен хазарский чекан именно серебряных имитаций арабских дирхемов [Быков, 1971. С. 32]. В той же валюте и в том же размере брали хазары дань с самого начала своей экспансии на Кавказе. Так, в захваченной ими Кавказской Албании — «по дидрахму [дирхему] по обыкновенной переписи [населения] царства персидского» [Моисей Каганкатвацц**, 1861. С. 129–130].

* На рис. 1 представлена недавняя находка из Курской области, на которой предположительно изображен еще один из нескольких образцов ритуального семисвечника иудеев — меноры.

** В современной транскрипции Каланкатуйкский, т. е. «Моисей «из села Каланкатуйк».

В итоге, вопрос о происхождении и содержании хазарской дани с юго-восточных славян согласно сравнению различных источников на сей счет решается вполне убедительно в пользу арабского серебра, дирхемов.

Сложнее реконструировать порядок её сбора. Ретроспективно судя по тому, как выглядело затем «полюдье» киевского князя «Руси», как скоро по мере расширения границ «державы Рюриковичей» оно сменилось «повозом» дани в специальные пункты-погосты самими данниками, то вполне вероятно, что и дань хазарам собиралась первоначально некими представителями их Каганата на славянской территории. Отражением подобной инфильтрации туда какой-то части степняков, целенаправленной экспансии Хазарии в Поднепровье выглядит волынцевская культура [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 148; Приймак, 1999. С. 151]. На всех изученных археологами волынцевских памятниках обнаружены следы салтовского влияния, причем такие (амулеты, оружие, орудия труда и предметы домашнего обихода, столово-парадная посуда), которые заставляют думать скорее о присутствии (гарнизонов?) хазаро-алано-болгар среди их жителей, нежели просто о торговле, периодических встречах славян со степняками.

Поэтому пространство волынцевца убедительно интерпретируется его исследователями [Щеглова, 1987] как археологическая иллюстрация к летописному сюжету о хазарской дани, возложенной на славян, включая полян, ориентировочно с середины VIII в. Вторая половина этого столетия — это и есть хронологический диапазон волынцевской предыстории роменцев. Наиболее ярко о первоначальном вторжении сюда хазар свидетельствует разовое выпадение «антских» кладов 2 б группы (по О. А. Щегловой).

Среди причин военно-политической активизации каганата на северо-западном направлении могли быть встречные попытки вторгнуться на Левобережье и закрепиться там со стороны других раннегосударственных образований, складывавшихся тогда в Европе. Уникальное известие об одной из таких (хотя и несколько более поздних) попыток содержится в греческой надписи на колонне в болгарском городе Абоба-Плиска, датированной периодом между 818 и 823 гг. [Бешевлиев, 1979. С. 225–229]. В записи от имени хана Дунайской Болгарии Омуртага (814–831 гг., наследника знаменитого хана Крума) сообщается, что во время похода на восток один из его приближенных («сотрапезников»), знатных старейшин («копанов / жупанов») — Корсис из рода Чагатар, отойдя от войска, утонул в Днепре [Родник, 1990. С. 179]. Исследователям этого источника не совсем ясно, что делала болгарская армия так далеко на северо-востоке от своего ханства, чьи границы успели вроде бы устояться [Материалы..., 1905]. Между тем, столь длинные рейды не были исключением в политике каганатов того времени. Недавние кочевники типа болгар или хазар искали всё новые зоны для укрытия от опасных соседей, грабежа и обложения

данью. Не столько участие в Великом переселении народов, сколько именно появление у недавних кочевников центров оседлости в большем или меньшем отдалении от славянских земель, повышало угрозу порабощения последних. Такого рода политика разных тюркских каганатов могла подтолкнуть славянских обитателей Днепровского Левобережья — археологических роменцев / летописных северян в первой половине IX в. к массовому строительству городищ и прочим инновациям социально-политического рода [Щавелев, 2000].

Реалистичность приведенного эпиграфического известия подтверждается археологическими находками. Наиболее эффектны поминальнички дружинников и их вождей, вроде открытого в Запорожье, у с. Воскресенки, где, как видно из раскопок В. А. Гринченко, располагался военный лагерь, как раз прикрывавший переправу через Днепр. Большинство авторов приписывает воскресенский скарб тем или другим кочевникам (то ли аварам, то ли болгарам, то ли хазарам, то ли иным тюркам), пробивавшимся через земли славян и, кроме того, неоднократно сталкивавшимся друг с другом [Сміленко, 1975. С. 103–118]. Похожими памятниками хазарской военной истории предстают находки в Малой Перещепине и в Глодосах.

Однако эта экспансия носила, как видно, спорадический характер и захлебнулась на границе леса и степи, в Посеймье и Подесенье. Государственная территория Хазарского каганата (в виде лесостепного и степного вариантов салтовской культуры) ограничилась нижними и средними течениями Дона и Северского Донца. Именно в этой «буферной зоне» степняки под хазарской эгидой, приблизившись к роменцам и боршевцам, повлияли на их культуру, и в свою очередь испытали их культурное влияние [Плетнева, 1962; 1999; Винников, 1990; 1998; 2010; 2014]. Элементы хазаро-славянского этнокультурного синтеза могут быть отнесены лишь к сравнительно узкой полоске соответствующего порубежья, при сохранении качественной разницы и специфики подавляющей массы и северян, и хазар с их непосредственными сателлитами.

В подтверждение последнего тезиса отвлечемся на рассмотрение показательного эпиграфического сюжета. Об экономических и политических взаимосвязях славянских обитателей Деснинско-Сеймского междуречья с Хазарией могут также свидетельствовать некоторые граффити на ходивших там и тут арабских монетах. Так, многие обрезанные в кружок дирхемы из клада-2, найденного в с. Березе Дмитриевского района Курской области на р. Свапе, несут на себе значки-«трезубцы» [Мельникова, 2001. С. 138–146]. Эти значки сходны с надчеканом на хазарской (?) имитации дирхемов из Девицкого клада в Подонье [Быков, 1971. С. 30] и т. п. тамгами и рунами, отмеченными на северянско-хазарском пограничье [Щавелев, 2001; 2006].

При раскопках одного из курганов Шуклинской группы роменского времени возле г. Курска в 1998 г. экспедицией А. В. Зорина обнаружил-

ся, в частности, перстень-печатка (рис. 2А). Знаки на его щитке сходны и с типичной для тюрков и других восточных народов тамгой — «вилы» или же «птичья лапа», «когти ворона» (в виде трех отростков), считающийся оберегом и помещаемый поэтому на головных уборах, войлоке юрты и т. д. [Маслова, 1978]. По всей видимости, этот знак имеет тотемное происхождение.

Похожий знак имелся и в древнетюркской рунической письменности. В соответствующем своде [Кызласов, 1990] он отмечен для орхонского (в Азии), донского и кубанского (распространённых в Евразии) алфавитов. По мнению большинства тюркологов, руна-трезубец читается (по крайней мере в азиатских надписях) как (i)с' и могла входить в состав этнонима. Именно с сопредельных окраин Хазарского каганата, — поречий Дона или Донца трёхрогая руна могла попасть в символический обиход славяно-романцев (вместе с другими салтоидными заимствованиями). О реальном бытовании этой руны в письменности народов хазарского ареала говорит целый ряд эпиграфических находок (в частности, надпись на костяной обкладке лука из кургана IX в. в Приазовье [Белинский и др., 1988]).

Точно такие и похожие пиктограммы зафиксированы среди граффити самой Хазарии, в особенности её северных территорий. Это, например, этого же рода знаки строителей на блоках Маяцкого городища (рис. 2Д) [Флерова, 1997; Кызласов, 1990].

Попытки расшифровать точное значение тех или иных знаков хазарского происхождения и тем более их сочетаний (надписей?) не дали результата и вряд ли когда его дадут. Этнографические параллели им оказываются слишком противоречивыми. Наиболее реалистично выглядит общее объяснение донских рун или тамг как знаков собственности или же, в иных ситуациях, просто присутствия на данном месте того или иного рода, его представителя, нанесшего соответствующий рисунок (как клятвенную расписку?) на кирпичи или готовые крепостные стены.

Сугубо гипотетически возможны некие предположения относительно общей семантики таких граффити, в частности, хазарско-северянского трезубца. Основная интерпретация обсуждаемой графической схемы связывает её с так называемым мировым деревом (*arbor mundi*) — одним из центральных мифологических образов самых разных народов Евразии, в том числе у населения Хазарии и смежных с ней территорий. На схематичных изображениях этот сакральный центр мира может удваиваться (как изображение на шуклинском перстне), а ведущим принципом его структурирования выступает (исключительно многозначная) триадичность (в том числе по количеству отростков на его вершине и ветвях). Типологически сходное, хотя и более сложное изображение — «многоэтажного» трезубца, в своей верхней части, впрочем, повторяющее трезубцы обычные, наличествует тоже на перстне-печатке, происходящем на сей раз из Дмитриевского могильника (рис. 2Б).

Использование трехрогого знака роменцами могло означать отсылку к авторитету их политических покровителей, временных хозяев из степного Каганата. Будучи изначально символами отдельного клана, отдельные тамгообразные знаки могли выступать в качестве сакрального символа целой народности или её влиятельного подразделения. Лицо, оставившее в шуклинском кургане перстень с удвоенным трехчастным значком, или же его непосредственные предки могли быть как-то причастны к сбору хазарской дани на территории Посеймья. Гипотетическим аналогом шуклинского и ему подобных перстней-печаток, найденных в области северянско-хазарских контактов, могут, на мой взгляд, служить те «серебряные печати», которые, согласно ПВЛ, должны были предъявлять купцы и послы русы для того, чтобы получить право проживания и торговли в Константинополе.

К семантике обсуждаемого знака примыкает изображение, которым был помечен ряд псевдодирхемов Девицкого клада при их изготовлении (рис. 2В). Его публикатор называет этот знак «хазарской тамгой рунического типа» [Быков, 1971. С. 32]. Где именно были выполнены имитации дирхемов из Девицкого клада и т. п. «варварские» монеты, с уверенностью сказать нельзя. Кроме хазарского (по А. А. Быкову), допустимо и местное, северянское их изготовление. На самом большом по площади, явно столичном для северянского «союза» центре — Горнале на верхнем Псле — выявлены следы монетного чекана псевдодирхемов [Куза, 1981]. В любом случае помещенный на эти монеты трезубец суть явно геральдический надчекан, символ власти того лица или объединения, которое предприняло эту денежную эмиссию. Даже если такие монеты чеканили на территории Хазарии, то в виде клада они оказались уже на территории славян, а, значит, прежде ходили по ней как платежное средство.

С начала IX в. ограниченный славяно-хазарский симбиоз сменяется размежеванием салтовских и славянских памятников даже в Подонье и в Подонечье [Михеев, 1991. С. 44]. Антропологическое исследование материалов верхнесалтовских могильников не выявило брачных контактов оставивших их тюрко-иранцев с соседними славянами [Кондукторова, 1984. С. 236]. Что касается остальной территории Днепровского Левобережья в собственно роменский период её истории — IX—X вв., то с этих пор здесь влияние салтовских древностей мало и уже никак не может быть объяснено сколько-нибудь длительным присутствием степняков. Археологические следы алано-болгарского влияния на восточнославянской территории угасают по мере продвижения с донецко-донского «фронттира» к псёльско-сеймскому региону. Если на славянских памятниках Дона и Донца предполагаются вкрапления свойственных степнякам типов жилищ, отопительных сооружений, то на Псле и Сейме это главным образом вещевой экспорт из пределов Каганата — гончарная керамика салтовского типа, отдельные украшения [Григорьев, 2000. С. 51]. И чем дальше во времени и пространстве (на запад), тем скуднее становятся салтовские вкрапления.

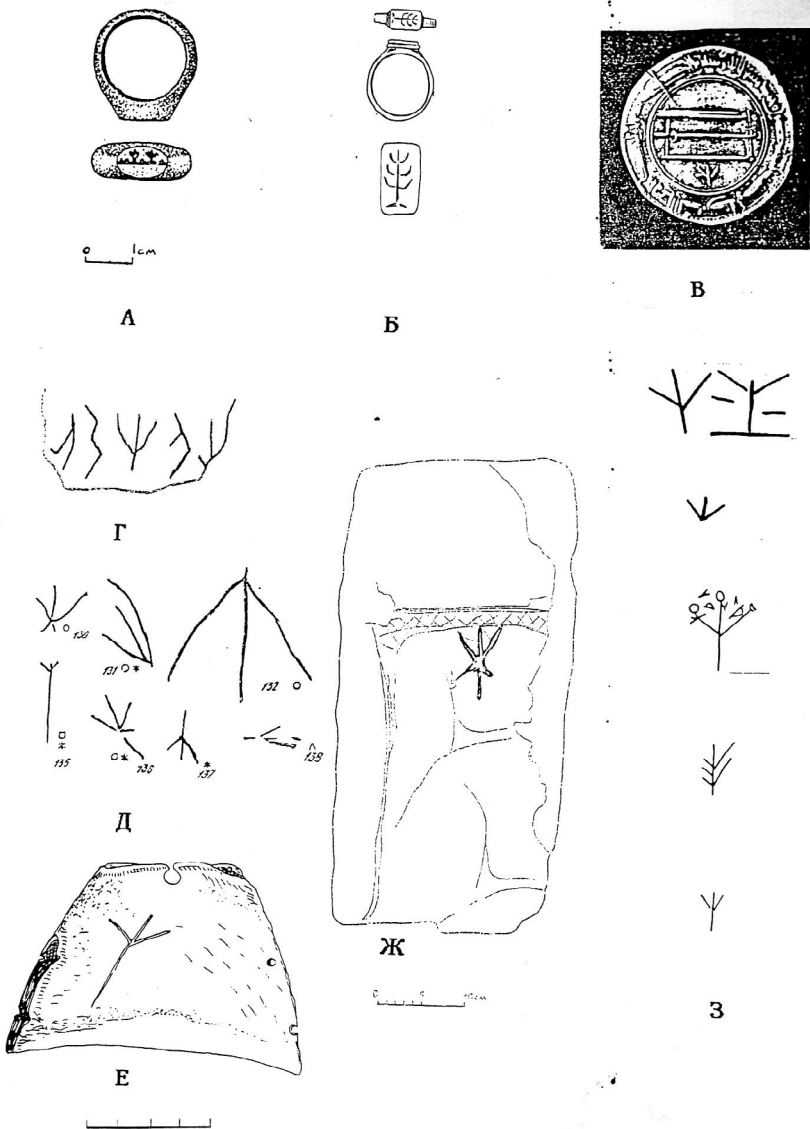

Рис. 2. Тамгообразные (руноподобные?) знаки с территории славянско-хазарского пограничья:

А — серебряный перстень с орнаментом на шитке из позднероманского кургана у городища Шуклинки на р. Тускари под Курском [Зорин, 2000]; Б — бронзовый перстень с орнаментированным шитком-печаткой из Дмитриевского могильника (салтовская культура) в верховьях Северского Донца [Плетнева]; В — «варварская» имитация дирхема из Девицкого клада со знаком-надчеканом в виде трезубца [Быков А. А., 1974, с. 50]; Г — надпись с Маяцкого городища (по С. Н. Замятнину), включающая (в центре) руну С; Д — рисунки сходного облика на блоках Маяцкого городища [Кызласов, 1990. С. 30]; Е — знак на костяном реликварии из катакомбы Дмитриевского могильника [Плетнёва]; Ж — знак на блоке Маяцкого городища (По С. А. Плетнёвой); З — граффити на арабских монетах с территории Восточной Европы [Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 167, 177, 180; Мельникова, 2001. С. 138–146]

Как видно, сбор хазарской дани через полвека после её наложения на славян перешёл к ним самим. А в роли пунктов её концентрации возможно предположить хазарские городища на северной окраине Каганата, в зоне лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 2001. С. 47]. Белокаменные крепости алано-болгар Подонечья и Подонцовья выглядят синхронным противовесом внушительным городищам роменского Посеймья. Именно рубежом волынцевской и роменской археологической культур, т. е. началом IX в. в Курском Посеймье позволительно на современном этапе археологического знания датировать установление хазарской дани на юго-востоке будущей Руси [О нынешних возможностях датировки роменской культуры: Енуков, 2005. С. 56].

Необходимость собирать дань для Хазарии должна была послужить действенным стимулом политогенеза внутри самого северянского общества. У рассыпанных по левым притокам Днепра роменских общин возникло некое общее дело, обслуживание которого требовало властных полномочий общинных и межобщинных лидеров, вооружённой силы в их распоряжении, инфраструктуры сбора, хранения и доставки денежной и меховой дани из Днепровского бассейна в Донской.

Соблазнительно поставить в связь с технологией сбора денежной дани некоторые нумизматические данные с территории северянского Посеймья. В состав клада у д. Воробьёвка II входили дирхемы, скреплённые в стопу с помощью двух бронзовых проволок, пропущенных через пробитые в монетах отверстия. Снаружи эту стопу обнимала бронзовая пластина [Ширинский, 1969. С. 7]. Этот блок монет функционально напоминает нынешние банковские упаковки денежных знаков. Конечно, он мог быть предназначен и для сугубо торговых операций. Однако во всех остальных посеймских кладах — свидетелях торговли и тезаврации сокровищ — монеты содержались россыпью. Воробьёвский клад принадлежит, судя по примеси украшений, к числу зарытых в момент военной опасности для местных жителей, причём представителями их элиты. Поэтому вероятность его фискального предназначения повышается.

На той же р. Тускари среди отдельных монетных находок фигурирует дирхем из раскопок Переверзевского II городища, который также был пробит в четырех местах [Узянов, 1983. С. 93]. Если это не нашивка на одежду (для подвески хватило бы одного отверстия), то, может быть, частица ещё одной монетной стопы, похожей на золотухинскую.

На том же Переверзевском городище были найдены глиняные таблички с вроде бы арифметической разметкой, интерпретируемые как род счётной доски-абака [Узянов, 1983. С. 94]. А на Ратском поселении-I в том же районе ближней округи Курска в сборах автором этих строк подъёмного материала находились глиняные шарики. Если это не вотивная модель неких плодов сельского хозяйства, то, не исключено, детали похожего прибора, помещаемые на его счётном модуле. В случае, коли эта атрибуция

верна, значит объём и периодичность поступления подсчитываемого с их помощью прибавочного продукта явно превышал потребности самой по себе здешней роменской общины.

Находки дирхемов, обрезанных в кружок, тяготеют к лесостепному Левобережью Днепра — территории роменской культуры. Тогда как в областях, вполне покоренных к тому времени Русью, в кладах заметно увеличивается количество монетных обломков и обрезков. Эта картина демонстрирует разницу двух новых систем денежного счета: северянской, стремящейся сохранить практику приема равновесных монет, и русской, перешедшей к приему серебра на вес [Шинаков, Зайцев, 1993]. Одной из причин финансового консерватизма северян могла быть традиция дани Хазарии, затем Руси, исчислявшейся не только в мехах, но и в целых монетах. Впрочем, по первому Березовскому кладу 950-х гг. [Янин, 1956. С. 142 — 147], в частности, видно, что «семцы» и тогда запасались как цельновесными монетами ранних чеканов (для внешнеторговых операций?), так и обрезками более поздних, худших дирхемов (ради сделок внутренних?); здесь эти два типа монет содержались в разных, одновременно зарытых сосудах.

Более того, именно на этой, юго-восточной части своей территории, дольше всего остававшейся автономной по отношению к Руси, северяне, похоже, наладили и собственный монетный чекан. Недаром львиная доля дирхемов-имитаций IX—X вв. приходится на клады Воронежской, Курской, Харьковской и Белгородской областей. А на Большом Горнальском городище А. В. Кузой выявлены дубликаты таких подражаний, выполненные одним чеканом, т. е. скорее всего здесь же. Хождение таких псевдодирхемов ограничивалось, как видно, славяно-хазарским порубежьем.

Прямых подтверждений намеченной выше схеме данеобложения славянских носителей роменской культуры в нашем распоряжении нет, но в её пользу косвенно, но достаточно красноречиво свидетельствует результат истории летописных северян как сателлита — партнёра — соперника — аннексанта сначала Хазарии, а затем и Руси.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. — 2001. № 2. — С. 43—55.
- Белинский И. В., Беспалый Е. И., Волков И. В., Парусимов И. Н. Раскопки Азовского краеведческого музея // Археологические открытия. 1986 г. — М.: Наука, 1988. — С. 480—481.
- Бешевлиев В. И. Първобългарски надписи. — София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. — 254 с.
- Быков А. А. О хазарском чекане VII—IX вв. Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Государственного Эрмитажа. XII. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1971. — С. 30—34.
- Винников А. З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // Советская археология. — 1990. № 3. — С. 124—137.
- Винников А. З. Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. — С. 108—110.

- Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир : мирное сосуществование или противостояние? // Хазары : миф и история / Ред. — сост. В. Я. Петрухин. — М. ; Иерусалим : Мосты культуры, 2010. — С. 189—216.
- Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII века) (Животинное городище на р. Воронеж). — Воронеж : Кварта, 2014. — 396 с.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. — М. : Новые строительные технологии, 1996. — 296 с.
- Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. — Тула, Гриф и К, 2000. — 263 с.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — 193 с.
- Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. — Курск : Учитель, 2005. — 352 с.
- Зоценко В. Н. Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе, VIII—X вв. // Bialorus, Litwa, Polska, Ukraina. Wspolne dzieje pieniadza. Materiale z I Miedzynarodjwej konferencji numizmatycznej. — Warszawa, 1996. — S. 51—76
- Зорин А. В. Раскопки кургана у д. Шуклинка Курского района Курской области // Археологические открытия 1998 г. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 102.
- Казанский П. С. История православного русского монашества, отъ основания Печерской обители преподобнымъ Антониемъ до основания Лавры Святой Троицы преподобнымъ Сергиемъ. М. : Типография Александра Семена, 1855. 204 с.
- Каракетов М. Хазарско-иудейское наследие в традиционной культуре караецев // Вестник еврейского университета в Москве. № 1 (14). — М. — Иерусалим, 1997. — С. 103—110.
- Кистерев С. Н. К характеристике системы даней в Древней Руси // Культура славян и Русь. — М. : Наука, 1998. — С. 336—352.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. — М. : Наука, 1984. — 277 с.
- Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. — М. : Наука, 1981. — С. 6—39.
- Кыласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа). — М. : Восточная литература, 1990. — 356 с.
- Лихачев Н. П. Пенязи великокняжеских и царских свадеб // Труды Московского нумизматического общества / Под ред. В. К. Трутовского, В. А. Уляницкого. Т. I. М. : Типография и словолитня Оттона Осиповича Гербека, 1898. — С. 103—109.
- Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. — М. : Наука, 1978. — 208 с.
- Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиски // Известия Археологического института в Константинополе. Т. X. — София : Державна печатница, 1905. — 600 с.
- Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарии. — М. : Восточная литература, 2001. — 496 с.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII—X вв. // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж : Изд-во Воронежского пед. ин-та, 1991. — С. 44—52.
- [Моисей Каганкатвацци]. История Агван Моисея Каганкатвацци, писателя X века / Пер. с арм. К. Патканяна. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1861. XV, 376 с.
- Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 3—17.
- Плетнева С. А. О связях алано-богарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. // СА. 1962. № 1. — С. 83—94.
- Плетнева С. А. 1999. Очерки хазарской археологии. — М.—Иерусалим : Мосты культуры — Гешарим, 1999. — 249 с.

- Повесть временных лет / Подг. текста ... Д. С. Лихачева. 3-е изд. — СПб. : Наука, 2007. — 668 с.
- Приймак В. В. Исторические события и археологические реалии Днепровского Левобережья VIII века // Археология Центрального Черноземья. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т, 1999. — С. 151–159.
- Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVII вв. — М. : Художественная литература, 1990. — 528 с.
- Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). — Київ : Наукова думка, 1975. — 226 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. III. Р-Л. Дополнения. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1912. — 1684 стб.
- Узянов А. А. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // Археологические открытия 1981 г. — М. : Наука, 1983. — С. 93.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. : Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1987. — Т. 4. — 864 с.
- Флерова В. Е. Граффити Хазарии. — М. : Эдиторитал УРСС, 1997. — 176 с.
- Шинаков Е. А., Зайцев В. В. Клады как источник по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история юго-востока Древней Руси. — Воронеж : ВГУ, 1993. — С. 64–66.
- Ширинский С. С. Разведки в Курской области // Археологические открытия 1968 г. — М., Наука, 1969. — С. 68.
- Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, ВГУ, 1987. — С. 77–85.
- Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века : карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И. Г. Калинина. — М. : Аквилон, 2014. — С. 7–53.
- Щавелев С. П. Северяне «Повести временных лет» и формирование древнерусской народности // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. — Брянск : Брянский гос. пед. ун-т, 2000. — С. 7–25.
- Щавелев С. П. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н. э.) // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. — М. : ГИМ, 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124). — С. 145–158.
- Щавелев С. П. Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады : состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. — СПб. : СПбГУ, 2002. — С. 144–149.
- Щавелев С. П. Знак трезубца в эпиграфике юго-востока Древней Руси // Деснинские древности. Вып. IV. Материалы Межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвящённой памяти брянского археолога и краеведа ... Фёдора Михайловича Заверняева ... — Брянск : Брянский гос. объединённый краеведческий музей, 2006. — С. 120–135.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М. : МГУ, 1956. — 208 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. — М. : Русские словари, 2000. — 430 с.

Б. Я. Адигамаев, А. Г. Дьяченко, Ю. С. Погорелов

СТАРО-СИМОНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ОСКОЛ

The ancient settlement near the Old Simonovka in the basin of the river Oskol arose in Scythian times in the Cape and secured the first floor of the defensive line, consisting of two pairs of walls and ditches. In VIII – X centuries extremity of the promontory was encircled with a second line of defense, which included one shaft and adjoining to it. Fortifications at the end of Cape destroyed late construction.

Городище возле с. Старая Симоновка Яблоновского сельского округа Валуйского района Белгородской области расположено на правом берегу р. Оскол (левый приток Северского Донца) в 1,1 км к юго-востоку от юго-восточной окраины населенного пункта на вершине Лысой горы. Крепость занимает меловой мыс* трапециевидной формы высотой 47 м, образованный двумя размытыми лощинами в 0,2 км к юго-западу от реки. Склоны мыса от реки крутые. Расширяющиеся северо-восточная оконечность и юго-западная половина мыса разделены неглубоким, но широким поперечным логом. За счет естественного поднятия склонов лога они заметно возвышаются в рельефе над средней частью площадки. Напольная сторона юго-западная, широкая (около 400 м). Общая длина городища по оси СВ–ЮЗ без учета внешней оборонительной линии более 300 м. Ширина понижающейся середины 30–40 м. Почти вся территория крепости и обе лощины покрыты лиственным лесом с густым подлеском. Памятник задернован, подъемный материал и культурный слой не выявлены. Верхние горизонты в природных обнажениях представлены темно-серой лесной почвой с обильной примесью измельченного мела.

С напольной стороны городище защищали две оборонительные линии**, состоявшие из трех валов с примыкающими рвами. Первая линия обороны включала две крайние пары валов и ров (1 и 2). С запада сво-

* На СВ оконечности мыса в меловой толще был основан подземный монашеский скит с церковью в честь Игнатия Богоносца. Точное время его основания неизвестно. О функционировании в XIX в. сведений нет. В 1897–1910 гг. пещеры расчистили. В 1916 г. над ними было начато, но не закончено возведение наземной деревянной церкви размерами приблизительно 18×6 м. Городище выявлено А. Г. Дьяченко летом 2005 г. при осмотре территории Лысой горы в связи с предполагавшейся реконструкцией подземного скита.

** Счет оборонительных линий ведется с напольной стороны.

бодное пространство между данными сооружениями составляет 10–22 м, с восточной стороны около 9–10 м. Оплывший внешний вал-1 длиной более 280 м имеет высоту 1,5–2,0 м и ров глубиной 1,4 м. Ширина рва в верхней части до 2,5 м. На восточном отрезке вал-1 и ров близко (2,5 м) подходят к автодороге Валуйки–Яблоново, но нигде не пересекают шоссе. К северу от вала-1 находится вал-2 длиной около 400 м, высотой 1,3 м, менее широкий в подошве. Вал-2 огибает пологую часть южного склона восточной лощины и упирается в верховья подобной лощины на западе. Ров оплывший, глубиной до 1 м, имеет ширину устья 1,8–3 м. Частых перемычек в обоих рвах нет. Не достигая восточного края площадки, вал-1 и ров обрывались, а вал-2 со рвом прерывались, образуя узкий (3 м) боковой въезд с перемычкой во рву напротив проема. С напольной стороны через проем проходила, разветвляясь в самом начале, грунтовая дорога, которая по территории площадки и склонам лощин вела к западному и восточному входам в подземный скит.

Оконечность мыса на расстоянии 25–30 м от крутого склона к реке (вероятно, обвалившегося) отделена от мелкого лога, пересекающего площадку поперек, и коренного берега валом-3 и рвом. Эти сооружения практически уничтожены поздним строительством. В частности, южная стена церкви начала XX в. проходила по гребню вала-3, а ров был почти полностью засыпан. Остатки данной оборонительной линии слабо прослеживались по россыпи щебня на месте вала-3 перед лощинами с обеих сторон городища. Ширина укрепленной территории на конце мыса в направлении СЗ–ЮВ 45 м.

Памятник осматривался до реконструкции пещерного храма и строительства новой наземной деревянной церкви в наши дни (2005–2007 гг.). После строительных работ и благоустройства территории следы укреплений на оконечности мыса полностью исчезли. Начало асфальтированной дороги, отходящей от основной трассы Валуйки–Яблоново к площадке городища, совпало с началом упомянутой грунтовой дороги. Подъездная асфальтированная дорога и край автостоянки западнее этой дороги уничтожили фрагменты валов и рвов, примыкавшие к въезду. Участок с проемом и перемычкой (вал-2 и ров) подвергся нивелированию. В итоге микрорельеф, фиксирующий особенности устройства укрепленного поселения, существенно изменился.

В связи с отсутствием результатов раскопчного изучения оборонительных сооружений, а также выразительного подъемного материала и культурного слоя на площадке, вопросы этнокультурной принадлежности и хронологии городища могут решаться только на основе косвенных данных.

Представляется, что Старо-Симоновское поселение отражает две исторические эпохи. В скифское время это было мысовое городище-убежище II типа [Моруженко, 1985. С. 161. Рис. 3, 1–11], которое ограждалось со сто-

роны плато двумя крайними валами и рвами. Данный вывод подтверждается большой площадью, защищенной первой оборонительной линией, что характерно для городищ скифской поры [Моруженко, 1985. С. 174; Афанасьев, 1987. С. 113; Гречко, 2010. С. 118. Табл. 1; Шевченко, 2010]. Существовавший с напольной стороны в валу-2 боковой проем с перемычкой во рву также сближает памятник с городищами начала железного века [Шрамко, 1962. С. 186; Моруженко, 1985. С. 164, 165. Рис. 2; 3; Афанасьев, 1987. С. 96, 105].

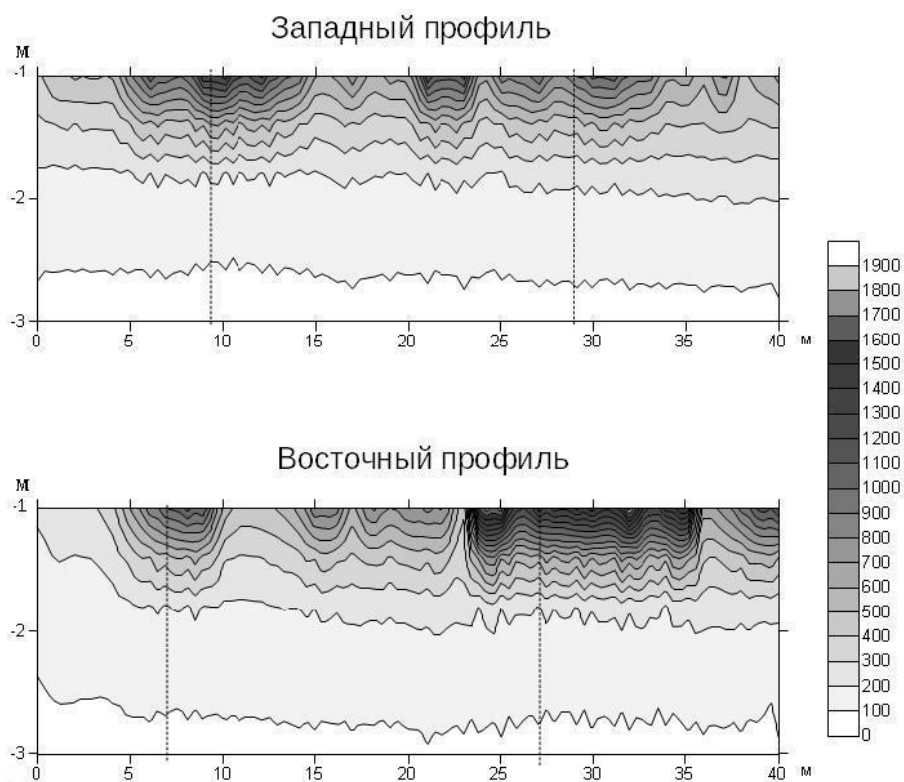
В 2015 г. сотрудники ООО «ИНГЕО» Б. Я. Адигамаев, Ю. В. Талецкий и Ю. С. Погорелов выполнили геофизическое (индукционное частотное) зондирование первого и второго валов на западном участке первой оборонительной линии с целью выяснить структуру насыпей. Исследование производилось с использованием отечественного геосканера «Немфис» методом неразрушающих технологий, то есть без прямого контакта с земной корой, по двум поперечным профилям (западный и восточный) с интервалом между точками измерений 1 м. Полученные геофизические данные визуализированы компьютерной программой Golden Software Surfer 8 псевдоразрезами кажущегося удельного электрического сопротивления (рис. 1).

На псевдорезах насыпи валов выражены одиночными аномалиями повышенного удельного сопротивления, уровень значений которого характерен для разрушенного мела (500 ... 700 Ом·м). При этом внешний вал-1 (на рис. 1 слева) отличается более простыми формами аномалий и меньшей протяженностью в сечениях (от 5 до 10 м), а внутренний вал-2 (на рис. 1 справа) — более сложными («растянутыми») формами протяженностью в сечениях около 13 м. Описанные геофизические аномалии простираются на псевдорезах до глубины около 1,5 м. Ниже находятся переотложенные и древние погребенные грунты, отличающиеся от чистого мела. В псевдорезах им соответствуют значения удельного электрического сопротивления в интервале 200 ... 500 Ом·м. Под погребенными грунтами залегает цельный меловой материк — естественное геологическое основание валов, тождественное материковому грунту рвов в неоплывшем состоянии и характеризующееся в псевдорезах значениями удельного сопротивления 100...200 Ом·м.

Таким образом, насыпи сложены из грунтов, в том числе мела, полученных при выкапывании рвов. Досыпки валов, судя по отмеченным аномалиям, не производились. Остатки деревянных внутривальных конструкций геофизическим методом не зарегистрированы, однако их наличие вероятно, так как появление соответствующей информации на псевдорезах удельного сопротивления зависит от степени сохранности и количества дерева.

Определение времени постройки, и этническая принадлежность второй линии обороны вызывает особенно большие затруднения. Следует

учесть топографию вала-3 и рва, которые отрезали возвышенную оконечность мыса сохранившейся площадью около 0,13 га, что нельзя признать типичным явлением для городищ раннего железного века. Вместе с тем части площадок ограниченных размеров (0,3 га) обустроивались на лесостепных городищах салтовской культуры (Карабут, Мохнач) [Афанасьев, 1987. С. 102, 103, 106, 108, 109]. Очевидно, в период раннего средневековья укрепленная территория поселения скифской эпохи у с. Старая Симоновка использовалась носителями салтово-маяцкой культуры далеко не полностью. В это время была построена вторая оборонительная линия, в результате чего на конце давно заброшенного мыса возникла небольшая крепость простого типа, хорошо защищенная естественными и искусственными препятствиями.

Положение валов на профилях

Западный профиль - 9,5 м и 28,4 м

Восточный профиль - 7 м и 27 м

Рис. 1. Псевдоразрезы кажущегося удельного электрического сопротивления валов 1 и 2 первой оборонительной линии городища Старая Симоновка

По классификации оборонительных сооружений салтовских городищ лесостепной полосы, предложенной Г. Е. Афанасьевым, памятник стоит ближе к III типу укреплений, т. к. система его фортификации относится к скифскому и раннесредневековому периодам [Афанасьев, 1987. С. 106]. В хазарское время Старо-Симоновское городище служило тем же целям, что и в скифскую эпоху — во время опасности являлось убежищем для некоторых общин расположенных поблизости салтовских селищ Яблоновской [Дьяченко, Погорелов, Семушев. 1999. С. 165] и (или) Валуйской [см.: Афанасьев, 1987. С. 179, 180] памятники поселенческих агломераций.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). — М., 1987. — 200 с.
- Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — Київ, 2010. — 286 с.
- Дьяченко А. Г., Погорелов Ю. С., Семушев М. И. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в лесостепном Поосколье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Докл. науч. конф. — Липецк, 1999. — С. 159—165.
- Моруженко А. А. Городища лесостепных племён Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. — 1985. — № 1. — С. 160—178.
- Шевченко А. А. Городища скифского времени на территории Среднего Дона / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2010. (Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat / Код доступа : <http://www.dissercat.com/content/gorodishcha-skifskogo-vremeni-na-territorii-srednego-dona#ixzz32w8yQNwK>)
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962. — 404 с.

В. С. Аксёнов

**КАТАКОМБЫ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО
МОГИЛЬНИКА НА ФОНЕ АЛАНСКИХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОДОНЦОВЬЯ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

The article describes funerary traditions of Alan population of Verkhniy Saltov archaeological complex on the basis of the statistical material in the part that deals with the burial structure (catacombs) and placement of human remains in the burial chamber. The paper takes into account the results of the study at three sites of the burial ground near Verkhniy Saltov Village: 75 catacombs (197 burials) in the VSM – I, 41 catacombs (70 burials) in the VSM – III and 110 catacombs (245 burials) in the VSM – IV. The analysis shows that all three sites of Verkhniy Saltov necropolis are characterized by a high degree of standardization in most dimensional features that characterize burial structures of the burial ground that meet certain «standards» of the funeral ritualism of the population that left the burial ground near Verkhniy Saltov Village. The average occupancy rate of burial chambers in different sites of the burial ground is steadily related to family groups. The presence of burials with different orientation of dead people with one dominant position in all areas suggests the cosmopolitan population structure with one dominant group, by which the predominant (head to the left of the entrance) orientation of the buried people was marked.

Основным погребальным сооружением аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, как свидетельствует более чем столетняя история исследования раннесредневековых могильников региона, является земляной склеп-катакомба [Бабенко, 1905. С. 549 – 550; Плетнева, 1967. С. 72 – 91; Флеров, 1993. С. 6 – 14]. Г. Е. Афанасьев, используя материалы раскопок Дмитриевского, Нижнелубянского, Ютановского, Верхне-Салтовского могильников и катакомб Маяцкого селища, дал расширенную характеристику и частотную оценку элементов погребального обряда аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1991. С. 212 – 260; Афанасьев, 1993. С. 80 – 93]. При этом для анализа погребального обряда исследователем были привлечены материалы из дореволюционных и послевоенных раскопок Верхне-Салтовского могильника, представленные данными по 241 катакомбе с 481 погребением [Афанасьев, 1993. С. 80]. Материалы выше названных некрополей позволили исследователю выделить две группы могильников, которые сформиро-

ровались под влиянием погребальных традиций двух различных этнических групп, и три погребальные традиции, которые, по мнению Г. Е. Афанасьева, могут отражать существование в обществе трех племенных групп [Афанасьев, 1993. С. 91]. При этом, Верхне-Салтовский и Ютановский могильники, представляют одну традицию, имеющую существенные отличия от погребальных традиций Дмитриевско-Нижнелубянского ритуала погребений и традиций представленных катакомбами Маяцкого селища [Афанасьев, 1993. С. 92].

Работы на Верхне-Салтовском могильнике, проводимые с 1984 г. и по настоящее время археологами Харькова, и в первую очередь сотрудниками Харьковского исторического музея, позволяют углубить наши знания о погребальной обрядности аланского населения салтово-маяцкой культуры, представляющего этническую общность, оставившую Верхне-Салтовско-Ютановскую группу некрополей. Для этого нами были учтены результаты исследования на трех участках могильника у с. Верхний Салтов: 75 катакомб (197 погребений) на ВСМ-I, 41 катакомба (70 погребений) на ВСМ-III и 110 катакомб (245 погребений) на ВСМ-IV.

Катакомбные могильники (по терминологии В. А. Бабенко) расположены на склонах Капиносого, Симоненкового, Нетечинского и других безымянных яров в окрестностях Верхне-Салтовского городища*. Верхне-Салтовский I могильник (ВСМ-I) расположен на западных склонах одного из ответвлений Капиносого оврага (рис. 1), на склонах которого в первой половине XX в. проводили свои исследования большинство археологов (В. А. Бабенко, А. М. Покровский, Н. Е. Макаренко и др.). ВСМ-I исследовался экспедицией Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина в 1984–1989 гг. Материалы этих работ частично опубликованы [Хоружая, 2009]. ВСМ-IV занимает восточный склон Нетечинского яра (рис. 1). Он был случайно открыт в 1989 г. В. Г. Бородулиным, под руководством которого в 1989, 1990 гг. экспедицией Харьковского исторического музея было исследовано 17 катакомб. В 1996 г. экспедицией Харьковского педуниверситета им. Г. С. Сковороды под руководством В. В. Колоды на могильнике было вскрыто еще 10 катакомбных захоронений [Колода, 2004]. С 1998 г. и по настоящее время работы на ВСМ-IV ведутся экспедицией Харьковского исторического музея под руководством автора данной статьи [Аксенов, 1998; Аксёнов, 2014]. Исследования ВСМ-IV показали, что он является не отдельным могильником, а южной окраиной ВСМ-II (рис. 1), который был открыт В. А. Бабенко еще в 1902 г. [Бабенко, 1905. С. 548, 563–569; Аксенов, Хоружая, 2008. С. 19–27, рис. 1, 4]. И ВСМ-II, и ВСМ-IV рас-

* Однотипность погребального обряда и погребального инвентаря в захоронениях, исследованных в окрестностях Верхнего Салтова, позволяют говорить об одном обширном могильнике, занимавшем склоны нескольких расположенных в непосредственной близости друг от друга оврагов. Могилы по склонам разных оврагов, скорее всего, принадлежали разным семейным группам, проживавшим рядом с Верхне-Салтовским городищем.

положены на склонах одного яра — Нетечинского. ВСМ-III, как и ВСМ-II, был открыт еще в 1902 г. [Бабенко, 1905. С. 548]. Как отмечал В. А. Бабенко: «третий могильник расположен сеженях в 100 от второго (*расположенно по склонам Нетечинского оврага — разрядка моя*), в восточном направлении, в горах, занятых крестьянскими садами» [Бабенко, 1905. С. 548]. Таким образом, третий могильник (ВСМ-III) локализуется почти в 800 м к северу от городища на западных склонах мыса, образуемого коренным высоким берегом р. Северский Донец (сейчас Печенежского водохранилища) и безымянным оврагом, тянущимся к Замуловке (где расположен ВСМ-I) (рис. 1). Всего В. А. Бабенко было раскопано на данном участке могильника 5 катакомб [Бабенко, 1905. С. 569]. В 1959–1961 гг. здесь проводила работы экспедиция под руководством Д. Т. Березовца, которая выявила 80 катакомб, из которых исследовала 23, да и то не полностью [Березовец, 1959–1961. С. 5]. Нами использованы материалы раскопок В. Г. Бородулина, который в 1988, 1989, 1991 и 1992 гг. исследовал на ВСМ-III 25 катакомб.

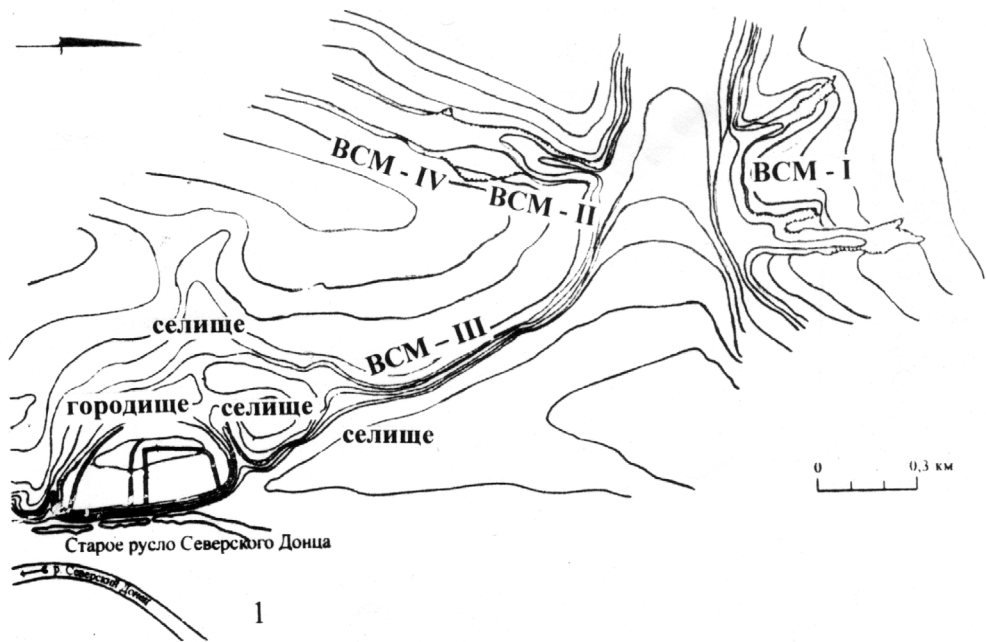

Рис. 1. План городища Верхний Салтов и участками катакомбного могильника

Для обработки данных по названным участкам Верхне-Салтовского могильника нами использовался стандартный набор статистических программ (Statistica 7.0 SP. 2).

Полученные новые данные несколько отличаются от параметров приведенных для Верхне-Салтовского могильника (ВСМ) Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 1993. Табл. 21–27]. При этом наблюдаются и некоторые раз-

личия в показателях для катакомб, раскопанных на разных участках некрополя.

Катакомбы расположены на склонах балок или яров у с. Верхний Салтов и, как правило, ориентированы по их склонам, в соответствии с древним рельефом местности. «Классическая» катакомба состоит из узкого и длинного входного коридора — дромоса, и погребальной камеры, вырытой в торцевой стенке дромоса, расположенной выше по склону. Средняя длина дромоса на ВСМ-IV составляет 4,79 м и несколько превосходит средний показатель длины дромоса на ВСМ-I (4,56 м) и ВСМ-III (4,44 м) (табл. 1). Это обусловлено тем фактом, что склоны Капиносского оврага имеют большую крутизну, чем склоны яров, где расположены ВСМ-I и ВСМ-III. Следовательно, для того чтобы вырыть дромос на одну и ту же глубину салтовцам на склонах Нетечинского яра из-за его пологих склонов нужно было делать более длинные дромосы, чем на других участках могильника у с. Верхний Салтов. По нашим наблюдениям, при создании катакомбы салтовцами учитывалась геологическая ситуация на конкретном участке склона. Погребальная камера всегда вырубалась в пласте плотной материковой глины светло-коричневого цвета, глубина залегания которого и определяла максимально возможную глубину погребального сооружения*. Ширина дромосов на разных участках могильника различается, но незначительно — 0,51 м (ВСМ-IV), 0,58 м (ВСМ-I) и 0,6 м (ВСМ-III). При этом средняя глубина дромоса на этих участках практически одинаковая — 3,04 м (ВСМ-I), 3,07 м (ВСМ-IV), 3,12 м (ВСМ-III) (табл. 1). Большая средняя длина дромосов на ВСМ-IV сочетается с большим средним числом ступенек в начальной части дромоса — 6,7, против 6,45 на ВСМ-I и 5,9 на ВСМ-III. При этом для всех участков могильника господствующим типом дна дромоса является ступенчато-наклонный, т. е. имеющий в начальной части дромоса ступеньки, после последней ступеньки дно дромоса полого спускается вниз к торцевой вертикальной стенке дромоса. В единичных случаях, на незначительном участке перед торцевой стенкой дромоса (на участке в 1,0–1,5 м), дно дромоса может становиться горизонтальным. Немногочисленными являются дромосы с дном ступенчато-горизонтального типа. Такое дно зачастую характерно для относительно коротких дромосов, длина которых не превышает 2–2,5 м. В целом повторяется тенденция, отмеченная на других катакомбных могильниках бассейна Северского Донца, — более длинные дромосы являются и более глубокими, и имеют большее количество ступенек в своей начальной части, число которых колеблется от двух до четырнадцати.

* Например: на участке ВСМ-IV, где пласт плотной материковой глины лежал на рыхлой глине светло-зеленоватого цвета или на комковатой глине темно-коричневого цвета, дно погребальных камер, как и дно дромоса, ни разу не опускалось ниже уровня залегания этих мягких по структуре глин.

Средние параметры дромосов в салтовских могильниках*

Могильник	Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)	Среднее кол-во ступенек
Дмитриевский	3,33	0,65	1,98	
Нижнелубянский	3,87	0,69	1,74	
Ютановский	4,26	0,68	2,57	
сред. по СМК	3,93	0,66	2,44	
ВСМ	4,49	0,6	3,11	
ВСМ-I (1984–1989)	4,56	0,58	3,04	6,45
ВСМ-III (1959–1961, 1988–1992)	4,44	0,6	3,12	5,9
ВСМ-IV (1998–2013)	4,79	0,54	3,07	6,7

Стенки дромосов в его начальной части зачастую вертикальные. Однако, на участке дромоса расположенном выше по склону, там, где глубина дромоса начинает превышать 1,0–1,2 м, они становятся наклонными, из-за чего ширина дромоса у дна оказывается большей, чем на уровне фиксации дромоса (рис. 2: 1, 3). Это обусловлено тем фактом, что по мере углубления дромоса, выбирать землю имеющимися у салтовцев инструментами (лопата, мотыги) из узкого дромоса становится неудобно (ширина плеч копающих людей превосходит ширину дромоса). Поэтому для облегчения выемки грунта боковые стенки дромоса слегка подрубались, из-за чего в поперечном разрезе дромос приобретал форму близкую к трапеции с относительно широкой нижней частью (рис. 2: 4, 5).

Часть дромоса, расположенная выше по склону, зачастую по ширине несколько превышает ширину его начальной части, составляя в среднем 0,5–0,9 м (рис. 2: 1). При ширине этой части дромоса в пределах 0,5–0,7 м его стенки зачастую остаются вертикальными до самого его дна. При ширине конечной части дромоса свыше 0,7 м (при наличии в этой части хода повторного проникновения в погребальную камеру) наблюдается следующая картина: от уровня фиксации и до глубины 1,5–1,7 м от уровня современной поверхности стенки этой части дромоса имеют незначительный наклон к центральной его оси; ниже — стенки дромоса становятся вертикальными, при этом ширина дромоса по дну у его торцевой стенки составляет 0,6–0,7 м (рис. 2: 6).

В торце дромоса, расположенном выше по склону, находился вход-лаз в погребальную камеру. На всех участках могильника у Верхнего Салтова

* Данные по Дмитриевскому, Нижнелубянскому, Ютановскому могильникам, ВСМ, средние по СМК — взяты из работы Г. Е. Афанасьева (1993 г.).

лаз в большинстве случаев имеет форму прямоугольника, реже трапеции, с закругленными верхними углами, что придает ему арковидную форму (рис. 2: 2). Ширина лаза зачастую является немного меньше ширины дромоса у торцевой его стенки. Высота входа в погребальную камеру всегда немного превышает его ширину (табл. 2). Средняя ширина лаза колеблется от 0,43–0,44 м (ВСМ-IV и ВСМ-I) до 0,49 м (ВСМ-IV), тогда как средняя высота входа – от 0,55 м (ВСМ-IV) и 0,59–0,6 м (ВСМ-I и ВСМ-III). Средняя длина входа-коридорчика составляет 0,29–0,31 м, хотя она может колебаться от 0,1 до 0,5 м. Зачастую дно лаза-коридора и дно дромоса находятся на одном уровне (рис. 2: 3), реже – со стороны дромоса наблюдается порожек высотой до 5 см³ (рис. 2: 1). Ширина дромосов, размеры входа-лаза обусловлены антропометрическими данными, рывших их людей, которые, как показывают данные антропологии, имели средний рост в пределах 160–162 см [Решетова, 2014. С. 91, Чучукало, 1926. С. 212]. Размеры лаза-коридорчика в погребальную камеру при сопоставлении со средними параметрами тела взрослого человека, показывают, что для прохождения лаза тела умерших людей, по-видимому, не только подвергались пеленанию (связыванию), но и в процессе протаскивания через вход-лаз в камеру тела умерших разворачивались боком. Только так тело умершего взрослого человека могло быть относительно беспрепятственно доставлено в погребальную камеру.

Таблица 2

Средние параметры входного лаза в погребальную камеру в салтовских могильниках

Могильник	Ширина (м)	Высота (м)	Глубина (м)	Заклад			
				нет	камень	дерево	жернов
Дмитриевский	0,49	0,53					
Нижнелубянский	0,49	0,51					
Ютановский	0,52	0,63					
сред. по СМК	0,5	0,54					
ВСМ	0,53	0,71					
ВСМ-I (1984–1989)	0,44	0,59	0,29	92 %	4 %	4 %	-
ВСМ-III (1959–1961, 1988–1992)	0,49	0,6	0,31	68 %	12 %	15 %	5 %
ВСМ-IV (1998–2013)	0,43	0,55	0,3	65 %	30 %	4 %	1 %

* По нашим наблюдениям, присутствие порожка со стороны дромоса можно объяснить погрешностью в работе археологов при вскрытии дромоса, когда возникали сложности с фиксацией дна дромоса, которое в этом случае немного перекапывалось.

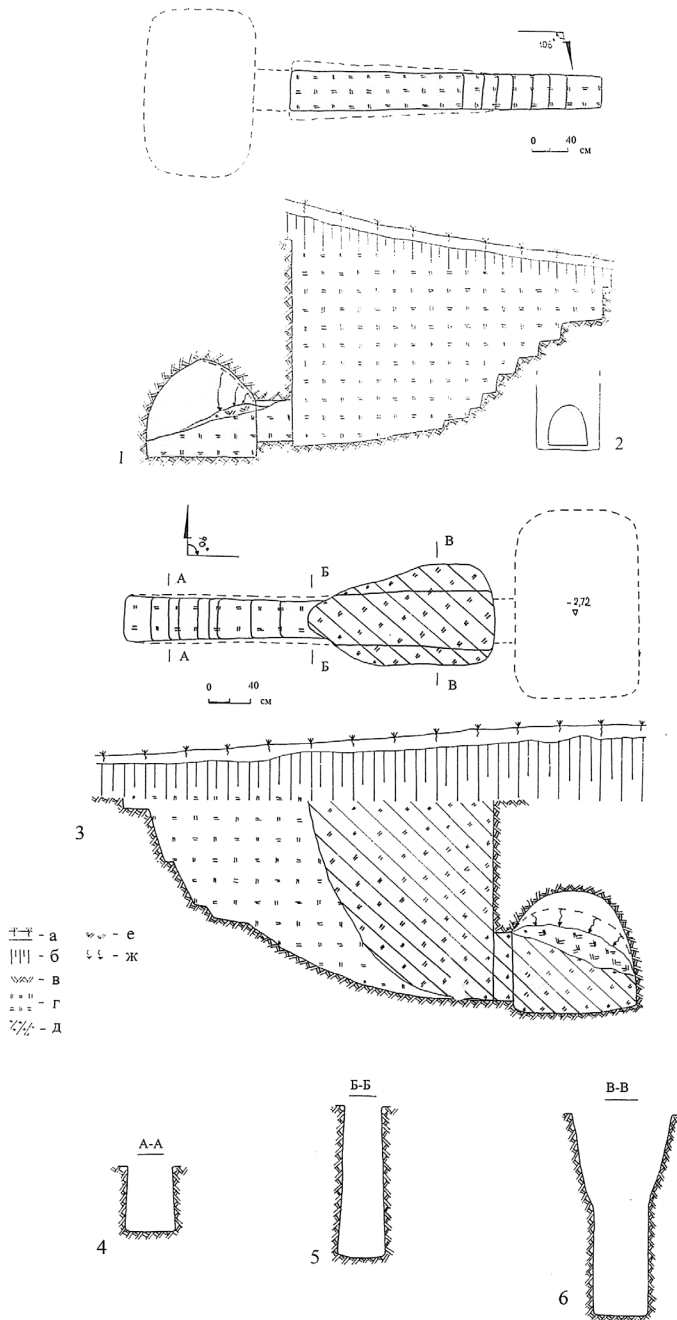

Рис. 2. Катакомбы Верхне-Салтовского могильника:

1 – план катакомбы № 102 (ВСМ-IV); 2 – вход в катакомбы № 102; 3 – план катакомбы № 74 (ВСМ-IV); 4, 5, 6 – профили дромоса катакомбы № 74. а – дерн; б – чернозем; в – материк (глина); г – первоначальное заполнение дромоса; д – заполнение входа повторного проникновения в погребальную камеру; е – обвалившийся свод камеры (материковая глина); ж – обвал свода камеры

Вход в погребальную камеру закрывался закладом из деревянных плах или каменной плитой (табл. 2). По дореволюционным материалам в катакомбах Верхнего Салтова заклады или вообще отсутствовал, или они не фиксировались исследователями по каким-то причинам [Афанасьев, 1993. С. 82]. Новые исследования показали, что в 92 % катакомб ВСМ-I заклады отсутствовали. Заклады из деревянных плах были зафиксированы в 4 % катакомб, такой же процент катакомб (4 %) содержал заклад в виде каменной плиты. Процент катакомб с каменным закладом для данного участка некрополя Верхнего Салтова совпадает со средним показателем для салтовского катакомбного погребального обряда [Афанасьев, 1991. С. 213]. Показатель катакомб с каменным закладом на ВСМ-IV составляет 30 %, что превосходит даже средний показатель по всем катакомбным могильникам региона с закладом из деревянных плах (19,8 %) [Афанасьев, 1991. С. 213]. Процент катакомб ВСМ-IV с деревянным закладом составляет 4 %, что совпадает с данными по ВСМ-I. Высокий процент катакомб с каменным закладом на ВСМ-IV, по-видимому, следует рассматривать как показатель более высокого имущественного положения той группы населения, которое оставило данный участок некрополя. ВСМ-III отличает от двух других участков высокий процент закладов из дерева (15 %) и факт более частого использования в качестве заклада камней от жерновов (5 % погребений). Для сравнения жерновая плита в качестве заклада на ВСМ-IV была использована всего один раз — в катакомбе № 100.

Размеры погребальных камер на всех участках некрополя у Верхнего Салтова (длина, ширина, высота, перепад полов) (табл. 3) находится в близком соответствии со средними показателями по могильнику приведенными Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 1991. С. 213; Афанасьев, 1993. С. 83, табл. 23]. В плане погребальные камеры чаще всего имеют форму прямоугольника с закругленными углами. На втором месте по частоте встречаемости стоят полы, имеющие овальную в плане форму. Полы круглой и квадратной в плане формы встречаются редко. Погребальная камера, там, где это удалось проследить, может иметь цилиндрический, коробовый или стрельчатый свод. Максимальная высота камер составляет 1,5–1,65 м, хотя чаще всего их высота колеблется в пределах от 1,0 до 1,2 м.

Таблица 3

Средние размеры погребальных камер в салтовских могильниках

Могильник	Длина (м)	Ширина (м)	Высота (м)	Перепад полов	подстилка		
					нет	уголь	органика
1	2	3	4	5	6	7	8
Дмитриевский	1,9	1,38	1,06	0,34			
Нижнелубянский	1,9	1,35	1,09	0,47			

1	2	3	4	5	6	7	8
Ютановский	2,04	1,65	1,72	0,39			
сред. по СМК	1,9	1,49	1,24	0,3			
ВСМ	1,91	1,65	1,49	0,21			
ВСМ-I (1984–1989)	1,97	1,59	1,24	0,24	85 %	11 %	4 %
ВСМ-III (1959–1961, 1988–1992)	1,92	1,49	1,43	0,25	59 %	12 %	24 % (5 %)
ВСМ-IV (1998–2013)	1,96	1,56	1,21	0,24	75 %	16 %	8 %

Отличительной особенностью некрополя у с. Верхний Салтов от таких катакомбных могильников как Дмитриевский, Нижнелубянский, Маяцкий является присутствие на них помимо катакомб с поперечным (Г-образным) размещением погребальных камер, еще и погребальных сооружений с продольным расположением камер (длинная ось камеры совпадает с длинной осью дромоса). При этом процент катакомб с продольным расположением погребальной камеры на разных участках существенно отличается: на ВСМ-III он составляет 58,5 %, на ВСМ-I – 49,4 %, а на ВСМ-IV – всего 14 %. По этому показателю ВСМ-I и ВСМ-III занимают промежуточное положение между ВСМ-IV и раскопанными незначительными площадями Рубежанским и Старо-Салтовским катакомбными могильниками, где катакомбы с продольным расположением камер составляют 88,8 % и 80,9 %, соответственно [Хоружая, Аксенов, 2005. С. 155, табл. 1]. Преобладание на могильниках катакомб с поперечным или продольным расположением погребальных камер относительно дромоса, обусловило и ориентировку помещенных в камеру тел умерших людей (табл. 4). Так, на ВСМ-III 36 % покойников были уложены головой влево от входа, на ВСМ-I – 51 %, а на ВСМ-IV – 78 %. Ногами ко входу в погребальную камеру было ориентировано 57 % костяков в захоронениях ВСМ-III, 45 % костяков на ВСМ-IV и 14 % костяков на ВСМ-I. Процент костяков ориентированных головой вправо от входа незначительный на всех участках – 3 % на ВСМ-I, 6 % на ВСМ-IV и 7 % на ВСМ-III. На всех участках Верхне-Салтовского некрополя всех умерших людей, вне зависимости от пола и возраста (там, где это удалось проследить), укладывали в вытянутом положении на спине, что является характерной чертой могильников Верхнего Салтова и расположенных недалеко от него Рубежанского и Старо-Салтовского некрополей [Аксенов, 1999. С. 137, рис. 1–7; Аксенов, 2001. С. 65, рис. 1–6].

Участки некрополя у Верхнего Салтова различаются и средним числом погребений на погребальную камеру (табл. 5; 6). Так, ВСМ-I имеет наи-

большую среднюю наполняемость погребальной камеры — 2,64 скелета на камеру. Этот же показатель для ВСМ-IV — 2,26 скелета на камеру, а для ВСМ-III — всего 1,7. Данный показатель для ВСМ-I является наибольшим среди других раскопанных катакомбных могильников (Дмитриевского, Нижнелубянского, Маяцкого, катакомб Маяцкого селища) (табл. 5) [Афанасьев, 1993. Табл. 27].

Таблица 4
Распространение различных мест положения умерших в камерах
в салтовских могильниках

Могильник	Головой влево от входу	Головой вправо от входу	Ногами ко входу	Головой ко входу
Дмитриевский	69 %	2 %	-	1 %
Нижнелубянский	76 %	-	-	-
Ютановский	85 %	3 %	-	-
сред. по СМК	55 %	3 %	2 %	1 %
ВСМ	38 %	-	4 %	-
ВСМ-I (1984–1989)	51 %	3 %	45 %	1 %
ВСМ-III (1959–1961, 1988–1992)	36 %	7 %	57 %	
ВСМ-IV (1998–2013)	78 %	6 %	14 %	2 %

Таблица 5
Среднее число скелетов, приходящихся на одну камеру в салтовских могильниках

Могильник	Дмитриевский	Нижнелубянский	Ютановский	ВСМ	ВСМ-I (1984–1989)	ВСМ-III (1959–1961, 1988–1992)	ВСМ-IV (1998–2013)
Число скелетов	2,24	2,21	2,07	1,91	2,64	1,7	2,26

Таблица 6
Количество погребенных людей в одной камере на разных участках
Верхне-Салтовского могильника

Могильник	1 чел.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	7 чел.	9 чел.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
сред. по СМК	31,26 %	31,26 %	18,64 %	7,16 %	1,88 %	1,32 %	0,38 %	0,19 %

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ВСМ-I (1984– 1989)	19 %	23 %	39 %	16 %	4 %	-	-	-
ВСМ-III (1959– 1961, 1988– 1992)	46,3 %	39,02 %	12,19 %	2,43 %				
ВСМ-IV (1998– 2013)	25 %	36 %	30 %	6 %	2 %	1 %	-	-

Таким образом, материалы исследования последних лет разных участков некрополя у с. Верхний Салтов в целом соответствуют характеристике, данной Г. Е. Афанасьевым, погребальной традиции Верхне-Салтовской группы населения в той её части, что касается катакомбы как погребального сооружения и размещения в погребальной камере человеческих останков [Афанасьев, 1991. С. 257; Афанасьев, 1993. С. 92].

Однако, следует отметить и те черты ритуала, которые раньше на могильнике не были зафиксированы, но встречались в обряде других групп аланского населения Подонцовья. Это касается в первую очередь устройства в дромосах катакомб погребений животных или человека, сопровождающих основные погребения [Афанасьев, 1993. С. 92].

Сейчас погребения людей, совершенные в дромосах, известны на ВСМ-I (кат. № 6, 67), ВСМ-IV (№ 58, 59, 120, 124), ВСМ-III (№ 24) [Хоружая, 2012; Аксенов, 2015]. Зачастую эти погребения принадлежат детям, которые были уложены в специальные ниши-подбой, сделанные в одной из боковых стенок дромоса, который не заканчивается погребальной камерой (кат. № 6 ВСМ-I, кат. № 24 ВСМ-III, кат. № 59, 64 ВСМ-IV) [Хоружая, 2012. Рис. 1–4]. Только два погребения в дромосе сопровождали основные захоронения, совершенные в погребальных камерах (кат. № 67 ВСМ-I, № 120 ВСМ-IV) [Хоружая, 2012. Рис. 7; Аксенов, 2015. Рис. 1]. При этом на ВСМ-IV представлены все известные на сегодня виды погребений в дромосах: в нише-подбое, сделанной в одной из боковых стенок дромоса (№ 59, 64, 120); в вытянутом положении на спине на дне дромоса (№ 124); в сидячем положении у входа в погребальную камеру (№ 58) [Аксенов, 2003. Рис. 1; Аксенов, 2015. Рис. 2].

В начальной части дромоса катакомбы № 104 ВСМ-IV было обнаружено захоронение собаки [Аксёнов, 2011. С. 32, рис. 101, 106]. Захоронения собак в дромосах катакомб были открыты (по два случая) на Дмитриевском и Нижнелубянском катакомбных могильниках [Афанасьев, 1993. С. 86, табл. 28].

На Дмитриевском могильнике в полу двенадцати камер были прорыты канавки, которые, по мнению С. А. Плетневой, играли роль своеобразных дренажных сооружений [Плетнева, 1989. С. 183, рис. 93]. Подобная канавка, вырытая в 5 см от входа параллельно передней стенке, была зафиксирована в полу камеры катакомбы № 69 ВСМ-IV (рис. 3: 1). Еще в четырех случаях (кат. № 77, 106, 117, 131) непосредственно у входа камеры в полу фиксировались углубления прямоугольной или округлой формы размером до $1,38 \times 0,57$ м и глубиной до 10 см (рис. 3: 2–4). Как и в Дмитриевском могильнике, канавки на ВСМ-IV были прослежены только в камерах, содержащих преднамеренно разрушенные человеческие костяки.

В полу еще трех погребальных камер (катакомбы № 96, 110, 115 ВСМ-IV) были зафиксированы углубления, сделанные у входа в камеру на всю её длину, шириной $0,8–0,85$ м и глубиной $0,1–0,15$ м (рис. 3: 5). Эти углубления, судя по ситуации в катакомбе № 96, для помещения в них умерших людей (рис. 3: 5). В таком углублении катакомбы № 115 был зафиксирован преднамеренно разрушенный костяк взрослого человека. В погребальной камере катакомбы № 110 костные останки людей вообще отсутствовали. Наличие подобных углублений в полу катакомб на ВСМ-IV позволяет выделить такую разновидность земляных склепов как катакомбы с двухуровневым полом. Данные катакомбы отличает от других катакомб могильника значительная длина (от $5,45–6,9$ м) и глубина ($3,15–4,4$ м) дромоса, присутствие каменных закладов, большие размеры погребальных камер ($1,9–2,15 \times 1,85–1,97$ м), богатый и многочисленный погребальный инвентарь [Аксенов, 2013. Рис. 1, 3, 4].

Главным отличием Верхне-Салтовского некрополя от других могильников верхнего Подонцовья является присутствие на всех его участках катакомб с продольным расположением погребальных камер. Катакомбы с продольным расположением камер встречены только на Старо-Салтовском и Рубежанском могильниках, расположенных в 4 км к югу и в 7 км к северу, соответственно, от Верхнего Салтова [Аксенов, 1999; Аксенов, 2001]. При этом на разных участках могильника соотношение катакомб с продольным и поперечным расположением погребальных камер относительно дромоса различно (табл. 7), что требует своего объяснения.

Присутствие на рассматриваемых могильниках помимо катакомб с продольным расположением камер одновременных им Т-образных катакомб позволяет поставить вопрос о, возможно, разном социальном статусе людей, погребенных в катакомбах разного типа. Не исключено также, что разные типы катакомб на одном могильнике оставлены разными, но этнически родственными, группами населения. В этом случае соотношение катакомб разных типов на одном участке могильника следует рассматривать как возможное численное доминирование одной группы переселенцев над другой. Пока же данная проблема далека от своего окончательного решения.

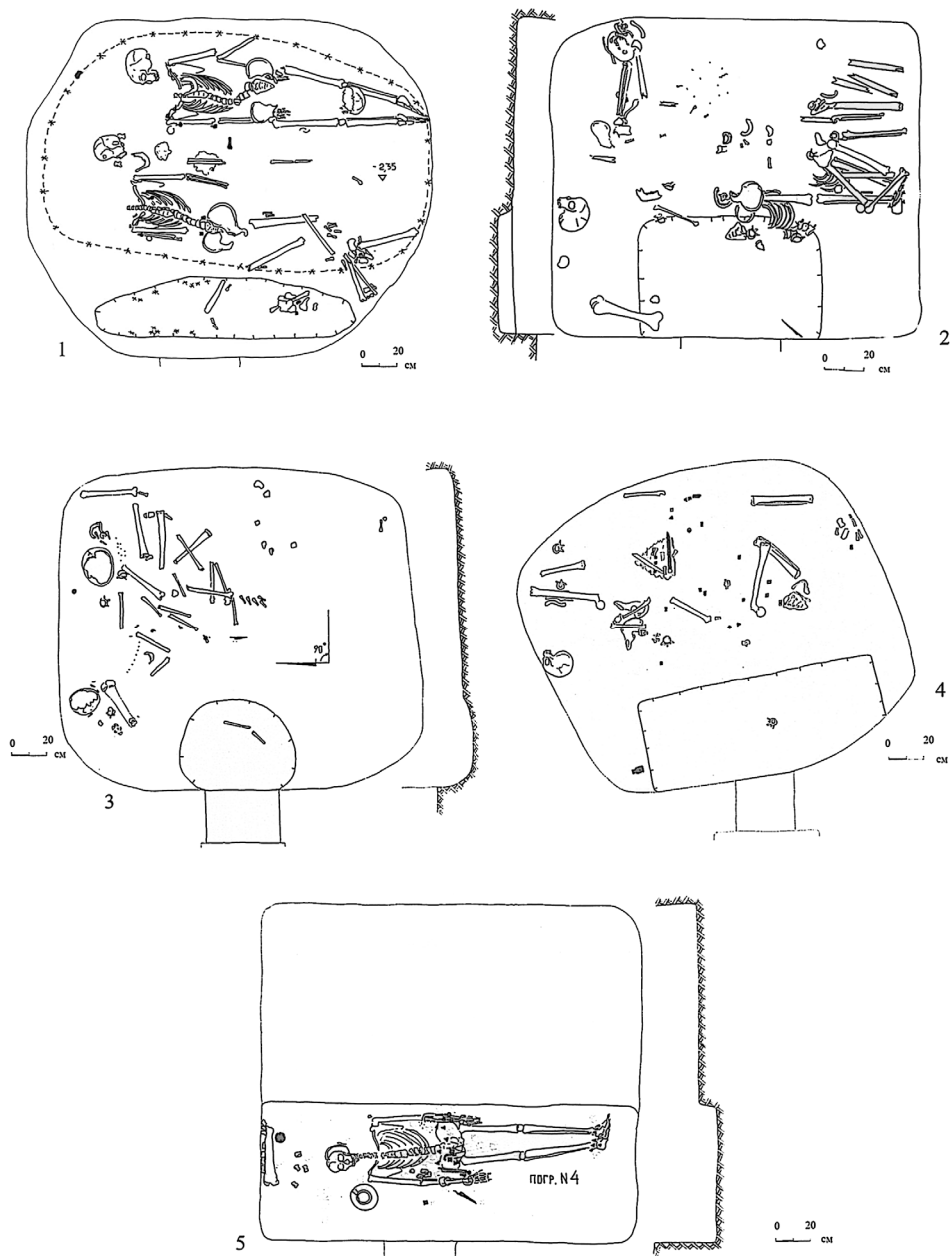

Рис. 3. Планы погребальных камер с углублениями и нишами в полу:
1 – катакомба № 69 (BSM-IV); 2 – катакомба № 117 (BSM-IV); 3 – катакомба № 77
(BSM-IV); 4 – катакомба № 106 (BSM-IV); 5 – катакомба № 96 (BSM-IV)

Таблица 7

Процентное соотношение катакомб с разным числом костяков в одной катакомбе на разных участках Верхне-Салтовского могильника

Могильник	Поперечная камера						Продольная камера				
	1 чел.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.	6 чел.	1 чел.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел.
ВСМ III (1988 – 1992)		2 6,9 %	3 10,3 %	-	-	-	13 44,8 %	7 24,1 %	2 6,9 %	2 6,9 %	-
	17,3 %						82,7 %				
ВСМ I (1984 – 1989)	5 6,6 %	10 13,3 %	12 16,0 %	9 12,0 %	2 2,6 %	-	9 12,0 %	9 12,0 %	15 20,0 %	3 4,0 %	1 1,3 %
	50,6 %						49,4 %				
ВСМ IV (1998 – 2014)	27 23,8 %	36 31,8 %	25 22,1 %	7 6,2 %	2 1,7 %	1 0,88 %	2 1,76 %	8 7,07 %	5 4,42 %	-	-
	86,48 %						13,88 %				

Необходимо отметить, что катакомбы с продольными камерами по количеству занимают первое место среди сарматских погребальных сооружений Поволжья и Приуралья [Смирнов, 1972. С. 77], где использование их в качестве семейных склепов неизвестно [Виноградов, 1975. С. 307]. Они изначально предназначались для однократных захоронений в условиях кочевого ведения хозяйства. Уменьшение количества катакомб с продольным расположением камеры и постепенное преобладание катакомб Т-образного вида обусловлено переходом сармато-аланского населения к оседлости, так как конструкция Т-образных катакомб в большей мере отвечает задачам длительного и многократного проникновения в гробницу [Виноградов, 1975. С. 309]. Эта тенденция наблюдается в районах перехода сармато-аланского населения к оседлости в Крыму, на Северном Кавказе, где катакомбы с продольным расположением камеры встречаются в незначительном количестве, а господствуют семейные склепы и катакомбы Т-образного типа.

Разница в процентном соотношении продольных и поперечных катакомб на разных могильниках возле Верхнего Салтова, как нам представляется, показывает ту же тенденцию, которая, по нашему мнению, иллюстрирует процесс освоения аланским населением данного участка бассейна Северского Донца. Так, катакомбы с продольным расположением погребальной камеры относительно дромоса преобладают на Старо-Салтовском и Рубежанском могильниках, где они составляют 80,9 % и 88,8 %, соответственно. Время существования данных некрополей, по обнаруженному в них погребальному инвентарю, ограничивается серединой VIII – началом IX вв. [Аксёнов, 1999. С. 141; Аксёнов, 2001. С. 76]. Данные могильники, по-видимому, следует связывать с первыми аланскими поселенцами в верхнем Подонцовье. Камеры на данных могильниках содержат зачастую

одинокое захоронение, а средняя наполняемость погребальных камер составляет 1,29 человека для Рубежанского могильника и 1,47 человека для Старо-Салтовского некрополя. Таким образом, погребальные камеры данных некрополей, по сути, будучи семейными усыпальницами, использовались в большей мере для индивидуальных захоронений.

В хронологическом плане наиболее близким к рассмотренным выше могильникам стоит ВСМ-III. Время существования данного участка Верхне-Салтовского некрополя определяется как вторая половина VIII – начало IX вв. Здесь представлены единичные комплексы, датируемые концом хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740–780 гг. н. э.) (например: кат. № 13, 19) [Аксенов, 2012. С. 408–411, рис. 1: 5–7]. Более массовым являются материалы конца VIII и рубежа VIII–IX вв. (например: кат. № 25) [Аксенов, 2005. С. 250, рис. 5]. На данном участке некрополя количество катакомб с продольным расположением погребальной камеры составляет уже 58,5 %. Интересно, что именно на ВСМ-III открыта пока единственная на некрополе катакомба (№ 16), у которой входной коридор представлен не дромосом, а вертикальным колодцем округлой в плане формы, в западной части которого располагался арковидный вход в продольную камеру, содержащую одиночное погребение женщины, уложенной в вытянутом положении на спине ногами ко входу [Бородулин, 1991. С. 7–9, табл. VII, 1]. По своему устройству данное захоронение восходит к сарматским катакомбам II типа Поволжья и Приуралья рубежа н. э. [Смирнов, 1972. С. 74, рис. 1].

ВСМ-I, с почти равным соотношением продольных и поперечных камер – 49,4 % против 50,6 %, в хронологическом отношении близок к участку ВСМ-III. Здесь также встречены вещи характерные для второй половины VIII в. (например: кат. № 54) [Аксенов, 2012а. Илл. 1], однако преобладают комплексы IX в. [Хоружая, 2009. С. 280, рис. 2–12; Аксенов, 2005. Рис. 3].

На протяжении всего IX в., как свидетельствуют материалы раскопок, хоронили и на участке ВСМ-IV. Здесь обнаружены комплексы как начала IX в. [Аксенов, 2011. Рис. 2, 3; Аксенов, Хоружая, 2008. Рис. С. 21, рис. 2], так и захоронения середины – второй половины IX в. [Аксенов, Лаптев, 2009; Аксенов, 2010. С. 354–364]. Однако на ВСМ-IV Т-образные катакомбы численно преобладают (86 %) над катакомбами с продольным расположением погребальных камер. При этом для данного участка некрополя Верхнего Салтова отмечено более низкое среднее число костяков на камеру (2,24), чем для близкого по времени участка ВСМ-I (2,64 костяка на камеру). Нам представляется, что в данном случае это различие в наполняемости камер обусловлено принадлежностью погребенных здесь людей к разным семейно-хозяйственным группам, которые к тому же различались и своим имущественным положением. В катакомбах ВСМ-IV погребальный инвентарь более многочисленный и разнообразный чем в камерах ВСМ-I, чаще встречаются серебряные элементы поясной гарнитуры, серебряные арабские

монеты [Аксенов, 1998а. С. 218–220; Аксенов, 2010; Аксенов, Лаптев, 2009; Лаптев, 2013. С. 114–115, табл. 1]. Вероятно, более высокое имущественное положение группы населения, хоронившей своих умерших родственников на ВСМ-IV, позволяло ей сооружать земляные погребальные склепы достаточно больших размеров, при меньшем числе помещаемых в них умерших людей. Косвенно это подтверждается тем фактом, что общее количество одиночных, двойных и тройных захоронений в одной погребальной камере в целом для катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры и ВСМ-I одинаково – 81,6 % и 81 %, тогда как этот показатель для ВСМ-IV составляет 91 % (табл. 6). Среднее число костяков на одну погребальную камеру для всех участков Верхне-Салтовского некрополя (табл. 5) однозначно увязывается с использованием катакомб в качестве семейных усыпальниц. Разница в среднем количестве погребенных на одну камеру для разных участков могильника у с. Верхний Салтов, как нам представляется, обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов, среди которых и имущественное состояние семьи умершего человека, и социальное положение индивида, и характер смерти, и уровень заболеваемости в обществе и т. п.

Для погребальных комплексов участка ВСМ-IV характерен высокий процент человеческих костяков со следами преднамеренного их разрушения в древности (81 %). Этот же показатель для ВСМ-I составляет 56 %, а для ВСМ-III – 54 %. Почти во всех дромосах катакомб участка ВСМ-IV удалось проследить ход повторного проникновения в погребальные камеры, через которые в древности было осуществлено преднамеренное проникновение в погребальные камеры, в результате которого и была нарушена анатомическая целостность костяков. Ознакомление с полевой документацией по работам В. Г. Бородулина на ВСМ-I, ВСМ-III и ВСМ-IV показали, что следы повторного проникновения в камеры катакомб данным исследователем в силу каких-то причин были просто не отмечены. Более высокий процент погребений с преднамеренно разрушенными костяками на участке ВСМ-IV, возможно, связан с более высоким, по сравнению с другими участками некрополя, имущественным положением погребенных в этих катакомбах людей. Именно здесь в 2013 г. было обнаружено погребение молодой женщины, которую сопровождало ожерелье, включающее десять арабских дирхемов, а всего в камере было найдено двенадцать серебряных монет (две монеты входили в инвентарь ребенка). До этого в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова в одной камере находили самое большое пять (кат. № 33 из раскопок А. М. Покровского) и шесть дирхемов (кат. № 4 из раскопок В. А. Бабенко 1910 г.) [Иченская, 1982. С. 145, 146, табл. 5]. В целом же преднамеренное разрушение костяков погребенных людей я склонен рассматривать как результат проведения постпогребальных обрядов, совершенных по прошествии непродолжительного времени после завершения похорон людьми, хорошо знавшими устройство погребального со-

ружения и осведомленными о составе и расположении погребального инвентаря [Аксенов, 2002; Аксенов, 2013. С. 193–210].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что для всех трех участков Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-I, ВСМ-III и ВСМ-IV) характерна высокая степень стандартизации по большинству мерных признаков, характеризующих погребальные сооружения могильника, что соответствует некоторым «нормам» погребальной обрядности населения, оставившего могильник. В целом погребальная обрядность населения Верхнего Салтова показывает наибольшую близость к погребальным нормам восточной группы алан Северного Кавказа, представленным в 7 и 8 группах аланских катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII вв. (верхнее и среднее течение Сунжи, Ингушетия, центральная часть Чечни), и которые принадлежат представителям племенной группы «авсурки» [Коробов, 2009. Табл. 1. С. 75]. Средняя наполняемость погребальных камер на разных участках могильника уверенно увязывается с семейными коллективами. Присутствие на всех участках погребений с различной ориентировкой умерших людей при одном господствующем положении позволяет говорить о полиэтничной структуре населения с одной доминирующей группой, которой маркировалась преобладающая ориентация погребенных людей.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аксенов В. С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. / гол. ред. Д. Н. Козак – К.: Інститут археології НАН України, 1998. – С. 49–50.
- Аксенов В. С. Исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности 1997–1998 / гл. ред. В. И. Кадаев. – Харьков: ООО «НТМТ» 1998а. – С. 218–220.
- Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. – 1999. – К.: Есе. – № 2. – С. 137–149.
- Аксенов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. – 2001. – № 1–2. – С. 62–78.
- Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. – 2002. – № 3. – С. 98–114.
- Аксенов В. С. Комплексы с конскими начельниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Степи Европы в эпоху средневековья / гл. ред. А. В. Евглевский. – Т. 4. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2005. – С. 245–260.
- Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) / отв. за выпуск Н. М. Кувковальская // Сугдейский сборник. – Вып. IV. – Киев-Судак: Горобец, 2010. – С. 354–364.
- Аксенов В. С. Об одном из вариантов погребального обряда аланского населения салтово-маяцкой культуры верхнего Подонцовья // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко / отв. ред. С. И. Посохов. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – С. 26–36.
- Аксенов В. С. Начальный этап формирования лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (по материалам погребальных памятников Харьковщины) // Проблеми дослі-

- дження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка / гол. ред. В. В. Отрощенко. — Луганськ : «Елтон-2», 2012. — С. 408–413.
- Аксёнов В. С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса с Т-образными фибулами // Салтово-маяцька культура : проблеми та дослідження : збірник наукових праць, присвячених проблемам салтовознавства та перспективи салтовознавства за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» / гол. ред. Г. Є. Свистун. — Харків : Вид-во Савчук О. О., 2012а. — С. 10–18.
- Аксёнов В. С. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // Древности 2013 / гл. ред. С. И. Посохов. — Харьков : ООО «НТМТ», 2013. — С. 192–210.
- Аксёнов В. С. Новые погребения в дромосе на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике // Laurea I. Античный мир и средние века. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы / гл. ред. С. И. Посохов — Харьков, ООО «НТМТ», 2015. — С. 12–17.
- Аксёнов В. С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2003. — № 2. — С. 95–102.
- Аксёнов В. С. Роботи на катакомбному могильнику біля с. Верхній Салтів // Археологічні дослідження в Україні 2013 / гол. ред. Д. Н. Козак. — К. : Дивосвіт, 2014. — С. 242–244.
- Аксёнов В. С., Лаптев А. А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности 2009 / гл. ред. В. И. Кадеев. — Харьков : ООО «НТМТ», 2009. — С. 242–258.
- Аксёнов В. С., Хоружая М. В. К вопросу о количестве катакомбных могильников у с. Верхний Салтов // Проблемы археологии Восточной Европы / отв. ред. С. И. Посохов.. — Харьков : Курсор, 2008. — С. 19–27.
- Афанасьев Г. Е., Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата. Дис. ... докт. ист. наук. — Рукопись. — М., 1991. — 442 с.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Дона. — М. : Наука, 1993. — 184 с.
- Бабенко В. А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове Волчанского уезда Харьковской губернии // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе / под ред. Е. К. Редина. — Х. Типо-Литография М. Зильберберг и С-вья, 1905. — С. 547–577.
- Березовец Д. Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской обл. в 1959–1961 / 66. — 17 с. // Архив Института археологии НАН Украины. — Ф. 3984а.
- Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1991 году. — Харьков, 1991. — 15 с. // Архив Института археологии НАН Украины. — Ф. 24577.
- Виноградов В. Б. Рецензия на книгу : Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник // СА. — 1975. — № 1. — С. 304–308.
- Иченская О. В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / отв. ред. Д. Я. Телегин. — К. : Наукова думка, 1982. — С. 140–148.
- Колода В. В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах / гл. ред. В. К. Михеев. — Киев — Харьков : Каравелла, 2004. — Т. 3. — С. 213–241.
- Коробов Д. С. К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменных источникам // РА. — 2009. — № 1. — С. 64–76.
- Лаптев А. А. Монеты в салтовских памятниках верхнего Подонцовья (Верхне-Салтовский IV-й катакомбный и Нетайловский грунтовой могильники) // I Международная

- научная конференция «РАСМИР» : Восточная нумизматика : сборник научных трудов / А. Н. Алёшин и др. — Киев : «Альфа Реклама», 2013. — С. 114–124.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 146. — 196 с.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М. : Наука, 1989. — 288 с.
- Решетова И. К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры). Дис. ... канд. ист. наук. — Рукопись. — М., 2014. — 263 с.
- Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. — 1972. — № 1. — С. 73–81.
- Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). — Волгоград: Перемена, ВГПИ, 1993. — 144 с.
- Хоружая М. В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 2004 года) // Степи Европы в эпоху средневековья / гл. ред. А. В. Евглевский. — Донецк : ДонНУ, 2009. — Т. 7. Хазарское время. — С. 259–294.
- Хоружая М. В. Попытка интерпретации погребений в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Восточноевропейские древности : сборник научных трудов / отв. ред. Ю. Д. Разуваев. — Воронеж : Научная книга, 2012. — С. 219–230
- Хоружая М. В., Аксенов В. С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею / гол. ред. В. В. Отрощенко. — Луганськ : Шлях, 2005. — С. 154–156.
- Чучукало Г. И. Черепа виз Верхне-салтовского могильника // Труды Украинского Психоневрологического института. — Вып. 11. Материалы по антропологии Украины. Сборник второй. — Харків : Харківдрук, 1926. — С. 207–215.

Е. К. Апареева, Л. И. Красильникова

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЫСОГОРОВСКОГО
МОГИЛЬНИКА НА р. АЙДАР

The ground burial near Lysogorovka is interesting not only ethno-confessional biritualism of burials but also accessories and sets of arts and crafts. It is represented by four categories including adornments, amulets, things to care for themselves, clothing sets. In each category we can distinguish groups and types of wares. Belts have a special place, because they are extremely rare finds for the steppe population of proto-Bulgarians. Most of the decorative and artistic wares had been found in the graves of women and children. In the inventory of burials these artifacts significantly outweigh finds of weapons, which are evidence of the civil lifestyle of the pagan population of the steppes of the Seversky Donets during the time of the Khazar Khaganate in the IX – beginning of the X centuries.

Грунтовый некрополь СМК у с. Лысогоровка, в среднем течении р. Айдар, находится на мысу второй террасы правого коренного берега, сложенного из суглинки, который подстилает рыхлый мергель. Могильник, исследуемый в течение четырех лет в 2001 – 2005 гг., относится к числу интенсивно разрушаемых степных памятников хазарского времени. Посредством раскопок изученная площадь составила более 2360 м², ими охвачены центральная часть мыса и его южный склон.

Наиболее высокий участок мыса занят исключительно инвентарными могилами праболгар, южный же склон не только с обычными, упрощенной обрядностью погребениями тех же праболгар, но и захоронениями с очевидными признаками мусульманской обрядности [Красильников, Красильникова, 2005. С. 214 – 215; Красильников, 2006. С. 327]. Всего расчищено 146 ям, в 128 находились захоронения [Красильников, Красильникова, 2001, 2003, 2004, 2005]. Вещевой инвентарь аксессуарно-гарнитурного назначения в целом весьма скромный, к тому же обнаружен только в 31 (24,2 %) захоронении в количестве 206 единиц, из них более 90 единиц – около половины всех находок, составили бусы. Малопривлекательность находок становится очевидной в сравнении с наборами вещей, в том числе из области художественного прикладного содержания, из погребений алано-праболгар смежных территорий, как, например, Старокорсунский, Дмитриевский и других могильников СМК [Каминский, 1987. С. 187 – 204; Плетнёва, 1989. С. 68 и сл., и другие].

В данной работе проанализируем наборы декоративно-прикладных изделий, с их помощью попытаемся определить хронологию захоронений, отчасти наметив социальный и конфессиональный облик населения.

Отсутствие находок из систем оружия, снаряжения, амуниции воинов и упряжи коней позволяет судить об ином, в сравнении с аланами лесостепей, статусе праболгар, явно ограниченных в военном праве, вооружении, организации военных структур их сообщества [Красильников, 2005. С. 147–149]. В свою очередь скудность даже обычных, бытовых инвентарных наборов, указывает на общую обедненность здешнего населения [Апареева, Красильников, 2011. С. 190–191]. Об этом же свидетельствует «обыкновенность» художественных изделий.

В данном исследовании остановимся исключительно на изделиях декоративно-прикладного характера и типологизировав их, попытаемся определить их хронологию, и посредством других инвентарных и конструктивно-обрядовых признаков обозначить время захоронения, а также с помощью комплекса данных статуса, в том числе антропокраниометрией, этническую принадлежность некоторой части погребенных [Красильников, Красильникова, Худякова, 2016].

Декоративно-прикладные изделия, с учетом функционального назначения представлены четырьмя категориями: первая – украшения, вторая связана с изделиями сакралитета – амулеты, третья – предметы туалета, четвертая – гарнитура к одежде и прочего индивидуального назначения, как, например, бляшки поясов. В каждой категории выделяют группы предметов, например, в украшениях – височные кольца, браслеты, перстни, бусы. В свою очередь внутри группы, с учетом форм, выделяем типы изделий.

Первая категория – украшения, их три группы. Первая группа – браслеты, 6 ед. (рис. 1, 1–3), три из черного (железо) (рис. 1, 2) и три из цветных (медь, латунь, бронза) металлов (рис. 1, 1, 3). По сечению жгута, но в основном по окончаниям разомкнутых краев, намечаем четыре типа: округлые, уплощенные в сечении, заостренные и с утолщением их краев. Браслеты имеют много общего с аналогичными изделиями из различных регионов раннесредневековых, в том числе салтовских, древностей и обычно, в этой связи, не являются хронологическими индикаторами.

Вторая группа – бронзо-латунные перстни, 9 ед. (рис. 1, 4–12), изготовленные цельнолитой технологией. Они представлены двумя типами: первый тип – рельефные с жуковиной из стекла (рис. 1, 4–7), закрепленной посредством крестообразно расположенных «лапок» (рис. 1, 4–5), второй тип – плоские щитковые (рис. 1, 8–12). Перстни первого типа известны в катакомбных захоронениях ранней группы Дмитриевского могильника и их датируют до середины IX в. [Плетнёва, 1989. С. 158]. Применительно Лысогородского могильника, с учетом сопровождающего погребения инвентаря, они могут быть отнесены ко второй половине IX в. Наличие «ран-

них» типов перстней в относительно поздних погребениях могло быть обусловлено тем, что их, возможно, как амулеты передавали из поколения в поколение. О длительности использования свидетельствует значительная затертость их поверхностей. Ссылаясь на находки перстней из ямных захоронений степных могильников, отмечаем преобладание литых щитковых перстней. На щитках некоторых из них видны процарапанные крестовидные, типа граффити, изображения, напоминающие знаки — тамги. На Дмитриевском могильнике щитковые перстни обычно находятся в катакомбах, датируемых концом IX в. [Плетнёва, 1989. С. 160].

Третью группу украшений составляет серия из 9 ед. миниатюрных серег (рис. 1, 13—19). По технике изготовления и художественным формам они различаются по двум типам: тип первый — обычные подвески в виде колец с разомкнутыми краями, изготовленные из тонкой (1,2—1,5 мм) круглой в сечении, мягкой медно-латунной проволоки (рис. 1, 13—14); тип второй — литые серьги с подвесками и стерженьками, на которые нанизаны дополнительные детали в виде шариков, насадок, поясков (рис. 1, 15—16). Отметим, что серьги второго типа в основном изготовлены из благородных металлов: серебра, серебра с позолотой, первого же типа только из цветных металлов. Нельзя не заметить определенные различия внутри серег второго типа. Одни из них, подтип А, с удлиненными стержнями, на которые, видимо, дополнительно были нанизаны шарики, бусины (рис. 1, 16). Другие, подтип Б, с короткими стерженьками, заканчивающимися каплевидными жемчужинками (рис. 1, 17). Третьи, подтип В, в виде овальных колец дооформленных насадками и отростками (рис. 1, 18—19). Все серьги обозначенных подтипов изготовлены в технике литья. Их появление в степной зоне вероятнее всего следует связывать с импортом, к тому же каждая серьга выглядит индивидуально, то есть без признаков серийности. С. А. Плетнёва полагала, что более сложные, изящные, художественно оформленные серьги соответствуют раннему периоду салтовской культуры, в поздних комплексах такие же серьги — не более чем сохранившиеся вещи со следами изношенности, порой в сломанном виде или отремонтированном состоянии [Плетнёва, 1989. С. 157].

Самым массовым материалом из украшений являются бусы (рис. 1, 20—23), их 95 экз. что более 46 % всей аксессуарии. Бусы, в традиционных формах и материалах изготовления, широко известны в погребениях СМК. Среди находок рассматриваемого могильника наиболее распространенными (до 58 %) являются круглые одноцветные бусы из стекла, порой спаянные в ряд от 2 до 5 штук (рис. 1, 21). Бисер обнаружен лишь в одном погребении. Более четверти всей серии бус занимают глазчатые (рис. 1, 20) — 26,3 %, затем фигурные (рис. 1, 22) — 12,6 % и, наконец, меньше других, мозаичные — 3,1 % (рис. 1, 23). Следует заметить, что глазчатые бусы обычно больших размеров, к тому же они обнаружены в основном в погребениях взрослых особей. Одиночные крупные бусины, иногда встречаемые в за-

хоронениях подростков, могли быть амулетами. Бусы, проиллюстрированных форм катакомбных захоронений СМК, датируем второй половиной IX в. В системе аксессуаров праболгар бисеровидные бусы, видимо, не получили широкого употребления.

Вторая категория — амулеты включает небольшую серию находок, среди которых особого внимания заслуживает отлитый из бронзы в виде когтя хищного животного оберег со специальным отверстием для шнура (рис. 1, 24). Аналогии ему известны в материалах, имеющих отношение к захоронениям аланской группы Верхнесалтовского, Дмитриевского и других могильников, в том числе и в Саркеле [Плетнёва, 1967. С. 172; 1989. С. 163].

Оберегами могли быть не только специально изготовленные, явно смысловые вещи, но и, как бы, нейтральные изделия. К примеру, латунный бубенчик с отверстием для петли (рис. 1, 25), или замысловатой формы фигурная подвеска, выполненная из медной проволоки, согнутой в несколько витков (рис. 1, 26). Вероятно, амулетом служила и раковина «каури». Неслучайно такие находки значатся как одиночный эксклюзивный инвентарь, при жизни принадлежащий умершему [Плетнёва, 1967. С. 171 и сл.].

Третья категория изделий — предметы туалета (рис. 1, 27–33), среди которых, прежде всего, следует выделить литые бронзовые зеркала диаметрами от 6 до 9 см (рис. 1, 27–29). Глубокая каррозированность лигатурированных цветных металлов, привела к тому, что обе стороны изделий разрушены до состояния вздутых бугристых поверхностей. Два изделия с ручкой (рис. 1, 27), что в целом не характерно салтовским зеркалам, но аналогии им найдены в Нетайловском могильнике [Крыганов, 2001. С. 354, рис. 4, 5].

Более упрощенным вариантом выглядит круглое зеркало (рис. 1, 28–29). Кстати, присутствие серебра в цветном металле обеспечило ему хорошую сохранность. Все зеркала из погребений Лысогоровского могильника без орнаментов и несколько изломленной линией окружности. Сопоставляя их с зеркалами из других погребальных комплексов СМК, становится очевидным, что зеркала из ямных захоронений рассматриваемого могильника выглядят «архаичными», к тому же, видимо, изготовлены неопытными литейщиками.

Среди предметов косметического предназначения следует отметить латунный пинцетик (рис. 1, 30), бронзовые литые копоушки. Одна из них с ручкой орнаментированной геометрическим рисунком (рис. 1, 31), другая (рис. 1, 32) коромыслообразная с выемкой для фиксации с помощью подвесно-крепежного ремешка, третья, для этой же цели, с выделенной петлей (рис. 1, 33). Аналогии копоушкам выявлены во многих погребениях могильников СМК, где их обычно датируют от VIII до конца IX вв. [Плетнёва, 1989. С. 159–160].

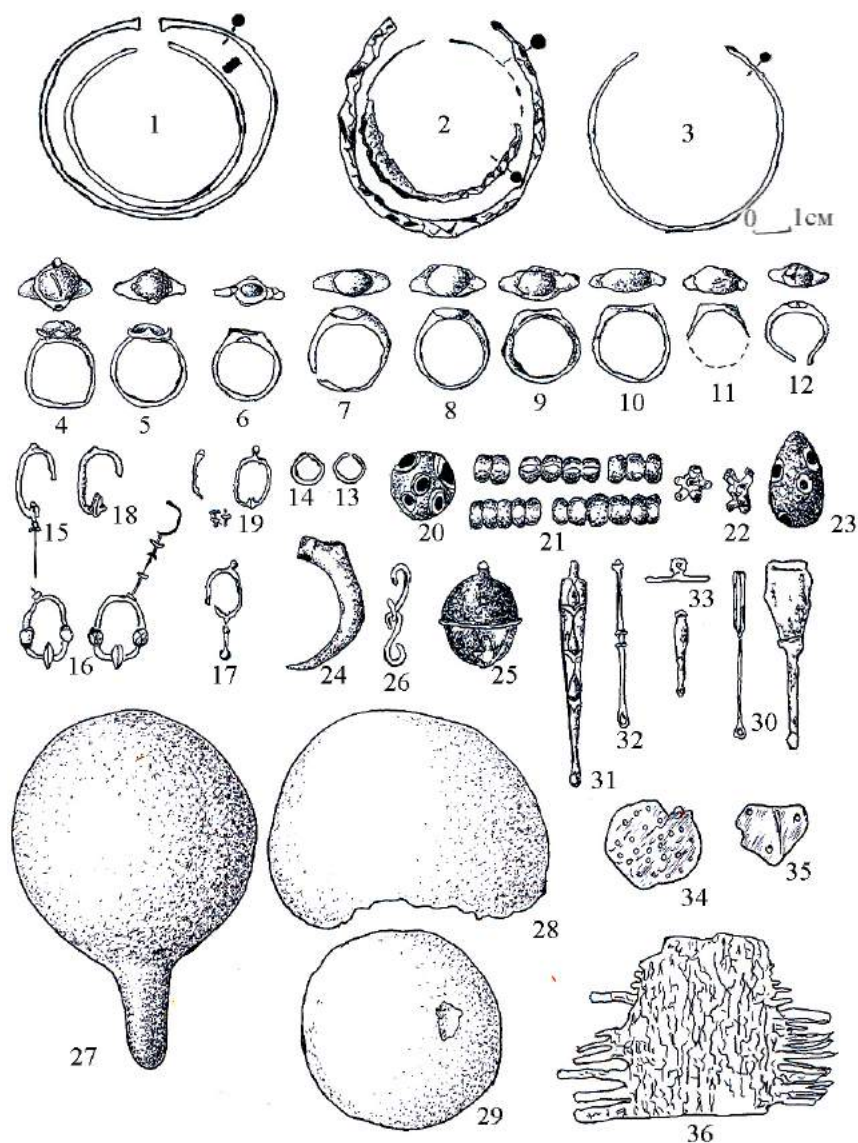

Рис. 1, 1–36. Набор предметов аксессуарно-гарнитурного, туалетного назначения из погребений СМК.

1–3. Браслеты металлические: бронза, латунь, железо.

4–12 Бронзо-латунные литые перстни.

13–19 Серьги двух типов и трех подтипов.

20–23 Бусы четырех типов.

24–26 Амулеты.

27–33 Предметы туалета.

34–35 Эксплозивные изделия.

36 Гребень из плотной древесины

В погребениях обнаружены круглые вогнутые медные и серебряные пластины диаметром около 28 мм, в которых проделана серия (до 24) отверстий диаметром до 1 мм (рис. 1, 34). Возможно это косметические ложечки-ситечки, аналогии которым известны в катакомбах Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. Рис. 55, 58]. Не исключаем, что такие же пластины могли служить и нашивками в виде бляшек, украшающих одежду. При их изготовлении, очевидно, использованы изношенные, буквально затертые дирхемы [Крыганов, 2001. С. 350].

К предметам туалета относим вырезанный из дерева двусторонний разнозубчатый гребень (рис. 1, 36). Гребни, изготовленные из плотной древесины, в силу проблем сохранности, встречаются крайне редко, поэтому сама находка уникальная, но её датировать сложно [Винников, Плетнёва, 1998. С. 185, рис. 73].

Четвертая категория – набор предметов разнофункционального назначения. Среди таковых следует обозначить «печати» (рис. 2, 1–2), или в виде подставок призматические «варворки» (рис. 2, 3–4), нередко встречаемые как в катакомбных захоронениях могильников СМК лесостепи, так и в склепных СМК Крыма [Айбабин, 1977. Рис. 2, 46].

Нередкими в могилах ямного и катакомбного типов СМК следует считать и поясные распределители. Например, на Лысогоровском могильнике найдено пять разноформатных экземпляров (рис. 2, 5–8). Особый интерес представляет распределитель в виде литой пластины из бронзы с тремя петельчатыми выступами. Художественное изделие дооформлено двумя головками с массивными клювами хищных птиц (рис. 2, 9).

К гарнитуре относим подвеску, исполненную в технике художественного литья (рис. 2, 10). Подвеска длиной 6 см имитирует лист ивы, внутреннее пространство которого заполнено стеблем с миниатюрными листьями. В верхней части подвески круглая петелька. По форме и сюжету орнамента она, отчасти, повторяет пластину из катакомбы № 150 Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. Рис. 58].

К изделиям аксессуарного назначения эксклюзивного характера следует отнести цепочку, изготовленную из колец медной проволоки (рис. 2, 11).

Среди изделий гарнитуры особого внимания заслуживают поясные наборы или отдельные к ним детали. К таковым, прежде всего, относим литые пряжки, по форме подразделяемые на три типа: *тип 1* – простейшие рамочные трапециевидные, безщитковые (рис. 2, 12); *тип 2* – рамочные треугольно-овальные с прямоугольным щитком (рис. 2, 13). Этот тип пряжек встречается не только на всем пространстве распространения СМК, но и за её пределами [Ковалевская, 1979. С. 36–37, рис. 12]. Одна из пряжек этого типа входит в поясной набор (погр. 92), состоящий из 12 лепестковых бляшек с узором стилизованного трилистника с четырьмя отверстиями в каждом (рис. 2, 14). Две бляшки имели кольца (рис. 2, 15–16). Аналогии бляшкам из Лысогоровки известны в Крыму Чуфут-Кале [Айбабин,

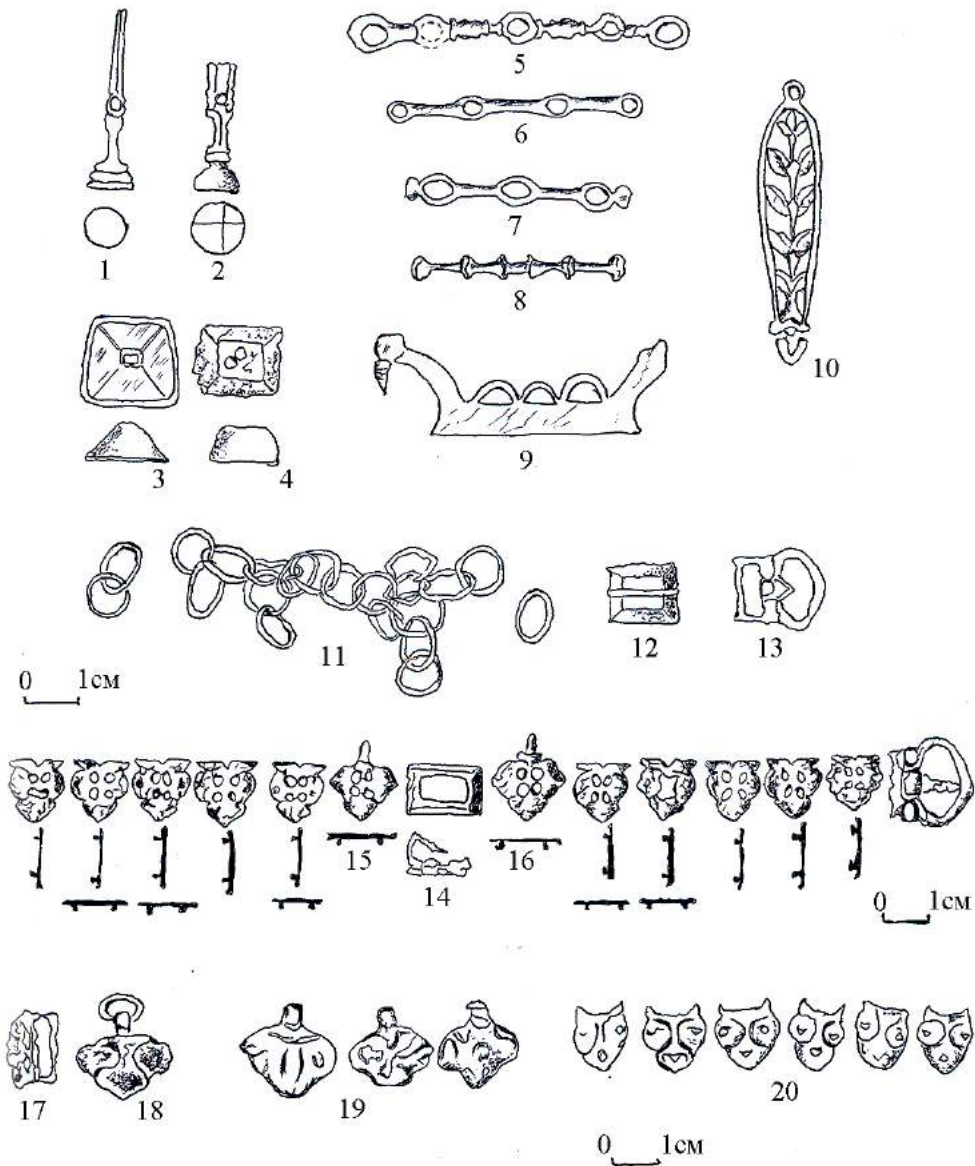

Рис. 2, 1–20. Наборы предметов разнофункционального назначения из погребений СМК.

1–2 Печати.

3–4 Призматические подставки.

5–9 Поясные распределители.

10 Литая подвеска.

11 Цепь из медной проволоки.

12–13, 17 Три типа пряжек поясов.

14–16 Детали поясного набора из погр. 92.

18–20 Детали поясного набора из погр. 132

1977. С. 227, рис. 2], в разрушенных катакомбных захоронениях пгт. Станично-Луганское, в степном Подонцовье (находки хранятся в фондах Областного краеведческого музея г. Луганска), в комплексах ранней группы захоронений Дмитриевского могильника [Плетнёва, 1989. С. 77–78, 160, рис. 85] и других памятниках СМК. Тип 3 — прямоугольная безщитковая пряжка (рис. 2, 17) в комплексе поясного набора (погр. 132), состоящего из десяти литых из бронзы бляшек. В их числе: одна трехлистная с кольцом (рис. 2, 18), три, из этого же набора, сердцевидных также с кольцами (рис. 2, 19), еще шесть в виде личин зооморфного вида (рис. 2, 20). Подобные наборы обнаруживают в катакомбных захоронениях СМК лесостепной зоны, датируемых IX в. Бляшки без петелек крепились на кожаную основу ремня посредством четырех гвоздевидных шпилек (рис. 2, 14), либо их подшивали. В этом случае в металле проделаны два-три небольших отверстия (рис. 2, 20).

Поясной набор находился на уровне пояса [Красильников, 2006. С. 303, рис. 2, 1]. Умерший захоронен в гробовище в виде рамы с соблюдением обряда характерного язычникам. Инвентарь, помимо пояса, включает лишь нож и жертвенник. Известно, что пояса распространены в сообществе алан, в первую очередь среди тех, которые входили в военные контингенты Хазарского каганата [Плетнёва, 1967. С. 164] и помимо функций гарнитуры, являлись наглядным этикетом элиты, индикатором её военного и социального статуса [Плетнёва, 1999. С. 39]. В нашем же случае, они ни по каким признакам не связаны с захоронениями воинов и, тем более, из числа их элиты. К примеру, обряд захоронения погр. 92 выглядит биритуально, отчасти в мусульманизированной традиции, в частности: поворот лицевой части головы на юг, на голове видны элементы тубетейки из войлока, но, вместе с тем, ноги в скрещенной позе. Инвентарный набор невыразительный, ограничен обычным железным ножом.

В целом же основная часть декоративно-прикладных изделий, в основном украшения, более всего встречается в женских и детских захоронениях, которые можно связывать с обрядами языческого содержания, практикуемых в IX — начале X вв. Для обоснования относительной датировки захоронений с инвентарем художественного облика следует обратить внимание на конструкции ям. Из их анализа нельзя не заметить того, что инвентарными погребениями были те, при сооружении которых в системах перекрытий, облицовочном оформлении стен, строительстве гробовищ использовали древесину. Применение древесины в погребениях ямного типа прослежено во всех известных в степном и лесостепном Подонцовье могильниках, датируемых от середины IX и, видимо, до начала X в. [Плетнёва, Николаенко, 1976. С. 288, 294].

В целом, можно сделать вывод о том, что наполняемость Лысогоровского некрополя захоронениями осуществлялась постепенно на протяжении более полувека с середины IX в. В этом процессе в одинаковой степени приняли участие племена язычников праболгар и мусульман — народа

среднеазиатского, возможно хорезмийского, происхождения, о чем неоднократно констатируют материалы конструкций могил, обрядов ингумации, инвентаря, наконец, антропологии [Худякова и др., 2013. С. 91–93].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. — 1977. — № 1. — С. 225–240.
- Апареева Е. К., Красильников К. И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения салтово-маяцкой культуры // Археология : від джерел до реконструкцій. Археологія і давня історія України. — Київ, 2011. — Вип. 5. — С. 186–191.
- Винников А. З., Плетнёва С. А. На северных рубежах Хазарского каганата (Маяцкое поселение). — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1998. — 216 с.
- Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. — 1987. — № 4. — С. 187–204. — 320 с.
- Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. — М. : Наука, 1979. — Вып. Е 1–2. — 112 с.
- Красильников К. И. К вопросу о правовом статусе населения западных периферий Хазарского каганата // Проблеми дослідження пам'яток Східної України : матеріали II Луганської міжнар. конф. — Луганськ : Шлях, 2005. — С. 147–149. — 212 с.
- Красильников К. И. Новое к этнической теме степного варианта салтовской культуры // Материали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. Даля, 2006. — Вип. 5. — 351 с.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И. Отчеты о проведении спасательных археологических раскопок у села Лысогоровка Новопсковского района Луганской области в 2001, 2003, 2004, 2005 годах / Архив ЛАЭМ. 2001 г. Ф. 2. Оп. 02–03. Дело 40. Стр. 70; 2003 г. Ф. 2. Оп. 02–03. Дело 43, стр. 67; 2004 г. Ф. 2. Оп. 02–03. Дело 44. Стр. 196; 2005 г. Ф. 2. Оп. 02–03. Дело 42. Стр. 137.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И. Могильник у села Лысогоровка — новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья : тр. по археологии (Хазарское время). — Донецк : Изд-во ДГУ, 2005. — С. 187–244.
- Красильникова Л. И., Красильников К. И., Худякова О. В. Антропокраниометрические характеристики серии черепов Лысогоровского могильника. // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 6. — Воронеж, 2016 (настоящее издание).
- Крыганов А. В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры — остатки древнего Хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья : тр. по археологии. — Донецк : Изд-во ДГУ, 2001. — С. 347–358.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. — М. : Наука, 1967. — № 142. — 198 с.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М. : Наука, 1989. — 277 с.
- Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии / под ред. В. Я. Петрухина. — Москва-Иерусалим, 1999. — 373 с.
- Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № 3. — С. 279–298.
- Худякова О. В., Виноградов А. А., Красильников К. И. Антропологические параметры серии черепов IX — начала X веков могильника у с. Лысогоровка на р. Айдар в Луганской области : тези // Актуальні питання біології та медицини : зб. наук. праць XI наук. конф. — Луганськ : Вид-во ЛНУ, 2013. — С. 91–93.

М. В. Веретюшкина, А. А. Балашов

**КОНТАКТЫ СЕВЕРЯН И НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ)**

The article deals with the interaction between the representatives of Saltovo-Mayatsk culture and severyan's in the field of agriculture. The main aspects of agriculture are analysed: natural environment, instruments of labor, paleoethnobotanic range of cultivated plants. The authors come to the conclusion that despite quite dense contacts between people of Khazar Khaganate and severyan's the agriculture of the latter ones developed in its own way and practically didn't receive outside influence.

Вопрос о контактах племен Днепровского Левобережья с населением Северо-Западной Хазарии неоднократно поднимался в отечественной науке. Еще в 1930–40-е гг. о существовании контактной зоны в районе Северского Донца, Оскола и Верхнего Дона писали Ю. В. Готье [1930. С. 87–89] и М. И. Артамонов [1936. С. 42, 43]. Начиная со второй половины XX в. и вплоть до настоящего времени развитию славяно-хазарских взаимоотношений посвящено множество исследований, как историков, так и археологов, в том числе и монографического характера [см.: Ляпушкин, 1958; Березовец, 1965; Сухобокров, 1975, 1992; Михеев, 1985; Плетнева, 1989, 1999; Винников, 1995; Петрухин, 2001]. В последние годы изучением населения контактной зоны и славяно-хазарскими отношениями в целом занимаются В. В. Колода [2002, 2005], А. В. Григорьев [2000, 2005], В. В. Енуков [2005]. Итогом многолетнего исследования стала констатация наличия этнокультурных связей и соседских взаимоотношений между славянами и алано-болгарами в пределах так называемого «Донецкого выступа», вплоть до проявления синкретизма на отдельно взятых памятниках (Мохнач, Коробовы Хутора) [Колода, 2008. С. 125–136]. По мнению А. З. Винникова, в результате между славянами и алано-болгарами сформировались добрососедские отношения, которые, в частности, привели к взаимному обогащению производственными навыками [Винников, 1995. С. 148].

Определяющая роль земледелия в хозяйственной жизни славян давно является неоспоримым фактом. Пашенные орудия для возделывания почвы, изготавливавшиеся в основном из дерева, практически не сохраняются в условиях лесостепи, поэтому об их конструктивных особенностях можно судить либо по этнографическим данным, либо по находкам железных деталей. По наблюдениям В. С. Флерова основная часть населения север-

ных провинций каганата от Среднего Дона до Северского Донца (по крайней мере, с середины VIII в.) также была оседлой [Флеров, 2011. С. 212, 217]. В связи с этим сельское хозяйство играло немаловажную роль для жителей этой территории. С учетом несомненных контактов двух социумов в различных сферах вполне правомерно допустить возможность взаимовлияния и в области почвообработки.

Сельское хозяйство славянского населения «Донецкого выступа» уже являлось предметом специальных исследований [Колода, Горбаненко, 2010; 2011. С. 315–326; 2012. С. 163–176; 2013; Горбаненко, 2002. С. 64–74; 2003–2004. С. 113–122; 2006. С. 73–79; 2007; 2012. С. 106–109]. Однако полученные сведения, на наш взгляд, будут неполными без сравнительной характеристики памятников, расположенных в отдалении от контактной зоны. В этой связи наиболее показательными можно считать данные, полученные в ходе исследований памятников Посемья, где на сегодняшний день насчитывается более 300 поселений, часть из которых была изучена стационарными раскопками. На некоторых из них были обнаружены качественные железные поковки сельскохозяйственного назначения, в том числе в составе кладов (Сугрово, Горналь, Жерновец).

Основной задачей настоящего исследования является анализ почвенно-географической приуроченности сельских памятников бассейнов Сейма, Псла, Свапы и Тускари, определение их ресурсных зон, а также морфологический анализ орудий для обработки почвы и сбора урожая с последующим сравнением с результатами, полученными при обработке данных с памятников контактной зоны с целью определения степени салтовского влияния.

В исследуемый период в Посемье сложились довольно благоприятные климатические условия. В соответствии с данными почвенно-географического районирования регион расположен в Центральной лесостепной и степной области суббореального (умеренного) пояса [Афанасьева, Василенко, Терешина, Шеремет, 1979. С. 50, рис. 5]. Здесь до сих пор по долинам рек, а также в оврагах, повсеместно произрастают широколиственные леса, в основном — липа, дуб, ясень, клен. На песчаных террасах рек распространены сосновые насаждения. По данным палеоклиматологов, на последнюю четверть I тыс. н. э. приходится так называемый период температурного оптимума [Слепцов, Клименко, 2005. С. 121]. Сравнительно мягкие зимы и теплое лето с достаточным объемом осадков позволяли собирать неплохие урожаи.

Значительную часть Посемья занимают почвы, сформированные под лесной растительностью, а также черноземы, что также способствовало успешному ведению хозяйства. И те и другие вполне подходили для занятия земледелием. Связь поселений IX — конца X вв. с серыми лесными почвами неоднократно отмечалась исследователями [Сухобокров, 1985. С. 125, 126; Григорьев, 2000. С. 57]. Анализ почвенной приуроченности северян-

ских памятников Посемья подтвердил этот тезис: в большинстве случаев, даже при наличии черноземов, славяне выбирали местность с менее плодородными грунтами [Веретюшкина, 2011а]. Особенно хорошо это заметно при исследовании поселений, расположенных на р. Псел, значительная часть которых сосредоточена на правом берегу реки. Данные памятников, расположенных на территории Донецкого выступа, свидетельствуют об идентичной ситуации в выборе места для поселения, что, по мнению исследователей, является показателем первостепенности интересов земледелия [Колода, Горбаненко, 2013. С. 161 – 162].

Для анализа было отобрано 30 неукрепленных поселений, расположенных на наиболее крупных водных артериях Посемья – реках Тускарь, Свапа, Сейм, Псел. Эту выборку объединяет слабая изученность в сочетании со значительной площадью. Анализ топографии и особенностей ресурсных зон позволяет создать основу для дальнейшего сравнения с данными наиболее раскопанных селищ. При определении размеров территории учитывались максимальные границы, оконтуренные сбором подъемного материала.

Для уточнения сельскохозяйственных основ формирования рассматриваемых неукрепленных поселений авторами были проанализированы их, так называемые, ресурсные зоны. Следует отметить, что около половины рассматриваемых памятников содержат культурные напластования как роменского, так и древнерусского периодов. В связи с тем, что в раннегосударственный период на большинстве археологических комплексов тенденция к окультуриванию лесных почв сохраняется [Веретюшкина, 2011а], для проведения сравнительного анализа ресурсных зон мы вынуждены допустить, что все рассматриваемые памятники Днепровского Левобережья существовали приблизительно одновременно. При создании выборки поселений для анализа важную роль играла общая площадь памятника. В данном случае оговоримся, что не все селища полностью изучены стационарными исследованиями – на многих проводились лишь разведки. Поэтому при определении размеров территории учитывались максимальные границы, оконтуренные сбором подъемного материала.

В литературе господствует мнение, согласно которому для продуктивного занятия земледелием необходимо использовать земли, находящиеся в радиусе 5 км вокруг поселения [Афанасьев, 1987. С. 27 – 29; Моця, Томашевский, 1997. С. 28 – 34; Петрашенко, 2005. Гл. V]. Большая удаленность возделываемого участка уменьшала его рентабельность. Подобное использование угодий сохранилось и в более позднее время. При характеристике особенностей земледелия русского крестьянства XVIII в. Л. В. Милов сообщает о существовании удаленных полей, которые даже при трехполье, обрабатывались 3–4 года, после чего забрасывались на такой же срок. Как правило, они находились на расстоянии до четырех верст от деревни, т. е. не выходили за пределы пяти километров [Милов, 2001. С. 59].

Из всей ресурсной зоны наиболее продуктивной считается обработка участков, удаленных не более чем на 1 км от памятника. Используя стандартную формулу вычисления площади круга получаем, что при идеальных условиях жители селища имели в распоряжении 3,14 кв. км или 314 га сельхозугодий. Вместе с тем из этой площади следует исключить около 25–30 % земель, находящихся под балками и оврагами, сопровождающими русла рек и их систем, а так же учитывать, что на противоположном от поселения берегу почвы, как правило, не обрабатывались ввиду высоких трудозатрат на переправу.

Авторами был проведен расчет площадей ресурсных зон 30 наиболее крупных селищ, расположенных на берегах основных водных артерий Посемья – рек Тускарь, Свапа, Сейм и Псел. Из всех памятников только у пяти ресурсные зоны имели площадь, близкую к максимальной – от 303 до 314 га (Пойменово, Мухино, Бушмено, Кулига и Сосновый Бор). Это во многом объясняется тем, что река не создавала препятствий для перемещения. Жители 14 селищ имели в своем распоряжении более 200 га. В остальных случаях площадь потенциальных угодий колебалась в пределах от 92 до 200 га. Чаще всего сокращение площадей помимо природных факторов объясняется пересечением ресурсных зон нескольких памятников. Такая ситуация сложилась в основном на селищах по берегам р. Тускарь, где фиксируется довольно высокая концентрация населения [Енуков, 2005. Карта].

Выборка исследуемых селищ показывает, что их средняя площадь существенно различается. Наиболее крупные из них сосредоточены на землях бассейнов рек Тускарь, Свапа и Сейм. Эта особенность отразилась и на численности населения. Согласно наблюдениям И. П. Возного, размер среднестатистической усадьбы на селищах древнерусского времени составлял около 0,20–0,25 га, а показатель количества населения этого же времени составляет 6,31 [Возній, 2008. С. 31; Козюба, 2001. С. 29–41]. Принимая во внимание тот факт, что численность патриархальной семьи сложилась еще в догосударственный период, использовать показатель количества равный 6,31 вполне допустимо для всей выборки. Расчеты показали, что наибольшая плотность населения характерна для селищ Потускарья: средняя численность жителей на памятниках колебалась от 6 (с. Никольское) до 500 (с. Жерновец) человек. На 44 % селищ, расположенных западнее, число жителей не превышало 60 человек. Максимальный показатель составлял около 180 человек (с. Новый Бузец). Памятники бассейна Псла незначительны по площади и больше напоминают хутора. Ни на одном из рассмотренных селищ не могло находиться более 10 усадеб. Данные проведенного анализа позволяют с осторожностью говорить о том, что фактор внешней угрозы влиял не только на топографию поселений, но общую численность жителей той или иной местности.

Анализируя почвенную принадлежность поселений, выявлена следующая закономерность. Из 12 памятников бассейна р. Тускарь 6 располагались

на черноземах, а б — на почвах, сформированных под лесами, при этом селища основывались на обоих берегах реки. Учитывая тот факт, что превалирующее большинство комплексов продолжало функционировать и в древнерусское время, можно предположить, что в Посемье при выборе места жительства основное внимание уделялось удобству ведения хозяйства.

В бассейнах рек Сейм и Свапа сложилась несколько иная картина. На этих территориях лидирующие позиции занимают лесные почвы, и большинство памятников основано именно на них. При этом при создании поселения чаще всего выбирался правый берег реки. При характеристике рельефа берегов р. Свапа Р. В. Кабанова отмечала, что «слаборасчлененная, с единичными балками и оврагами, поверхность левобережной террасовой равнины наиболее удобна для использования в сельском хозяйстве» [Кабанова, 2005. С. 162]. Возможно, эта особенность объясняется тем, что пашенными орудиями роменского времени легче окультуривать лесные почвы, а уже в древнерусский период эта тенденция сохраняется.

Все селища, расположенные в бассейне Псла, занимают исключительно правый берег реки. Из девяти памятников, попавших в выборку, только на двух присутствуют напластования обоих культурно-хронологических горизонтов. Количество поселений, в ресурсную зону которых попадают черноземы, существенно не превышает число памятников, расположенных на лесных почвах — 5 против 4. Таким образом, складывается картина, имеющая общие черты с ситуацией в Потускарье. Но если славяне, жившие на северо-востоке Посемья, одним из решающих факторов при основании поселения рассматривали благоприятные для земледелия условия и заселяли оба берега, то их «южные» соплеменники, вероятно, руководствовались другими мотивами.

Проанализировав сельское хозяйство северян и населения каганата, В. В. Колода и С. А. Горбаненко отмечают общий хозяйственно-культурный тип, обусловленный средой обитания. В одной из последних работ, посвященных анализу сельских памятников славяно-хазарской контактной зоны, авторами было высказано предположение об импортном происхождении большей части орудий труда [Колода, Горбаненко, 2010. С. 141 — 144]. Подобная точка зрения была подвергнута критике А. З. Винниковым, по мнению которого подавляющая часть предметов этой категории ввиду устоявшегося типа ведения хозяйства производилась местными мастерами [Винников, 2014. С. 130]. Достоверно определить место изготовления, опираясь только на морфологический анализ, невозможно. Однако в условиях разной степени оседлости славянами и населением каганата использовались орудия различного облика, наличие или отсутствие характерных черт которых позволит хотя бы приблизительно определить этнокультурную принадлежность того или иного предмета.

В Подонцовье выделяется зона наибольших контактов славян с алано-болгарами, где памятники обоих этносов располагаются практически че-

респолосно [Михеев, 1991. С. 224]. Иногда на них встречаются отложения древностей обеих общностей, как, например, на Мохначе, наконечники сельхозорудий с которого уже являлись предметом специального исследования [Веретюшкина, 2010. С. 1–11; Колода, Горбаненко, 2013]. Таким образом, мы имеем возможность провести сравнительный анализ приспособлений для обработки почвы и сбора урожая с памятников контактной зоны и остальной территории славян Днепровского Левобережья для определения носителей салтово-маяцкой культуры на важнейшую отрасль хозяйственной жизни — земледелие.

В качестве тягловых орудий для обработки почвы населением Днепровского Левобережья использовались рала, укрепленные железными наконечниками. Большая часть находок датируется VIII–X вв. и согласно классификации Ю. А. Краснова относится к типу IB2, который был распространен как на памятниках славян лесостепной зоны, так и у населения салтово-маяцкой культуры (рис. 1: 1). Как показал анализ пахотных орудий, наибольшее распространение данный тип получил у северян [Краснов, 1982. С. 131; Веретюшкина, 2010]. Подтверждает это и состав клада орудий для обработки почвы, обнаруженный в 2011 г. у д. Сутрово (Львовский р-н, Курская обл.). Четыре из пяти наральников, входящих в состав клада, по своим характеристикам относятся к типу IB2 [Веретюшкина, 2011б. С. 85]. Орудия данного облика являются преобладающими и среди материалов с райковецких памятников, однако практически не известны в материалах салтово-маяцкой культуры [Колода, Горбаненко, 2013. С. 162]. Сегодня в ареале салтово-маяцкой культуры обнаружено всего четыре подобных находки [Веретюшкина, 2010. С. 3–11]. Напротив, на поселениях Левобережья Днепра полностью отсутствуют типы IB3 и IB4, характерные для алано-болгар. В контактной зоне сохраняется такое же соотношение типов. Единственным весомым отличием стала находка на городище Мохнач наральника типа IVB5, интерпретируемого рядом специалистов как лемех (рис. 1: 2). Для северян использование подобного типа орудий было не свойственно, а ближайшей аналогией является находка с салтовского селища Красное [Горбаненко, 2007. С. 42].

К орудиям, применяемым для обработки почвы, также относится плужный нож с Жидеевского городища (рис. 1: 7). Подобные артефакты встречаются и в хазарских древностях (Маяки, Правобережное Цимлянское городище), но, исходя из соотношения длины черешка и лезвия жидеевского образца, в нем уместнее всего видеть импорт с территории Руси [Краснов, 1987. С. 131].

Таким образом, не следует преувеличивать воздействие салтовских земледельческих традиций на население роменской культуры, проживавшее даже в контактной зоне [Григорьев, 2000. С. 180, 181]. Морфологические различия пашенного инвентаря свидетельствуют о самостоятельном развитии земледельческих традиций у северян [Колода, Горбаненко, 2013. С. 162].

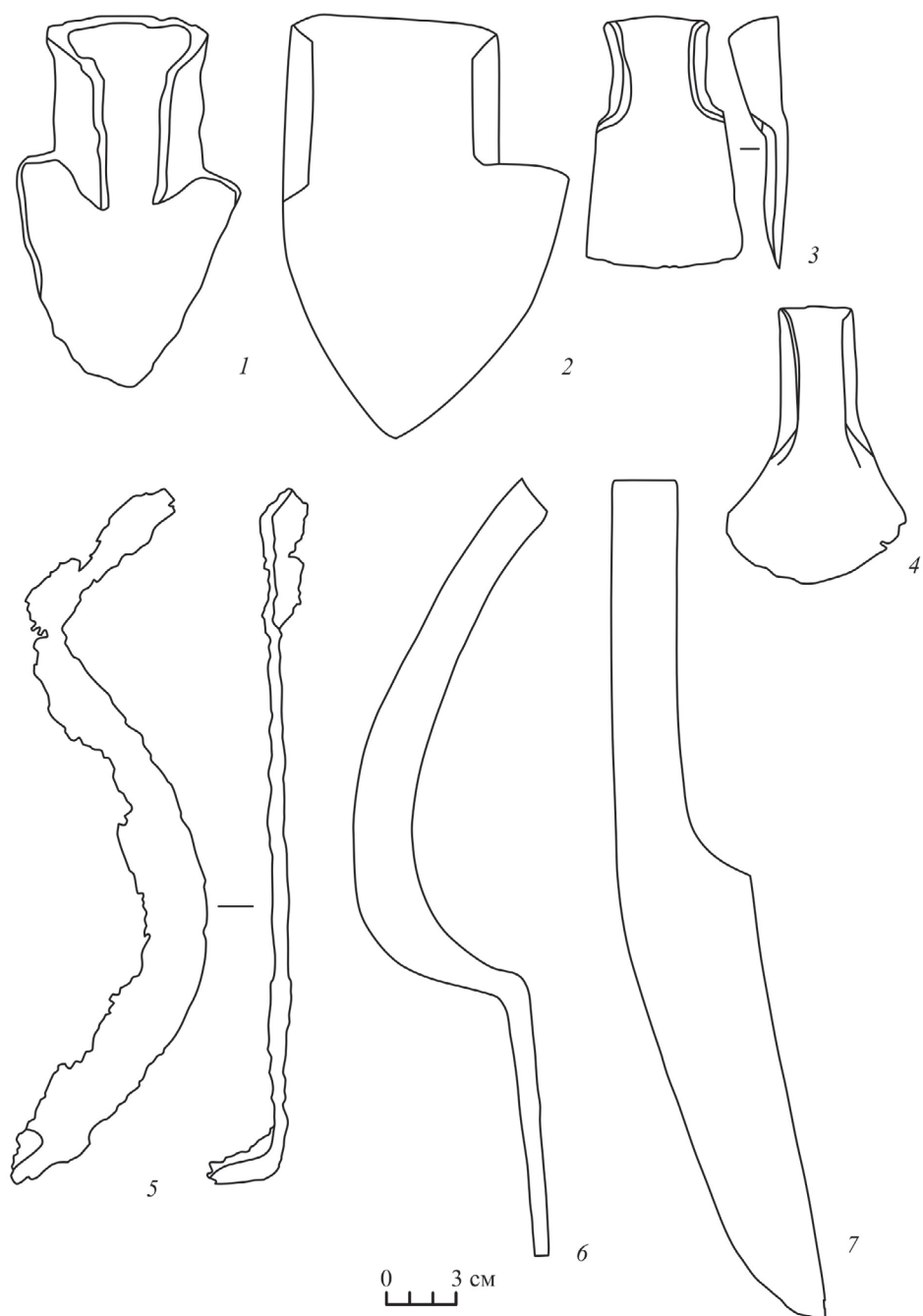

Рис. 1. Железные наконечники почвообрабатывающих орудий:

- 1 – Шуклинское городище; 2 – городище Мохнач; 3 – Сугровское селище;
4 – Ратское городище; 5 – селище Жерновец-3; 6–7 – Жидеевское городище.
1–2 – наральники; 3–4 – мотыжки; 5 – коса-горбуша; 6 – серп; 7 – плужный нож

К числу иных орудий, используемых для вторичной обработки почвы, можно отнести мотыжки (рис. 1: 2 – 3). На сегодня в материалах роменской культуры известно 21 подобное орудие, хронологические рамки бытования которых ограничиваются VIII–X вв. Учитывая увеличенные размеры, а также горизонтальную форму втулок, ряд авторов раскопок интерпретировали такие изделия как тесла. Свод находок мотыжек на роменских памятниках, а также их хронология, приведены в работе В. В. Колоды и С. А. Горбаненко [2010. Прил. III. Табл. 18. С. 167]. Так как подобные изделия получили наибольшее распространение в материалах салтово-маяцкой культуры, а их присутствие на славянских памятниках является одним из показателей заимствования, то на их анализе следует остановиться подробнее.

Так, на Новотроицком городище были обнаружены втульчатые мотыжки (три целых и два обломка). Автор раскопок И. И. Ляпушкин обратил внимание на их значительно большие размеры, а также некоторое отличие форм от салтовских аналогов [Ляпушкин, 1958. С. 20]. Как отмечает С. А. Горбаненко, размеры салтовских мотыжек вполне стандартизированы, а форма орудий вполне устоявшаяся: самые крупные имели наибольшую длину 9–10,5 см при ширине рабочей части 4,5–6 см и вертикальной незамкнутой втулкой. Находки с Новотроицкого городища в длину составляют 12–14 см при ширине рабочей части от 6,5 до 8,5 см, а две из них имели горизонтальную замкнутую втулку. Подобные размеры имеют и две находки с городища Мохнач, а полные аналогии способа крепления рукояти содержатся в материалах памятников контактной зоны: Мохнача, Верхнего Салтова и Водяного. Форма и параметры находки с Водяного в целом являются уникальными для славянских памятников. Учитывая пропорции изделия (12,5 × 16 см), морфологически данная находка гораздо ближе среднеазиатским кетменям [Колода, Горбаненко, 2013. С. 81]. Однако мотыжки с горизонтальной втулкой широко известны на славянских памятниках правобережья Днепра, в древностях райковецкой культуры [Максимов, Петрашенко, 1988. Рис. 74].

Мотыжки, обнаруженные на городищах Мохнач, Коробовы Хутора и Водяное, расположенных на северяно-хазарском пограничье и имеющих роменско-салтовские материалы, составляют треть от общего числа подобных наконечников с северянских памятников (7 экз.). Большая часть из них имела увеличенные размеры (от 12 до 16,5 см в длину при ширине от 6 до 13 см) [Колода, Горбаненко, 2010. С. 130, 131]. Всего среди всех известных на сегодня подобных артефактов более половины (53,7 %) обладают увеличенными параметрами по сравнению с хазарскими оригиналами.

Эти факты дают основание для осторожного предположения о том, что часть найденных мотыжек была изготовлена местными мастерами по салтовским образцам. Достоверно к хазарскому импорту могут быть отнесены только втульчатые поковки стандартных форм, в частности, четы-

ре находки из материалов Горналя. Их производство в мастерских северных провинций каганата подтверждают результаты металлографических анализов, определивших пакетную технологическую схему, использованную при их изготовлении [Вознесенская, 1979. С. 75; Терехова и др., 1997. С. 210]. Кстати сказать, мотыжка, морфологически соответствующая салтовским оригиналам, входила в составклада сельскохозяйственных орудий у с. Сугрово (рис. 1: 3), что лишний раз подтверждает их применение славянами для обработки почвы [Веретюшкина, 2011б. С. 86].

Как уже отмечалось, климат последней четверти I тыс. н. э. наиболее способствовал занятию земледелием. В этот же период пашенные орудия начинают укреплять железными наконечниками, а их строение максимально приближается к плужному типу [Краснов, 1982. С. 63–80]. Все эти условия создали благоприятную базу для трансформации палеоэтноботанического комплекса северян. К сожалению, органика крайне плохо сохраняется в условиях лесостепи, но по немногочисленным находкам обгорелых зерновок злаковых культур, а также их отпечаткам на керамике мы имеем представление об основном наборе зерновых, выращиваемых роменцами.

В VIII–X вв. на лидирующие позиции начинают выходить более прихотливые, но и более урожайные пшеница голозерная и рожь. К концу I тыс. н. э. объем производства данных злаковых культур постоянно увеличивался [Горбаненко, 2007. Глава 3]. Параллельно с этим шел процесс уменьшения доли посева ранее господствовавших пшеницы двузернянки, ячменя пленчатого и проса. Последняя культура не любит глубокой вспашки и чувствительна к климатическим изменениям. Вместе с тем она продолжает широко применяться на подсеках и поймах [Веретюшкина, Горбаненко, 2012. С. 211], которые входят как дополнительные почвы в ресурсные зоны всех рассматриваемых селищ. Эти изменения в составе палеоэтноботанического комплекса ряд исследователей связывают с появлением железных наконечников на пашенных орудиях [Пашкевич, 1988. С. 131–134; Горбаненко, 2007. С. 43]. Еще один злак, давно окультуренный человеком – овес, в славянской среде выращивался в достаточно малых объемах. Это подтверждается стабильно незначительной долей его отпечатков на керамике и среди находок зерновок [Горбаненко, 2007. С. 45].

Таким образом, палеоэтноботанический комплекс славянского населения в основе своей имел пять злаковых культур. Естественно, кроме них выращивались и другие, а так же огородные и технические культуры, но их доля в ПБК была незначительна. В связи с этим в наших расчетах они не использовались. Для более точной характеристики земледелия славянского населения Посемья крайне важно выяснить, могли ли имеющиеся уголья обеспечить жителей селища хлебом в полной мере. Естественно, подобные расчеты приближительны, т. к. нет точных данных о доле посева того или иного злака. В связи с этим все подсчеты проводились с допу-

щением, что на каждую злаковую культуру приходилось 1/5 всех засеваемых земель.

Проведение расчетов строилось на том, что среднестатистическая семья последней четверти I — начала II тыс. н. э. состояла из шести человек: двое взрослых, четверо стариков и детей [Козюба, 2001. С. 38–39]. На основе этнографических данных и критики источников Л. В. Милов сделал вывод, что в XVIII в. для минимального удовлетворения энергетических потребностей взрослому человеку необходимо было 24 пуда зерна в год, старикам и детям — половина указанной нормы. Таким образом, одной семье требовалось 96 пудов (1572,5 кг) зерна в год. В этот же объем входят расходы на подкормку животных (1 лошадь и 2 коровы) — 24 пуда (393 кг) [Милов, 2001. С. 386–388]. Поскольку письменные и археологические источники не дают полной информации о количестве зерна, необходимого для питания семьи в X в., вполне уместно использовать данные XVIII в. Это вполне допустимо, так как несмотря на общее совершенствование почвообработки, существенные энергозатраты человека вряд ли претерпели существенные изменения с конца I тыс. н. э.

Расчеты показали, что даже минимальная площадь ресурсной зоны позволяла выращивать достаточный урожай не только для того, чтобы прокормить население селища, но и сформировать семенной фонд (например, с. Гусиновка на р. Тускарь). Вместе с тем высокая концентрация населения и пересечение ресурсных зон на памятниках Потускарья приводили к тому, что на ряде памятников потенциальная урожайность была на минимальном уровне (с. Жерновец). В остальных же случаях жители Посемья не только обеспечивали себя зерном, но у них еще и оставались излишки. О развитых торговых связях северян свидетельствуют находки импортных вещей, украшений и керамики. Кроме того, важным показателем благосостояния местных жителей являются клады дирхемов, обнаруженных на ряде учтенных поселений (Шуклинка, Воробьевка 2-я) [Енуков, 2005. С. 149–164].

Орудия для сбора урожая представлены серпами и косами-горбушами. Для первых характерен сильный изгиб при переходе от длинного черешка рукояти к лезвию и слабый у конца лезвия (рис. 1: 6). В количественном отношении коллекция серпов с памятников роменской культуры (всего 19) сопоставима с салтовскими материалами. Представительная серия подобных орудий встречена на Горнальском городище, где был найден клад из нескольких серпов. Бытовавший на землях славян Днепровского Левобережья тип с отогнутым черенком широко известен как в роменской и райковецкой, так и салтово-маяцкой культуре, где он составлял до трети всех известных на сегодня находок [Михеев, 1985. С. 45]. Орудия подобного облика являются довольно типичным явлением на памятниках Восточной Европы конца I тыс. н. э., и их появление сложно однозначно связывать с торговлей. Другой тип серпов со славянских памятников представлен издели-

ями архаичного облика. Прогрессивных форм орудий для сбора урожая, представленных складными и столбиковыми серпами, в славянских древностях неизвестно, зато они получили широкое распространение в материалах салтово-маяцкой культуры [Колода, Горбаненко, 2013. С. 167]. Что касается кос-горбуш, то в литературе до сих пор не устоялось единого мнения об их культурно-хронологической принадлежности.

Согласно классификации В. К. Михеева, все салтовские косы в зависимости от размеров черенка и длины лезвия могут быть разделены на две группы, каждая из которых на основе формы клинка членится на подгруппы слабо- и сильноизогнутых. К характерной для населения Хазарского каганата форме исследователь относил безпяточные узкие косы со значительным изгибом к спинке лезвия (ШБ1). Исходя из классификации В. К. Михеева все находки с памятников славян Днепровского Левобережья относит к типу слабоизогнутых кос с отогнутой пяткой и шипом на ней, что соответствует типу Б1 (рис. 1: 5). Такие косы-горбуши впервые появляются в 1-й четверти I тыс. н. э. и в практически неизменном виде просуществовали до Нового времени. Наибольшее количество подобных орудий известно в материалах черняховской культуры [Шишкин, 1999. С. 129–139]. Второй этап наибольшего распространения кос подобной формы приходится на последнюю треть I тыс. н. э. и связан с носителями колочинской и пеньковской культур. Таким образом, жители каганата в целом не повлияли на распространение кос среди роменцев. В то же время в условиях общего хозяйственно-культурного типа, обусловленного средой обитания, морфологическая схожесть кос славян и населения салтово-маяцкой культуры может быть объяснена единством возделываемых агрикультур и природно-климатических условий, в которых находилось алано-болгарское и славянское население Поднепровья.

Рассмотрев природные условия, ресурсные зоны, а также орудия для обработки почвы и сбора урожая, обратимся к сравнительной характеристике сельского хозяйства населения Посемья и Донецкого выступа. В условиях единой природно-климатической обстановки проведение такого анализа вполне оправдано. По мнению С. А. Горбаненко и В. В. Колоды, ресурсные зоны сельских памятников салтово-маяцкой культуры и славянского населения контактной зоны в целом весьма подобны. Местные жители не делали какого-либо предпочтения в выборе места для поселения, а ориентировались на сельскохозяйственные нужды [Колода, Горбаненко, 2013. С. 161, 162]. Однако сопоставление имеющихся материалов с данными Посемья дают совершенно иную картину.

Всего было выявлено два типа размещения сельских памятников. Для первого характерно расположение с наибольшей выгодой для сельского хозяйства, тогда как для второго основным критерием является обороноспособность. Салтовские памятники контактной зоны размещались исходя из наиболее благоприятных условий для земледелия и скотоводства, для

чего использовался как левый, так и правый берег. Даже в том случае, когда поселение располагалось на правом берегу, левый также включался в хозяйственный оборот. Показателен пример Коробовых Хуторов, где В. В. Колодой была обнаружена пристань, что, по мнению автора, позволяло использовать жителям равнинные левобережные участки в пойме Северского Донца [Колода, 2008. С. 75].

На основе анализа почвенной принадлежности памятников выделяется следующая закономерность. Под пашню населением салтово-маяцкой культуры использовались земли, образовавшиеся под лесами. В расположении роменских памятников зоны Донецкого выступа наблюдаются тенденции, отмеченные в материалах Посемья. По аналогии с памятниками бассейна р. Псел поселения по Северскому Донцу располагаются исключительно на правых берегах, что может свидетельствовать о не вполне добрососедских отношениях. Количество поселений, в ресурсную зону которых попадают черноземы, совпадает с числом памятников, расположенных на лесных почвах.

Среди качественных кузнечных изделий, используемых для обработки почвы и уборки урожая, к предметам массового салтовского импорта достоверно могут быть отнесены только мотыжки. Находки мотыжек увеличенных размеров или с горизонтальной втулкой равномерно распределены на роменских памятниках и бытуют одновременно с орудиями стандартных пропорций. Показателен пример городища Мохнач, в материалах которого известны шесть мотыжек, только три из которых обладают стандартными параметрами [Колода, Горбаненко, 2013. С. 82]. В древностях роменской и райковецкой культуры орудия подобного облика уже присутствуют на памятниках с наиболее ранней хронологической границей (например, Новотроицкое городище). В катакомбах Маяцкого могильника такие изделия датируются серединой IX — началом X в. В этих условиях вопрос о возможном хазарском происхождении орудий подобных форм и пропорций далек от своего разрешения [Винников, Плетнева, 1998. С. 187]. Учитывая эти обстоятельства, можно осторожно предположить, что часть изделий могла изготавливаться местными мастерами, взявшими за основу хазарский образец.

Пахотные орудия каждой из культур были сугубо индивидуальны. В использовании населением северных провинций каганата наральника типа В2, получившего наибольшее распространение у славян, вероятнее всего, можно видеть пример обратного заимствования. Среди изделий из черного металла подобных случаев более не выявлено. Найденные на славянских памятниках орудия для сбора урожая представляют собой вполне сложившийся набор предметов, представленный серпами и косами-горбушами. Распространенные у населения салтово-маяцкой культуры складные и столбиковые серпы, по всей видимости, не являлись предметами импорта. Несмотря на усовершенствование формы и технологической схемы изготовления, применение подобных изделий свидетельствует о мень-

шей степени оседлости жителей каганата. К орудиям, используемым для сбора урожая, также относятся и косы-горбуши. На памятниках северян они представлены единственным типом — слабоизогнутыми черешковыми. Подобные формы орудий существуют довольно долгое время, начиная с первой четверти I тыс. н. э. и вплоть до XIX в. На сегодняшний день находок типично салтовских безпяточных кос, жестко крепившихся к рукояти заклепкой, в роменских материалах неизвестно.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о преимущественно независимом становлении и развитии сельского хозяйства северян и населения северо-западных провинций каганата. Даже в условиях постоянных контактов с носителями салтово-маяцкой культуры славяне сохранили свой хозяйственно-культурный тип, продолжая использовать собственные пашенные орудия. Достоверно салтовским импортом, прочно вошедшим в обиход славянского земледельца, являлись лишь средства вторичной обработки грунта в виде мотыжек. К примерам хазарского влияния в контактной зоне относятся находки лемеха с городища Мохнач и кетменя с Водяного, однако единичность подобных примеров наглядно свидетельствует о случайности и непостоянстве таких связей. В целом, несмотря на присутствие некоторых архаичных форм, набор сельскохозяйственного инвентаря северян по сравнению с салтовским позволял получать урожай, достаточный не только для обеспечения нужд общины, но и образования излишков.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л. : Соцэкгиз, 1936. — 140 с.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. — М. : Наука, 1987. — Вып. 2. — 200 с.
- Афанасьева Т. В., Василенко В. И., Терешина Т. В., Шеремет Б. В. Почвы СССР. М. : Мысль, 1979. — 380 с.
- Березовец Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. 1965. Т. 19. — С. 47—67.
- Веретюшкина М. В. К вопросу о контактах населения Северной земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2010. — № 4 (16). [Электронный ресурс]. <http://scientific-notes.ru/pdf/017-04.pdf> (дата обращения 6.09.2015).
- Веретюшкина М. В. Почвенная приуроченность памятников Посемья в IX—XIII вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2011а. — № 3 [19]. Том 2. [Электронный ресурс]. <http://scientific-notes.ru/pdf/021-006.pdf> (дата обращения 6.09.2015).
- Веретюшкина М. В. Клад сельскохозяйственных орудий из д. Сутрово // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология. — 2011б. — № 2. — С. 84—88.
- Веретюшкина М. В., Горбаненко С. А. Земледелие населения Посемья в X в. (На примере археологического комплекса у д. Шуклинка) // Древности Днепропетровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). — Курск : Курская городская типография, 2012. — С. 209—220.

- Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало IX века). Воронеж : изд-во Воронежского университета, 1995. – 168 с.
- Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. университета, 1998. – 216 с.
- Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж : Кварта, 2014. – 396 с.
- Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII–X вв. // Советская археология. – 1979. – № 2 – С. 70–77.
- Возний І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Днісира в X–XI ст. : автореф. дис... доктора іст. наук. К., 2008. – 43 с.
- Горбаненко С. А. Про землеробство жителів городища Мохнач (роменська культура) // Історична наука : проблеми розвитку. Матеріали між нар. наук. конф., секц. Археологія (м. Луганськ, 17–18 травня 2002 р.). – Луганськ, 2002. – С. 64–74.
- Горбаненко С. А. Окружающая среда и славянские памятники второй половины I тыс. н. э. (по материалам Левобережья Днепра) // Stratum plus. – 2003–2004. – № 5. – С. 400–425.
- Горбаненко С. А. Землеробство слов'ян останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. – 2006. – № 3. – С. 73–79.
- Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. – Київ : Академперіодика, 2007. – 198 с.
- Горбаненко С. А. Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства : Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) (г. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г.). – СПб., 2012. – С. 106–109.
- Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. – 280 с.
- Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным // Тр. Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула : «Гриф и К^о», 2000. – 264 с.
- Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. – 207 с.
- Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. – Курск : Учитель, 2005. – 352 с.
- Кабанова Р. В. Опыт морфотектонического анализа Среднерусской возвышенности. Курск : Изд-во КГУ, 2005. – 199 с.
- Козюба В. К. Історико-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. К., 2001. № 1. – С. 29–41.
- Колода В. В. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары : Второй Междунар. colloquium : Тезисы. М., 2002. – С. 56–58.
- Колода В. В. Розвиток слов'яно-хазарських стосунків на Дніпровському лівобережжі // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія, археологія, краєзнавство. Харків, 2005. Ч. 5. – С. 14–36.
- Колода В. В. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиции конца I тысячелетия в Днепро-Донском лесостепном Левобережье // Славяно-русские древности Днепро-Донского Левобережья : Материалы конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. – Курск : Изд-во КГУ, 2008. – С. 106–112.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев : ИА НАН Украины, 2010. – 216 с.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепро-Донского Левобережья // Stratum plus. – 2011. – № 5. – С. 315–326.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство населения славяно-хазарской контактной зоны (на примере городища Водяное) // Дивногорский сборник : Тр. Музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2012. – Вып. 3. – С. 163–176.

- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі / Інститут археології НАН України. — Київ, 2013. — 236 с.
- Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // Советская Археология. — 1982. — № 3. — С. 63–80.
- Краснов Ю. А., Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. — М. : Наука, 1987. — 237 с.
- Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 74. — М.; Л. : Наука, 1958. — 328 с.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. — Киев : Наукова думка, 1988. — 148 с.
- Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М. : «Российская политическая энциклопедия» [РОССПЭН], 2001. — 384 с.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков : Вища школа, 1985. — 146 с.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья в VIII–X вв. // Археология славянского юго-востока. — Воронеж, 1991. — С. 43–49.
- Моця О. П., Томашевський А. П. Просторів та еколого-господарські аспекти досліджень давньоруського селища Автунічі // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. — Київ, 1997. — № 1. — С. 28–42.
- Пашкевич Г. А. Палеоботанический анализ злаков // Максимов В. Е., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. — Киев, 1988. С. 131–134.
- Петрашенко В. А. Древнерусское село. По материалам поселения у с. Григоровка. — Київ : Академперіодика. 2005. — 264 с.
- Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь : средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999. М. : «Восточная литература» РАН, 2001. — С. 127–143.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М. : Наука, 1989. — 288 с.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. : Мосты культуры, Иерусалим : Гешарим, 1999. — 380 с.
- Слепцов А. М., Клименко В. В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. — 2005. — № 1. — С. 118–135.
- Сухобокоев О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев : Наукова Думка, 1975. — 168 с.
- Сухобокоев О. В. Роменская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тысячелетии н. э. — Киев : Наукова думка, 1985. — С. 125–135
- Сухобокоев О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Киев : Наукова думка, 1992. — 216 с.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. : Металлургия, 1997. — 320 с.
- Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М. : Мосты культуры / Гешарим, 2011. — 264 с.
- Шишкин Р. Г. Хозяйственно-экологическая модель черняховской культуры : (по материалам Среднего Поднепровья) // Археологія. № 4. 1999. — С. 129–139.

С. И. Владимиров

ФИГУРНЫЕ ПОДВЕСКИ (ЧУМБУРНЫЕ БЛОКИ) ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

The article is devoted to the pendants, which come from burials of Saltovo-Mayatsk archaeological culture. In this work the specificity of finding of the pendants is determined by comparison of burial goods. Also, the article contains a typology and a relative chronology of the pendants.

Одной из категорий находок, относящейся к салтово-маяцкой археологической культуре и получившей слабое освещение в литературе, являются так называемые фигурные подвески. На протяжении истории изучения салтово-маяцких древностей эти предметы назывались по-разному: псевдо-пряжка, петля для крепления к поясу дополнительных предметов, фигурная пластинка, подвесная бляшка, фигурное кольцо, подвеска [Каминский, 1987. С. 194; Айбабин, 1977. С. 234; Власкин, Ильюков, 1990. С. 148; Плетнева, 1962. С. 244; Сарапулкин, 2006. С. 200; Комар, 2000. С. 50]. Также в литературе можно встретить название фигурная подвеска и чумбурный блок, обозначающие одну и ту же категорию предметов [Аксенов, Михеев, 2006. С. 118; Аксенов, 2012. С. 12, 17]. Во избежание путаницы для рассматриваемых в данной работе предметов будет использоваться единое название — фигурные подвески.

Ареал находок фигурных подвесок в рамках территории салтово-маяцкой культуры достаточно широк, однако большинство происходит из захоронений могильников лесостепного Подонья (рис. 1). Фигурные подвески были найдены как в захоронениях в ямах и катакомбах, так и в трупосожжениях. Также находки фигурных подвесок характерны для отдельных захоронений коней. Несмотря на встречаемость фигурных подвесок в захоронениях, совершённых по различным погребальным обрядам, больше всего их было обнаружено в кремациях могильника Сухая Гомольша (рис. 2, 8–15). Отчасти это может быть следствием неполной выборки, отсутствия или слабой освещенности в печати результатов исследования могильников, например, Красная Горка, Червоная Гусаровка, Нетайловка и других.

В данной работе было учтено 23 погребения и один поминальный комплекс салтовского времени*. При этом и в поминальном комплексе, и в погребении, к которому он относился, были найдены фигурные подвески. Данные сравнения инвентаря погребений представлены в таблице 1.

* Одно из погребений было разрушено.

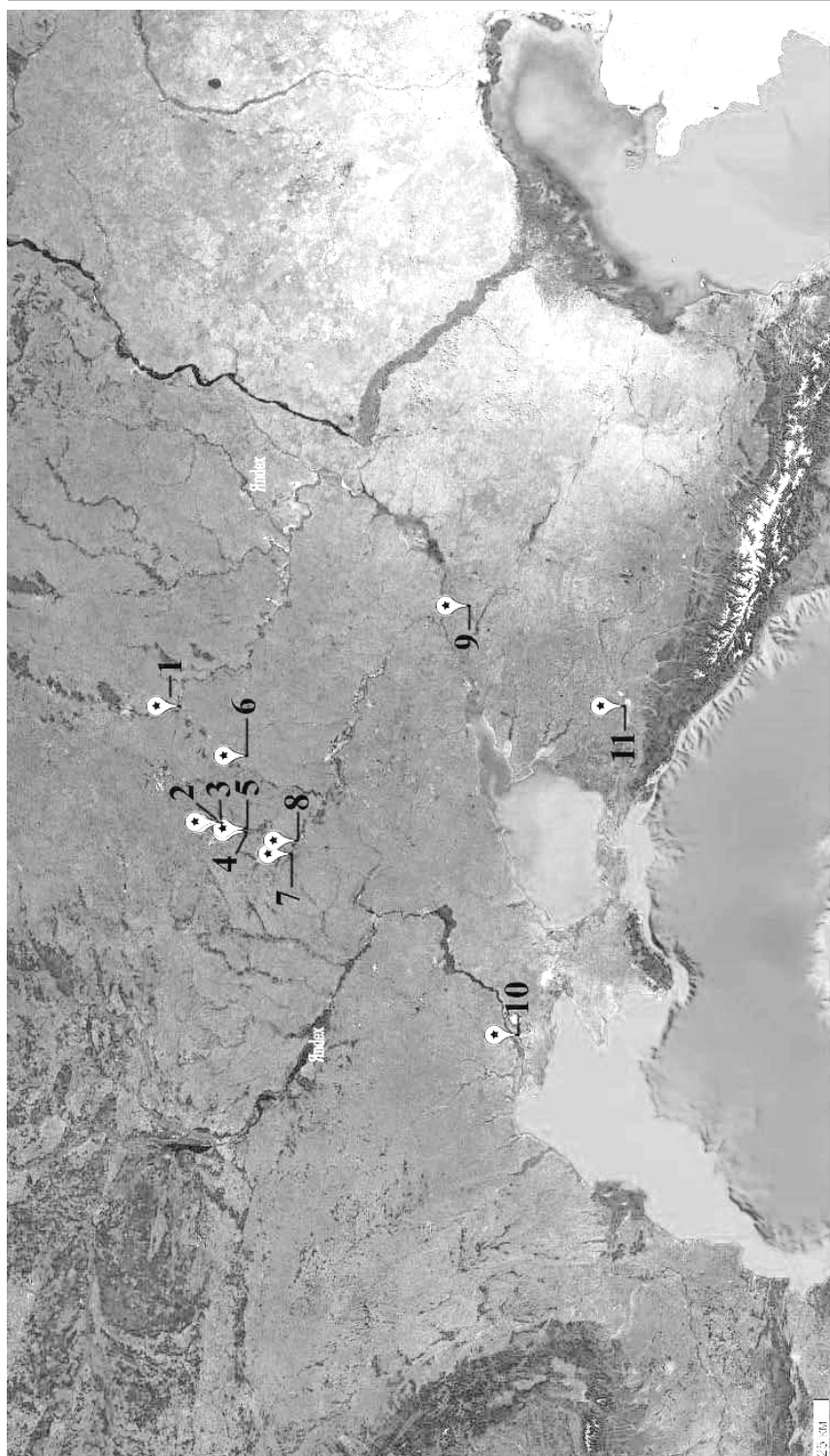

Рис. 1. Карта находок фигурных подвесок:

- 1 – Маяцкий археологический комплекс; 2 – Дмитриевский могильник; 3 – могильник у с. Ржевка; 4 – Верхнесалтовский могильник; 5 – Негайтовский могильник; 6 – Подгоровский могильник; 7 – Сухогомольшанский могильник; 8 – могильник Красная Горка; 9 – Новосадковский могильник; 10 – Херсон; 11 – Старокорсунский могильник

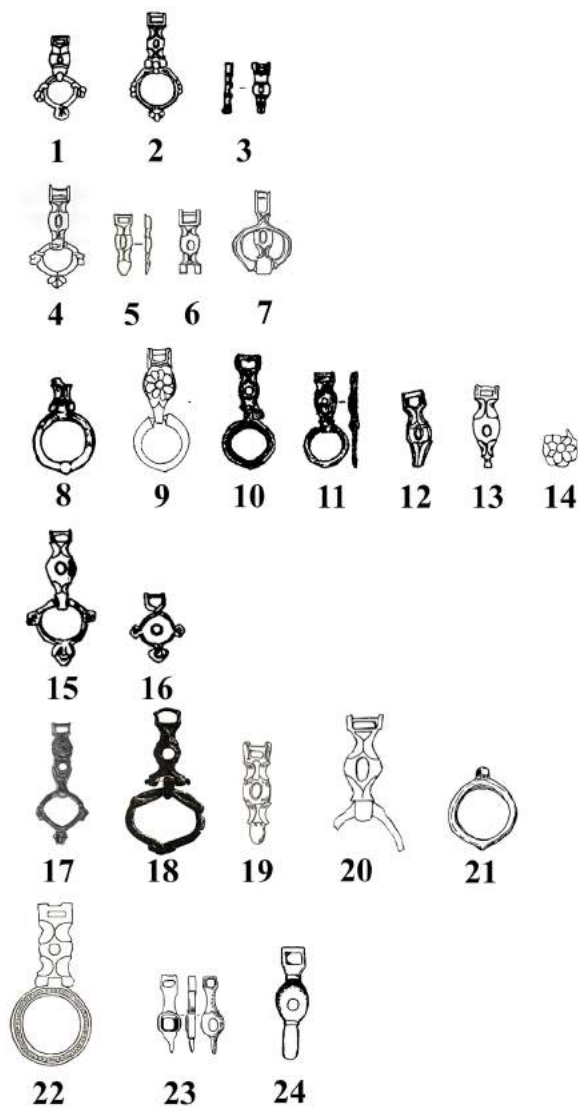

Рис. 2. Фигурные подвески:

1 – Верхний Салтов [Аксёнов, 2005. Рис. 3, 9]; 2 – Верхний Салтов [Аксёнов, 2005. Рис. 5, 3]; 3 – Верхний Салтов [Колода, 2004. Рис. 8, 2]; 4 – [Аксёнов, Хоружая, 2005. Рис. 6, 22]; 5 – Нетайловка [Аксёнов, 2010–2011. Рис. 2, 7]; 6 – Нетайловка [Аксёнов, 2012. Рис. 2, 14]; 7 – Нетайловка [Аксёнов, 2014. Рис. 6, 6]; 8 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 20, 5]; 9 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 17, 12]; 10 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 61, 33]; 11 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 37, 37]; 12 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 10, 6]; 13 – Сухая Гомольша [Михеев, 1982. Рис. 4, 18]; 14 – Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006. Рис. 33, 41]; 15 – Красная Горка [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996. Рис. 4, 29]; 16 – Красная Горка [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996. Рис. 4, 30]; 17 – Подгоровский могильник [Плетнёва, 1962. Рис. 2, 7]; 18 – Маяцкое селище [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 35, 8]; 19 – Маяцкий могильник [Флёров, 1993. Рис. 60]; 20 – могильник у с. Ржевка [Сарапулкин, 2006. Рис. 5, 18]; 21 – Дмитриевка [Плетнёва, 1989. Рис. 58]; 22 – Старокорсунский могильник [Каминский, 1987. Рис. 3, 23]; 23 – Новосадковский могильник [Власкин, Ильюков, 1990. Рис. 4, 9]; 24 – Херсон [Айбабин, 1978. Рис. 2, 10]

Взаимовстречаемость фигурных подвесок с инвентарём погребений*

№		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Захоронение коня 3										+	+	+	+
2	Кат. 25	м/ж ж/р	+	+		+		+			+	+	+	
3	Кат. 22	вз/р	+					+			+	+	+	
4	Погр. 35/413		+		+						+	+	+	
5	Погр. 482		+	+				+			+	+	+	
6	Погр. 397													
7	Погр. 522		+		+			+			+	+	+	+
8	Комплекс VI		+								+	+	+	
9	Кремация 54						+	+						
10	Кремация 262													
11	Кремация 174	ж												
12	Кремация 17		+					+	+		+	+		
13	Разрушенное													
14	Кремация 143	ж						+		+				
15	Погр. 100/к-8	м			+									+
16	Погр. 77/к-3	ж				+		+	+		+			+
17	Кат. 1	м/ж	+	+							+	+	+	
18	Кат. в постройке 2	м/ж	+	+				+			+	+	+	
19	Кат. 30	м	+					+			+	+	+	
20	Погр. 11			+		+					+	+		+
21	Кат. 110	ж/ж/р	+			+					+	+		+
22	Погр. 15	м		+										
23	Курган 24		+								+	+		
24	Погр. у Херсона													

Условные обозначения: 1 – пол погребённых; 2 – нож; 3 – сабля; 4 – наконечник копья; 5 – топорик; 6 – кистень; 7 – поясная гарнитура; 8 – наконечники стрел; 9 – детали колчана; 10 – стремена; 11 – удила; 12 – детали сбруи; 13 – конь.

* Порядок погребений в таблице соответствует порядку изображений фигурных подвесок на рис. 2, т. е. фигурная подвеска, изображённая на рисунке под номером «1» была найдена в захоронении коня № 3 Верхне-салтовского могильника и т. д.

Из таблицы видно, что инвентарь большинства рассматриваемых погребений содержал предметы конской упряжи — стремяна, удила, гарнитура сбруйных ремней. Всего таких погребений 16, включая погребение № 100/к-8 могильника Красная Горка, содержавшее захоронение коня [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996. С. 116]. Преобладание в нашей выборке фигурных подвесок из Сухогомольшанского могильника по всей вероятности объясняется распространённостью в его погребениях предметов конской упряжи. Исходя из всего этого, вполне объяснимо, что часто в литературе фигурные подвески называются чумбурными блоками. Однако наша выборка содержит и погребения без предметов конской упряжи.

Второй категорией предметов, часто встреченной в погребениях с фигурными подвесками является оружие, в данном случае — сабля, наконечник копья, топорик, кистень, наконечники стрел, детали колчана. Названные предметы вооружения были обнаружены в одиннадцати погребениях. Большинство из этих погребений содержали предметы конской упряжи.

Ещё одним важным наблюдением является тот факт, что находки фигурных подвесок чётко не привязаны к половому составу погребённых. Три погребения из учтённых нами принадлежали женщинам. Половая принадлежность захоронения из погребения № 397 Нетайловского могильника не определена, но погребальный инвентарь — фибула, подвеска, копоушка, браслет, перстень — даёт основание предположить, что погребение было женским [Аксёнов, 2012. Табл. 2]. Не ясно также к какому погребению относились предметы сбруи в кат. № 110 Дмитриевского могильника, при этом топорик был найден у костяка женщины [Плетнева, 1989. Табл. 46].

Достаточно частой находкой для рассматриваемых погребений были ножи. В данной работе ножи не делятся на боевые и хозяйственные, т. к. в литературе к их классификации есть различные подходы, и подробное рассмотрение этого вопроса в данной работе было бы не уместно [Плетнева, 1989. С. 91; Кочкаров, 2008. С. 76; Крыганов, 1989. С. 105; Магомедов, 1983. С. 78; Флеров, 1993. С. 24].

Таким образом, можно констатировать, что находки фигурных подвесок тяготеют к погребениям, содержащим предметы конской упряжи или захоронения коней, но встречаются и в погребениях, инвентарь которых не содержит ни предметов упряжи, ни оружия.

Классификация фигурных подвесок уже представлена в работах, как частного, так и общего характера [Аксёнов, Михеев, 2006. С. 119; Комар, 2000. С. 50]. В качестве основы для классификации фигурных подвесок нами взята схема Комара А. В.

Вариант I — двусоставные подвески, состоящие из щитка и кольца. К нему относится 13 подвесок, к этому же варианту нами отнесён щиток с выемкой под шарнир, кольцо от которого, видимо, было утеряно и кольцо от фигурной подвески с шарнирным креплением без щитка (рис. 2: 6, 21).

Вид 1 — двусоставные подвески с шарнирным креплением кольца к щитку (рис. 2: 2, 6, 8, 10, 18, 21, 22).

Вид 2 — двусоставные подвески с креплением кольца через «ушко», которым оканчивается щиток (рис. 2: 1, 4, 7, 9, 11, 15, 17, 20).

Вариант II — односоставные подвески, представляющие собой щиток, окончание которого зачастую декоративно оформлено (рис. 2: 3, 5, 12, 13, 16, 19, 22, 23). Подвески данного варианта можно было бы разделить на виды по форме щитка. Однако в большинстве случаев он имеет вытянутую форму и лишь один экземпляр (рис. 2: 16) выбивается из этого ряда. Поэтому выделение видов внутри варианта II было бы не совсем корректным. Отдалённые аналогии фигурной подвеске из погр. № 77/к-3 могильника Красная Горка происходит из Дмитриевского могильника и Калининской [Плетнева, 1989. Рис. 56; Комар, 2000. Рис. 49, 57].

Достаточно сложно определить относительную хронологию вариантов и видов фигурных подвесок. Так подвески первого и второго вида варианта I встречены в погребении № 54, и относящемуся к нему поминальному комплексу VI Сухогомольшанского могильника (рис. 2: 8, 9). В одном погребении (курган 5, Кривая Лука XVII) были встречены также подвеска второго вида варианта I и варианта II [Комар, 2000. Рис. 3: 47, 56]. Тем не менее, распространение фигурных подвесок с шарнирным креплением принято связывать с горизонтом Столбище-Старокорсунская [Аксенов, 2005. С. 249; Аксенов, 2012. С. 17; Комар, 2000. С. 59]. По хронологии С. А. Плетнёвой кат. № 110 относится к промежуточной группе погребений Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989. Рис. 23]. Одна из подвесок происходит из погр. № 15 Старокорсунского могильника (рис. 2, 21), также известна аналогия из Обозного [Комар, 2000. С. 50]. Фигурные подвески второго вида варианта I более характерны для древностей салтово-маяцкой культуры конца VIII — начала X вв.

Что же касается подвесок варианта II, то с ними дело обстоит несколько сложнее. Аналогии им известны из кургана № 5 Кривой Луки XVII и Астахово, которые относятся к горизонту Столбище-Старокорсунская [Комар, 2000. С. 59]. Один экземпляр, сделанный из кости, происходит из кургана № 24 Новосадковского могильника, который датирован по составу инвентаря достаточно широко — VIII—X вв. [Власкин, Ильюков, 1990. С. 150]. находка подвески из Херсона также была датирована широко — VIII—IX вв. [Айбабин, 1977. С. 235]. Здесь пока можно лишь предположить, что подвески данного варианта встречались на протяжении существования салтово-маяцкой культуры. При этом находку костяной подвески из кургана с ровиком можно считать наиболее ранней и простой формой, и отнести к первой половине VIII в. Подвеску из Херсона мы склонны относить примерно к этому же времени или немного позднее, чему не противоречит время заселения Крымского полуострова носителями салтово-маяцкой культуры [Баранов, 1990. С. 33—34]. В дальнейшем, видимо, щиток подвесок данного варианта приобрёл художественное оформление.

Фигурные подвески варианта I также отличаются друг от друга оформлением кольца. В этом смысле можно выделить две стилистические группы: с простым кольцом (рис. 2: 7, 8, 9, 10, 11, 20, 21, 22) и с кольцом, украшенным тремя выступами в виде лепестков и бутонов цветков, т. е. растительным орнаментом (рис. 2: 1, 2, 4, 15, 17, 18). В двух случаях растительным орнаментом были украшены щитки подвесок (рис. 2: 9, 14). Данные стилистические группы отражали видимо определённые этапы моды в салтовском обществе [Фонякова, 2004. С. 868]. Для построения относительной хронологии этих групп, опирающейся на объективные данные, мы располагаем не достаточно полной выборкой. Однако, принимая во внимание более раннюю дату фигурных подвесок с шарнирным креплением, и учитывая, что из шести таких подвесок лишь у двух кольца были украшены растительным орнаментом, можно предположить более раннее время для подвесок первой стилистической группы.

Таким образом, несмотря на недостаточную изученность фигурных подвесок, удалось установить, что их помещение в погребение не зависело от пола погребённого, наличия при нём предметов конской упряжи. Также не удалось проследить зависимость частоты находок фигурных подвесок от обряда, по которому совершалось погребение, т. е. фигурные подвески были распространены среди представителей различных этнических групп, входивших в состав населения Хазарского каганата. Что касается хронологии, то она требует уточнения, для чего необходимо пополнение выборки фигурных подвесок из погребений салтово-маяцкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА.

- Айбабин А. И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. — 1977. — № 1. — С. 225—239.
- Аксенов В. С. Комплексы салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А. В. Евлевский. — Донецк : Донецкий национальный университет, 2005. — Т. 4. — С. 245—260.
- Аксенов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населения Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах / Глав. ред. О. В. Бубенок. — Киев ; Харьков : Международный Соломонов университет, 2014. — Т. 12. — С. 4—33.
- Аксёнов В. С. Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры // Хазарский альманах / Глав. ред. М. М. Олійник. — Киев; Харьков : Международный Соломонов университет, 2010—2011. — Т. 9. — С. 22—44.
- Аксенов В. С. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья // Хазарский альманах / Глав. ред. О. В. Бубенок. — Киев ; Харьков : Международный Соломонов университет, 2012. — Т. 10. — С. 4—31.
- Аксенов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII—X вв. // Хазарский альманах / Гл. ред. В. К. Михеев. — Киев ; Харьков : Международный Соломонов университет, 2006. — Т. 5. — 306 с.
- Аксенов В. С., Хоружая М. В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002—2004 гг.) // Хазарский альманах / Гл. ред. В. К. Михеев. — Киев; Харьков : Международный Соломонов университет, 2005. — Т. 4. — С. 199—215.

- Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конём у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О. М. Приходнюк. — Киев : Наукова думка, 1996. — С. 116–129.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). — Киев : Наукова думка, 1990. — 168 с.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). — Воронеж : Воронежский государственный университет, 1991. — 192 с.
- Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. — 1990. — № 1. — С. 137–153.
- Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. — 1987. — № 4. — С. 187–205.
- Колода В. В. Исследование раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах / Гл. ред. В. К. Михеев. — Киев; Харьков : Международного Соломонов университет, 2004. — Т. 3. — С. 213–241.
- Комар А. В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica / Шеф-редактор Р. С. Хакимов. — Казань : Институт истории АНТ, 2000. — № 1. — С. 42–66.
- Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Глав. ред. А. В. Евглевский. — Донецк : Донецкий национальный университет, 2006. — Т. 5. — С. 7–244.
- Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). — М. : ТАУС, 2008. — 176 с.
- Крыганов А. В. Вооружение и войско населения Салтово-Маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалёва. — Днепропетровск : Днепропетровский государственный ун-т, 1989. — С. 98–114.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). — М. : Наука, 1983. — 225 с.
- Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. — 1982. — № 2. — С. 156–167.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). — М. : Наука, 1989. — 288 с.
- Плетнева С. А. Подгоровский могильник // СА. — 1962. — № 3. — С. 241–251.
- Сарапулкин В. А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А. Т. Синюк. — Воронеж : ВГПУ, 2006. — Вып. 6. — С. 195–204.
- Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы / Отв. ред. Е. В. Круглов. — Волгоград : Перемена, 1993. — Вып. 1. — 144 с.
- Фонякова Н. А. Этапы развития прикладного искусства Хазарии второй половины VIII — начала X вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006 / Глав. ред. А. Б. Белинский. — М., Ставрополь : Памятники исторической мысли; Наследие, 2004. — Вып. VIII. — С. 867–868.

Л. И. Красильникова, К. И. Красильников, О. В. Худякова

**АНТРОПОКРАНИОМЕТРИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕРИИ ЧЕРЕПОВ
ЛЫСОГОРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА р. АЙДАР**

Against the background of extensive representations of the material component of Saltovo-Myatsk culture, anthropological image of the population of the steppe is still little known. The article summarizes the data of craniometry of 39 skulls of the IX – beginning of the X centuries from cemetery in the village of Lysogorovka on the river Idar. The results of the study of skulls samples have identified such forms as dolichocrania, mesokraniya, brachyrania. According to male and female types there were also marked characteristic craniometrical settings.

Craniometrical features of the skulls have confirmed the multivariate system of burial rite that had been revealed during the excavations and identified a marked predominance of people with signs of brachyrania up to 62,5 %, mesokraniya up to 28,2 % and dolichocrania up to 6,3 %. Statistics shows the predominance of skulls with signs of brachyrania. The average age of life of individuals was from 25 up to 45 years.

The material presented here is the first step in the study of anthropometric data of the population of Saltovo-Myatsk culture in the steppes of the Seversky Donets.

Антропологические материалы из ямных могильников степной салтово-маяцкой культуры Подонцовья (СМК) сравнительно невелики, к тому же они, в большинстве своем специалистами не обработаны, поэтому этнический состав здешнего населения в хазарское время, традиционно обозначаемый лишь археологическими параметрами, остается недоисследованным. Между тем, еще в 1960-х гг., ссылаясь на антропологические источники раскопанных могильников, вещественных артефактов из поселений и захоронений салтовских некрополей, появились суждения о полиэтничном составе населения, обитавшем в Хазарской степи и лесостепи [Плетнёва, 1972. С. 108 – 118; Красильников, 2009. С. 52 – 53]. Показательными в этой теме являлись могильники Нетайловка [Березовец, 1962. С. 18 – 22] и Дмитриевка [Плетнёва, 1989. С. 255 – 259, 268 – 270]. На названных некрополях, как, впрочем, нередко и других из лесостепи и отчасти степи среди катакомб, находились ямы с различными вариантами их обустройств, естественно, в них, наряду с типично европеоидными долихокранными черепами, встречаются черепа с очевидной брахикраннымостью.

Немалый процент составляют промежуточные, как бы смешанные мезокранные формы. Антропокраниометрические признаки, конструк-

ции могил, обряды, исполненные при ингумации, инвентарные наборы, другие детали убеждают в том, что население салтово-маяцкой культуры степного Подонцовья было далеко неоднородным [Зиневич, 1967. С. 145 – 153].

В 1990-х гг. в системе степных памятников удалось выявить факты присутствия этногрупп, которые происходят из среднеазиатского пространства. Их захоронения сопровождала мусульманская обрядность. Тогда же ранее известное понятие «поливариантный этносостав» дополнилось новым содержанием «этноконфессиональный состав» населения каганата. Трансформация суждения стала возможна в связи с вводом в научный оборот могильников, в которых наряду с обрядами и погребальными традициями характерными тюркоязычному этносу, заметную часть составили захоронения с мусульманской обрядностью. К таковым, в первую очередь, относим погребения могильников Платоновка [Копыл, Татаринев, 1990. С. 54 – 58], Сидорово [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998. С. 113 и сл.], Маяки – Царицыно [Кравченко, 2005. С. 153 – 171]. К их числу относим могильник у с. Лысогоровка.

Лысогоровский некрополь расположен на второй террасе правого коренного берега р. Айдар. Площадь вскрытия составила 2532 м². Обнаружено и расчищено около 150 могил в виде ямных конструкций, в 111 из них находились скелеты в анатомическом состоянии. Часть скелетов, в первую очередь, захороненных детей, истлела. Преднамеренное переотложение, так называемое, «обезвреживание» костных останков выявлено лишь в одном случае. Заметную часть захоронений сопровождал традиционный для праболгар материал инвентарно-обрядового назначения [Красильников, Красильникова, 2005. С. 187 – 244; Красильников, 2006. С. 299 – 328]. Однако, сохранившиеся костные останки, прежде всего черепа, вполне пригодные к исследованиям антропометрического направления, оставались не интерпретированными. Предлагаемый материал является первой пробой краниометрических замеров серии черепов могильника с тем, чтобы, ссылаясь на их данные, обозначить антропологические характеристики населения, оставившего захоронения.

К определению характеристик черепов из погребений могильника задействовано 39 ед., в том числе 32 черепа в анатомической целостности, еще 7 с достаточно сохранившимся лицевым отделом.

Исследования проводились по методике Мартина, которая включала измерение размеров между стандартными краниометрическими точками при ориентировке черепа относительно франкфуртской горизонтали [Martin, 1957]. Рассматриваемая серия визуально подразделена по половой принадлежности и форме черепа.

При определении половой принадлежности индивидуумов исследуемых черепов использовалась методика В. И. Пашковой, предусматривающая учет следующих морфологических признаков полового диморфизма:

1. Черепа мужского типа имели бóльшие, чем черепа женского типа, линейные размеры и более толстые кости. Они тяжелее, им характерны бугристость и шероховатость, в местах прикрепления шейных, затылочных и височных мышц сильнее выражен рельеф. Эти же замечания касаются надбровных дуг, надпереносья, затылочного бугра. Нижняя челюсть мужских черепов массивная, крупная, угол изгиба более развернут кнаружи. Носо-лобный угол в большинстве случаев выражен отчетливо, лобно-носовая точка углублена.

2. У черепов женского типа наружная поверхность округлая, гладкая с меньшими сосцевидными отростками, тонкими скуловыми дугами, глазницы более высокие и округлые, их верхние края утонченные. У черепов сильнее выражены лобные и теменные бугры, альвеолярный отросток верхней челюсти чаще выступает кпереди, переход от лобной кости к костям носа совершается более плавно, лобно-носовая точка не углублена.

Формы черепов определяли по В. С. Сперанскому [Сперанский, 1980]. Черепа с индексом 74,9 и меньше относили к долихокранам, при черепном индексе от 75,0 до 79,9 – к мезокранам, при черепном индексе 80,0 и более – к брахикранам. В результате, из 32 рассматриваемых единиц, брахикранов 20 (62,5 %) – (15 женских и 5 мужских черепов), мезокранов – 9 (28,1 %) – (3 женских и 6 мужских черепов) и долихокранов – 3 (6,4 %) – (2 женских и 1 мужской череп). Статистика показывает преобладание в этой серии черепов брахикранной формы. Возраст определяли по степени стертости зубов и по степени и порядку заращения швов на черепе. В среднем он составил 25–45 лет.

Характерная форма черепа в зависимости от брахи, мезо и долихокрании приведена на рис. 1.

В данной выборке у мужчин и женщин поперечный и продольный диаметры зависели от размеров черепов, что определяло разность между максимальными и минимальными их характеристиками. У мужчин брахикранов поперечный диаметр черепа в пределах 140–155 мм, продольный – 155–170 мм. У женщин поперечный диаметр черепа в пределах 135–155 мм, продольный – 155–175 мм. Поэтому черепной индекс имел большой размах диапазона категорий – у мужчин от 80,0 до 90,9, у женщин от 80,0 до 91,2.

У мужчин мезокранов поперечный диаметр черепа в пределах 135–140 мм, продольный – 170–185 мм. У женщин мезокранов поперечный диаметр в пределах 130–145 мм, продольный – 165–185 мм. Черепной индекс у мужчин имел все показатели диапазона формы – от 75,0 до 79,4, у женщин показатели формы близки к брахикрании – от 78,3 до 79,4.

Долихокраны составляют меньшую группу черепов. Поперечный диаметр у мужчин долихокранов 130 мм, продольный – 180 мм, у женских черепов поперечный диаметр 130 мм, продольный – 170 и 175 мм. Черепной индекс у мужчины 72,2, у женщин показатели формы были близкими к мезокрании – 74,2 и 74,7.

Рис. 1. Черепа из могильника:

А – женщина брахикран (П. 45); Б – мужчина мезокран (П. 136);
В – мужчина долихокран (лицевая норма П. 94)

В антропологических исследованиях наряду с размерами, в качественном выражении краниометрических особенностей, описывают категории этих размеров, пользуясь таблицами краниометрических констант [Алексеев, Дебец, 1964]. Мужские черепа брахикраны в данной выборке характеризуются средними – 140 мм, большими – 145 мм и очень большими – 150 мм категориями поперечного диаметра, женские – средними – 135 мм, большими – 140 мм и очень большими – 145 мм, 150 мм и исключительно большими 155 мм категориями. Продольный диаметр у мужчин характеризуется исключительно малыми – 155 мм, очень малыми – 165 мм, 170 мм и малыми – 175 мм категориями размеров, у женщин он же характеризуется очень малыми – 155 и 160 мм, малыми – 165 мм и средними – 170 и 175 мм категориями размеров. Черепной индекс у брахикранов мужчин характеризуется большими – 80,0 %, очень большими – 85,3 % и исключительно большими – 90,3 % и 99,9 %, он же у женщин характеризуется средними – 80,0 %, большими – 81,1 %, 81,8 %, 82,3 %, 82,4 %, очень большими – 84,8 %, 85,3 %, 87,5 %, 87,8 %, 88,2 % и исключительно большими – 90,3 %, 90,6 %, 91,2 % категориями размеров.

Мужские черепа мезокраны характеризуются малой — 135 мм, и средней — 140 мм категорией размеров поперечного диаметра, женские — малой, средней и очень большой категорией. Мужским черепам характерны очень малые — 170 мм, средние — 180 мм и большие — 185 мм категории размеров продольного диаметра, женским: малые — 165 мм, средние — 170 мм и очень большие — 185 мм категории. Черепной индекс у мужчин мезокранов характеризуется малыми — 75,0 %; 75,7 % и средними — 77,8 %; 79,4 % категориями, у женщин только средними категориями — 78,4 %; 78,8 %; 79,4 %.

Мужской череп долихокрана (П. № 94, рис. 1) характеризуется очень малой категорией поперечного размера — 130 мм, продольный — средней категорией — 180 мм, у женских черепов долихокранов поперечные диаметры характеризуются малой категорией размера — 130 мм, продольный — средней категорией — 174 и 175 мм. Черепной индекс у мужчины из погр. 94 характеризуется очень малой категорией — 72,2 %, в то время как у женщин категорией — 74,3 % и 74,7 %.

Черепы мужчин и женщин брахикранов (№ 1, № 2, № 3) (см. табл. 2) характеризуются по высотно-продольному индексу как высокие (гипсикрания) и большой категорией размеров — 77,0 %; 78,0 %; 78,5 %. По высотно-поперечному индексу — низкие (тапейнокрания) с малой категорией размеров мужские черепа — 92,1 % и исключительно малой категорией размеров женские черепа — 53,1 %; 54,9 %. Черепы женщин мезокранов (№ 4, № 5) характеризуются по высотно-продольному индексу средней высоты (ортокрания) с малой — 70,7 % и средней категорией размеров — 73,1 %. По высотно-поперечному индексу — низкие (тапаейнокрания) (№ 3) с малой категорией размеров — 89,0 % и средние (метриокрания) (№ 4) со средней категорией размеров — 94,6 %. Череп мужчины долихокрана (№ 5) характеризуется: по высотно-продольному и высотно-поперечному индексу как низкий (хаменкрания и тапейнокрания) с очень малой — 65,6 % и малой — 90,4 % категорией размеров.

Определение формы лицевой части осуществляли измерениями: длины основания лица ($pr - ba$), верхней ширины ($fmt - fmt$) и средней ширины ($zm - zm$) лица, верхней ($na - alv$) и полной ($na - gn$) высоты лица, скулового диаметра ($zy - zy$) [Алексеев, Дебев, 1964]. Показатели лицевых размеров черепов приведены в таблице 2.

Череп мужчин брахикранов характеризуется: по верхнелицевому индексу как узкие (лептен) с большой категорией размеров — 56,0 %, черепа женщин как широкие (эурен) с малой категорией размеров — 49,0 %. Черепы женщин мезокранной формы как узкие (лептен) с малой категорией размеров — 50,8 %. Череп мужчин долихокранов как средней ширины (мезен) со средней категорией размеров — 52,8 %.

Черепы мужчин брахикранов и женщин брахи- и мезокранов характеризуются малыми — 71,1 % со средними категориями — 72,8 % и 75,4 % показателями лобно-скулового индекса.

Данные антропометрических параметров черепов людей Лысогоровского могильника

Показатели	п. 56	п. 78	п.85 1	п. 97	п. 143	п. 131	п. 87	п. 62	п. 55	п. 143	п. 51
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Половая принадл.	М	М	М	М	М	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж
Форма черепа	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.	Брах.
1* Продольный диаметр	165	155	175	175	170	170	165	160	165	155	165
8* Поперечный диаметр	150	140	140	140	145	145	140	140	140	140	145
1:8* Черепной инд.	90,9	90,3	80,0	80,0	85,3	85,3	84,8	87,5	84,8	90,3	87,8
26* Лобная дуга	117	125	125	122	120	120	125	127	124	122	113
29* Лобная хорда	105	109	110	108	109	108	104	108	120	106	105
9* Наименьшая ширина лба	100	96	96	93	93	91	91	94	97	93	95
10* Наибольшая ширина лба	126	120	115	115	122	115	111	123	118	120	121
29:1* Лобно-продольный инд.	63,6	70,3	62,9	61,7	64,1	63,5	63,0	67,5	72,7	68,4	63,6
9:8* Лобно-поперечный инд.	66,7	68,6	68,6	66,4	64,1	62,8	65,0	67,1	69,3	66,4	65,5
9:10 Широкий лобный инд.	79,4	80,0	83,5	80,9	76,2	79,1	82,0	76,4	82,2	77,5	78,5
10:29* Лобный широтно-продольный инд.	120,0	110,1	104,5	106,5	111,9	106,5	106,7	113,9	98,3	113,2	115,2

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1* Продольный диаметр	170	160	160	165	175	165	170	170	170	180	185
8* Поперечный диаметр	155	140	145	135	140	135	140	140	150	140	140
1:8* Черепной инд.	91,2	87,5	90,6	81,1	80,0	81,8	82,3	82,4	88,2	77,8	75,7
26* Лобная дуга	122	120	115	120	123	115	-	121	115	120	130
29* Лобная хорда	106	107	103	106	110	105	-	108	100	106	118
9* Наименьшая ширина лба	101	94	102	92	98	87	95	96	101	104	113
10* Наибольшая ширина лба	135	117	132	114	118	105	116	120	127	117	103
29:1* Лобно-продольный индекс	62,4	66,9	64,4	64,2	62,9	63,6	-	63,5	58,8	58,9	63,8
9:8* Лобно-поперечный инд.	65,2	67,1	70,3	68,1	70,0	64,4	67,9	68,6	67,3	74,3	80,7
9:10* Широтный лобный индекс	74,8	80,3	77,3	80,7	83,1	82,9	81,9	80,0	79,5	88,9	109,7
10:29* Лобный широтно-продольный инд.	127,4	109,3	128,2	107,5	107,3	100,0	-	111,1	127,0	110,4	87,3
ПОКАЗАТЕЛИ	п.88	п. 75	п. 136	п. 44	п.125	п. 74	п. 140	п. 94	п. 137	п. 42	
Половая принадлежность	М	М	М	М	Ж	Ж	Ж	М	Ж	Ж	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Форма черепа	Мез.	Мез.	Мез.	Мез.	Мез.	Мез.	Мез.	Дол.	Дол.	Дол.	
1* Продольный диаметр	180	180	170	170	165	170	185	180	174	175	
8* Поперечный диаметр	134	135	135	135	130	135	145	130	130	130	
1:8* Черепной инд.	74,4	75,0	79,4	79,4	78,8	79,4	78,4	72,2	74,7	74,3	
26* Лобная дуга	125	120	115	130	114	117	125	125	120	-	
29* Лобная хорда	110	106	103	114	104	101	115	110	104	-	
9* Наименьшая ширина лба	94	95	98	98	90	96	100	99	96	96	
10* Наибольшая ширина лба	114	120	115	122	112	112	129	112	113	110	
29:1* Лобно-продольный инд.	-	58,9	60,6	67,1	69,2	71,1	69,0	61,1	59,7	-	
9:8* Лобно-поперечный инд.	-	70,4	72,6	72,6	107,7	110,9	112,2	76,2	108,7	-	
9:10* Широкий лобный индекс	82,5	79,2	85,2	80,3	80,4	85,7	77,5	88,4	85,0	87,3	
10:29* Лобный широтно-продольный инд.	103,6	113,2	111,7	107,0	107,7	110,9	112,2	101,8	108,7	-	

Образцы общих антропометрических параметров черепов в зависимости от пола
и формы черепа (мм)

ПОКАЗАТЕЛИ	П. 43 (№ 1)	П. 51 (№ 2)	П. 45 (№ 3)	П. 125 (№ 4)	П. 140 (№ 5)	П. 94 (№ 6)	П. 137 (№ 7)	
1	2	3	4	5	6	7	8	
Половая принадлежность	М	Ж	Ж	Ж	Ж	М	Ж	
Форма черепа	Брах	Брах	Брах	Мез	Мез	Дол	Дол	
1* Продольный диаметр	173	165	163	167	184	186	174	
8* Поперечный диаметр	148	145	143	129	146	135	130	
1:8* Черепной индекс	85,5	87,9	87,7	77,2	79,3	72,6	74,7	
17* Высотный диаметр (ba-b)	135	127	128	122	130	122		
5* Длина основания черепа	100	118	95	100	101	100		
40* Длина основания лица	95		78	94		77		
45* Скуловой диаметр	125		128	118		155		
48* Верхняя высота лица	70		63	60		66		
43* Верхняя ширина лица	78	100	105	95		103		
47* Полная высота лица			112			117		
46* Средняя ширина лица	119		120			124		
11* Ушная ширина	120	118		100		116		
55* Высота носа	54			46		49		
54* Ширина носа	23		21			27		
51a* Ширина глазницы (лев) от d	38			43		39		
52* Высота глазницы (лев)	35			30		30		
51a* Ширина глазницы (прав) от d	40					38		
52* Высота глазницы (прав)	33					31		
9* Наименьшая ширина лба измеренная:	Штангенциркулем	91	93	91	89	98	97	97
	Сантиметровой лентой	101	105	100	100	112	112	104
10* Наибольшая ширина лба измеренная:	Штангенциркулем	120	119	125	111	127	112	125
	Сантиметровой лентой	151	165	165	165	162	154	155
29* Лобная хорда	109	105	106	89	87,5	100	104	
26* Лобная дуга	120	113	122	115	125	125	120	
30* Теменная хорда	101	99		106	116	107		

1	2	3	4	5	6	7	8
27* Теменная дуга	105	111		120	125	120	
31* Затылочная хорда	98	90		85	98	93	
28* Затылочная дуга	107	102		94	115	112	
17:1* Высотно-продольный индекс	78,0	77,0	78,5	73,1	70,7	65,6	
17:8* Высотно-поперечный индекс	91,2	53,1	54,9	94,6	89,0	90,4	
40:5* Индекс выступания лица	95,0		82,1	94,0		77,0	
48:45* Верхнелицевой индекс	56,0		49,0	50,8		52,8	
9:45* Лобно-скуловой индекс	72,8		71,1	75,4			
54:55* Носовой индекс	42,6			45,6		55,1	
52:51a* Глазничный индекс (лев)	92,1			69,8		76,9	
52:51a* Глазничный индекс (прав)	82,5					81,6	
9:8* Лобно-поперечный индекс	61,5	64,1	63,6	69,0	67,1	72,0	75,0
29:26* Индекс изгиба лба	90,8	92,9	86,9	90,4	92,0	88,8	86,7
30:27* Индекс изгиба темени	96,2	89,2		88,0	93,0	89,2	
31:28* Индекс изгиба затылка	91,6	88,2		90,4	115,0	83,1	

Примечания: * – цифровая символика размеров по Мартину [Martin R., 1957].

Малые величины индекса выступания лица у всех черепов характеризуют ортогнатный тип строения лица. Мужской череп брахикрана (№ 1) характеризуется малой категорией размеров – 95,0 %, мужской череп долихокрана (№ 6) – исключительно малой категорией размеров – 77,0 %. Женские черепа брахикранов (№ 2, № 3), в свою очередь, характеризуются исключительно малой категорией размеров – 82,1 %, женские черепа мезокранов (№ 4, № 5) – малой категорией размеров – 94,0 %.

Череп с сохранившимися глазницами имеют индекс глазницы, характеризующий их как низкие (хамеконх) с малыми категориями размеров.

Череп мужчины брахикранов (№ 1) и женщины мезокранов (№ 4) характеризуются по носовому индексу как узконосые (лепторин) с малой категорией размеров – 42,6 %; 45,6 %. Череп мужчины долихокрана (№ 6) характеризуется как широконосый (хамерин или платирин) с большой категорией размеров – 55,1 %.

Таким образом, серия черепов из захоронений могильника СМК у с. Лысогоровка характеризует неоднородный состав ингумированного населения, но при очевидном преобладании особей с черепами брахикранной формы. Брахикраны мужчины и женщины характеризуются короткими, широкими и низкими черепами, в то время как мезокраны — черепами средней длины, широкими или средней ширины черепами средней длины, средней ширины и низкими, их можно выделить как мезо-долихокраны.

По лицевым параметрам краниологические характеристики указывают на узкие или средней ширины лицевые отделы черепа, малое и среднее выступание скуловых дуг, относительно наибольшей ширины лба, а также малую степень выступания вперед верхней челюсти (ортогнатный профиль лица). Глазничная область характеризует череп низкими глазницами, носовая область у брахи и мезокранов характеризует череп узким носом, у мужчины долитхокрана широким носом.

Представленный материал является первым этапом изучения антропометрических характеристик костных останков населения салтово-маяцкой культуры степного Подонцовья.

Прослеживаемая этническая поливариантность, подтверждает погребально-обрядовый биритуализм, проявляемый различиями конструкций погребальных ям, поз ингумированных людей, обрядов и инвентарных наборов, или, напротив, их отсутствием. Установлено, что на Лысогоровском могильнике из 111 достаточно сохранившихся захоронений 48 (43,3 %) с явно мусульманской обрядностью, 46 (41,4 %) по всем признакам могилы язычников-праболгар, 17 (15,3 %) захоронения с погребальными традициями смешанного содержания.

Таким образом, археологическая информация констатирует факты этноконфессиональности здешнего населения. В его состав, с традиционным болгаро-аланским этносом, на определенном этапе, возможно, со второй половины IX в., проникают этносы из отдаленных среднеазиатских территорий, вероятнее всего из Хорезма. Первые арабо-мусульмане, по мнению части исследователей, на территории Подонья, Поволжья появляются в конце VIII в. [Кравченко, 2005. С. 167], массовые же миграции азиатского населения в Восточную Европу с перспективой овладения обширных территорий, в первую очередь, касающихся Поволжья средневекового периода, могли иметь место уже в начале IX в. [Яблонский, 1980. С. 90 и сл.; Путешествие Ибн-Фадлана..., 1992]. В нашем представлении, с середины IX в. мусульмано-азиатские мигранты появляются и расселяются в степных массивах Подонцовья, оказав при этом влияние не только на хозяйственно бытовой уклад населения СМК [Красильников, 2009. С. 53–55], но и религиозно-обрядовую практику язычников праболгар [Красильников, 2006. С. 327].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М. : Наука, 1964. — 128 с.
- Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове 1959—1960 // КСИАУ. — Киев, 1962. — Вып. 12.
- Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. — К. : Наук. думка, 1967. — 223 с.
- Копыл А. Г., Татаринцов С. И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 52—71.
- Кравченко Э. Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. — Донецк : Изд-во ДГУ, 2005. — С. 153—186.
- Кравченко Э. Е., Гусев О. А., Давыденко В. В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. — Донецк, 1998. — № 7. — С. 113—140.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И. Могильник у с. Лысогоровка — новый источник по этноистории степей Подонцовья // Степи Европы в эпоху средневековья : тр. по археологии. — Донецк, 2005. — Т. 4. — С. 187—244.
- Красильников К. И. Новое к этнической теме степного варианта салтовской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. праць. — Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. — № 5. — С. 299—328.
- Красильников К. И. Элементы исламской культуры в степном Подонцовье в раннем средневековье // От античности к Возрождению : сб. материалов Дзагуровских чтений. Махачкала, 2009. — Вып. VIII. — С. 53—55.
- Плетнёва С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. — М. : Изд-во МГУ, 1972. — С. 108—118.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / отв. ред. Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1989. — 287 с.
- Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. — М. : Изд-во Мифи-сервис, 1992. — 94 с.
- Сперанский В. С. Форма и конструкция черепа. — М. : Медицина, 1980. — 280 с.
- Яблонский Л. Т. Мусульманский некрополь Водянского городища // СА. — 1980. — № 1. — С. 90—105.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung // Stuttge. — Bd. 1, 1957. — S. 579—991.

А. В. Мастыкова

**ЗЕРКАЛА ТИПА КАРПОВКА:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО ДОНА**

The article deals with mirrors with a central loop and with the decor in the form of concentric circles in relief, known in the materials of Saltovo-Mayatsk culture and belonging to a type of Karpovka (Karpovka-Anke-4). Appearing in the II – III centuries in the North Caucasus (Fig. 1), they become the most popular in the V – the middle of VI centuries in the northern Black Sea region and the Western Caucasus, outside the main area of settlement of the Alans (Fig. 2). These mirrors are typical for the barbarian peoples of the Western Ciscaucasia and the Greek cities of the Northern Black Sea, is one of the indicators of culture of the sedentary population of these territories during the Great Migration Period. In the second half of the VI – VII centuries the mirrors of type Karpovka persist in sedentary population of Crimea and Western Ciscaucasia fall to the nomads of the Lower Don, as well as to the sedentary population of the Middle Don, and only since the beginning of the VIII century appear in appreciable numbers in the Alanian area in the North Caucasus, and in the Don basin (Fig. 3). Mirrors of Karpovka type are not «typical Alanian element» in the material culture of the Saltov culture because during the Great Migration Period in the early Middle Ages, there were completely absent in the area of the Alans in the Central Caucasus. Apparently, the origins of this element of Saltovo-Mayatsk culture to be found in the North-Eastern Black Sea region and in the Western Caucasus.

Обоснованно считается, что салтово-маяцкая культура населения лесостепной зоны Восточной Европы складывалась под влиянием и при прямом участии алан. Однако, детальное исследование отдельных составляющих салтовской культуры показывает, что картина формирования материальной культуры донских алан гораздо сложнее. Проверка этого вывода по каждому отдельному элементу материальной культуры позволяет уточнить и нюансировать картину. Одним из таких элементов являются металлические зеркала с центральной петлей на оборотной стороне и с рельефным декором, которые считаются прямым наследием аланской культуры Северного Кавказа. Речь пойдет об одном типе салтовских зеркал – с рельефными концентрическими кругами, получившим в европейской археологии название Карповка-Сен-Сюльпис или Анке-4 [сводки: Werner, 1956. S. 22, 23, 117, 118. Fundliste II. D; Anke, 1998a. S. 26, 27; Anke, 1998b; Niezabitowska,

2004. С. 221 – 236*; Засецкая и др., 2007. С. 21 – 22; Засецкая, 2010. С. 149, 150], который здесь будет для краткости называться – тип Карповка. Постараемся уточнить, откуда они появились в салтовской культуре.

Эти зеркала уже изучались мною в контексте северокавказских древностей эпохи Великого переселения народов [Мастыкова, 2009. С. 83, 84]. Выяснилось, что в Восточной Европе они появляются уже в позднеримское время, не позднее III в. (рис. 1), причем самые ранние находки концентрируются в северокавказском регионе. Это «Золотое кладбище» на Кубани, западное кладбище некрополя Кобань в Северной Осетии, могильник на цитадели Нарын-Кала в Дербенте, могильник Львовский Первый-4 в Северном Дагестане (рис. 1, 1 – 4) [Гущина, Засецкая, 1994. С. 51. Табл. 17, 162; Абрамова, 1974. С. 29. Рис. IX, 1; Кудрявцев, Гаджиев, 1991. Рис. 5, 1; 9, 70; Абрамова и др., 2001. Рис. 48, 8; 82, 3]**. Один экземпляр зеркала типа Карповка известен на Сергачском могильнике*** в Среднем Поволжье (рис. 1, 5) в погребении с римской профилированной фибулой, видимо, уже тогда из северокавказского региона отдельные экземпляры этих зеркал попадают очень далеко на север [Спицын, 1901. С. 25. Табл. VI, 19, 20, 21; Смирнов, 1952. С. 135. Табл. XXXII, 7****].

Особенно хорошо известны зеркала с таким декором в эпоху Великого переселения народов (рис. 2). На Северном Кавказе зеркала типа Карповка существуют очень долго – наиболее поздние находки, из Змейского могильника в Северной Осетии (рис. 3, 10), относятся к X–XII вв. [Кузнецов, 1963б. С. 35; 1995. С. 321].

Концепция северокавказского происхождения салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. является на сегодняшний день одной из наиболее распространенных и поэтому, казалось бы, наличие в салтовском контексте зеркал Карповка не должно вызывать удивления (рис. 3). С. А. Плетнева на материалах Дмитриевского могильника среди зеркал первого вида (т. е. диаметром не более 6–7 см), выделяет экземпляры, украшенные концентрическими выпуклыми кругами в отдельный тип 1, который представлен двумя вариантами – первый, с двумя кругами, и второй, с тремя кругами [Плетнева, 1989. С. 100. Рис. 51]. Помимо Дмитриевского могильника такие зер-

* Зеркала типа Карповка (4 экз.) имеются в коллекции Археологического музея г. Вроцлав. Именно эти находки и послужили созданию наиболее полного на сегодняшний день свода зеркал типа Карповка, составленного Б. Незабитовской. Однако, на мой взгляд, исследовательница ошибочно относит этот тип зеркал к кочевническим предметам [Niezabitowska, 2004. S. 194–210; 221–236. Rys. 1].

** Здесь и далее приводится не весь список имеющихся аналогий. Полный свод находок зеркал типа Карповка готовится к печати.

*** Благодарю Илью Рафаэлевича Ахмедова за любезные консультации.

**** На иллюстрации Табл. XXXII, 7 в монографии А. П. Смирнова предметы из Сергачского могильника ошибочно отнесены к Кошибеевскому могильнику, что отразилось и в сводке Б. Незабитовской [Niezabitowska, 2004. S. 228, 229. № 17].

кала встречены и на ряде других салтовских памятников бассейна Дона, в частности в погребениях Маяцкого селища (рис. 4, 7) [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 7, 14; 20, 5; 38, 17; 39, 5], а также на Правобережном Цимлянском городище, в Саркеле-Белой Веже, на Верхне-Салтовском могильнике [Плетнева, 1995. Рис. 52, 15; Артамонова, Плетнева, 1998. Рис. 25, 2487; Мерперт, 1951. С. 30. Рис. 2, 89] (рис. 3, 1–5). Отдельные экземпляры зеркал типа Карповка этого времени имеются и в Северо-Западном и Центральном Предкавказье (рис. 3, 6–9) – например, на Церковной горе Нижне-Архызского городища, в скальном некрополе Эшкакон, на могильнике 2 на реке Кривой в Ставропольском крае [Кузнецов, 1963а. С. 91. Рис. 27, 2; Рунич, 1975. Рис. 4, 16; Кузнецов, 1959. С. 85, 86. Рис. 39, 8, 14], в погребении 101 могильника Мокрая Балка в Кисловодской котловине (рис. 3, 9; 5, 4) [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 112, 4] (рис. 5,4). Но в целом в Центральном Предкавказье откуда обычно выводят салтовскую культуру, таких зеркал мало (рис. 3). Изолированная находка зеркала типа Карповка отмечена на Больше-Тарханском могильнике, в Поволжье (рис. 3, 11), отнесенного исследователями этого памятника ко второй половине VIII – первой половине IX в., С. А. Плетнева датирует его от середины IX по середину X в. [Генинг, Халиков, 1964. С. 65. Табл. XIV, 16; Плетнева, 1981. С. 80. Рис. 52, 55] *.

Как уже говорилось, самые ранние зеркала типа Карповка зафиксированы на Северном Кавказе. Они здесь хорошо представлены и в эпоху Великого переселения народов, в V–VI вв. Следует подчеркнуть, что в это время они встречаются только в западной половине северокавказского региона – на Черноморском побережье (могильники Дюрсо, Бжид, Сопино: рис. 2, 1–3; 6, 13, 28), на Кубани (могильники Пашковский № 1, Мешоко, Ново-Вочепший, Тауйхабль, некрополь Старокорсунского городища 2** : рис. 2, 5–9), и лишь одно зеркало происходит из бассейна Терека (могильник Нижний Джулат: рис. 2, 10) [Мастыкова, 2009. С. 83, 84. Рис. 88–90]. Для второй трети VI – второй трети VII в., так называемого горизонта геральдических гарнитур, зеркала этого типа известны в материалах Борисовского некрополя, могильника Карповка (или Агойский), могильника Бжид [Саханев, 1914. С. 80, 92, 133. Табл. II, 5; Миллер, 1909. С. 87, 88. Рис. 22, 8; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 192. Табл. 78, 106], а также некрополя Дюрсо [Дмитриев, 2003. Табл. 83, 94, 95] (рис. 2, 1, 2, 4, 12). Все эти памятники принадлежат оседлому населению Северного Кавказа. В этом регионе только одно зеркало типа Карповка было найдено в разрушенном

* Возможно, зеркало такого типа найдено на могильнике близ г. Стерлитамак на Урале [Ахмеров, 1955. С. 156. Табл. II, 2], во всяком случае Б. Незабитовская в своей сводке зеркал типа Карповка данную находку учла [Niezabitowska, 2004. S. 234. № 32]. Однако, фотография зеркала из этого могильника в указанной публикации, насколько мне известно единственной на сегодняшний день, очень плохого качества, поэтому определить к какому типу оно относится затруднительно.

** Не учтено в монографии 2009 г. [см.: Лимберис, Марченко, 2009. С. 130. Рис. 1, 3].

кочевническом погребении у с. Михаэльсфельд (ныне с. Джигинское Краснодарского края: рис. 2, 11) [Засецкая, 2010. С. 132. Ил. 7, 4]. Подробное картографирование зеркал типа Карповка показало, что они совсем не характерны для аланской культуры Центрального Предкавказья досалтовского времени V – VII вв. (рис. 2).

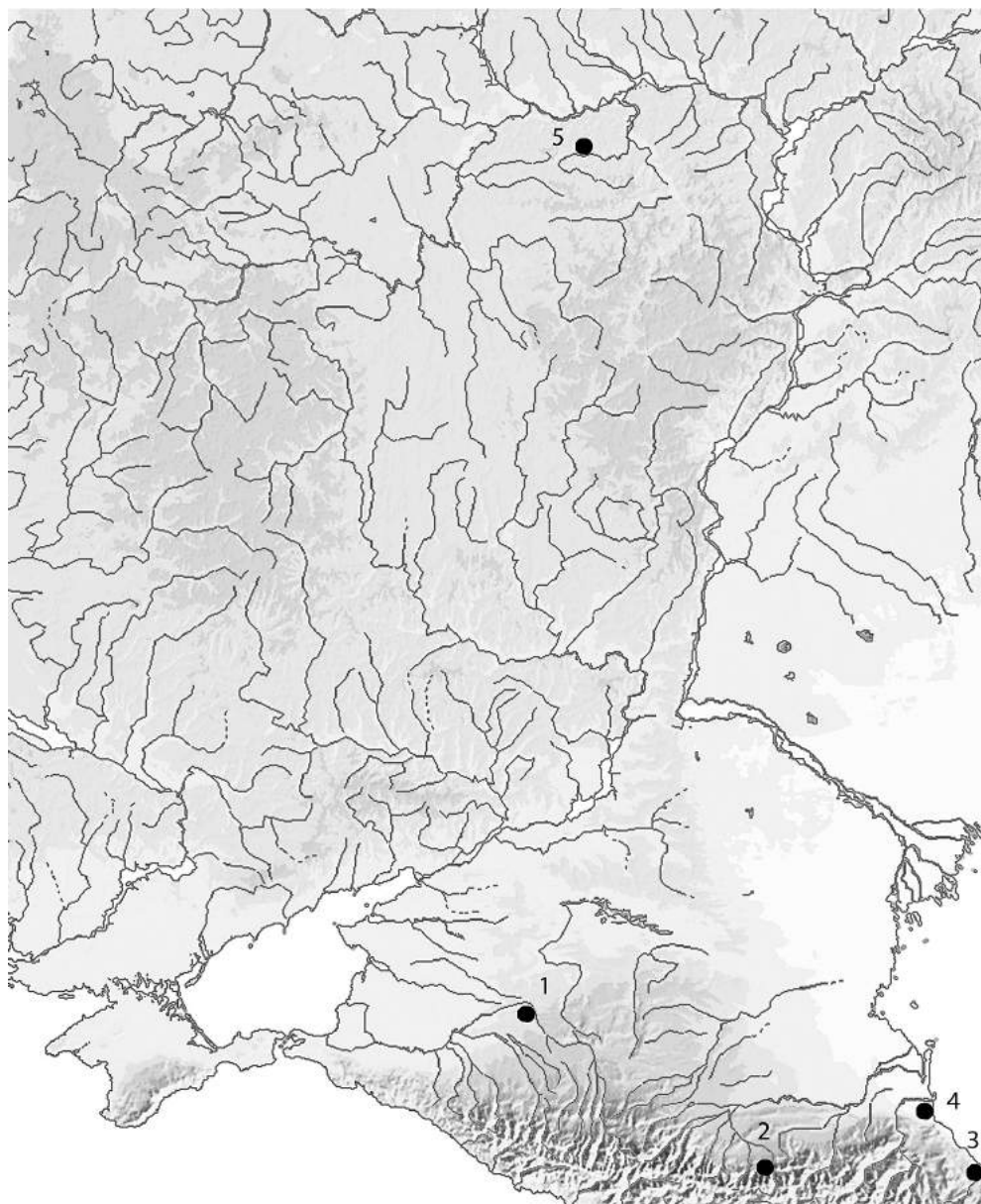

Рис. 1. Карта распространения зеркал типа Карповка в позднеиримское время:
1: «Золотое кладбище»; 2: Кобань; 3: Нарын-Кала/Дербент; 4: Львовский Первый-4; 5: Сергач

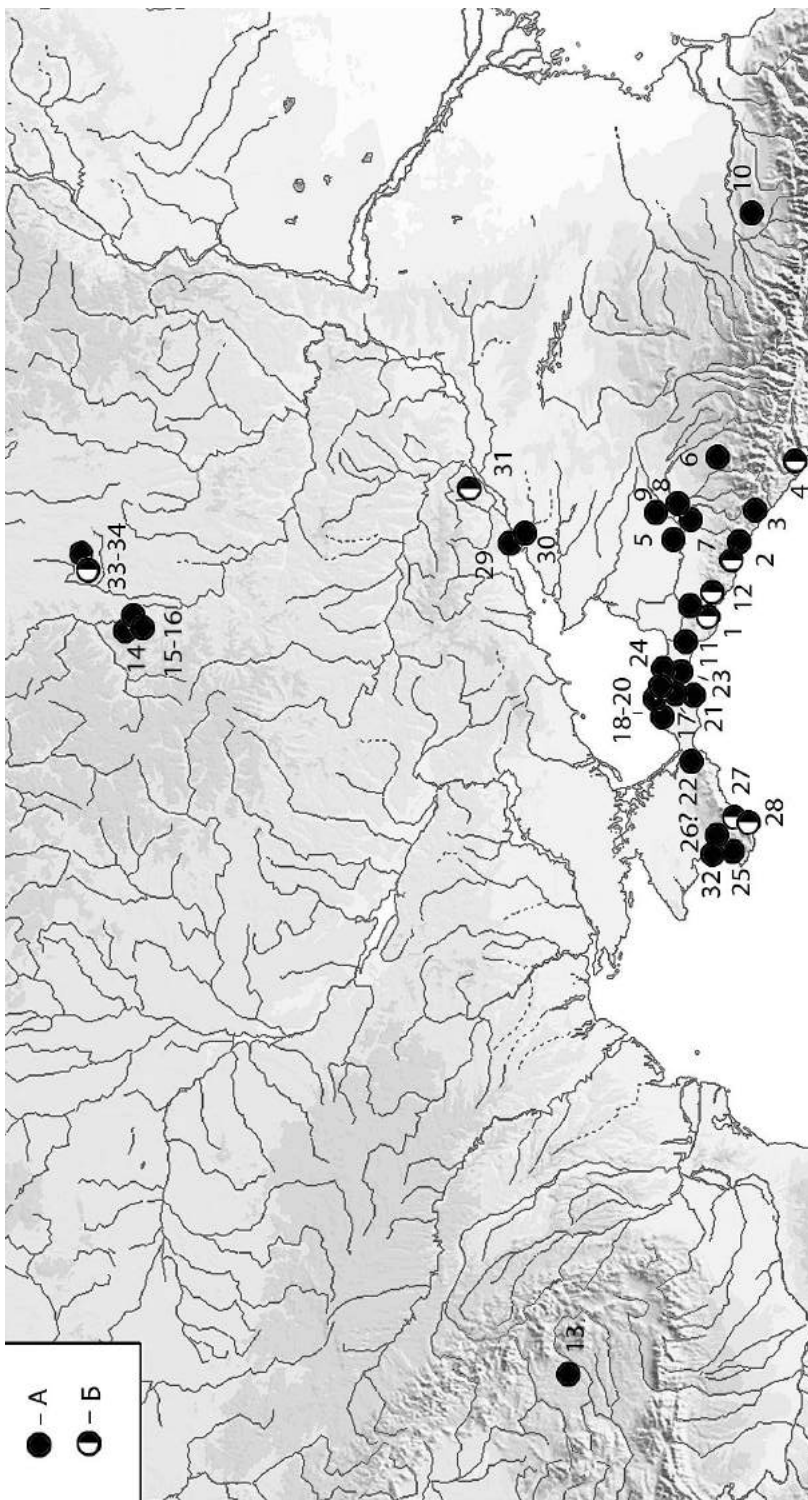

Рис. 2. Карта распространения зеркал типа Карповка в конце IV – VII вв.:

А – находки гуннского и постгуннского времени; Б – горизонт геральдических гарнитур

- 1: Дюрос; 2: Бжид; 3: Сопино; 4: Карповка (Агойский); 5: Пашковский № 1; 6: Мешоко; 7: Ново-Вочепший; 8: Таухабль; 9: Старокорсунское городище; 10: Нижний Джулаг; 11: Михаэльсфельд; 12: Борисово; 13: Мезебанд (Mezöband); 14: Мухино-2; 15: Ксизово-8; 16: Ксизово-19; 17: Боспор/Керчь; 18: Заморское; 19: Старожилково I; 20: Сиреневая Бухта; 21: Джурга-Оба; 22: Новогорька; 23: Фанагория; 24: Ильичевское городище; 25: Совхоз-10; 26: Скалистое; 27: Лучистое; 28: Суук-Су; 29: Танаис; 30: Терны; 31: Пухляковский; 32: Карши-Баир; 33: Ставо-4; 34: Ставо-5

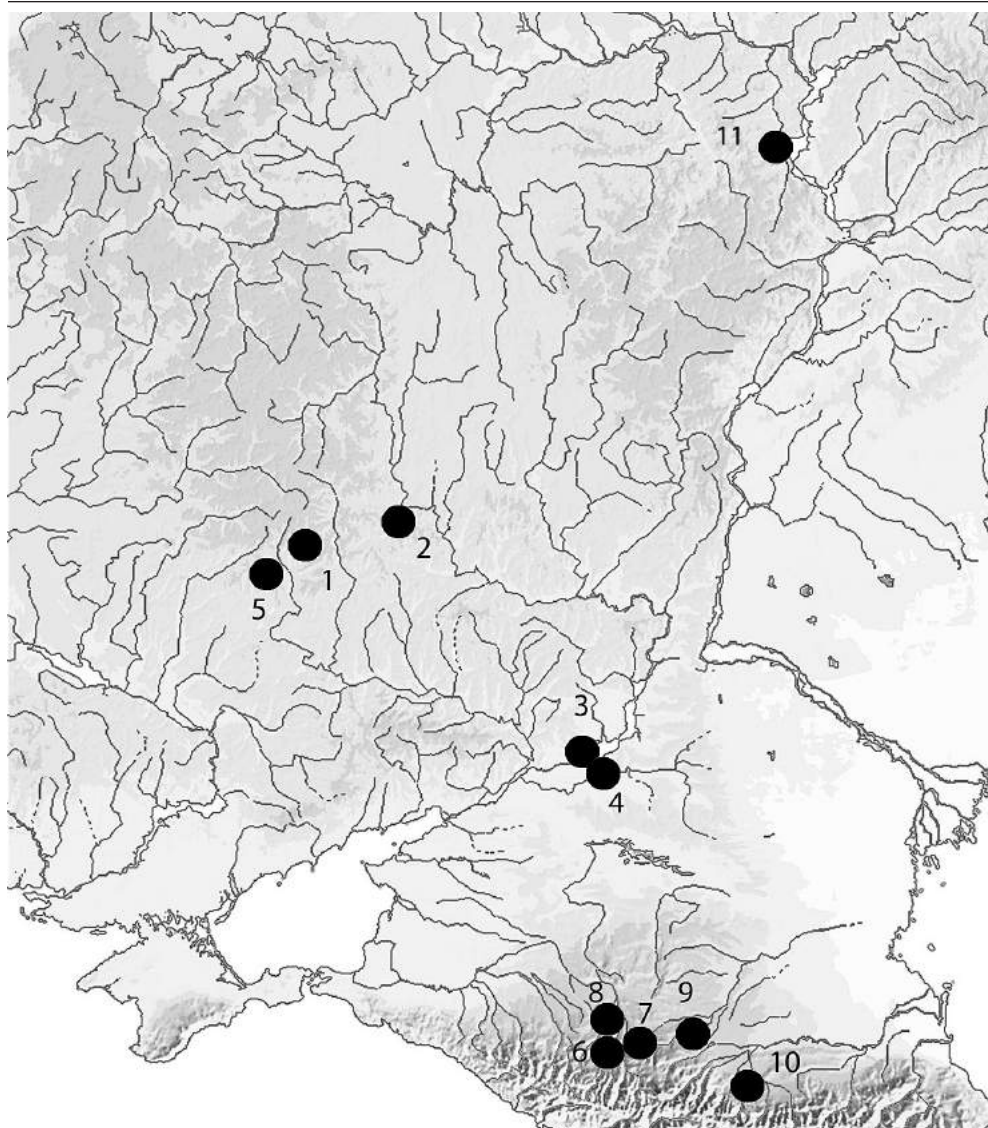

Рис. 3. Карта распространения зеркал типа Карповка в VIII–X вв.:

1: Дмитриевский могильник; 2: Маяцкое селище; 3: Цимлянское городище; 4: Саркел-Белая Вежа; 5: Верхне-Салтовский могильник; 6: Нижнее-Архызское городище; 7: Эшкакон; 8: могильник 2 на реке Кривой; 9: Мокрая Балка; 10: Змейский могильник; 11: Больше-Тарханский могильник.

В эпоху Великого переселения народов зеркала типа Карповка широко распространяются за пределами северокавказского региона (рис. 2, 17–34). Они хорошо представлены на Боспоре Киммерийском, как в его «европейской» части, так и в «азиатской». На «европейском» Боспоре, т. е. в Восточном Крыму такие находки известны в Боспорском некрополе в Керчи (рис. 7, 4, 5), в могильниках у с. Заморское, Старожилово I, Сиреневая Бух-

та, Джурга-Оба (рис. 2, 17–21). Все эти памятники принадлежат оседлому эллинизированному населению. В Восточном Крыму такое зеркало найдено также в кочевническом погребении постгуннского времени у с. Новопокровка (рис. 2, 22). В «азиатской» части Боспора, т. е. на Тамани, зеркала типа Карповка найдены в Фанагории и на Ильичевском городище – также на памятниках эллинизированного населения Боспора Киммерийского (рис. 2, 23, 24). В Юго-Западном Крыму эти зеркала тоже связаны с оседлым населением. Они встречены на могильниках Совхоз-10 и Карши-Баир под Севастополем [Ушаков, Филиппенко, 2006. Рис. 5, 1], могильнике Скалистое* в горном Крыму, а для несколько более позднего времени, горизонта геральдических гарнитур (см. выше), в некрополях Лучистое и Суук-Су, на южном берегу Крыма (рис. 2, 25–28, 32) [Мастыкова, 2015].

Реже зеркала типа Карповка встречаются на памятниках бассейна Дона. На Нижнем Дону, в Танаисе, погребение 87 содержало зеркало с подобным декором, такое же зеркало обнаружено и в погребении урочища Терны в дельте Дона (рис. 2, 29, 30). Оба погребения можно отнести к V в., не исключая начала VI в. [Мастыкова, 2015]. Также на Нижнем Дону зеркало этого же типа встречено в кочевническом погребении у хут. Пухляковский, с элементами ременной геральдической гарнитуры [Безуглов, Парусимов, 2013. С. 259. Рис. 2, 18] (рис. 2, 31). В бассейне Верхнего Дона зеркало типа Карповка обнаружено в «княжеском» женском погребении гуннского времени на поселении Мухино 2 [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 203. Рис. 3, 1]. Подобные зеркала иногда встречаются и на других памятниках Подонья эпохи переселения народов, например, в Ксизово-8 и Ксизово-19 [Бирюков и др., 2015. С. 10. Рис. 5, 16; Обломский, Козмирчук, 2015. С. 161, 162. Рис. 243, 6] (рис. 2, 14–16). Известно, что оседлое население Верхнего Дона гуннского времени включало значительное число выходцев с юга, возможно из понтийского региона. Об этом свидетельствуют как данные биоархеологии [Добровольская и др., 2015], так и многие элементы материальной культуры [Обломский, 2011; Мастыкова, Земцов, 2014]. В верхнедонском бассейне фрагменты зеркал типа Карповка обнаружены на поселениях Стаево-4 и Стаево-5, открытых в ходе разведок 2015 г. (рис. 2, 33, 34)**.

Наконец, в отдельных случаях зеркала типа Карповка в эпоху Великого переселения народов попадают далеко на запад, к гепидам Среднего Дуная (рис. 2, 13) и даже к бургундам Восточной Галлии [Мастыкова, 2009. С. 84].

* В некрополе Скалистое зеркало типа Карповка найдено в погребении 449, где было захоронено несколько человек [Веймарн, Айбабин, 1993. С. 111, 112. Рис. 59, 13]. В этом склепе были обнаружены как предметы, относящиеся к постгуннскому времени, так и элементы геральдической ременной гарнитуры. Поскольку кости скелетов и вещи были сдвинуты в угол склепа, то определить к какому конкретно захоронению принадлежит зеркало, не представляется возможным.

** Благодарю Андрея Михайловича Обломского за любезно предоставленную информацию.

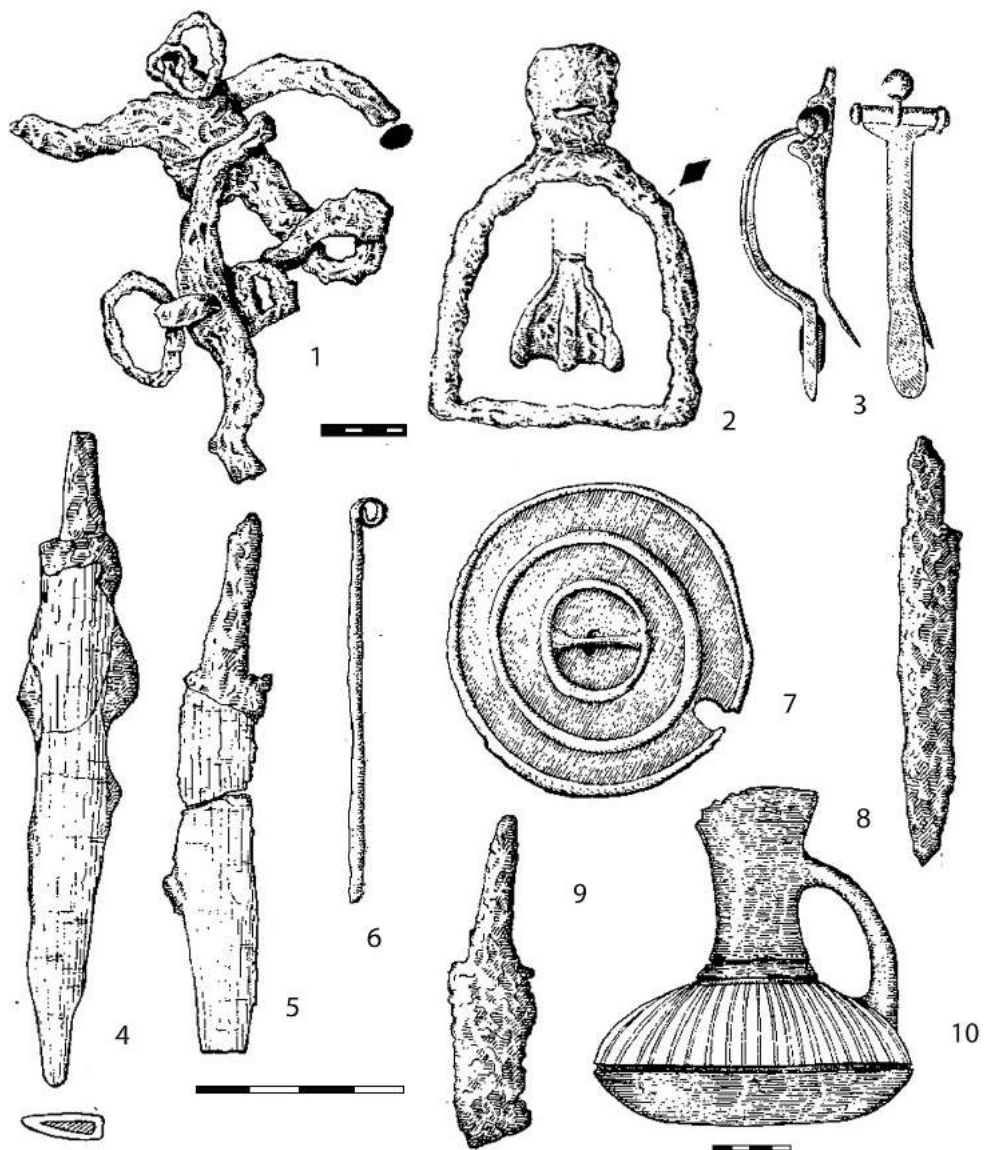

Рис. 4. Маяцкое селище, погребение в яме 18. [Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 20]

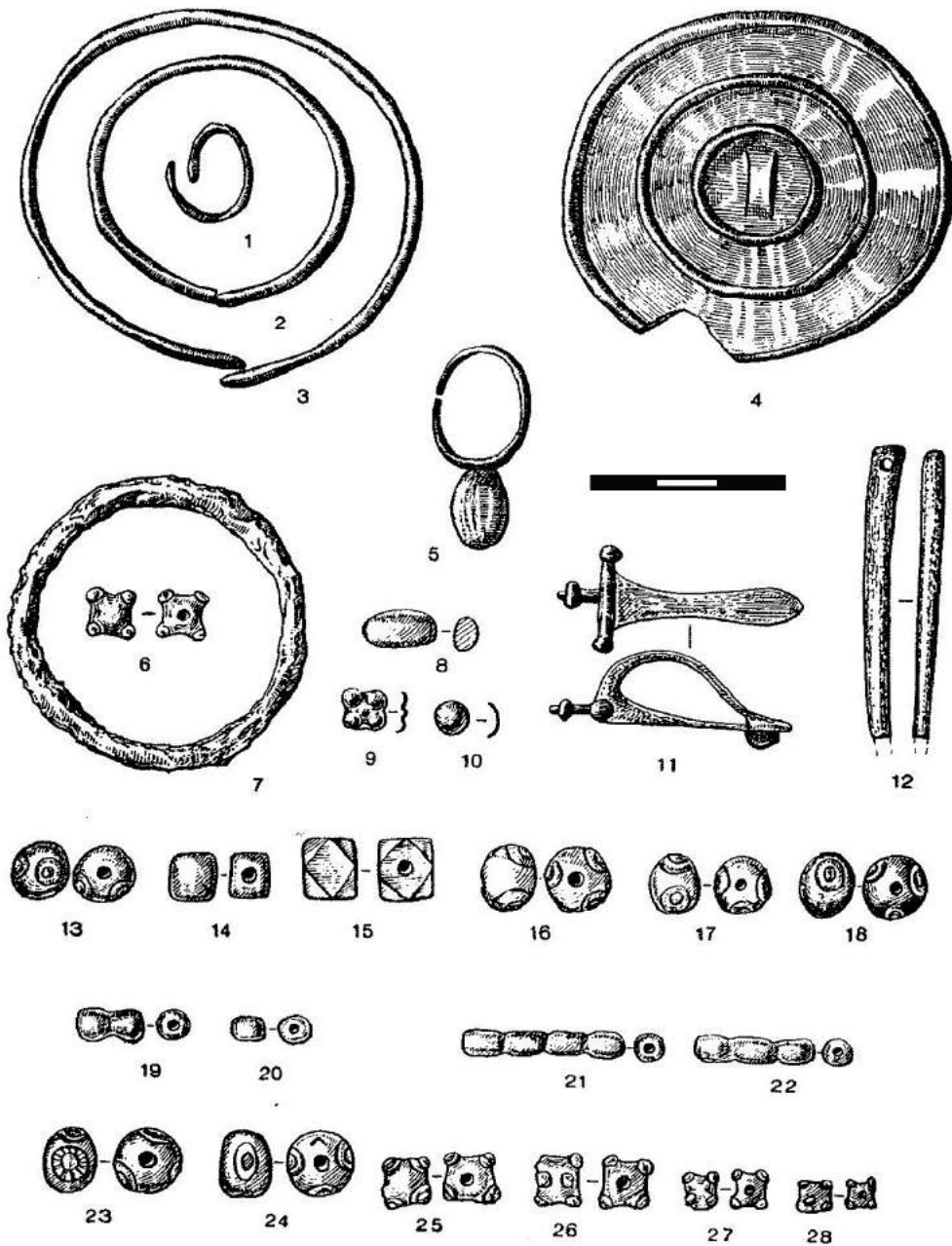

Рис. 5. Могильник Мокрая Балка, погребение 101. [Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 112]

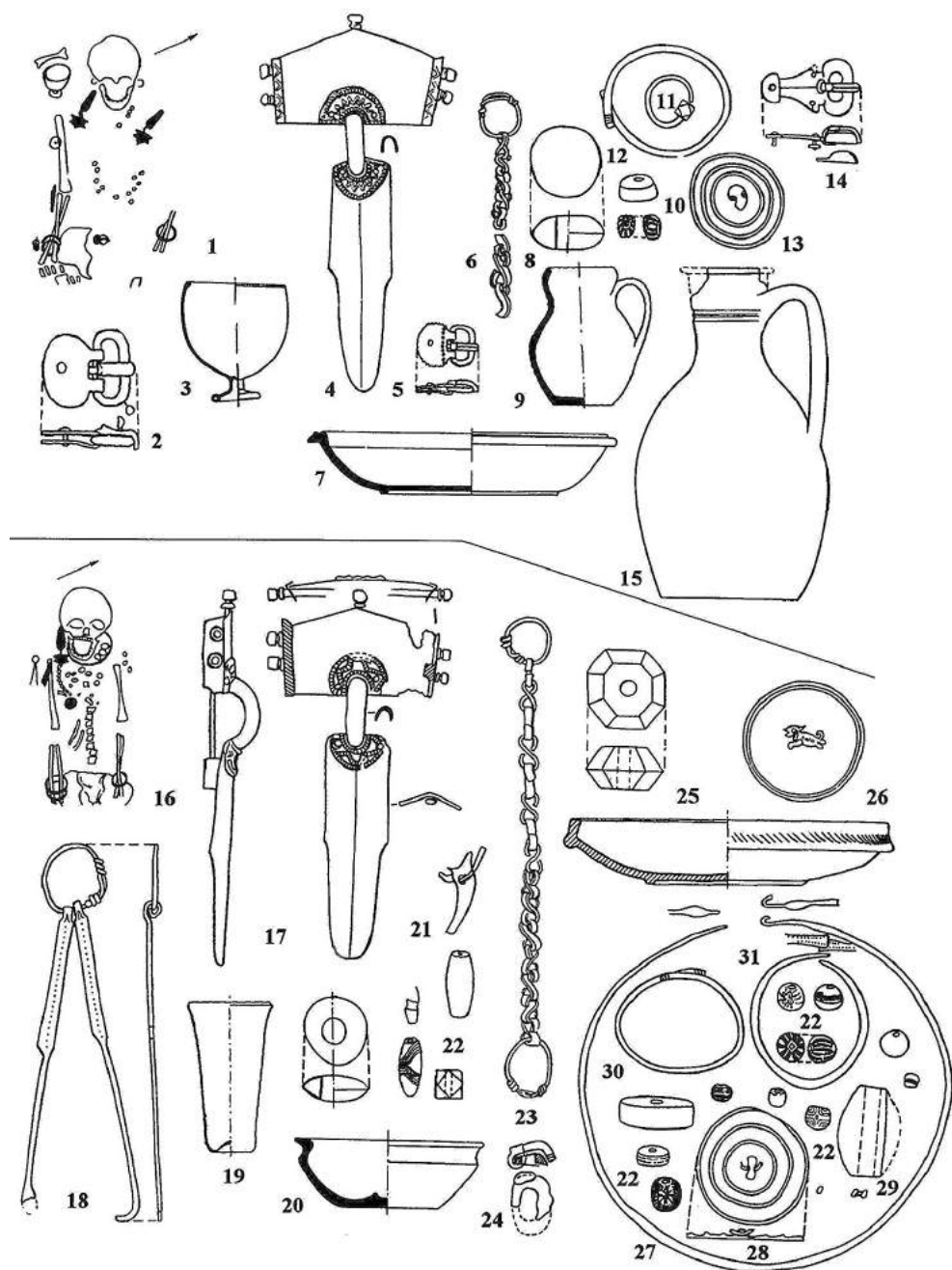

Рис. 6. Могильник Дюрсо, погребения 410 (1–15) и 516 (16–31).
 [Дмитриев, 1982. Рис. 8, 1–14; 9, 32–59; 9, 10, 1–5]

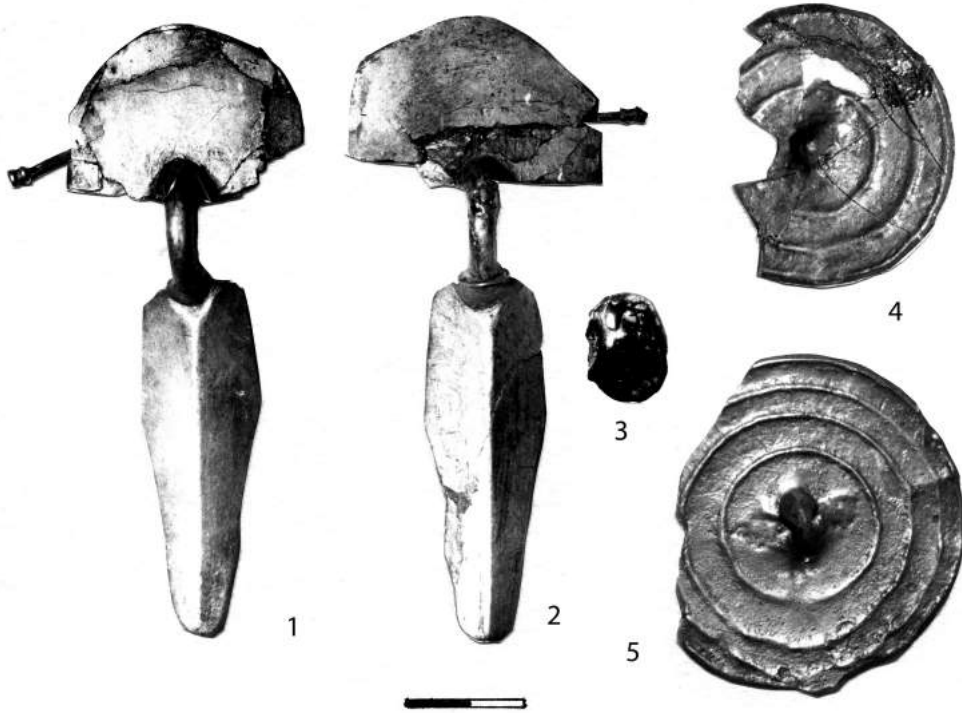

Рис. 7. Боспорский могильник/Керчь, погребение 4 склепа
78.1907 г. [Засецкая, 1998. Табл. XIV, 7–11]

Итак, можно наметить в общих чертах историю распространения зеркал типа Карповка. Появившись во II–III вв. на Северном Кавказе (рис. 1), зеркала с центральной петлей и с декором в виде концентрических рельефных кругов становятся наиболее популярными в V–середине VI в. и бытуют, прежде всего, в Северном Причерноморье и в Западном Предкавказье (рис. 2), т. е. вне основной зоны расселения алан. Эти зеркала, типичные для протоадыгских народов Западного Предкавказья, а также для населения греческих городов Северного Причерноморья (Боспор, Танаис, Фанагория, Китей) являются одним из индикаторов культуры оседлого населения Северного Причерноморья и Западного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов. Отсюда в этот период времени они распространяются на Верхнем Дону, в Юго-Западном Крыму, Центральном Предкавказье, Центральной и Западной Европе. Во второй половине VI–VII вв. зеркала типа Карповка сохраняются у оседлого населения Крыма (могильники Лучистое, Суук-Су) и Западного Предкавказья (могильники Карповка, Борисово, Дюрсо, Бжид), попадают к кочевникам Нижнего Дона (Пухляковский), а также к оседлому населению Верхнедонского региона (Стаево) и только с начала VIII в. появляются в заметном количестве у алан как на Северном Кавказе, так и в бассейне Дона (рис. 3).

Таким образом, зеркала с центральной петлей с декором в виде концентрических рельефных кругов не могут являться «типичным аланским элементом» в материальной культуре алан-салтовцев, поскольку в эпоху Великого переселения народов и в начале средневековья они полностью отсутствовали в зоне расселения алан в Центральном Предкавказье. Видимо, истоки этого элемента салтово-маяцкой культуры надо искать в Северо-Восточном Причерноморье и в Западном Предкавказье.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М. : ГИМ, 1974. — С. 3—31.
- Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г. Курганы Нижнего Сулака : могильник Львовский Первый-4 (Труды Дагестанской экспедиции). — Том II. Материалы и исследования по археологии России; Вып. 4. — М. : ИА РАН, 2001. — 151 с.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. — М. : Научный мир, 2001. — 252 с.
- Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. — Вып. VI. — 1998. — С. 539—624.
- Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака // СА. — № XXII. — 1955. — С. 153—176.
- Безуглов С. И., Парусимов И. Н. Раннесредневековое погребение из хут. Пухляковский на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай : Аксайский военно-исторический музей, 2013. — С. 259—261.
- Бирюков И. Е., Гончаров В. О., Обломский А. М. Комплекс памятников середины I тыс. н. э. у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. Общее описание // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V в.) / под ред. А. М. Обломского // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 16. — М. : ИА РАН, 2015. — С. 9—14.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник / отв. ред. О. М. Приходнюк. — Киев : Наукова думка, 1993. — 203 с.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / под ред. С. А. Плетневой. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. — 192 с.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности V—VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья : IV—XIII вв. / под ред. Т. И. Макаровой, С. А. Плетневой. — М. : Наука, 2003. — С. 191—193. (Археология).
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Борше-Тарханский могильник). — М. : Наука, 1964. — 201 с.
- Гуцина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / под ред. О. А. Щеглова. — СПб. : «Фарн», 1994. — 172 с.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья : IV—XIII вв. / под ред. Т. И. Макаровой, С. А. Плетневой. — М. : Наука, 2003. — С. 200—206. (Археология).
- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону : биоархеологическая реконструкция // РА. — № 1. — 2015. С. 44—58.
- Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков / под ред. А. К. Амбороза, И. Ф. Эрдели. — М. : Наука, 1982. — С. 69—106.

- Засецкая И. П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя ранне-средневекового периода // МАИЭТ. — Вып. VI. — 1998. — С. 394–478.
- Засецкая И. П.* Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья : (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Вып. 38. — 2010 — С. 123–159.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.* Морской Чулек : Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в пост-гуннскую эпоху. — СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. — 212 с.
- Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / сост. О. М. Давудов. — Махачкала : Дагестанский научный центр АН СССР Институт истории, языка и литературы, 1991. — С. 87–115.
- Кузнецов В. А.* Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском краю // КСИИМК. — Вып. 76. — 1959. — С. 83–89.
- Кузнецов В. А.* Археологические исследования в Верховьях Кубани (1960–1961 гг.) // КСИИМК. — Вып. 96. — 1963а — С. 86–93.
- Кузнецов В. А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг.). Т. II / под ред. Е. И. Крупнова. — М. : Изд-во АН СССР, 1963б. — С. 8–47. (МИА; № 114).
- Кузнецов В. А.* Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы : история и культура / под ред. В. Х. Тменова. — Владикавказ : СОИГИ, 1995. — С. 315–362. (Alania; III).
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2 // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / под ред. А. Г. Фурасьева. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 127–142. (Серия Nomadica).
- Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. — М. : ИА РАН, 2009. — 502 с.
- Мастыкова А. В.* Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону // КСИИМК. — Вып. 241. — 2015. — в печати.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.* «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИИМК. — Вып. 234. — 2014. — С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.
- Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. — Вып. XXXVI. — 1951. — С. 14–30.
- Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. — Вып. 33. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. — С. 71–102.
- Обломский А. М.* Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка : Сборник посвящен памяти М. Б. Шукина / отв. ред. О. В. Шаров. — СПб. ; Кишинев : Ун-т Высшая антропологическая школа. Изд-во «Stratum plus», 2011. — С. 443–462. (Библиотека Stratum plus).
- Обломский А. М., Козмирчук И. А.* Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / под ред. А. М. Обломского. // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 16. — М. : ИА РАН, 2015. — С. 134–164.
- Плетнева С. А.* Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С. А. Плетнева. — М. : Наука, 1981. — С. 77–80. (Археология).
- Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье : Дмитриевский археологический комплекс. — М. : Наука, 1989. — 288 с.
- Плетнева С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. — Вып. IV. — 1995. — С. 271–396.

- Рунич А. П.* Скельні могилиники у верхів'ях р. Ешкакон на Північному Кавказі // Археологія. — 16. — 1975. — С. 65–76.
- Саханев В. В.* Раскопки на северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия Императорской Археологической Комиссии. — Вып. 56. — Петроград : Типография Главного управления уделов, 1914. — С. 75–219.
- Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / отв. ред. А. В. Арциховский // МИА. — № 28. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — 136 с.
- Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР; Вып. 25. — Санкт-Петербург : Императорская Археологическая комиссия, 1901. — 119 с.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А.* Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // Херсонесский сборник. — Вып. XV. — Севастополь, 2006. — С. 217–227.
- Anke B.* Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. — Weissbach : Beier&Beran; Archäologischen Fachliteratur, 1998a. — Teil 1. — 224 s.
- Anke B.* Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. — Weissbach : Beier&Beran. Archäologischen Fachliteratur, 1998b. — Teil 2. — 156 s.
- Niezabitowska B.* Lustra z kolekcji wrocławskiej // Sarmaci i Germanie / red. A. Kokowski. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. — S. 193–263. (Studia Sarmatica; T. I).
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. — München : Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. — 138 s.

Н. М. Савицкий

**ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО ВАРИАНТА
САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(К ПРОБЛЕМЕ КОНТАКТОВ И ВЗАИМОВЛИЯНИЙ)**

The article views different researchers' approaches towards the typology of the Slavs influence on inhabitants in the forest-steppe variants of the Saltovo-Mayatsk culture. Due to different criteria author compares dwellings of Saltovo-Mayatsk complex with the site of ancient settlement Titchiha, pursuant to the above makes a point on this issue.

Исследователи неоднократно обращались к проблеме влияния традиции домостроительства славян на традиции домостроительства населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. В русской этнографии конца XIX в. разрабатывался вопрос об эволюции жилищ кочевников при переходе их к оседлости и о влиянии оседло-земледельческого населения на возникновение новых типов жилищ у кочевников.

Так, известный русский этнограф Н. Н. Харузин писал: «При переходе к оседлости эти народности (тюркские и монгольские. — Н. С.) подчинялись влиянию своих более культурных соседей; вследствие этого история жилищ оседлых тюрков или монголов не может считаться вполне самостоятельной; она является скорее одной из глав истории жилища тех народностей, влиянию которых подчинились тюрки или монголы при переходе к полной оседлости» [Харузин, 1896. С. 2]. Подходы Н. Н. Харузина впоследствии использовала С. А. Плетнева при разработке типологии жилищ салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967].

Одним из первых мысль о появлении полуземляночных жилищ у населения салтово-маяцкой культуры под влиянием славян высказал И. И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1958]. Обобщая имеющиеся на тот момент данные, исследователь высказал мысль о сходстве полуземлянок салтово-маяцкой культуры с полуземлянками славян. Однако, автор обратил внимание на различие отопительных устройств. В салтовских полуземлянках — это открытые очаги, а в славянских — глинобитные или каменные печи [Ляпушкин, 1958].

Появление новых материалов позволило С. А. Плетневой обратиться к вопросу о связях алано-болгарского и славянского населения Подонья. Автор видела влияние славян в появлении мысовых городищ в бассейне

Северского Донца. При этом она обратила внимание на тот факт, что славянские памятники в бассейне Северского Донца находятся в непосредственной близости от салтово-маяцких поселений. С. А. Плетнева высказала предположение о том, что «...селившиеся рядом со славянами салтовцы неизбежно должны были перенять у соседей некоторые строительные приемы, что они и сделали, помещая свои крепости-убежища на небольших высоких мысах, укрепленных искусственно вертикальной подчисткой верхней части склонов» [Плетнева, 1962. С. 86].

Наиболее ощутимо, по мнению С. А. Плетневой, влияние славян проявилось в домостроительстве салтовцев. Дело в том, что преобладающим типом жилищ в Подонье и на Северском Донце являются полуземлянки. Появление этого типа жилищ у населения салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева объясняет не только климатическими условиями, но и близким соседством населения салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца и Среднего Дона со славянами. Особое внимание исследовательница уделила факту обнаружения на Дмитриевском селище двух жилищ с печами. Появление этого типа отопительного устройства исследовательница также связывает со славянским влиянием. При этом речь шла о непосредственном проникновении славян на территорию алано-болгарских племен.

К началу 1960-х гг. славянские материалы были известны в Нижнем Подонье и на Таманском полуострове. Славянские жилища и керамика выявлены в слое Саркела [Плетнева, 2000], а также в Тамани. Стоит отметить, что славяно-алано-болгарские связи автор рассматривала и на керамическом материале.

Таким образом, С. А. Плетнева наметила основные линии взаимодействия славянской и салтово-маяцкой культур. С. А. Плетнева считала, что в домостроительстве населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры ощутимо влияние славянских домостроительных традиций [Плетнева, 1962].

Немаловажным для рассматриваемого вопроса является активное изучение славянских памятников в 1950–60-е гг. в бассейне Верхнего и Среднего Дона, проводившееся А. Н. Москаленко. Ею было исследовано городище Титчиха, расположенное несколько севернее Маяцкого комплекса. На памятнике было исследовано 46 полуземлянок [Москаленко, 1965]. В бассейне Северского Донца столь представительной серии славянских жилищ не исследовано до сих пор. А. Н. Москаленко на материалах раскопок городища Титчиха поставила вопрос о славяно-аланских связях [Москаленко, 1965. С. 160–162].

Важным этапом в изучении домостроительства салтово-маяцкой культуры явилась работа Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком комплексе. Напомним, что в результате этих работ было изучено более 30 полуземляночных построек [Винников, 1984; Винников, Плетнева, 1998].

Изучение других памятников салтово-маяцкой культуры пополнило источниковую базу, что позволило исследователям вновь вернуться к вопросу возможного влияния славян на салтовское домостроительство.

При этом авторы высказали противоположные точки зрения. Так, Г. Е. Афанасьев, исследовавший полуземляночные жилища на Маяцком и Ютановском комплексах, отрицал влияние традиций славянского домостроительства на домостроительство салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1987].

Специально вопрос о славяно-алано-болгарских связях был рассмотрен А. З. Винниковым. Исследователь изучал как памятники салтово-маяцкой культуры (Маяцкое селище), так и памятники донских славян. Большое количество жилищ, изученных к 1990-м гг. на памятниках донских славян (городище Титчиха, Кузнецовское городище, Животинное городище), а также большое количество жилищ, исследованных на Маяцком селище, раскопанных в результате работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, составили надежную базу для сопоставления жилищ. Отметим, что проблема взаимосвязи этих двух массивов населения, рассматривалась А. З. Винниковым на основе ряда категорий находок. Во-первых, это украшения и керамика, которые были найдены на славянских городищах, что свидетельствует о наличии торговых отношений. На памятниках донских славян были обнаружены новые формы керамических изделий. Это сосуды с почти шаровидным туловом, горшки яйцевидной формы, кувшины. Распространение салтовской керамики на славянских городищах автор связывает с появлением здесь населения салтово-маяцкой культуры. Во-вторых, появление у салтовского населения полуземляночных жилищ и глинобитных печей, расположенных в углу, А. З. Винников, как и С. А. Плетнева, связывает со славянским влиянием. Исследователь не соглашается с мнением Г. Е. Афанасьева, который ставит под сомнение возможность такого взаимодействия в виду того, что сооружение полуземлянок было характерно для алан Северного Кавказа и не являлось следствием славянского присутствия. Позиция А. З. Винникова по этому вопросу следующая: часть аланского населения, пришедшая с юга, в очень короткие сроки освоила новую технику домостроительства. При этом автор ссылается на В. Б. Ковалевскую, которая отмечала для алан характерность легких построек на равнинах и каменных наземных построек в предгорных и горных районах. А. З. Винников обращает внимание на то, что в салтовских постройках сочетаются черты славянских и кочевнических жилищ. В пример автор ставит жилые постройки Маяцкого селища. Черты сходства со славянскими жилищами выражаются, по его мнению, в деревянной облицовке стен; черноземно-меловой забутовке между стеной котлована и деревянной облицовкой; наличие в некоторых постройках печей-каменок, расположенных в углу вместо открытых очагов по центру жилища; наличие лавок-лежанок или верстаков для работы ремесленника [Винников, 1995. С. 136 – 138].

Обращаясь к материалам исследований славянских памятников, в частности I Белогорского городища, А. З. Винников обращает внимание на наличие в некоторых постройках очагов, обложенных камнями; входа с коридором; хозяйственных ям. Эти факты, по мнению автора, позволяют связывать эти жилища с салтово-маяцким населением, жившим на славянском поселении. О присутствии этого населения свидетельствуют и некоторые погребальные комплексы.

В целом, А. З. Винников оценивает отношения двух массивов населения как дружественные, выразившиеся в торговой сфере, взаимном обогащении различными производственными навыками и, наконец, в совместном проживании на одних поселениях, что свидетельствует о передвижении части алано-болгар в безопасные северные районы и, скорее всего, об их дальнейшей ассимиляции в среде славянского населения. Эти выводы были еще раз обоснованы в одной из последних работ исследователя по рассматриваемому вопросу [Винников, 2010. С. 189–216].

Помимо лесостепного Подонья, зоной контактов аланского и славянского населения является бассейн Северского Донца, где славянские и аланские памятники находятся в непосредственной близости друг от друга.

Проблема славяно-хазарских отношений на археологическом материале неоднократно рассматривалась харьковским исследователем В. В. Колодой. Обращаясь к жилым постройкам Верхнего Салтова, автор отмечает этнические черты славянского населения в домостроительстве салтовцев. Во-первых, это наличие углубленных сооружений квадратно-прямоугольной формы. Во-вторых, каркасно-столбовые и срубные конструкции, получившие широкое распространение у славянского населения. В-третьих, В. В. Колода обращает внимание на глиняные сводчатые печи, низ которых врезан в материке или материковом останце. Помимо печей, к элементам славянского влияния исследователь относит открытые очаги, которые создавались на глиняных останцах или искусственно изготовленных глиняных вымостках и обнаруженных в четырех помещениях. В появлении нового вида очагов автор видит шаг к «славянизации интерьера» салтовского жилища. К четвертому признаку В. В. Колода относит двускатную крышу с опорой на слегу. Таких жилищ в Верхнем Салтове обнаружено семь. Помимо этого, автор выделяет пять жилых помещений, в которых сочетаются сразу несколько славянских черт домостроительства. Например, в одном из помещений прослеживается двускатная крыша, врезанная в угол сводчатая печь, сооруженная на материковом останце и яма-ниша. Автор отмечает, что такие ямы характерны для славянских археологических культур Днепровского Лесостепного левобережья.

Черты славянского влияния В. В. Колода выделяет и на городище Мохнач. В одном из жилищ была обнаружена печь-каменка и открытый очаг, во втором прослежены остатки глинобитной печи и открытого очага, обложенного камнем. В третьем – располагалось отопительное устройство,

аналогичное печи в первой постройке. Глиняную печь и печь-каменку автор связывает со славянской традицией, а открытый очаг, обложенный камнем, относит к северокавказским и степным этническим компонентам салтово-маяцкой культуры.

На основании вышеизложенного материала, а также данных, полученных в результате исследования керамического комплекса и южной поперечной оборонительной линии Мохначанского городища, В. В. Колода считает, что материалы, полученные на этих двух памятниках (Верхний Салтов и Мохнач), свидетельствуют не только о тесном взаимодействии культур Хазарского каганата и славян, но и о существовании в раннегосударственный период Киевской Руси синкретичного по своей сути населения в районе среднего течения Северского Донца. Эта культура включает в себя черты, свойственные как восточным славянам (северянам), так и населению Хазарии (аланам) [Колода, 2001, 2002]. Кроме названных памятников, в последние годы В. В. Колодой, в русле поставленной проблемы, привлекались и материалы селища Коробовы Хутора [Колода, 2008].

В процессе становления славяно-хазарских отношений автор выделяет несколько этапов. Сосуществование на сопредельной территории сменилось комплиментарностью, которая, в свою очередь, переросла во взаимовыгодное сотрудничество. Это послужило толчком к проживанию на единой территории. Следствием этих процессов явилась постепенная ассимиляция населения. По мнению исследователя, археологическое выражение этих этапов проявилось в синхронности памятников, в закреплении и стандартизации синкретичных черт материальной и духовной культуры. Синкретизм проявляется в технологии производства керамики, керамическом орнаменте; в традициях домостроительства и внутреннем интерьере построек; в погребальном обряде. Причины влияния на традиции домостроительства В. В. Колода связывает с переселением в новые природно-климатические зоны, изменением форм ведения хозяйства и, наконец, в адаптации жилища под новые условия.

Автор говорит о том, что для славянского жилища характерны: квадратная, заглубленная постройка, ориентированная углами или стенами по сторонам света; конструкция срубная или каркасно-столбовая; в интерьере присутствуют лежанки и подиумы на основе материковых останцев. Отопительное устройство представлено печью-каменкой, сводчатой глинобитной печью в углу, а также печью-камином в угловой нише. Печь приподнята над уровнем пола на 0,2—0,4 м. Крыша имеет двускатную конструкцию. Хозяйственные ямы присутствуют в пределах жилища или в нишах.

Жилище кочевников юго-восточной Европы автор характеризует как переносную войлочную юрту на легком жердевом каркасе с открытым очагом по центру. К дополнительному интерьеру В. В. Колода относит ширму или жердевую перегородку.

Вышеупомянутые черты жилищ автор прослеживает на материалах, обнаруженных на памятниках Северского Донца: Верхний Салтов (селище), Дмитриевка (селище), Коробовы хутора (селище), Мохнач (городище); на Осколе – селище Ютановка; на Среднем Дону – Маяцкое городище и селище.

Подводя итог, исследователь отмечает, что проявления синкретизма в домостроительстве не имеют универсального характера или четко выраженных этапов. Это обстоятельство свидетельствует о сложности процесса адаптации этносов на новом месте и в новых условиях хозяйствования.

В результате исследовательской работы, харьковскими археологами получены новые материалы для решения проблемы славяно-аланских отношений. В качестве примера назовем работу В. И. Квитковского. На основе результатов, полученных в ходе исследования жилищ на селище Коробовы хутора, автор, соглашаясь с мнением В. В. Колоды, делает вывод о том, что алано-болгарское население, переселившись на территорию Днепро-Донского междуречья, видоизменяло свои жилые помещения под воздействием новых природных условий. При этом носители салтово-маяцкой культуры переняли домостроительный опыт местного населения. Однако, по мнению автора, «нельзя отождествлять славянское и салтовское жилище, а можно лишь говорить о значительном влиянии славянского домостроительства при сохранении традиционных болгарских или аланских элементов (юртообразное жилище, очаг в центре или у стены, использование камня и т. п.)» [Квитковский, 2008. С. 43–44]. В работе об отопительных сооружениях на поселениях салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне бассейна Северского Донца В. И. Квитковский отметил, что печи не являются характерными отопительными сооружениями у алано-болгар и, скорее всего, были позаимствованы у славян, которые проживали в непосредственной близости от салтовских памятников [Квитковский, 2009. С. 48].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о двух подходах к рассматриваемому вопросу. Большинство исследователей считает, что славяне оказали влияния не только на процесс появления полуземляночных жилищ у аланского населения, но и на конструктивные особенности жилых построек. Согласно другому мнению (Г. Е. Афанасьев), полуземляночные жилища у аланского населения представляют собой продукт их собственной культуры.

Выходя за территориальные рамки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, необходимо отметить следующее. В полуземляночных жилищах на памятниках степного Подонцовья неоднократно зафиксированы печи «славянского типа». К. И. Красильников в 1990-е гг. поставил вопрос о причинах проникновения в болгарскую среду традиционных славянских печей [Красильников, 1998]. Тогда автор обратил внимание на использование печей-каменок донскими славянами и предположил возможность «проникновения» таких печей в Степное Подонцовье с севера.

Автор писал: «Учитывая конструкцию жилищ и находки из них, считаем, что строили в Подонье эти печи лишь в IX в., причем к середине IX в. интенсивность строительства каменок наиболее очевидна» [Красильников, 1998. С. 49]. Автор не допускал мысли о том, что болгары заимствовали конструкцию печей от славян. Исследователь предположил, что печи соорудались в результате попадания женщин-славянок в болгарскую среду. О печах как о проявлении славянской традиции писала и Л. И. Красильникова [Красильникова, 2003].

В последних работах эти исследователи скорректировали данную оценку. К. И. Красильников высказал суждение о формировании на местной основе близких по форме полуземлянок с набором хозяйственно-бытовых приспособлений (ниши, хозяйственные ямы, лежанки, печи). Автор отмечает: «...технологические и технические особенности печей-каменок в постройках степняков... ставят под сомнение идеи прямого заимствования печей-каменок от славян...» [Красильников, 2009. С. 57]. Приведем еще одну мысль исследователя: «Думаю, что суждения о влиянии славянских традиций в вопросах конструкции жилищ и печных сооружений в них преждевременны и преувеличены» [Красильников, 2009. С. 57]. В работе об идентифицирующих признаках населения Степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата К. И. Красильников и Л. И. Красильникова не связывают печи восточноевропейского типа (каменки, глинобитные) с конкретным этносом [Красильников, Красильникова, 2010].

Таковы современные представления исследователей по рассматриваемому вопросу.

Наиболее удобным для сравнения салтовских и славянских жилых построек является городище Титчиха, которое расположено на расстоянии дневного перехода от Маяцкого комплекса.

Этот сравнительный анализ представляется уместным предварить следующим наблюдением. Поскольку оба памятника находятся на донской системе, необходимо отметить упоминавшийся уже факт наличия славянских памятников в Нижнем Подонье. Здесь выделены несколько поселений со славянскими материалами: у хут. Ближняя Мельница [Ляпушкин, 1958], у ст. Богоявленской [Флеров, 1971], Саркел [Артамонов, 1958; Плетнева, 2000], поселение Полное [Прокофьев, 2002, 2007].

М. И. Артамонов писал, что «... в наличии славянского роменско-боршевского населения в хазарском Саркеле нет ничего невозможного» [Артамонов, 1958. С. 62]. Но исследователь склонялся к мысли о появлении славян в Саркеле после его разрушения Святославом. Эту же точку зрения высказала С. А. Плетнева [Плетнева, 2000]. И. И. Ляпушкин, В. Д. Белецкий, В. С. Флеров, П. А. Ларенок [Ларенок, 1992] относили процесс проникновения славян на Нижний Дон к более раннему времени.

Информативные материалы по этому вопросу были получены на поселении Полное, расположенном на правом берегу р. Полная (приток Се-

верского Донца) в Ростовской области. Р. В. Прокофьев датирует поселение IX в. Основным исходным районом, откуда проходила миграция населения, оставившего это поселение, автор считает территорию боршевской культуры [Прокофьев, 2007]. Основанием для этого является керамика и характер домостроительства. На поселении Полное исследованы полуземляночные жилища с печами-каменками.

Необходимо отметить, что восточная площадка памятника представляла собой кочевье салтово-маяцкой культуры, западная площадка, отделенная от восточной балкой, представляла собой оседлый славянский поселок. Как отмечает автор раскопок, все исследованные на поселении славянские жилища однотипны. Это полуземлянки, углубленные на 0,7–1 м от древней дневной поверхности. Котлованы полуземлянок имели прямоугольную форму (с небольшой разницей длины между стенами), их площадь составляла от 11 до 16 м². В одном из углов каждого жилища, вплотную к стенам котлована располагалась печь-каменка [Прокофьев, 2007б. С. 45]. Р. В. Прокофьев предполагает наличие «выносного» сруба, который мог устанавливаться у границ котлована.

Таким образом, на территории салтово-маяцкой культуры в Нижнем Подонье выделены собственно славянские жилища. Поэтому постановка вопроса о возможном влиянии славянского домостроительства на домостроительство населения салтово-маяцкой культуры в Подонье имеет реальные основания.

С другой стороны, очевиден факт присутствия аланского населения на поселениях донских славян [Винников, 1995. С. 128–150].

Вернемся к сопоставлению жилых построек Маяцкого комплекса и городища Титчиха. Оба памятника находятся в одной ландшафтной зоне (меловое правобережье Дона). Материковое основание, в которое были углублены котлованы построек – мел или глина и мел. Расстояние между этими памятниками составляет около 23 км. Памятники относятся к одному периоду. Сопоставимы и полученные выборки: 35 – на Маяцком комплексе, 44 полуземлянки на городище Титчиха.

Сопоставление по площади котлованов дало следующие результаты (рис. 1). В целом есть сходство в распределении жилищ по площади до 31,8 м². На обоих памятниках преобладают постройки второй размерной группы (11,7–18,3 м²): на городище Титчиха они составляют 52,3 %, на Маяцком комплексе – 42 %. Но на городище Титчиха значительно меньше жилищ первой группы (9,1 % против 25,7 % на Маяцком комплексе). На городище Титчиха отсутствуют жилища площадью более 31,7 м². На Маяцком комплексе такие жилища составляют 6 %.

Однако, при сопоставлениях жилищ по площади необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. В полуземлянках городища Титчиха в ряде случаев можно определить полезную жилую площадь, на что обратила внимание еще во время раскопок А. Н. Москаленко. По нашим под-

счетам, жилая площадь составляла от 55 % (полуземлянка 35) до 85 % (полуземлянка 33). Речь идет о полуземлянках, в которых достоверно фиксировалась деревянная облицовка стен.

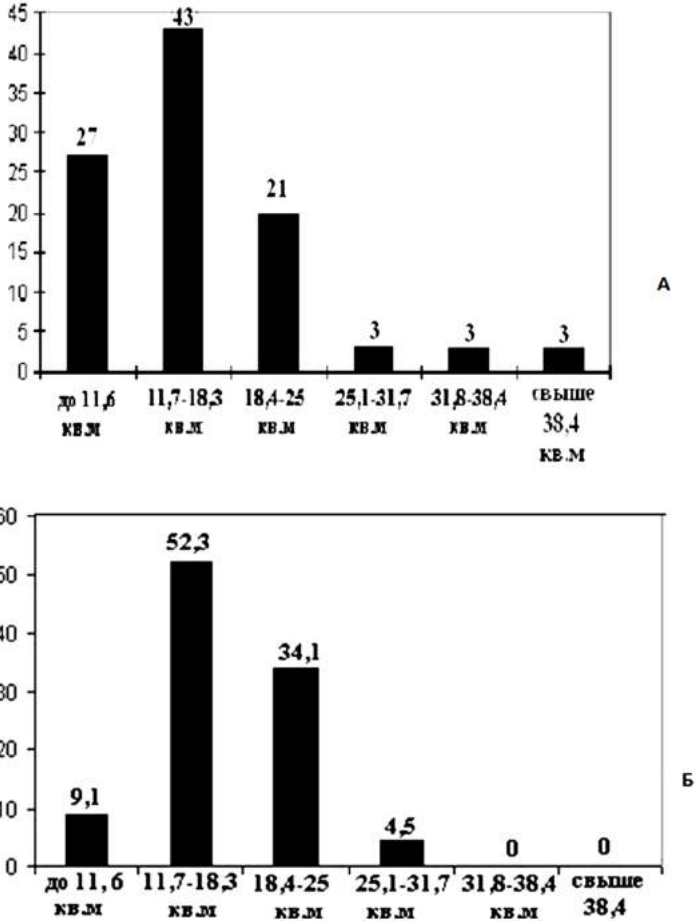

Рис. 1. График распределения жилых построек по площади (%):

А – Маяцкий комплекс; Б – Городище Титчиха

Наблюдаются существенные различия между полуземляночными постройками городища Титчиха по степени углубленности в материковое основание. Прежде всего, необходимо отметить, что мощность почвенного слоя на городище Титчиха рядом с котлованами построек составляла 0,3–0,8 м, в среднем около 0,5–0,6 м. Примерно такие же цифры характерны и для Маяцкого селища. Материковое основание на обоих памятниках – мел. На городище Титчиха над меловым слоем встречается глина. После прекращения жизни на этих памятниках они в дальнейшем не заселялись, антропогенное воздействие на процесс почвообразования было минималь-

ное. Поэтому сравнение по показателю степени углубленности котлованов в материковое основание можно признать корректным.

Сравнение показало существенное различие двух памятников (рис. 2). На городище Титчиха абсолютно преобладают котлованы четвертой и пятой размерных групп – в совокупности они составляют 86,4 %, тогда как на Маяцком комплексе – 34,3 %. Если на Маяцком комплексе преобладают котлованы третьей группы (0,56–0,75 м, 25,7 %), то на городище Титчиха они составляют 9 %. Слабоуглубленные котлованы на Маяцком комплексе составляют 40 %. На городище Титчиха котлованы первой и второй групп (углубленность до 0,55 м) – только 4,6 %. Конечно, необходимо учитывать, что углубленность котлованов, расположенных на склоне на городище Титчиха, была разной и нами брался максимальный показатель углубленности. Тем не менее, в целом для Городища Титчиха характерна большая глубина котлованов жилищ в сравнении с Маяцким комплексом.

Форма котлованов полуземляночных построек городища Титчиха квадратная или прямоугольная. Нет жилищ округлой или неправильной формы, которые встречаются на Маяцком комплексе (около 11 %).

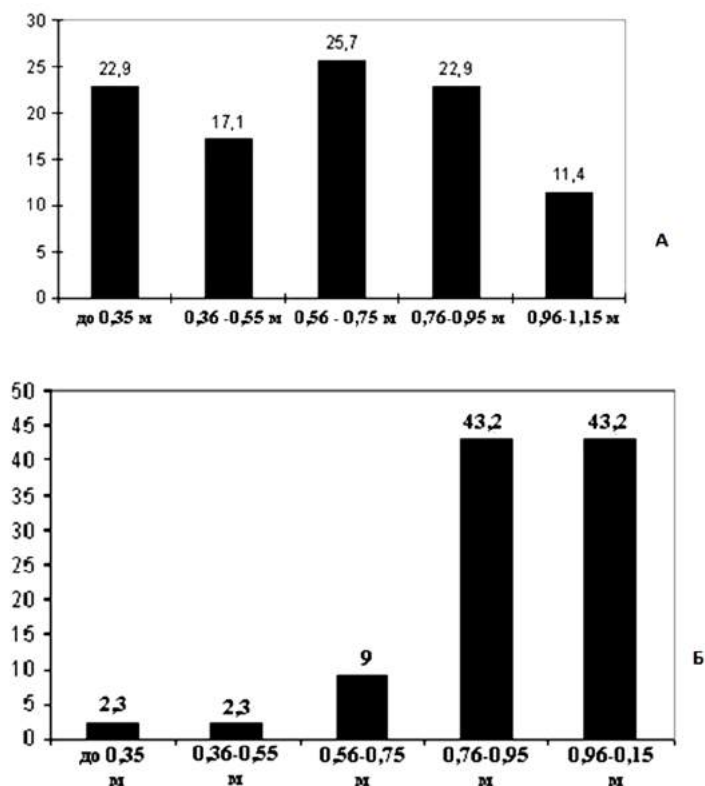

Рис. 2. График распределения жилых построек по степени углубленности (%):

А. Маяцкий комплекс; Б. Городище Титчиха

Если говорить о деревянных конструкциях, то на обоих памятниках встречаются опорно-столбовая и дощато-плаховая конструкции. Как отмечает А. Н. Москаленко, для облицовки стен котлованов использовалась столбовая система с горизонтальной облицовкой [Москаленко, 1965. С. 42]. Последняя в силу лучшей сохранности дерева отчетливо представлена именно на городище Титчиха. Сочетание сруба и столбовой конструкции на городище Титчиха встречается в четырех случаях, а сруб внутри котлована — в девяти случаях. При этом важно отметить, что венцы были тонкими (0,1—0,15 м). Поэтому и срубная конструкция, и конструкция с горизонтальной облицовкой плахами выполняли одну функцию [Москаленко, 1965. С. 44]. Дощато-плаховая конструкция отчетливо выявлена примерно в 51 % полуземляночных жилищ Маяцкого комплекса. Но в данном случае вряд ли можно увидеть принципиальное отличие от городища Титчиха.

Около 30 % полуземляночных построек на Маяком комплексе имели вход в виде коридора (короткого или длинного). На городище Титчиха этот признак полностью отсутствует. Лишь в полуземлянке № 20 зафиксированы две материковые ступеньки от входа. Они находились у юго-восточной стены котлована напротив устья печи. «Вход» выступает за границы котлована лишь на 0,4—0,45 м.

Не характерны для построек городища Титчиха хозяйственные ямы, ниши. Ниша зафиксирована лишь в постройке 34. Хозяйственная пристройка также обнаружена в одном случае (постройка 3). Нет и материковых лежанок. В то же время, хозяйственные ямы, ниши, лежанки встречаются в постройках Маяцкого комплекса (соответственно 14,3; 8,6; 17,1 %).

Пожалуй, наиболее важным отличием полуземляночных построек городища Титчиха и Маяцкого комплекса являются отопительные устройства. На городище Титчиха — это печи четырех типов: из камней, из глины и камней, из глины, печи с частичным использованием материка [Москаленко, 1965. С. 44]. Печи первых двух типов абсолютно преобладают (86 %). Очаг встречен лишь в одном случае (постройка 34). А. З. Винников выделяет только два типа печей: печи-каменки и печи из камней и глины [Винников, 1995. С. 21]. По подсчетам исследователя, процентное соотношение печей этих двух типов составляет 25 и 75 %.

Для жилищ Маяцкого комплекса характерно преобладание очагов в качестве отопительного сооружения (90 %). Печи встречены лишь в четырех случаях. Причем, они разнотипны: печь-каменка, глинобитная, останцовая.

Таким образом, домостроительство славянского населения городища Титчиха и населения Маяцкого комплекса имеет как общие, так и отличительные черты. Аланское население донской лесостепи действительно могло заимствовать «общие контуры» домостроительной традиции славян, сохранив и собственные традиционные черты (прежде всего, отопительные устройства в виде очагов). Механизм такого взаимодействия этносов, конечно, нуждается в дальнейшем изучении.

Выше отмечался факт наличия значительного количества печей в жилищах Степного Подонцовья (более чем в 70 % построек), хотя, исходя из близкого территориального соприкосновения со славянами, такая ситуация была бы более логичной для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Материалы, введенные в научный оборот К. И. Красильниковым и Л. И. Красильниковой, позволяют посмотреть на признаки сходства домостроительства славян боршевской и роменской культур, с одной стороны, и населения лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры, с другой, через призму хозяйственной деятельности.

В качестве гипотезы, выскажем следующее предположение. Сближение характеристик хозяйственно-культурного типа населения указанных вариантов салтово-маяцкой культуры и славян способствовало появлению сходных черт материальной культуры прежде всего в домостроительстве. Это обстоятельство облегчало и возможное заимствование некоторых элементов.

Хозяйственно-культурный тип связан с природно-климатическими условиями, образом жизни, уровнем социального развития населения [Левин, Чебоксаров, 1955; Адрианов, Чебоксаров, 1968]. Славяне роменской и боршевской культур и население лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры находилось в одной ландшафтной зоне, схожих природно-климатических условиях.

Хозяйство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, так же как и хозяйство славян, включало пашенное земледелие и животноводство. В. В. Колода и С. А. Горбаненко в специальном исследовании о сельском хозяйстве носителей салтовской культуры в лесостепной зоне отмечают, что «...выбор места заселения диктовался природно-климатическими условиями, максимально пригодными для ведения пашенного земледелия и оседлого животноводства» [Колода, Горбаненко, 2010. С. 184]. Исследователи отмечают стабильный характер животноводства в целом. Мясные продукты получали преимущественно от крупного рогатого скота.

Этими же авторами был предпринят сравнительный анализ хозяйства населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и славян роменской и боршевской культур [Колода, Горбаненко, 2010. С. 139–153]. Как нам представляется, приведенные данные позволяют говорить о вариациях одного хозяйственно-культурного типа.

О важном месте земледелия населения Степного Подонцовья писали К. И. Красильников и Л. И. Красильникова [Красильников, Красильникова, 2010]. Упомянем и позицию В. С. Флерова, полагающего, что основной массив населения Хазарского каганата от Среднего Дона до его низовий, включая бассейн Северского Донца, был исключительно оседлым, по крайней мере, с середины VIII в. [Флеров, 2011. С. 212]. Исследователь пишет: «...нет оснований полагать, что аланы, переселившиеся с Северного Кавказа в верховья Северского Донца и на Средний Дон, прошли на новых местах пусть даже короткий этап кочевания» [Флеров, 2011. С. 217].

Таким образом, объяснение сходных элементов в домостроительстве населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и славян (роменская и боршевская культуры) можно искать не только в сфере этнокультурных контактов, но и в общности хозяйственно-культурных типов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. — 1968. — № 2. — С. 23–33.
- Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА-1958. — № 62. — С. 7–84.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. : (Аланский вариант салтово-маяцкой культуры). — М. : Наука, 1987. — 200 с. (Археологические открытия на новостройках; вып. 2).
- Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. — М., 1984. — С. 96–120.
- Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI вв.). — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. — 168 с.
- Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата : Маяцкое поселение. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. — 214 с.
- Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир : мирное существование или противостояние? // Хазары : миф и история. — М.; Иерусалим, 2010. — Т. 2. — С. 189–216.
- Квитковский В. И. Отопительные сооружения на поселениях салтовской культуры в лесостепной зоне бассейна Северского Донца // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». — Воронеж, 2009. — Вып. 1 : Археология. — С. 44–51.
- Квитковский В. И. Славянское влияние на домостроительные традиции населения салтовской лесостепи : (по материалам селища Коробовы Хуторы) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья : материалы науч. конф. — Воронеж, 2008. — С. 43–45.
- Колода В. В. Новые материалы к проблеме изучения славяно-хазарских отношений : по памятникам Северского Донца // Черноземная лесостепь — контактная зона. — Белгород, 2001. — С. 53–59.
- Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — Киев : Ин-т археологии НАН Украины, 2010. — 216 с.
- Колода В. В. Южная линия обороны городища в с. Мохнач : (к проблеме славяно-хазарских отношений) // Проблемы источниковедения всеобщей истории. — Белгород, 2002. — Ч. 1. — С. 109–120.
- Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа 4 селища Коробовы Хутора) // Древности 2006–2008. — Харьков, 2008. — С. 125–136.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И. Идентифицирующие признаки населения Степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары : миф и история. — М.; Иерусалим, 2010. — Т. 2. — С. 153–188.
- Красильников К. И. Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». — Воронеж, 2009. — Вып. 1 : Археология. — С. 52–82.
- Красильников К. И. Печи славянского типа в жилищах салтово-маяцкой культуры Среднедонечья // Вопросы истории славян. — Воронеж, 1998. — Вып. 12. — С. 44–50.
- Красильникова Л. І. Вогнища і печі в спорудах хазарського часу з Степового Подонцов'я // Археологія. — Київ, 2003. — № 2. — С. 48–60.

- Ларенок П. А.* О славянских поселениях на Нижнем Дону в эпоху Хазарского каганата // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов н/Д, 1992.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. — 1955. — № 4. — С. 3–17.
- Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1958. — № 62. — С. 98–101.
- Москаленко А. Н.* Городище Титчиха : Из истории древнерусских поселений на Дону. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1965. — 310 с.
- Плетнева С. А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–IX вв. // СА. — 1962. — № 1. — С. 83–94.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам. — М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1967. — 198 с. — (МИА № 142).
- Плетнева С. А.* О заселении славянами Саркела — Белой Вежи // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 2000. — Вып. 14 : Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. — С. 82–98.
- Прокофьев Р. В.* Алано-славянское поселение «Полное» в бассейне Северского Донца // Нижний Дон — этнические контакты : сб. науч. докл. IV Дон. археол. чтений, посвящ. памяти Е. И. Беспалого. — Ростов н/Д, 2002.
- Прокофьев Р. В.* Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. — М.; Иерусалим, 2007а. — Вып. 2. — С. 215–239.
- Прокофьев Р. В.* Славянское поселение Полное на Нижнем Дону. Вопросы планировки // Археологические записки. — Ростов-на-Дону, 2007б. — Вып. 5. — С. 40–50.
- Флеров В. С.* Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. — 1971. — № 2. — С. 258–265.
- Флеров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М. ; Иерусалим : Мосты культуры : Гешарим, 2011. — 264 с.
- Харузин Н. Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. — М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1896. — IV, 124 с.

В. А. Сарапулкин

ПОСТРОЙКИ ИЗ РАСКОПА 20 МАЯЦКОГО СЕЛИЩА

In 2008, the expedition of Belgorod State University conducted excavations in the southern part of Mayatsk settlement. As a result, we have studied five burials of the local grave field and two buildings. This article is dealing with domestic objects. Building 54 represented a two-level house, which could be constructed with the use of a natural crack in a chalk cliff. The foundation pit contained a crouched burial of a man. Building 55 represented an above-ground household structure. Based on the analysis of planigraphy and distribution of finds in the excavation site territory, we have determined the relative chronology of burial and domestic complexes in the studied part of Mayatsk settlement.

Работы в южной части Маяцкого селища проводились в 2008 г. экспедицией Белгородского госуниверситета (рис. 1). Раскоп 19 не показал наличия культурных отложений, раскоп 20, расположенный в 100 м к северу от него, напротив, зафиксировал присутствие разнородных археологических объектов — двух построек, в одной из которых располагалось погребение человека, а также грунтового могильника представленного пятью погребениями в ямах [Сарапулкин, 2014].

Стратиграфия раскопа 20 выглядит следующим образом 0,05–3 м — чернозем с примесью мела; 0,3–0,5 — гумусированный суглинок с примесью мела; ниже — материк — желтая глина с меловым щебнем.

В раскопе обнаружено 754 фрагмента керамических сосудов, 83 кости, 5 кусков чернометаллургического шлака (рис. 2). Основная масса находок приходится на слой чернозема. Анализ планиграфии распространения материала показывает, что наиболее насыщены керамикой кв. 55–58, расположенные над постройкой 55 и кв. 42, 40, 39 (рис. 3). Больше количество находок выявлено в северной части раскопа, южная часть демонстрирует слабую насыщенность, центральная и западная часть показывают практически полное отсутствие находок.

В процессе раскопок были выявлены две постройки.

Постройка 54 (рис. 4). Пятно котлована было прослежено с глубины 0,3 м от дневной поверхности. Оно выделялось на фоне дна раскопа значительным количеством мела. На фоне материка постройка выглядела как темное пятно прямоугольной формы. После расчистки был выявлен котлован неправильно трапециевидной формы. Длинная ось трапеции ориентирована по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Сооружение имело в длину 3,1 м, ширина в восточной части 2,1, в западной 1,85 м.

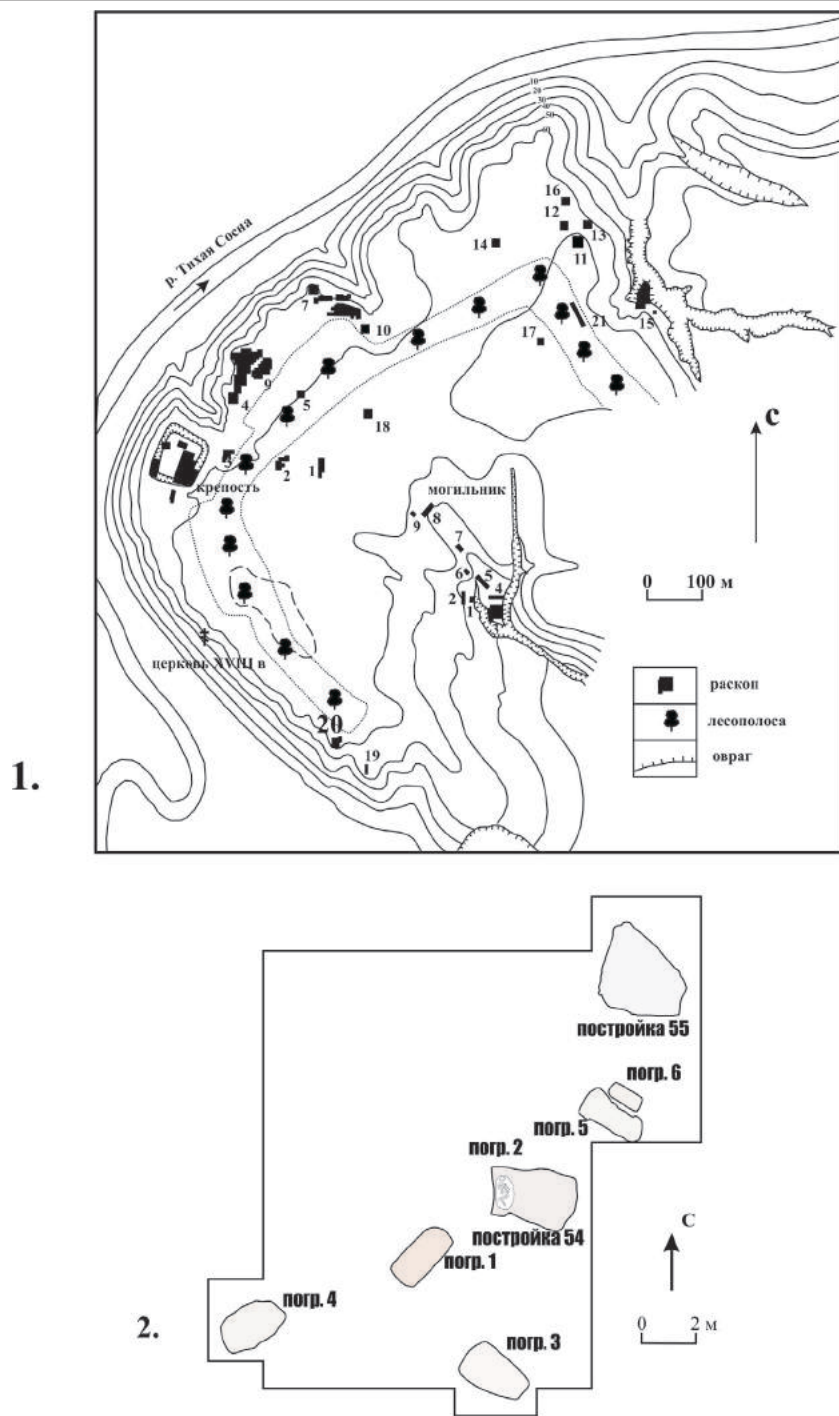

Рис. 1. Маяцкий археологический комплекс:

1 – план памятника (по Винникову, Плетневой, 1998); 2 – план раскопа 20

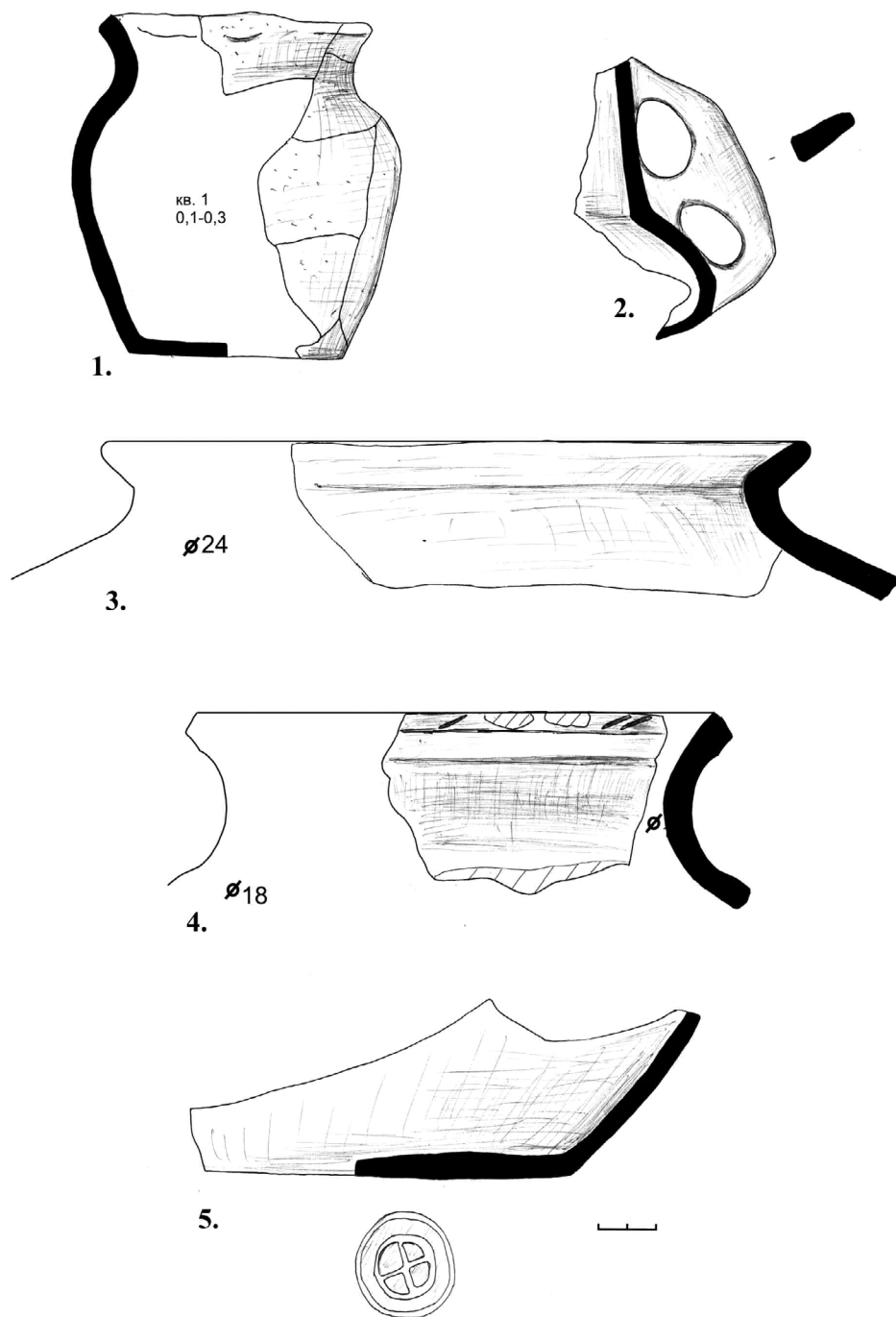

Рис. 2. Керамика из раскопа 20 Маяцкого селища:

1 – лепной горшок; 2 – фрагмент кружки с зооморфной ручкой; 3 – фрагмент венчика столового сосуда; 4 – фрагмент венчика кругового кухонного горшка; 5 – днище столового сосуда с клеймом

Рис. 3. План раскопа 20

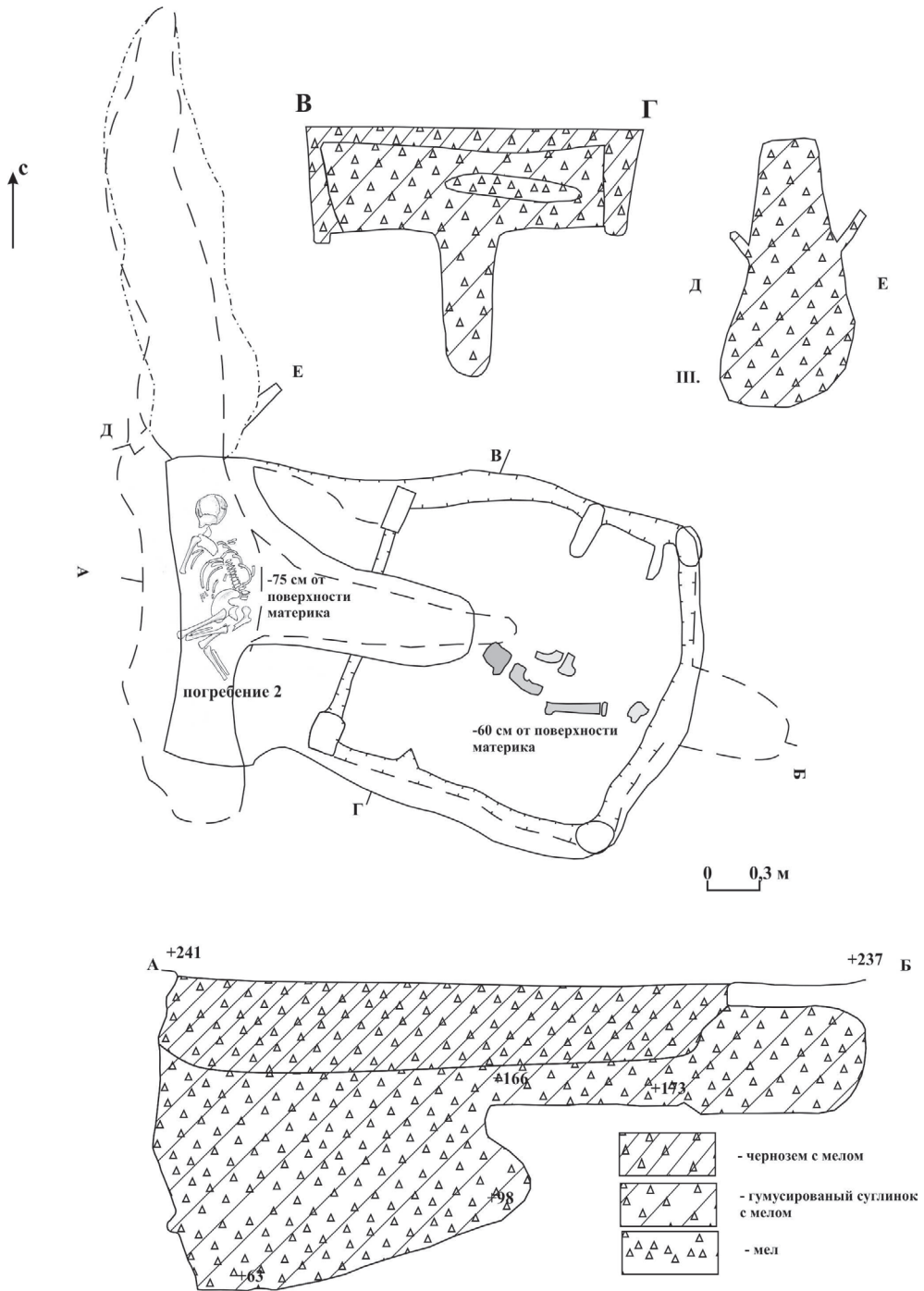

Рис. 4. Постройка 54 и погребение 2:

I — план постройки погребения. II — IV разрезы постройки

Дно постройки двухуровневое, в восточной части (длина 2,4 м) глубина постройки составляет 0,55–0,6 м пол ровный, по периметру эту часть постройки опоясывает прямоугольная в сечении канавка глубиной 0,1–0,15 м, шириной 0,1–0,2 м. В углах канавки прослежены ямки от прямоугольных в сечении столбов (0,08–0,1×0,1–0,15 м). В восточной стенке котлована, около юго-восточного и северо-восточного углов видны вертикально ориентированные углубления, в которые, очевидно, помещались подпорные столбы.

В восточной стенке выявлен трапециевидный в плане подбой глубиной 0,55 м, шириной 0,45 м, высотой 0,6 м. С запада, прямо по центру пол рассекает глубокая, трапециевидная в плане, полукруглая в сечении канава (ширина основания 0,7 м, ширина вершины 0,4 м, длина 1,2 м, глубина в восточной части 0,4 м, в западной 0,9 м).

Западная часть постройки (ширина 0,6 м) значительно глубже восточной (1,8 м). Западная стенка имеет наклон наружу, отклонение от устья котлована 0,25 м. В южном юго-западном углу постройки прослежен подбой глубиной 0,3 м, шириной 0,6 м, высотой 1 м. В восточном углу выявлен подземный коридор, каплевидный в сечении. Длина коридора 4,5 м, высота у входа – 1,55 м, ширина основания 0,7 м, вершины – 0,3 м. Подбой и коридор сооружены путем расширения трещины в меловой скале. Искусственное происхождение коридора подтверждается затесами от землеройного орудия (ширина рабочей части ок. 10 см). У входа в коридор в противоположных стенах прослежены круглые в сечении отверстия глубиной 0,15 м. Отверстия расположены под углом 45 градусов к дну.

Заполнение постройки двухслойное, верхний слой (0,5 м от устья) – чернозем с примесью мела, ниже – гумусированный суглинок с примесью мела. На глубине 0,2 м от устья была найдена стенка лощеного сосуда, на глубине 1,4 м – стенка кругового кухонного горшка, на дне постройки 2 стенки кругового кухонного горшка.

В центре восточной части постройки, на дне обнаружено скопление костей лошади (конечность, фрагменты челюсти, таза). Кости лежали вне анатомического порядка.

Погребение 2 (рис. 4). У западной стенки, в заполнении постройки, на глубине 0,85 м от устья обнаружено погребение человека. Покойный лежал скорчено на правом боку, параллельно западной стенке, головой на север. Череп слегка повернут лицом к дну постройки. Обе ноги согнуты – правая под прямым углом, левая так, что нижняя часть берцовых костей оказалась рядом с тазом. Из костей рук удалось проследить лишь левую плечевую. Остальные кости рук отсутствуют, также как ключицы и стопы ног. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Постройка 55 (рис. 3; 5). После зачистки материка в кв. 53–58 было прослежено пятно, выделявшееся на фоне более светлого материка. После расчистки был выявлен котлован неправильно трапециевидной формы. Ось

трапеции ориентирована по линии юго-восток северо-запад. Сооружение имело в длину 3,2 м, ширина в юго-восточной части 1,05 м, в северо-западной 2,9 м. Глубина сооружения 0,05 – 0,12 м. Дно неровное, изрыто неглубокими ямками. Помимо них в постройке прослежено 8 ям.

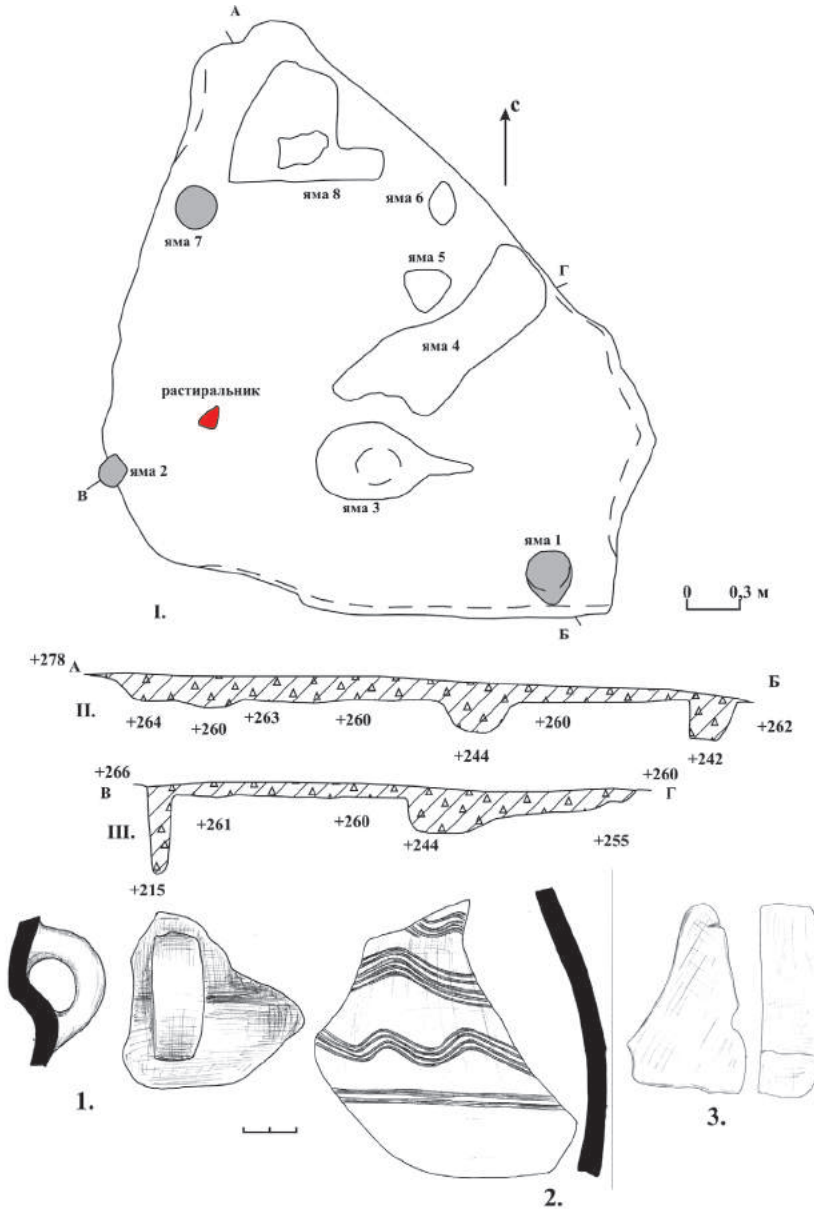

Рис. 5. Постройка 55:

1 – план постройки. II – III – разрезы постройки. 1 – 3 – материал из заполнения постройки. 1–2 – фрагменты круговых столовых сосудов; 3 – каменный растиральник

Яма 1 (столбовая) располагалась рядом с юго-восточным углом, каплевидная в плане. Длина 0,3 м, ширина 0,25 м, глубина 0,2 м. Стенки вертикальные, дно плоское.

Яма 2 (столбовая) располагалась в юго-западной части северо-западной стены. Частично перекрывает стенку котлована. Квадратная, со сглаженными углами, ширина 0,15 м, глубина 0,45 м. Стенки отвесные, дно чашевидное.

Яма 3 располагалась в 0,65 м от южной стенки. Овальная в плане, от восточной стенки отходит узкая треугольная в плане канавка длиной 0,3 м. Ширина ямы 0,45 м, длина 0,6 м, глубина 0,1 м. Стенки наклонные, дно чашевидное.

Яма 4 расположена непосредственно к юго-западу от северо-северо-восточной стенки, имеет форму неправильного пятиугольника. Длина 0,9 м, ширина 0,4 м, глубина в северо-восточной части 0,5 м, в юго-западной — 0,15 м. Стенки наклонные, дно плоское.

Яма 5 расположена в 0,2 м северу от ямы 4. Форма ямы в плане треугольная, длина 0,25 м, глубина 0,1 м. Стенки наклонные, дно плоское.

Яма 6 расположена в 0,1 м к юго-западу от центральной части восточной-северо-восточной стенки. Форма — овальная. Размеры 0,25 × 0,15 м, глубина 0,05 м. Стенки наклонные, дно плоское.

Яма 7 (столбовая) расположена в 0,1 м от северной части западной-северо-западной стенки. Яма круглая, диаметр 0,25 м, глубина 0,33 м. Стенки отвесные, дно плоское.

Яма 8 расположена непосредственно к югу от северной стенки, имеет форму неправильной трапеции. Размеры 0,7 × 0,9 м. Глубина 0,04 м, в центральной части углубление (0,04 м) овальной формы (0,2 × 0,12 м). Стенки наклонные, дно плоское.

Заполнение постройки — чернозем с примесью мела, насыщено находками. В нем выявлено 3 фр. амфор, 3 фр. подправленных на круге сосудов, 57 фрагментов круговых кухонных горшков, 14 фр. лощеных сосудов, 1 фр. лепного сосуда, 24 кости, 3 куса шлака и каменный растиральник.

Постройка 54 имеет не типичную для сооружений салтово-маяцкой культуры конструкцию. Очевидно, это связано с использованием в хозяйственных целях результата геологических процессов — трещины в меловой скале. Гомогенное заполнение обеих частей постройки указывает на то, что в момент прекращения функционирования она представляла собой единый комплекс. Наличие полос гумусированного грунта вдоль стенок свидетельствует в пользу того, что деревянная облицовка котлована восточной части постройки сохранилась на момент заполнения его грунтом. Можно предположить, что первоначально была сооружена восточная часть постройки. Подобные сооружения — не имеющие отопительных устройств, с прямоугольным котлованом, углубленным в материк на 0,5–1,5 м, столбовыми ямами в углах широко распространены на Маяцком селище (пп. 7,

26, 48 и т. д.). А. З. Винников и С. А. Плетнева интерпретируют их как погребца [Винников, Плетнева, 1998. С. 166–167]. Единственным конструктивным элементом, не получившим широкого распространения на Маяцком селище является канавка, вырубленная в полу котлована и опоясывающая его по периметру. Она фиксируется лишь в постройках 11, 42 и 44 [Винников, Плетнева, 1998. С. 166–167]. Таким образом, изначально постройка представляла собой углубленное в материк хозяйственное сооружение, с каркасно-столбовой конструкцией стен, где нижние плахи заклада помещались в вырытую в материке канавку (либо заклад представлял собой вертикальные плахи, нижний конец которых помещался в канавку, а верхний — в паз, прорезанный в горизонтальной балке). В пользу того, что постройка изначально не была двухуровневой, свидетельствует отсутствие каких-либо следов существования проема в западной стенке котлована. Канавка, опоясывающая пол не имеет разрыва в западной части, необходимо для оборудования прохода. Вероятно, уже после сооружения «погреба» было обнаружено присутствие материковой трещины в непосредственной близости от него, наклонная канава, частично прорезающая пол постройки в широтном направлении возможно представляет собой её ответвление. Грунт над трещиной был выбран, сама она расширена. В западной стенке погреба сделан проход. Вероятно, получившаяся конструкция была оснащена общей крышей. После прекращения использования постройки она заполнилась ранее извлеченным из котлована грунтом, которым, возможно, были обсыпаны крыша и стены постройки. В западной, более глубокой, части сохранялась достаточно глубокая западина, где и было совершенно погребение.

Погребения, совершенные непосредственно в сооружениях бытового назначения, без формирования погребальных камер, на Маяцком селище прослежены дважды — в х. я. 23 и в яме постройки 11 [Винников, Афанасьев, 1991. С. 99–103]. Оба захоронения представляли собой скорченные костяки, уложенные на правый бок в хозяйственные ямы, и сопровождавшиеся инвентарем — ножом (погр. в х.я 23) и тремя сосудами (погр. в яме п. 11)*. Несмотря на некоторые отличия — погребение в постройке 54 совершено не в круглой яме, и не на дне а в заполнении, при покойном отсутствовал даже минимальный инвентарь — эти три погребения обладают значительным сходством, противопоставляющим их другим погребениям Маяцкого селища. Прежде всего, несмотря на мужской пол погребенных все они расположены скорчено на боку — данный признак абсолютно не типичен и для катакомбных погребений салтово-маяцкой культуры, и для содержащих скорченные захоронения могил в прямоугольных ямах. Другим признаком, сближающим погребения в постройках 54, 11 и х. я. 23 явля-

* Погребение в яме постройки 11 сильно разрушено, однако, положение костей, а также малый диаметр ямы, ок. 1,2 м, позволяют считать его скорченным.

ется использование бытовых сооружений для ритуальных целей без внесения в них конструктивных изменений, лишь в х. я. 23 были немного расширены стенки. В остальных случаях для совершения захоронения на селище либо сооружали катакомбу или прямоугольную яму, либо формировали камеру, используя в качестве дромоса объект бытового назначения. Общим для трех погребений является и бедность погребального инвентаря. Даже, в большинстве своем, разрушенные катакомбные погребения, демонстрируют значительно более разнообразный и богатый вещевой набор.

Погребения в хозяйственных объектах встречаются в материалах памятников салтово-маяцкой культуры. В основном, это скорченные (для всех погребений пол по антропологическим признакам не определялся) на левом [Кравченко, Давыденко, 2001. С. 273; Плетнева, 1989. С. 44, 67] или на правом боку [Красильников, 1976. С. 277], безинвентарные погребения в постройках или хозяйственных ямах. Лишь в материалах Саркела встречены вытянутые погребения в круглых хозяйственных ямах [Артамонова, 1963. С. 14].

Вероятно, данный погребальный обряд обусловлен не этническими, а социальными факторами. Бедный инвентарь, минимальные трудозатраты при сооружении могилы, и, возможно, скорченная поза, обусловлены низким социальным рангом погребенного. Захоронение его вне пределов регулярного могильника, может объясняться и иноплеменным происхождением покойного.

Часть погребений, данного вида расположена в заброшенных гончарных горнах и предпечных ямах. Это позволило исследователям предположить обрядовое значение захоронений в постройках, связанных с «огненным делом» [Кравченко, Давыденко, 2001. С. 237]. Однако, эти погребения совершены в заполнении построек, а не на их дне, то есть, по прошествии некоторого времени после прекращения функционирования объектов, что делает сомнительной их прямую связь с культовым обеспечением завершения производственного процесса. Кроме того, наличие схожих погребений в объектах никак не связанных с огнем, также говорит не в пользу данной гипотезы.

Постройка 55 вероятно представляла собой почти наземное легкое сооружение. Нечеткие границы углубленной в материк части, выходят за пределы границ, очерчиваемых опорными столбами. Количество столбовых ям — три, явно недостаточно для надежного крепления крыши, вероятно, ямы для размещения остальных столбов были целиком вырыты в гумусированном слое.

Наибольшее сходство с постройкой 55 из сооружений Маяцкого селища имеет постройка 39а [Винников, Плетнева. 1998. С. 77–78]. Помимо нечеткого котлована, минимальной глубины и большого количества ямок неправильной формы, оба сооружения характеризуются выбитым, неровным полом и темным налетом, покрывающим его. А. З. Винников и С. А. Плетне-

ва атрибутируют постройку 39а как помещение для содержания животных. При этом, если размеры постройки 39а (ок. 20 м²) позволяют использовать её как хлев, то небольшая площадь объекта из раскопа 20 (менее 4 м²) делает подобную интерпретацию маловероятной. В то же время, можно предположить, что нами зафиксирована лишь наиболее углубленная часть сооружения, тогда как реальные размеры постройки были больше. В пользу этого предположения говорит наличие участков концентрации археологического материала в кв. 39–40, 42. Большое (для Маяцкого селища) количество находок в предматериковом слое этих квадратов, свидетельствует о наличии каких-то углублений, возможно, связанных с постройкой (рис. 3).

Как уже сообщалось выше, помимо хозяйственных построек в площади раскопа 20 было прослежено пять погребений в ямах. Три из них расположены к юго-востоку от постройки 54, два между ней и постройкой 55. Наличие в заполнении погребений фрагментов керамики свидетельствует в пользу того, что могильные ямы были выкопаны в слое уже содержащем поселенческий материал, то есть, после прекращения хозяйственной деятельности в этой части селища. Собственно, расположение постройки 54 среди могил затруднило бы ее использование.

Значительное количество костей и фрагментов керамики в заполнении постройки 55 можно объяснить вторичным использованием её котлована в качестве места свалки мусора. Хозяйственный характер сооружения не позволяет считать накопившийся в заполнении материал, носящий сугубо бытовой характер, результатом его использования. Вероятно, сюда сваливали мусор из близлежащих жилищ. В котловане постройки 54 практически не прослежено находок. Это можно объяснить как поздним (относительно остальных бытовых сооружений данной части селища) временем его существования, так и удаленностью от жилищ, что делало транспортировку мусора весьма трудоемким занятием.

Таким образом, можно предположить, что процесс освоения населением салтово-маяцкой культуры южной окраины Маяцкого мыса прошел несколько этапов. Первый этап включает в себя сооружение и использование постройки 54 и 55 по прямому назначению. Второй этап, характеризуется вторичным использованием котлованов построек — после прекращения их функционирования котлован постройки 55 непродолжительное время используется в качестве места свалки мусора, постройка 54 разрушается и заполняется грунтом без участия человека. По прошествии некоторого времени, в западине постройки 54 совершается погребение. Третий этап включает в себя использование заброшенной части селища как места для размещения регулярного могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонова О. А. Могильники Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской экспедиции. — Т. III. МИА № 109. — М-Л.: Изд. АН СССР, 1963. — С. 9–216.

- Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). — Воронеж : Изд-во Воронежского ГУ, 1991. — 192 с.
- Винников А. З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. — Воронеж : Изд-во Воронежского ГУ, 1998. — 227 с.
- Кравченко Э. Е., Давыденко В. В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. Хазарское время. Донецк : Изд-во Дон ГУ, 2001. — С. 233–302.
- Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА № 3. 1976. — С. 267–278.
- Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М. : Наука, 1989. — 288 с.
- Сарапулкин В. А.* Новые погребения Маяцкого селища // РА № 2. 2014. — С. 127–136.

Г. Е. Свистун

ВЕРБОВСКОЕ (ПЕРВОМАЙСКОЕ) ГОРОДИЩЕ

Work contains the information got as a result of researches of hill-fort Verbovskoye of Saltovo-Mayatsk culture. Described planning feature, building receptions and fortification decisions, finding application on a monument. Analogies are educed with other sites of ancient settlement of this region.

Не все лесостепные городища салтово-маяцкой культуры после своего открытия немедленно были правильно интерпретированы и привлечены к научному анализу. У каждого памятника в этом отношении своя история и причины сложившегося положения. Одним из таких фортификационных пунктов является Вербовское (Первомайское) городище. Оно расположено в Балаклеевском районе между селами Байрак и Первомайское на правом берегу р. Северский Донец (рис. 1, 1). Памятник был выявлен Б. А. Шрамко в 1957 г., который изначально отнес его к кругу салтово-маяцких древностей [Шрамко, 1957. С. 6, рис. X, 1–3] (рис. 2). Но данные о городище, имевшиеся в распоряжении ученых, были крайне ограниченными. Это не давало полной уверенности Г. Е. Афанасьеву относительно культурно-хронологической интерпретации памятника. Поэтому исследователь первоначально отказался рассматривать его среди прочих, известных ко вт. пол. 1980-х гг., лесостепных городищ [Афанасьев, 1987. С. 89]*, изменив свою точку зрения лишь несколько позже [Афанасьев, 1993. С. 123, 124].

Б. А. Шрамко в отчете о полевых археологических исследованиях, проведенных в 1957 г., сообщал, что обнаруженное городище было названо Вербовским по имени некогда располагавшегося вблизи хутора** [Шрамко, 1957. С. 6]. Исследователь также приводит размеры памятника – укрепление составляет ок. 500 м в длину и ок. 150 м в ширину. Его поверхность на время

* В данной работе ошибочно указано, что Б. А. Шрамко производил осмотр городищенского мыса в 1958 г.

** Не исключено, что первооткрыватель ошибался, т. к. сведения о хуторе с таким названием в непосредственной близости от городища отсутствуют в картографических и письменных источниках XVIII–XX вв. Напротив – село (ранее слобода) с таким названием расположено на левобережье Северского Донца на расстоянии ок. 8 км в северном направлении. Тем не менее, на немецкой военной карте 1943 г. с восточной стороны от городища все же обозначен некий объект с постройками и подписью «Haupt-Swch» (Haupt-Sowchos), что дословно может быть переведено как «председатель совхоза». Т. е., в середине XX в. там действительно существовало некое дворце, на месте которого на распаханном поле встречаются соответствующие тому времени фрагменты посуды, строительный мусор и прочее.

осмотра была задернована (рис. 3), но, несмотря на это, на ней встречались мелкие фрагменты салтово-маяцкой керамики. Поперек напольной стороны городища проходила полоса скопления камней, которые, как предполагал исследователь, принадлежали разрушенному укреплению (рис. 4).

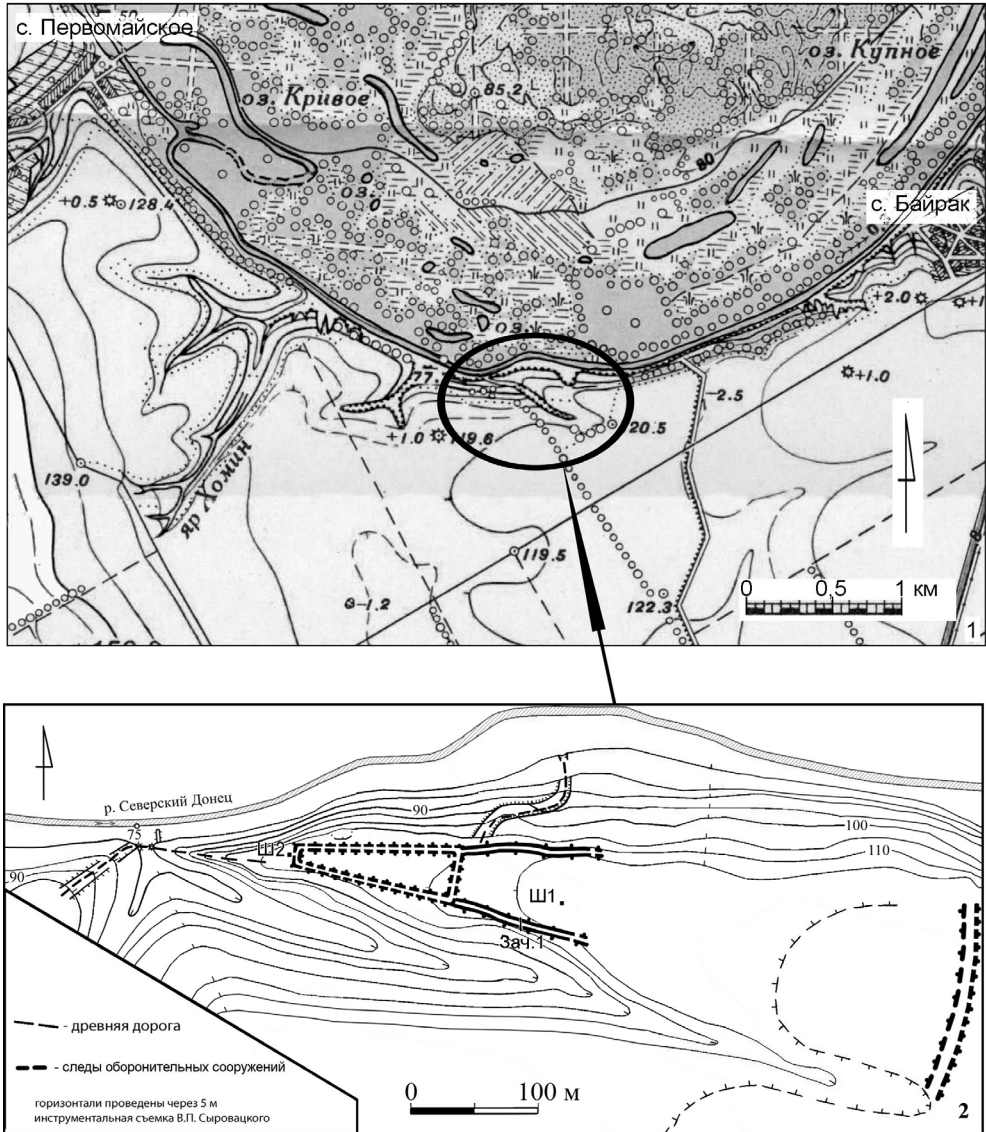

Рис. 1. Карта расположения и план Вербовского городища

Также ученый фиксирует местные названия урочища, в котором расположен памятник – Сухая балка или Липовый (Берёзовый) гай [Шрамко, 1957. С. 6].

Рис. 2. Вид на Вербовское городище со стороны поймы Северского Донца.
Вид с северо-востока. Фото 1957 г. Б. А. Шрамко

Рис. 3. Вид на цитадель Вербовского городища. Вид с востока. Фото 1957 г. Б. А. Шрамко

Рис. 4. Вид на напольную линию обороны Вербовского городища.
Вид с юго-востока. Фото 1957 г. Б. А. Шрамко

Вторично городище осматривалось А. В. Крыгановым в 1994 г., который составил глазомерный план западного дворища (цитадели), по периметру которого фиксировались остатки укреплений с применением в строительных конструкциях песчаникового камня. Помимо прочего, исследователь обратил внимание на неверную локализацию памятника в справочнике по археологии Украины [Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977. С. 41] и смещение с частичным разрушением его охранного знака [Крыганов, 1994. С. 128, Табл. III; Крыганов, 2004. С. 140, 141]. Внимание А. В. Крыганова не было обращено на остальную часть памятника. Но, тем не менее, были проведены целенаправленные поиски салтово-маяцких селищ — прилегающего или находящихся в непосредственной близости от городища, на правом и левом берегах Северского Донца. Но таковых выявлено не было [Крыганов, 1995. С. 104]*.

В результате проведенных полевых исследований 2011 г. были значительно дополнены сведения, касающиеся Вербовского городища: снят инструментальный план, зафиксированы ранее не известные особенности планировки и конструкции оборонительных сооружений, произведено ис-

* В 2011 г. такая попытка была повторена автором данной работы, осмотревшим правобережье Северского Донца, но салтово-маяцких памятников поблизости городища также не было выявлено [Свистун, 2011. С. 11].

следование линии обороны восточного дворища, осуществлено шурфовые территории памятника [Свистун, 2011. С. 8–14, рис. 13–25].

В топографическом отношении городище занимает узкий коренной мыс, возвышающийся относительно поймы реки на высоту до 35–40 м, обращенный своей стрелкой навстречу течению реки – в западном направлении (рис. 1, 2).

От плато мыс отделен глубоким оврагом. По другую сторону оврага – напротив стрелки мыса – расположен почти полностью заброшенный дачный поселок, в котором ещё поддерживаются всего около пяти хозяйств. Общая длина городища от стрелки мыса до напольной линии обороны составляет ≈ 620 м. Всего имеется два дворища – западное, укрепленное оборонительными сооружениями с применением песчаника (рис. 5), и восточное, имеющее грунтовые укрепления (рис. 6).

Рис. 5. Вид на цитадель Вербовского городища в 2011 году. Вид с востока

Восточное дворище общей площадью 5,5 га* с напольной стороны (с востока) ограждено распаханым валом. По его трассе протяженностью не менее 160 м встречаются находки фрагментов строительной керамики, представляющие собой пропеченную глину с вкраплениями выгорев-

* В настоящий момент внешнее дворище частично находится под высаженным лиственным лесом, частично – распахивается, и лишь в западной части, примыкающей к цитадели, сохраняется незначительно затронутая современной хозяйственной деятельностью площадка, представляющая собой небольшую поляну.

ших органических остатков (в частности, стеблей растений), а также известковых и прочих фракций неорганического происхождения. На изломе цвет изделий равномерный, оранжево-коричневых оттенков (рис. 7, 2). Один из фрагментов представляет собой угол формованного кирпича. Поверхность изделия имеет белесый цвет (рис. 7, 1). Можно отметить идентичность этих фрагментов со строительной керамикой, найденной на других лесостепных салтово-маяцких городищах — Чугуевском, Кабановом и Кочеток-I [Свистун, 2007. С. 40–58]. Также были найдены мелкие фрагменты салтово-маяцких кухонных горшков, имеющих нарезной прямолинейный орнамент на внешней поверхности, выполненный гребенчатым штампом (рис. 8, 8). Поверхность таких фрагментов белесая. Тесто содержит примеси керамического шамота. Черепок на изломе черный или серо-черный*.

Рис. 6. Вид на южный сектор с грунтовым валом восточного дворища в 2011 году. Вид с запада

* Помимо прочего, на поверхности восточной оконечности городища, как и на поверхности прилегающего к нему плато, были найдены отщепы мелового кремня.

Рис. 7. Фрагменты строительной керамики, собранной на месте
напольной линии обороны Вербовского городища

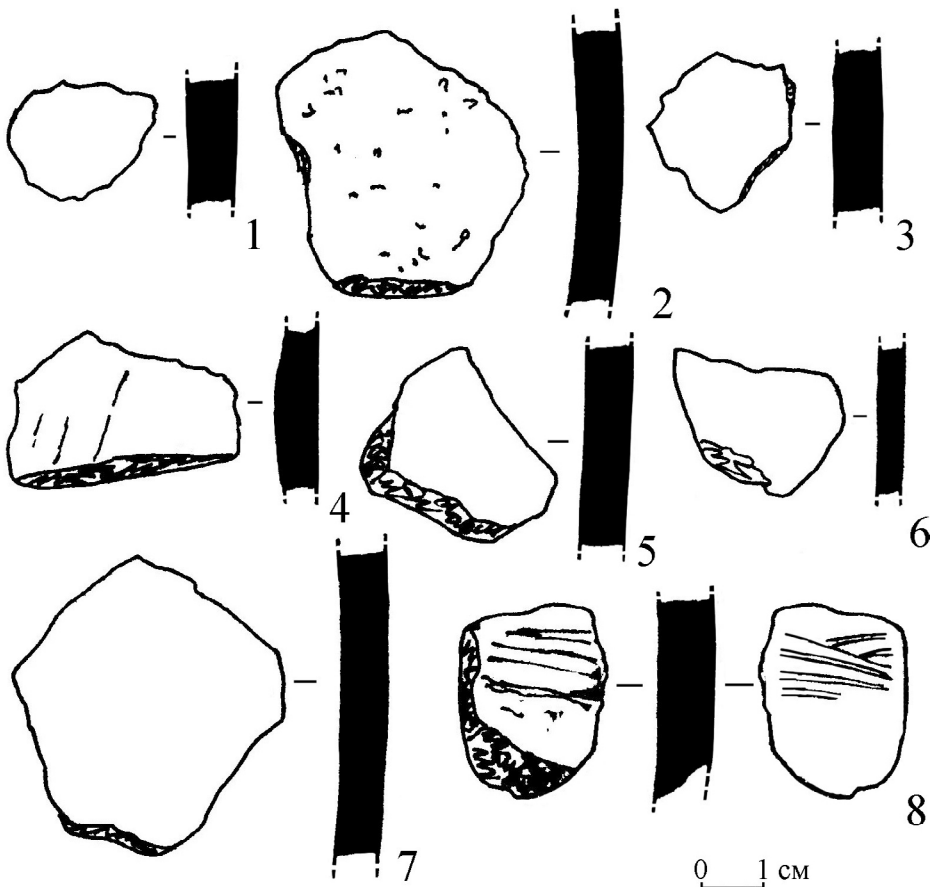

Рис. 8. Фрагменты керамических сосудов с Вербовского городища

Напольная линия обороны замыкается на истоки оврагов со стороны плато и поймы. Далее вал с различной степенью сохранности на отдельных участках проходит по периметру восточного дворища.

На южной экспозиции городища, в районе прохождения вала восточного дворища, была выявлена эрозия грунта, образовавшаяся, как можно предположить, вследствие старого незасыпанного разреза вала с целью его археологического изучения. В пользу этого свидетельствует строгая ориентация эрозии по линии север-юг и характерные размеры на ширину искусственной насыпи фортификационного назначения*. Было принято решение произвести на этом месте зачистку (рис. 9). В результате проведенных работ было выяснено, что верхний дерновой слой составляет 10–15 см. В нем был найден фрагмент стенки гончарного сероглиняного (дымленого) сосуда позднего средневековья или нового времени (рис. 8, 1). Ниже дернового слоя залегает суглинок, в котором был обнаружен фрагмент стенки раннесредневековой красноглиняной амфоры с равномерным обжигом по всей толщине черепка (рис. 8, 2). Также была выявлена столбовая яма с плоским дном, которая, возможно, представляла собой элемент надвальной конструкции — ограды закладной конструкции. Диаметр ямы составлял 43–44 см при глубине от современной дневной поверхности ок. 70 см. Заполнение ямы биструктурное по вертикали и состояло из мешаного чернозема и суглинка. Возможно, что суглинок представлял собой уплотняющую засыпку или же на этом месте был размещен дополнительный деревянный клин. Такой прием укрепления столбов оборонительной ограды известен в русском деревянном зодчестве (в частности, в конструкции Братского острога XVII в. [Крадин, 1988. С. 8, 9, рис. 3]), а также широко применяется до настоящего времени в постройках различного назначения, являясь простым и эффективным способом закрепления опор. Но не исключено, что в исследованной яме были размещены два расколотых вдоль ствола, между которыми крепились закладные элементы деревянной изгороди. По всей ширине вала под дерном залегает мешаный слой чернозема и суглинка мощностью до 23–25 см в центральной части насыпи и ≈ 10–12 см у ее краев. Под этим слоем располагается слой суглинка мощностью до 40 см в центральной части насыпи. Мощность этого слоя, как и выше расположенного, уменьшается по направлению к краям. Вал расположен непосредственно на материке, представляющем собой суглинок желто-коричневого оттенка. Общая ширина насыпи составляет ок. 7 м.

* Автором данной работы было проведено изучение архивных материалов и выяснено, что в архиве Института археологии НАНУ о проведении на этом месте археологических раскопок никаких данных не имеется.

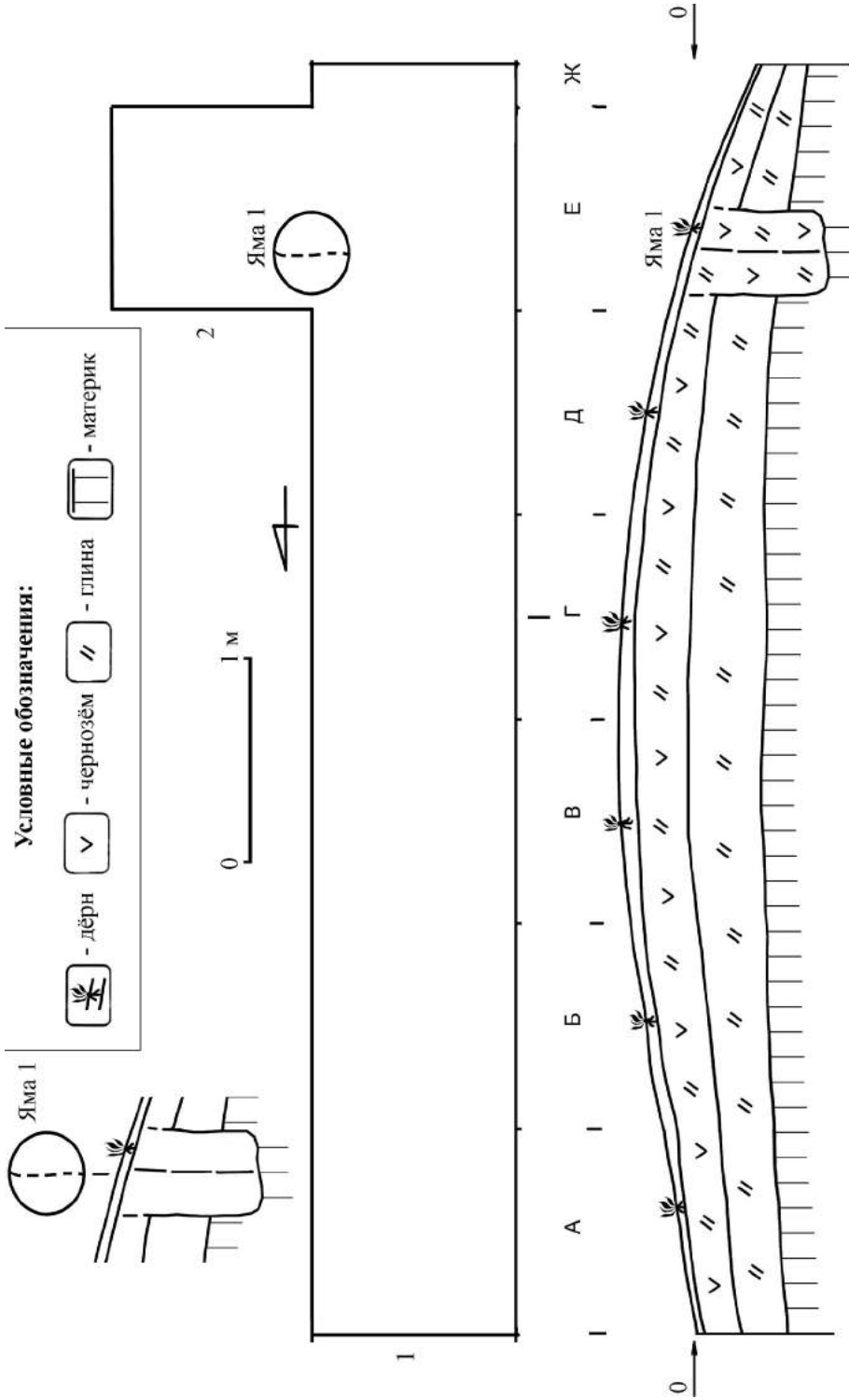

Рис. 9. Планиграфия и стратиграфия зачистки южного вала восточного дворища Вербовского городища

Западное дворище (цитадель) общей площадью 0,5 га имеет вытянутую трапециевидную форму размерами $15 \times 125 \times 45 \times 125$ м* с учетом фортификационных сооружений, проходящих по периметру. В их конструкции был применен песчаниковый камень**. На боковых краях мыса и с напольной стороны А. В. Крыгановым отмечены, помимо мелких камней, частые находки крупных образцов размером $40 \times 40 \times 15$ см [Крыганов, 2001]. Во время разведок 2011 г. на поверхности был встречен лишь один рваный камень, достигающий этих параметров.

Со стороны Северского Донца (рис. 10), а также со стороны стрелки мыса (рис. 11) сохранились спланированные въезды на верхнюю площадку городища. Со стороны реки дорога подходит к границе внешнего и внутреннего дворищ (рис. 1, 2)***. Она врезана в склон и, описывая дугу (вектор прохождения сверху вниз в целом характеризуется северо-восточным направлением), спускается к пойме. Спланированная дорога имеет некоторое грунтовое возвышение по внешней стороне дуги прохождения, образованного из грунта, высвобожденного при планировании трассы. Ее ширина составляет ≈ 3 м. У спуска к воде дорога под прямым углом обращается к пойме реки. Здесь её ширина не превышает 2 м. Трасса углублена под крутым углом в склон мыса. Валообразные возвышения визуальнo фиксируются с обеих сторон, из которых более мощным по высоте и ширине является восточное. В данном месте современное русло реки отклоняется от мыса в северо-восточном направлении, а прилегающая заливная пойма на данный момент заболочена.

Со стороны стрелки мыса дорога с верхней площадки городища спускается по узкому пандусу шириной ≈ 1 м к месту впадения в пойму Северского Донца оврага, ограждающего городище с южной стороны (рис. 1, 2). На нижнем участке пандус переходит в горизонтальное валоподобное возвышение длиной ≈ 5 м (рис. 12). Здесь дорога прерывается, давая «проход» ручью талых вод по тальвегу оврага, который обводняется, по всей видимости, в период весенних паводков и дождей****. На момент нашего посещения

* А. В. Крыганов указывает внутреннюю площадь городища (т. е. цитадели), равную 1,5 га, а, согласно приведенному им плану памятника, его размеры составляют $\approx 44 \times 275 \times 135 \times 275$ м [Крыганов, 1994. С. 132, табл. IV; 11], что, очевидно, является ошибкой, допущенной при масштабировании.

** К настоящему времени территория цитадели сильно повреждена искусственной высадкой леса — от траншей под засадку фиксируются глубокие борозды, проходящие по всей площади дворища с востока на запад. Раздробленные камни из остатков оборонительных сооружений местами выступают на поверхность почвы, обозначая периметр линии обороны.

*** Данная дорога запечатлена на фото 1957 г. Б. А. Шрамко [Шрамко, 1957. Рис. X, 1] — слева относительно общего плана (рис. 2).

**** Следует отметить, что по всему оврагу, опоясывающему городище с южной стороны, имеется ложбина по тальвегу, образованная, по всей видимости, сходом воды в весенний период.

памятника в осенний период его дно было влажным. Здесь, по-видимому, в раннем средневековье был обустроен деревянный мост. С обратной стороны оврага дорога продолжается по склону соседнего мыса, выводя на плато правого берега. Вектор её направленности на данном участке — юго-юго-запад. В этом месте дорога врезана в грунт и расширяется по направлению подъема. Ширина её изменяется от ≈ 3 до 4–5 м при длине ок. 8–10 м. Далее по узкому мысу дорога наоборот — проходит по возвышению с откосами и прослеживается до дачного поселка. На этом участке её трасса засажена лесом.

Рис. 10. Вид дороги на северном склоне Вербовского городища в 2011 году. Вид с юга

Рис. 11. Вид стрелки мыса, на котором расположено Вербовское городище в 2011 году. Вид с востока

Рис. 12. Вид пандуса на дне оврага с западной стороны Вербовского городища в 2011 году. Вид с востока

Внизу, у разрыва пандуса с предполагаемым в прошлом мостом, перпендикулярно от насыпи на месте перехода в горизонтальную плоскость, отходит под прямым углом в пойму до самой реки валоподобное возвышение высотой не более одного метра. Этот конструктив имеет ширину $\approx 1 - 1,5$ м и длину до 5–6 м. Скорее всего, это прикрытие городищенского мыса от проникновения по северному склону. Подобные небольшие валы были устроены на городище Короповы Хутора, также расположенном в долине Северского Донца [Колода, Чендев, 2010–2011. С. 112, рис. 3].

На северной оконечности мыса, со стороны реки, имеется спланированная, овальная в плане, площадка размерами $\approx 5 \times 5$ м, расположенная несколько ниже — на ≈ 2 м — относительно верхней площадки. Назначение и время её сооружения остаются не выясненными.

С целью выяснить характер культурных отложений были заложены два шурфа размерами 2×2 м каждый — в западной части восточного дворища и в районе прохождения западного сектора линии обороны цитадели (рис. 1, 2).

В шурфе № 1 под дерновым слоем мощностью 5–10 см обнаружен культурный слой (чернозем), мощность которого достигает 60 см. Данный слой слабо насыщен находками: фрагментами стенок красноглиняных ам-

фор (рис. 8, 4), лепных горшков (рис. 8, 3, 5), отщепов мелового кремня из желваков. Фрагменты амфор имеют равномерный качественный обжиг по всей толщине черепка. На отдельных экземплярах отмечено гофрирование поверхности. Фрагменты стенок лепных горшков имеют плохую, неравномерную пропеченность поверхности, характеризующуюся изменением цветовой гаммы от коричневого цвета на внешней стороне до черного на внутренней. В тесте отмечалась примесь мелкого песка. Общие характеристики позволяют отнести их к эпохе бронзового века.

Чернозем, содержащий находки артефактов, визуально не стратифицировался в соответствии с датирующими характеристиками находок. Можно лишь отметить, что раннесредневековые материалы находились на глубине, не превышающей 20 см, т. е. в дерне и подстилающем его горизонте.

Ниже культурного слоя находился предматерик и материковый суглинок.

В шурфе № 2 ниже дернового слоя мощностью 5–10 см фиксировалась прослойка чернозема мощностью до 15–20 сантиметров. В дерновом слое встречался песчаниковый щебень. На глубине 20–30 см начинался слой алевролита, смешанного с фракциями чернозема и мела. С первого штыка в грунте выявлен древесный тлен, залегающий на глубину ок. 15–20 см. Это остатки, по-видимому, столба диаметром 10–12 см. Также в дерновом слое встречен фрагмент гончарного сосуда позднего средневековья или нового времени, изготовленного из каолиновой глины с железистой внешней поверхностью (рис. 8, 6). На глубине 30 см найдена стенка средневекового гончарного сосуда с примесью в тесте мелкого шамота (рис. 8, 7). Внешняя поверхность данного фрагмента имела коричнево-оранжевый оттенок. В целом при равномерном обжиге черепка он имел на изломе коричневый оттенок.

Шурф был доведен до глубины 1 м. С глубины \approx 40 см в шурфе залегал слой плотного алевролита и до указанной выше глубины изменений состава почвенных отложений не прослежено. По всей видимости, данный слой носит искусственный характер и является частью конструктива оборонительных сооружений цитадели, так как отложения алевролита не характерны для уровня вершины плато, являясь, как правило, донными отложениями водных артерий.

Таким образом, проанализировав выявленные черты, подтверждается принадлежность Вербовского городища общей площадью 6 га к салтовско-маяцкой археологической культуре, и оно может быть датировано в общих рамках лесостепного варианта сер. VIII–IX вв. Помимо этого, на памятнике выявлены отложения эпохи бронзы, но на основании выявленной невыразительной керамики этого периода более узкую датировку указанных отложений дать затруднительно. Также зафиксированы следы пребывания на памятнике в период колонизации Слобожанского края в позднем средневековье или новом времени – в XVI–XVIII вв.

Двухсекторное городище, максимально используя защитные свойства местности, имело фортификационные сооружения цитадели, возведенные с помощью песчаника (по-видимому, грунтовые валы с каменными крепидами). Боковые оборонительные валы внешнего дворища являлись грунтовыми насыпями с деревянной надстройкой, имевшей, скорее всего, закладную конструкцию. Со стороны поля восточное дворище было укреплено поперечной линией, при сооружении которой была использована строительная керамика (возможно, кирпич, о чем может свидетельствовать фрагмент с гранями плоскостей) и песчаник, россыпи которого фиксировал в 1957 г. первооткрыватель городища Б. А. Шрамко. Количество строительной керамики и камня, как на территории цитадели, так и в районе напольной линии обороны, не позволяют трактовать оборонительные сооружения с использованием этих материалов иначе как валы с крепидами по краям насыпей. О стенах в традиционном понимании на Вербовском городище, как и на других памятниках в Северскодонецком и Оскольском микрорегионах лесостепи, ничего не свидетельствует. Это еще раз подтверждает точку зрения Г. Е. Афанасьева, касающуюся конструкции оборонительных сооружений данного круга памятников [Афанасьев, 1987. С. 113].

Обращает на себя внимание наличие сохранившихся дорог, ведущих со стороны поймы реки на плато через территорию городища. В этом отношении городище имеет близкие параллели с рядом других фортификационных пунктов в долине Северского Донца (городищами Кочеток-II, Мартовским [Свистун, 2012а], Хотомлянским [Зинченко. Свистун, 2005]) и Оскола (Пристен [Голубева, Аксьонов, Задніков, Квітковський, Колода, Окатенко, Пеляшенко, Свистун, 2012. С. 37, 38, рис. 141 – 150]), на которых также зафиксированы проезды, соединяющие пойму и плато. Возможно, что подобное прохождение дорог через территорию городищ имело место и на некоторых других лесостепных салтово-маяцких памятниках, но степень их изученности и сохранности не позволяют этого утверждать.

Отсутствие рядом с Вербовским городищем одновременных селищ может свидетельствовать о том, что данный форпост был призван контролировать некую стратегически важную дорогу, но близость степи (рассматриваемый памятник является самым южным из всех известных укрепленных пунктов лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры) с иным этническим компонентом препятствовала широкому хозяйственному освоению округи. В то же время ландшафт местности в районе Вербовского городища практически не оставляет места для селищ, так как высокое, защищенное многочисленными оврагами (как это имеет место, например, в районе Чугуевского городища [Свистун, 2012б. С. 13, рис. 2]), плато правого берега Северского Донца вплотную подходит к руслу, а участки поймы являются заливными. Примыкающий левый берег реки также заболочен и даже сейчас — при условии всеобщего обмеления водных артерий региона — практически не обжит. Более определенно ответить на эти вопросы

позволят дальнейшие исследования раннесредневековых памятников в пограничье степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры, выяснение военно-политической и этносоциальной обстановок в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. — М., 1987. — Вып. 2. — 199 с.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы : Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993. — 184 с.
- Голубева І. В., Аксьонов В. С., Задніков С. А., Квітковський В. І., Колода В. В., Окатенко В. М., Пеляшенко К. Ю., Свистун Г. Є. Звіт про наукові археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2012 р. // НА ІА НАН України. — 2012. — без номера.
- Зінченко О. М., Свистун Г. Є. Нові пам'ятки салтово-маяцької культури в долині Сіверського Дінця // Археологічні дослідження в Україні. Зб. наукових праць. — Київ : ІА НАН України. — 2005. — С. 127—129.
- Колода В. В., Чендев Ю. Г. К вопросу о возможности интеграции археологических и почвенных исследований (на примере городища Коробовы Хутора) // Хазарский альманах. — Т. 9. — Киев-Харьков, 2010—2011. — С. 107—130.
- Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество — М., 1988. — 142 с.
- Крыганов А. В. Отчет о разведках в Балаклейском, Волчанском и Змиевском районах Харьковской области в 1994 г. // НА ІА НАН України. — № 1994/75.
- Крыганов А. В. Отчет о разведках в Волчанском, Змиевском, Чугуевском и Балаклейском районах Харьковской области в 1995 г. // НА ІА НАН України. — № 1995/84.
- Крыганов А. В. Археологические разведки на Харьковщине в 1995—1996 годах // Восточно-европейский археологический журнал. — 5 (12), сентябрь-октябрь 2001 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://archaeology.kiev.ua/journal/050901/kryganov.htm>. (дата обращения : 20.10.2015).
- Крыганов А. В. Два уникальнейших фортификационных пункта Хазарии на её северо-западной окраине // VIII східнознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. — К., 2004. — С. 139—141.
- Свистун Г. Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. — Вып. 2. — Харьков, 2007. — С. 40—58.
- Свистун Г. Е. Отчет о проведении разведок в Волчанском, Балаклеевском и Чугуевском районах Харьковской области // НА ІА НАН України. — 2011. — без номера.
- Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. — Т. 10. — Киев-Харьков, 2012а. — С. 146—158.
- Свистун Г. Е. Фортификация Чугуевского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 9. — Донецк, 2012б. — С. 7—34.
- Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1957 г. // НА ІА НАН України. — № 1957/16.
- Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины (Харьковская область) — Киев, 1977. — 155 с.

Г. Е. Свистун, А. А. Лаптев

САЛТОВО-МАЯЦКОЕ ГОРОДИЩЕ У с. ПРИСТЕН И ЕГО ОКРУГА

The fortified settlement Prystin is one of the five located in the basin of Oskol now-known similar monument-sites of Saltov archaeological culture. During more than 50 years from discovery there was few data about fortified settlement. Explorations realized by authors this work show information about structural elements, building materials, features of layout. Fortified settlement needs further study.

В салтоведческих исследованиях харьковский участок Поосколья всегда оставался белым пятном. Этому способствовала удаленность вначале от губернских, а затем от областных центров, традиционно бывших средоточиями научной жизни. В то же время, известия о древностях в бассейне р. Оскол начали появляться ещё до выделения собственно салтово-маяцкой культуры. Так, в 1869 г. у с. Столбище было обнаружено подкурганное погребение [Афанасьев, 1987. С. 193, 194], а в 1891 г. — комплекс вещей у с. Тополи [Кухаренко, 1951. С. 99]. Обширные, но весьма поверхностные разведки 1947 г., осуществленные И. И. Ляпушкиным, позволили открыть несколько салтово-маяцких поселений, расположенных на большом расстоянии друг от друга (Голубовка, Гороховатка, Новоселье, Тополи [Ляпушкин, 1961. С. 201, 202, 204, 213, 214]). И лишь накануне сооружения Краснооскольского водохранилища Поосколье стало ареной пристального внимания профессиональных археологов. В течение 1955 г. нижнее течение р. Оскола обследовалось П. Д. Либеровым (с 11 мая по 12 июня, причем 25—31 мая в составе экспедиции работал Б. А. Шрамко) и Д. Я. Телегиным (13—16 июня, а затем 16 сентября — 12 октября). Однако тщательность осмотра поймы, которой грозило затопление, компенсировалась невнимательностью к высоким участкам берега, а также к участкам, не попадавшим в зону водохранилища. И именно этим обстоятельством можно объяснить недостаток сведений о городище, расположенном у с. Пристен Купянского района Харьковской области, в верховьях Краснооскольского водохранилища.

Городище было открыто П. Д. Либеровым 21 мая 1955 г. во время пешей разведки, проводимой от места сооружения дамбы у с. Красный Оскол. Городище стало финальной точкой обследования правого берега. После него исследователь проехал в Купянск без обследования берега (до сих пор на этом участке не известно ни одного поселенческого памятника!), от-

куда направился в Изюм, чтобы начать разведки по левому берегу [Телегин, 1955б. Л. 7]. Скудная информация научного отчета ограничивалась следующими строками: «...к этому времени (XVII в. — Г. С., А. Л.) относятся, по-видимому, и городища у с. Гороховатка и Пристин*. От городища у с. Гороховатки остались только основания каменной кладки из известковых пород, а от городища малых размеров Пристин сохранились еще хорошо валы и рвы**» [Либеров, 1955. Л. 7]. Осенью того же года — 18 сентября — окрестности села были осмотрены Д. Я. Телегиным и работавшим в его отряде Е. В. Пузаковым. Однако городище их не заинтересовало. То ли дело было в иной специализации археологов, то ли исследователи просто сэкономили силы перед длительной разведкой — так или иначе, никаких сведений о памятнике ни в отчетах, ни в полевой документации нет.

С момента выявления городища Пристен прошло 58 лет, однако за это время ни разу данный памятник не привлекался к научному анализу и даже не был составлен его графический план. Результаты проведенной разведки П. Д. Либерова нашли отражение лишь в небольшой сводной публикации, где давалась общая информация о рассматриваемом памятнике, значительно дополняющая отчетные данные: «...городище находится на высокой горе Пристин. Гора ограничена глубокой балкой, которая с южной стороны спускается к центру с. Пристин. С городища открывается широкий обзор поймы и дальше — за ее пределами. На городище не было ни валов, ни рвов; стены его сделаны из белого известкового камня-плитняка, но они разобраны, и контуры заметны только по остаткам основания в виде мелких камней и плит. Городище — почти правильной прямоугольной формы: длина западной стороны его — 48—50 м, южной — 90 м, восточной (до уступа) — 24 м, а затем стена поворачивает на запад и, достигнув длины 57 м, — опять на север, где через 18—20 м соединяется с северной стеной. При обследовании не удалось найти никаких культурных остатков, так как верхний слой задернован. Было ли это городище или крепость в прямом смысле — утверждать трудно» [Либеров, 1961. С. 100, 102]. Стоит также отметить, что приложенная к статье карта расположения памятников очень неточно отмечала место городища.

* Старинное название слободы, по которой именуется городище — Пристен. Это зафиксировано как старинными картами и планами, так и документами, историческими и биографическими трудами, например: [Филарет (Гумилевский), 2005. С. 359; Репин, 1960. С. 278 и др.]. На протяжении XX в. встречались различные написания названия данного населенного пункта. Авторы данной статьи предпочитают использовать первоначальные, неискаженные топонимы.

** Один из участников экспедиции Б. А. Шрамко также указывает в своем полевом дневнике позднюю датировку этих городищ, но из текста явствует, что П. Д. Либеров лично осматривал городища, а автор дневника руководствовался его данными касательно всех осмотренных укрепленных пунктов [Шрамко, 1955. С. 5].

Повторно разведки на городище у с. Пристен были проведены В. К. Михеевым в 1970 г. Исследователь отметил, что городище «...занимает высокое плато, расположенное в 300 м от восточной окраины села. Плато отрезано от напольной стороны двумя глубокими балками и соединяется с ней проходом шириной 30 м. Городище имеет трапецевидную форму: 50×90×57 м. Контуры его заметны по развалу стен, некогда сооруженных из белого камня-известняка. Само городище разделено стеной на две части: западную и восточную. П. Д. Либеров, посетивший городище в 1955 г., не определил культурную принадлежность этого памятника, очевидно, потому, что площадь городища в то время была задернована и подъемный материал на нем не был собран. В настоящее время городище распаивается. Контуры развала стен отчетливо видны, а на поверхности почвы встречаются немногочисленные фрагменты салтовской керамики. Городище у с. Пристин представляет одну из крепостей с каменными стенами салтовской культуры VIII—X вв.» [Михеев, 1970. Л. 9, 10].

Наконец, еще одно упоминание о городище появилось в небольшой историографической работе, посвященной Оскольской экспедиции. Ничего нового автор статьи Д. В. Федоров не сообщил, повторив сведения и продублировав карту памятников, опубликованные еще П. Д. Либеровым [Федоров, 2008. С. 88].

Приведенные данные о городище Пристен, противоречащие друг другу в некоторых деталях, представляют собой весь материал, находившийся до последнего времени в распоряжении археологов. С целью уточнения и расширения наших представлений о памятнике в 2011 и 2012 гг. был предпринят его осмотр, инструментальная съемка плана и шурфование [Лаптев, 2011. Л. 14, 15, рис. 19: 1, 2; Голубева, Аксьонов, Задніков, Квітковський, Колода, Окатенко, Пеляшенко, Свистун, 2012. С. 37, 38, рис. 141—150].

Городище Пристен расположено в Купянском районе Харьковской области Украины на правом берегу р. Оскол. Памятник общей площадью 7,5 га занимает высокое плато высотой 45—50 м относительно поймы реки (рис. 1—3). Русло Оскола у северо-восточного угла городищенской возвышенности изгибается, образуя широкие, местами заболоченные заливные луга. Возвышенность, на которой расположен памятник, отрезана от напольной стороны двумя глубокими балками, образующими городищенский мыс. В западном секторе возвышенности с запада на восток проходит гребень, который в западной части мыса сменяется западиной, спускающейся по восточному склону. Южный склон изрезан задернованными промоинами. Также в её восточной части наличествует заброшенный карьер. Верхняя площадка городища покрыта лиственным и хвойным лесом. Сосны высажены в южном секторе возвышенности, включая эскарп. Полосы насаждений проходят по линии запад-восток.

Сплошные горизонтали проведены через 10 метров

Рис. 1. Карта расположения городища у с. Пристен

Рис. 2. Городище Пристен. Общий вид с юга

Рис. 3. План городища Пристен

Образованный боковыми балками городищенский мыс соединяется с напольной стороной только перемычкой шириной 30 м. Посредине этой перемычки устроен проем-проход в валах, достигающих высоты 4,5 м (рис. 4). Ширина проема по краям осунувшихся торцевых краев насыпей валов составляет ок. 3 м. Следует отметить, что проем начинается не с самой подошвы валов, а на уровне почвы дворища в данном месте, т. е. с высоты ок. 2,5 м относительно современного уровня дороги, пролегающей вдоль внешнего края оборонительных сооружений. Возможно, что это является результатом поздней подрезки под дорогу, огибающую городище и спускающуюся вдоль всего южного склона в с. Пристен. Этой дорогой, нанесенной уже на карты XIX в., нечасто пользуются до настоящего времени, но вполне возможно, что она возникла еще в раннем средневековье*.

Рис. 4. Вид участка вала и дороги у проезда с западной стороны городища Пристен. Вид с северо-запада

* По ее обочинам — с напольной стороны от городища — имеют место скопления рваного песчаника (рис. 3), происхождение которых — равно как и их связь с системой укреплений городища Пристен — остаются невыясненными. Не исключено, что это могут быть остатки напольной линии укреплений.

Вал с въездным проемом является частью линии обороны, устроенной по системе «вал-эскарп» и проходящей по периметру городищенской возвышенности. На южной экспозиции городища по трассе вала выступает наружу каменная насыпь шириной до 4–5 м, состоящая из рваного песчаника. Высота насыпи на данном участке составляет ок. 0,5–1,5 м относительно уровня бермы. Заложением шурфом у внутреннего края вала был установлен характер каменной основы вала. В шурфе размерами 2 × 2 м (рис. 5) прослежена следующая стратиграфия: 0–0,05 м — слой дерна, перегнивших листьев и хвои (уже в этом слое встречались рваные камни песчаников и щебень); 0,05–0,30 м — гумусированная почва, смешанная с мелоземом и большим количеством песчаникового щебня и одиночных рваных камней; ниже — меловой материк (мелозем). В пределы шурфа попала внутренняя часть вала, сложенного из рваных камней, достигавших размеров 25 см. Однородная в границах шурфа кладка начиналась от уровня материка.

В северо-восточном и восточном секторах вал мало заметен на современной поверхности.

Эскарп внешней линии обороны составляет высоту 5–6 м при ширине ок. 4 м. По горизонтальной площадке в отдельных местах заметно углубление ровика шириной ок. 1 м, который на северной экспозиции городища имеет отвод во внешнюю сторону, спускаясь в восточном направлении вдоль спуска в овраг, постепенно исчезая на поверхности. Возможно, назначение этого конструктива заключается в водоотведении, предотвращающем грунтовую эрозию.

В центральной части городища фиксируется цитадель площадью 1,85 га, укрепленная валом, мощность которого аналогична проходящему по периметру. Внутреннее дворище примыкает к южному сектору внешнего периметра. В её юго-восточном углу расположен мощный вал высотой ок. 4 м круглой в плане формы диаметром по внешней подошве ок. 50 м (рис. 6). Ширина вала составляет не менее 20 м. Внутри данного круга и на внешней поверхности находились отдельные песчаниковые камни со следами подтески граней, выполненных долотом. Ширина следов их рабочей части на поверхности камней находится в пределах 1,5–1,7 см при глубине 0,3–0,5 см. Длина следов обрабатывающего инструмента достигала 12 см. На отдельных плоскостях следы были параллельны относительно друг друга и нанесены под углом относительно границ смежных граней (рис. 7). Но также имели место и следы, векторы направленности которых пересекались. Их толщина составила ок. 19, 21 и 28 см. Наибольшая ширина и длина найденных обломков равнялась 22 × 35 см. Некоторые из обломков сохранили углы внешних граней, близкие к прямым. По всей видимости, это фрагменты строительных блоков.

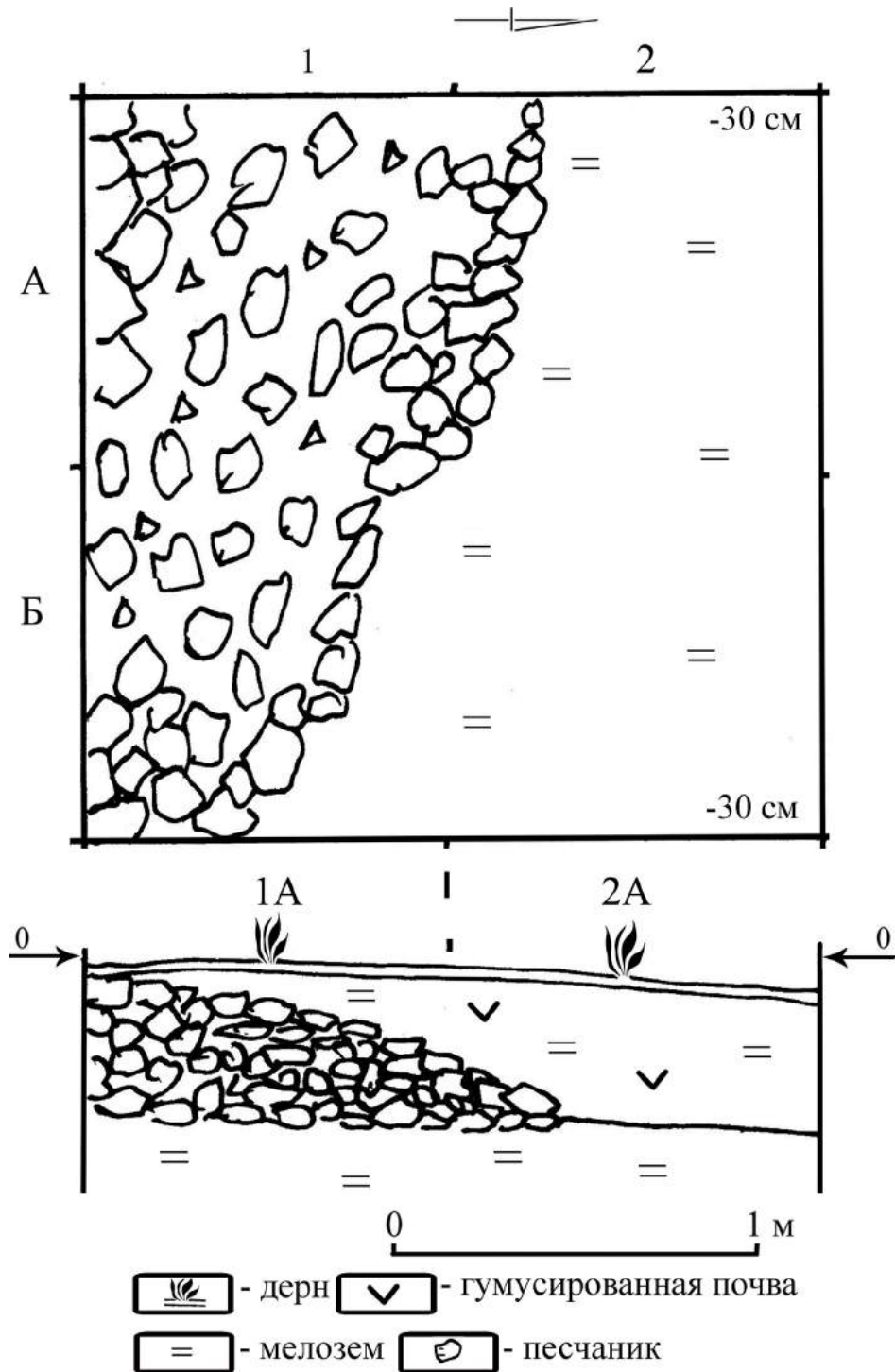

Рис. 5. Планиграфия и стратиграфия шурфа на южном участке вала городища Пристен

Рис. 6. Участок кольцевого вала, примыкающего к юго-восточной части внутреннего укрепления на городище Пристен. Вид с юга

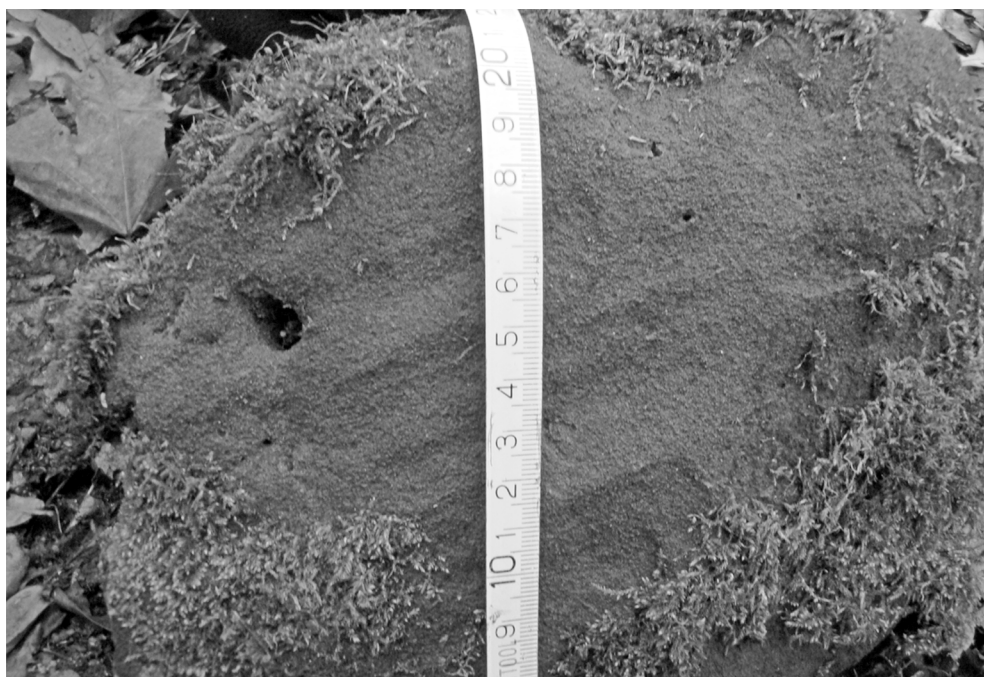

Рис. 7. Следы обработки песчаникового камня из городища Пристен

Западный сектор цитадели представляет собой прямой участок оборонительного вала, пересекающий возвышенность, очевидно являвшуюся дорогой, проходящую от западного въезда до цитадели. У южного края южный сектор цитадели примыкал под углом ок. 60° к валу внешней линии обороны, опоясывающей по периметру городищенскую возвышенность.

В юго-восточном секторе городища находится подпрямоугольный выступ, где расположен еще один кольцевой вал (рис. 8). Его внешний диаметр составляет ок. 40 м. Высота вала изменяется — с внутренней стороны городища она доходит до 4 м, постепенно уменьшаясь по направлению к внешнему абрису городищенской возвышенности, где он составляет в высоту 1–1,5 м. Ширина вала в основании также изменяется в зависимости от высоты и колеблется в пределах 4–10 м.

У внешнего края кольцевого вала, обращенного к оврагу и пойме реки, расположены остатки огневой точки времен Великой Отечественной войны. Здесь же, в юго-восточном секторе кольцевого вала, фиксируется вход на городище со стороны поймы реки. Дорога на городище имеет характер узкой тропы. Её контролировала огневая точка, расположенная рядом.

Рис. 8. Участок кольцевого вала, примыкающего к юго-восточной части внешнего укрепления на городище Пристен. Вид с юго-востока

На внутренней площадке городища — в его восточном секторе — расположено вырытое углубление размерами ок. 4 × 50 м и глубиной ок. 2 м, отвалы которого находятся в торцах траншеи. Данные работы, по всей видимости, произведены с помощью бульдозера в сер. — вт. пол. XX в. Назначение этих земляных работ не совсем ясно.

Поблизости от с. Пристена известен ряд салтово-маяцких селищ, тяготеющих к городищу и образующих «гнездо» поселений (рис. 9; табл. 1). Эти памятники в свое время выявляли и обследовали такие деятели, как Д. Я. Телегин (1955), В. В. Колода (1985), А. В. Крыганов (1989), В. И. Ревенко (1999, 2000), А. А. Лаптев (2010, 2011). Следует сразу отметить, что сооружение водохранилища достаточно сильно изменило регион: были затоплены пойменные участки; осуществлен перенос некоторых сел и хуторов; наконец, со времени первых разведок склоны речной долины заросли сплошным лесом. Все эти факторы приводили к «потере» памятников — и далеко не все из них были снова открыты. С другой стороны, в верховьях водохранилища уровень воды поднялся не настолько сильно, чтобы полностью затопить средневековые поселения, место для которых выбиралось с учетом возможного половодья.

На левом берегу Оскола известны три поселения, содержащие отложения СМК.

1) Ковшаровка-1. Расположено на правом мысу небольшой р. Ковшаровки при впадении ее в р. Оскол. Поселение было открыто Д. Я. Телегиным, датировавшим его эпохой бронзы. Впрочем, в дневнике исследователь отметил, что «на поселении имеются следы и более позднего времени» [Телегин, 1955а. Л. 4]. При осмотре памятника В. В. Колодой были найдены фрагменты салтовской керамики [Колода, 1985. Л. 3, 4]. Тогда же была определена площадь поселения, составляющая 350 м².

2) Глушковка-1. Открыто А. В. Крыгановым, отметившим наличие керамики срубной и салтовской культур (площадь установить не удалось вследствие задернованности) [Крыганов, 1989. Л. 2, табл. XIX-A]. Однако изучение архивных данных позволило установить, что это же поселение было открыто еще Д. Я. Телегиным, назвавшим его по существовавшему когда-то хутору «Кардашевка» и по керамическому материалу датировавшим эпохой бронзы [Телегин, 1955в. Л. 5].

3) Животовка-2. Открыто Д. Я. Телегиным. Исследователь указал, что поселение располагалось у старицы, на огородах северо-западной окраины села. В отчете поселение датировано эпохой бронзы [Телегин, 1955в. Л. 6], однако в дневнике сказано, что фиксировались материалы «и более позднего времени» [Телегин, 1955а. Л. 7]. Вероятно, как и в случае с поселением «Глушковка-1», под этой фразой скрывается наличие раннесредневековых отложений. При обследовании А. В. Крыгановым рассматриваемого пункта (в отчете он ошибочно был определен как поселение «Животовка-1»), кроме керамики и кремневых изделий эпо-

хи бронзы, был обнаружен обломок железной косы, отнесенной исследователем к салтовской культуре [Крыганов, 1989. Л. 2, 3, табл. IX, 1–5]. Размеры поселения А. В. Крыгановым были определены как 100 × 50 м.

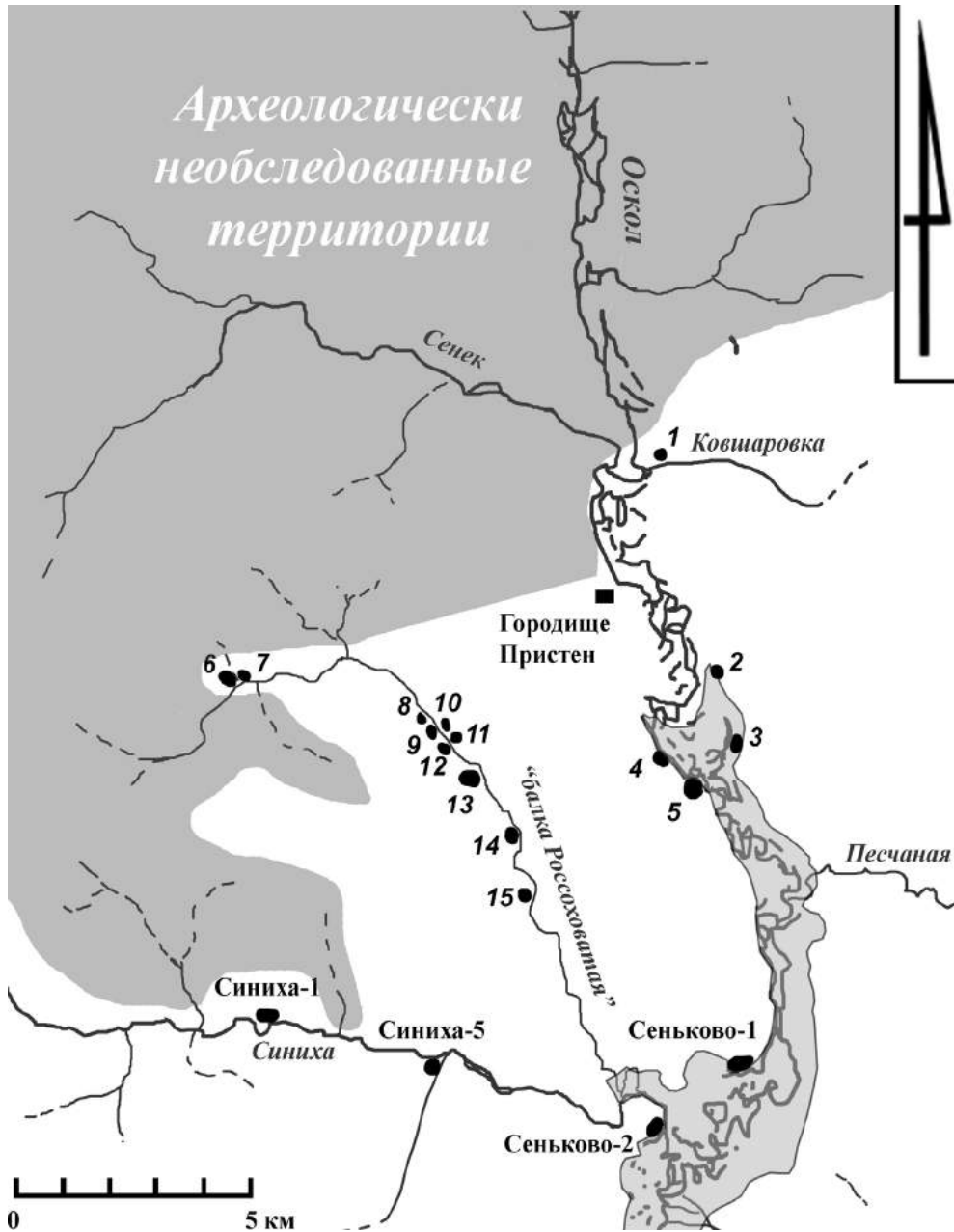

Рис. 9. Карта расположения выявленных салтово-маяцких поселений в округе городища Пристен

Расположение салтово-маяцких поселений, тяготеющих к Пристенскому городищу*

№	Название	Площадь	Географическое положение	Расстояние до городища (по прямой)
1	Ковшаровка-1	0,035 га	Прав. берег р. Ковшаровки – лев. притока р. Оскола – у устья	3,1 км
2	Глушковка-1	-	Край террасы лев. берега р. Оскола	2,5 км
3	Животовка-2	0,5 га (100 × 50 м)	Край террасы лев. берега р. Оскола	4,1 км
4	Пристен-2	-	Терраса у подножия крутого прав. берега р. Оскола	~3,3 км
5	Пристен-3	2 га (200 × 100 м)	Терраса прав. берега р. Оскола и склоны яра	4,1 км
6	Пристинский Сенек-2	3 га (200 × 150 м)	Мыс левого берега ручья («балка Россоховатая»)	8,1 км
7	Пристинский Сенек-3	1,5 га (150 × 100 м)	Мыс левого берега ручья («балка Россоховатая»)	7,8 км
8	Пристинская Россоховатая-2	0,6 га (150 × 40 м)	Терраса у подножия высокого правого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,5 км
9	Пристинская Россоховатая-5	1,2 га (120 × 100 м)	Низкий мыс правого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,5 км
10	Пристинская Россоховатая-4	0,6 га (150 × 40 м)	Край террасы у подножия левого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,2 км
11	Пристинская Россоховатая-3	1,0 га (130 × 80 м)	Мыс левого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,2 км
12	Пристинская Россоховатая-1	1,0 га (200 × 50 м)	Низкий мыс правого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,5 км
13	Сеньковская Россоховатая-4	7,5 га (250 × 330 м)	Склоны оврага и низкий мыс правого берега ручья («балка Россоховатая»)	4,5 км
14	Сеньковская Россоховатая-3	2 га (200 × 100 м)	Низкий мыс правого берега ручья («балка Россоховатая»)	5,0 км
15	Сеньковская Россоховатая-2	0,4 га (80 × 50 м)	Низкий мыс правого берега ручья («балка Россоховатая»)	6,2 км

* Порядковый номер памятника в таблице соответствует номеру на карте (рис. 9).

На правом берегу р. Оскола, в непосредственной близости от городища, поселений с салтово-маяцким слоем известно всего лишь два. Оба они были открыты Д. Я. Телегиным. При составлении карты памятников поселения были отмечены в одном месте, хотя, согласно текстовому описанию, расстояние между ними составляло ок. 1 км.

4) Пристен-2. Поселение обнаружено у подножия крутого правого берега в 2-х км к югу от села. Салтово-маяцкая керамика была обнаружена в обрыве невысокой (5–7 м) террасы [Телегин, 1955в. Л. 12, табл. XVII, 2, 4].

5) Пристен-3. Поселение располагалось в ур. «Стегляново» на правом берегу р. Оскола, в 200 м от края Сеньковского леса. Отчет упоминает невысокую (3 м над уровнем пойменного луга) террасу [Телегин, 1955в. Л. 12, табл. XVII, 3, 5, 6], дневники уточняют размер этой террасы (200 × 100 м) и её расположение: напротив с. Животовки, в 500 м к западу от нее. Салтовские материалы встречались и «далее на юго-запад, в ярке» [Телегин, Пузаков, 1955. Л. 2–2об].

В 6–7 км от последнего из описанных поселений, в устье р. Синихи – правого притока р. Оскола – стараниями В. И. Ревенко также были обнаружены поселения с салтово-маяцким слоем. Расположенное на южной окраине с. Сеньково поселение Сеньково-1 к моменту осмотра в 1999 г. было размыто водохранилищем [Ревенко, 1999. Л. 1], а открытое тогда же поселение Сеньково-2 – на полуострове, являвшемся правым мысом р. Синихи при впадении ее в р. Оскол [Ревенко, 1999. Л. 2] – в 2000 г. раскапывалось небольшими силами под руководством того же исследователя [Ревенко, 2000; Лаптев, 2010. Л. 15]. Впрочем, удаленность в 10–11 км от городища не позволяет относить эти памятники к Пристенскому «гнезду» поселений. По той же причине вряд ли можно отнести к этому «гнезду» и поселения в верхнем и среднем течении р. Синихи: Сподобовская Дуванка-1, Синиха-1, Синиха-5, открытые одним из авторов данной статьи в 2010 г. [Лаптев, 2010. Л. 6, 8–10]. Салтово-маяцкая керамика на этих поселениях представлена единичными фрагментами, что, возможно, объясняется задренованностью памятников.

В то же время, разведки 2010 и 2011 гг. позволили открыть ряд поселений, располагающихся по обоим берегам безымянного ручья (балка Россоховатая*). На отрезке длиной в 9 км было обнаружено 10 посе-

* Любопытнейший казус приключился с гидронимами в окрестностях с. Пристен: на дореволюционных картах указано, что севернее с. Пристена в р. Оскол впадал правый приток – р. Осиновка, а у с. Сеньково – правый приток – р. Сениха. Она, в свою очередь, имела левый приток – р. Сенек. На этих реках существовали одноименные населенные пункты: хут. Новоосиновский, с. Сениха и хут. Сенек соответственно. Эти же названия использовал в своем полевом дневнике Д. Я. Телегин [Телегин, 1955а. Л. 12]. Однако в предвоенные годы гидроним «Сенек» стал использоваться для реки, ранее называвшейся

лений [Лаптев, 2010. Л. 12–15; 12, л. 7–14; Лаптев, 2010. С. 438–440]. Наиболее западное из них (Пристинский Сенек-2) удалено от городища на 8,1 км; наиболее южное (Сеньковская Россоховатая-2) — на 6,2 км. В 4,2–4,5 км от городища располагались сразу 6 поселений, преимущественно небольших размеров. Интересно, что в балке, ведущей от этого скопления памятников к городищу, никаких следов поселений нет. В то же время, до сегодняшнего дня остаются необследованными верховья ручья к западу от с. Сенек (балка Россоховатая), правый берег р. Оскола на отрезке от с. Пристена до г. Купянска и вся долина р. Сенька. Не вызывает сомнений, что эти участки в средневековье использовались салтово-маяцким населением, однако до проведения тотальных разведок уровень освоения региона останется невыясненным.

Проведенные работы подтвердили наблюдения В. К. Михеева, что городище Пристен является памятником салтово-маяцкой культуры с оборонительными сооружениями, в конструкциях которых был применен камень. Сплошного культурного слоя исследованиями 2012 г. обнаружено не было, хотя в 1970 г. и отмечались находки фрагментов керамической посуды. Остается не выясненным назначение ряда конструктивных элементов укреплений. Очевидно, что городище нуждается в дальнейших исследованиях, которые позволят получить дополнительные данные о конкретном памятнике и фортификационном искусстве раннего средневековья вообще. Также необходимым представляется археологическое обследование округа городища, исследованной на сегодняшний день контрастно неравномерно — от полного отсутствия сведений на север от укрепления до фрагментарной, явно недостаточной изученности остальной территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев Г. Е. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь) // СА. — 1987. — № 1. — С. 193–202.
- Голубева І. В., Аксьонов В. С., Задніков С. А., Квітковський В. І., Колода В. В., Окатенко В. М., Пеляшенко К. Ю., Свистун Г. Є. Звіт про наукові археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2012 р. // НА ИА НАН України. — 2012. — без номера.
- Колода В. В. Отчет об археологических разведках в Купянском и Лозовском районах Харьковской области в 1985 году // НА ИА НАН України. — № 1985/55.
- Крыганов А. В. Отчет об археологических разведках и раскопках курганов в Купянском р-не Харьковской обл. отрядом Новостроечной экспедиции Харьковского госуниверситета в 1989 г. // НА ИА НАН України. — № 1989/250.

«Осиновкой», а то, что раньше имело статус реки, было низведено до безымянного ручья. В итоге на современном этапе ж/д остановка «Осиновка» расположена на берегах р. Сенек, с. Сенек — на безымянном ручье (балка Россоховатая), и только с. Синиха стоит на одноименной реке. Впрочем, во избежание ненужной путаницы мы используем современную систему названий.

- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. — Вып. ХLI. — М., 1951. — С. 99—108.
- Лантев А. А. Отчет о разведках в бассейне р. Синиха (правого притока р. Оскол) в 2010 г. // НА ИА НАН Украины. — 2010. — без номера.
- Лантев А. А. Отчет о разведках на территории Пристинского и Сеньковского с/с Купянского р-на Харьковской обл. в 2011 г. // НА ИА НАН Украины. — 2011. — без номера.
- Лантев А. А. Разведки в долине р. Синихи в 2010—2011 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2011. — К., 2012. — С. 438—440.
- Либеров П. Д. Отчет о работе Донецкого отряда Донской экспедиции в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1955/20.
- Либеров П. Д. Разведки в пойме реки Оскол // КСИА. — 1961. — Вып. 83. — С. 95—103.
- Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. — № 104. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 384 с.
- Михеев В. К. Отчет о музейных экскурсиях и археологических исследованиях 1970 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1970/71.
- Ревенко В. И. Отчет о разведках в Купянском и Нововодолажском районах Харьковской области в 1999 году // НА ИА НАН Украины. — № 1999/62.
- Ревенко В. И. Отчет об охранных археологических раскопках поселения у с. Сеньково Купянского района Харьковской области в полевом сезоне 2000 г. // НА ИА НАН Украины. — № 2000/8.
- Репин И. Е. Далекое близкое — М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1960. — 488 с.
- Телегин Д. Я. Дневник археологических исследований в зоне строительства Краснооскольского водохранилища в 1955 г. № 1. // Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине р. р. Оскола и С. Донца в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1955/3а.
- Телегин Д. Я. Дневник выяснения обстоятельств, связанных с исследованием археологических памятников в зоне затопления Красно-Оскольского водохранилища // Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине рр. Оскола и С. Донца в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1955/3б.
- Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине р. р. Оскола и С. Донца в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1955/3в.
- Телегин Д. Я., Пузаков Е. В. Дневник археологических исследований в районе строительства канала «Северный Донец — Донбасс» в 1955 г. № 2. // Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине р. р. Оскола и С. Донца в 1955 г. // НА ИА НАН Украины. — № 1955/3.
- Федоров Д. В. Оскольская охранный археологическая экспедиция 1955—1956 гг. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — «Історія». — 2008. — № 816. — С. 81—94.
- Филарет (Гумилевский Д. Г.) Историко-статистическое описание Харьковской епархии : В 3-х т. — Т. 2 / редкол. : А. Ф. Парамонов (пред.) и др. — Х. : Факт, 2005. — 432 с.
- Шрамко Б. А. Дневник Северодонецкой археологической экспедиции 1955 г. // НА МАЭСУ ХНУ им. В. Н. Каразіна — без номера.

В. С. Флеров

СЕМИКАРАКОРСКАЯ КРЕПОСТЬ: ЮЖНАЯ СТЕНА ЦИТАДЕЛИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Semikarakorsk fortress belongs to the monuments of the Khazar Khaganate. The subject of the article is the construction and quality of the southern wall of the citadel fortress. The wall is built of mud brick. 10 – 12 layers of bricks are preserved. The width of the wall did not exceed 1,5 m. Bricks are mostly square, the average size is 26 – 25:26 – 25: 5 cm. Among them are the short rows of bricks, which size is 26 – 25: 13 – 12: 5 cm. Most of the bricks are made of clay, but some of them are made of the mud. Bonding mortar is mud. The quality of masonry is off-standart: each layer of the bricks differs from others. The author raises the question about the contingent who works in the construction of Semikarakorsk fortress. The level of their skills was not high.

Семикаракорское городище, еще в XIX в. упоминаемое рядом авторов, медленно входило в научную литературу. В первой половине XX в. его посетили и оставили небольшие описания А. А. Миллер [Миллер, 1929. С. 102–106], и М. И. Артамонов [Артамонов, 1935. С. 115,116; Артамонов, 1962. С. 320].

Не найдены описания эпизодичной работы на городище А. Д. Столяра в 1950 г., которые, возможно, сохранились [Каменецкий, 2006. С. 476; 2012, С. 29–31]. Наверняка, А. Д. Столяр был на городище по просьбе М. И. Артамонова, занятым в те годы руководством громадной экспедицией по раскопкам Саркела (Левобережного Цимлянского городища) и прилегающих к нему памятников.

В 1965 г. в ходе разведки по р. Сал два дня пробыла на городище С. А. Плетнева. С компасом и рулеткой она сняла план городища*, вскоре опубликованный [Плетнева, 1967. С. 36, рис. 9: 1; с. 47], но ее описание городища в этой книге, как и в последующих, страдают неточностями и несоответствиями реалиям городища, даже при том, что они были очень краткими [Плетнева, 1981. С. 67; 1999. С. 113, 114]. Информация А. А. Миллера продолжает сохранять свое значение. При всей неполноте сведений о Семикаракорском городище, оно входило в список самых значительных археологических памятников Нижнего Дона [Адрианов, Терещенко, 1964. С. 21; 1981. С. 31]**.

* С участием Т. И. Макаровой и В. С. Флерова.

** Постановление Министерства культуры Ростовской области от 15.07.2014 г. № 39 подтвердило статус Семикаракорского городища как памятника федерального значения и закрепило его новые границы. Впрочем, это никак не гарантирует его сохранности.

Первые относительно большие раскопки на городище провел в 1971 — 1974 гг. автор этих строк. В ходе их были открыты отдельные участки оборонительных сооружений: во внешней линии обороны (собственно крепость) — северной и восточной стен, башни на северной стене, северо-восточного угла; в цитадели — северной и южной стен. Помимо этого в цитадели найдены остатки строений из обожженного кирпича — одно из значительных достижений при раскопках. Публикации открытых на городище объектов продолжаются [Флеров, 2014а, 2014б, 2015а, 2015б].

Организационная и методическая стороны моих раскопок на городище были далеки от совершенства. Перечисления промахов и недочетов в его исследовании я включаю в каждую из публикаций, посвященных городищу. Они упоминаются и здесь, при описании впервые публикуемых результатов раскопок южной стены цитадели Семикаракорской крепости. Некоторые из них остались бы незамеченными без авторских указаний на них.

Южная стена цитадели Семикаракорской крепости обнаружена в 1971 г. в самом южном квадрате № 25 раскопа-траншеи (рис. 1). Тогда стена не была вскрыта до основания, а законсервирована. Работы на ней шли уже в 1972 г.

Стратиграфия. Основание стены (т. е. первый слой сырцовых кирпичей) лежало на глубине примерно в 0,9 м от современной поверхности. При этом надо учесть, отсчет произведен от вершины «вала», внутри которого находились остатки стены. Самые верхние два-три слоя, уже превратившиеся в аморфную глинистую массу, пронизанную корнями травяной растительности, залежали непосредственно под современной поверхностью — обычная ситуация для городища.

Заметной подсыпки под стеною, аналогичной подсыпке под северной стеною цитадели, не оказалось. Вероятно, в ней не было необходимости — данный участок стены не пересекал понижение на поверхности городища.

Самым ярким признаком времени возведения стены и, возможно, некоторого после, оказалась *известь*, уже знакомая нам около других стен крепости (на северо-восточном углу, около башни на северной крепостной стене, у северной стены цитадели). В данном случае известь лежала выше древнего горизонта с северной, внутренней, стороны стены. Нижний уровень встречаемости извести не был, к сожалению, зафиксирован. Обращаю внимание на следующее. Известь, как в перечисленных выше местах, не образовывала сплошное пятно (разлив), но лежала отдельными комочками разных размеров. Как и в иных случаях, однозначно объяснить появление извести около южной стены цитадели не представляется возможным. Остается вновь неуверенно предполагать, что она использовалась где-то в верхних несохранившихся местах кладки. Во всяком случае, не для скрепления обожженных кирпичей, обломков которых или целых форм в развале сте-

ны к северу от нее оказалось очень мало, несоизмеримо с большим количеством кирпичей вдоль северной стены цитадели или у основания донжона.

Главное, обломки кирпичей не лежали непосредственно среди извести. Общая масса ее комочков мизерна. Не удалось выяснить, в какое время выпала известь, в ходе строительства или позднее. Таким образом, далее констатации самого факта обнаружения извести у основания южной стены цитадели пока продвинуться не удается.

Ввиду того, что стена цитадели в границах кв. 25 была смещена в его южную половину (рис. 1: *a*), больше внимания было обращено на развал стены в северной половине квадрата, а также в соседнем кв. 26. Полный чертёж стратиграфии в этих квадратах выполнен не был. Однако в Полевом дневнике есть точная зарисовка стратиграфии западной стенки кв. 26 с указанием масштаба и обозначением верхней границы развала сырцовых кирпичей. На ее основе выполнена схема (рис. 5: *b*). Сам массив развала глинистый, сероватый. Учтем, что среди сырцовых кирпичей из собственно глины, в стене были и черно-серые кирпичи из грязи. В развале стены попадались *раковины речных моллюсков*, которые хорошо маркируют этот пласт. Развал сырцовых кирпичей к северу от стены простирался не менее чем на 6 м и постепенно сходил на нет.

Конструкция стены. В целом открытый четырехметровый отрезок южной стены цитадели принципиально ничем не отличался от прочих, хотя и у него были свои особенности.

Сохранилась стена на высоту около десяти-двенадцати слоев кладки, т. е. на обычную для городища. Самые верхние слои (не считая распавшихся) плохо сохраняли форму, хотя и были различимы. В большинстве они растрескались, частично так же повреждены корневой системой травянистой растительности (рис. 2: *b*). Проследить систему кладки по этим слоям было затруднительно. Однако и на уровне плохо сохранившихся верхних слоев кладки можно было установить, что в ширину она состояла не менее чем из шести продольных рядов квадратных кирпичей, если не из шести рядов квадратных + одного ряда полуформатных. Но это лишь схема, которая постоянно нарушалась.

Вертикальная зачистка северной боковой грани стены дала первое представление о ее строении, хотя саму грань при этом приходилось срезать, что было сделано преждевременно (рис. 3: *a*). Сегодня я бы изменил методику изучения боковых сторон стен — надо расчищать, не разрушая каждую внешнюю грань кирпича в том виде, в котором она сохранилась. Только так можно получить более точное представление о ширине стен и форме кирпичей в боковых рядах. Таким методом зачистки рано или поздно будут найдены и редкие полностью сохранившиеся внешние кирпичи стен (сплошная вертикальная зачистка их уничтожает). Тем самым возможно удастся получить некоторое представление о том, как выглядела вся стена.

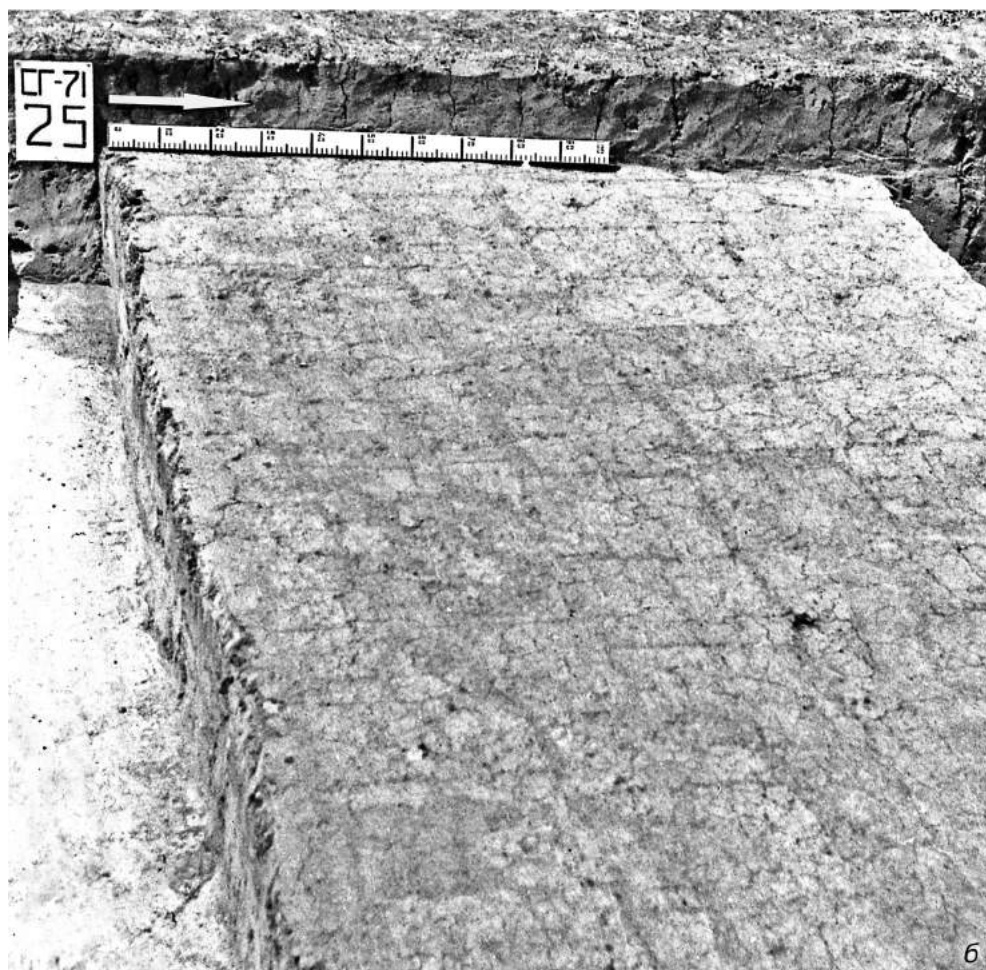
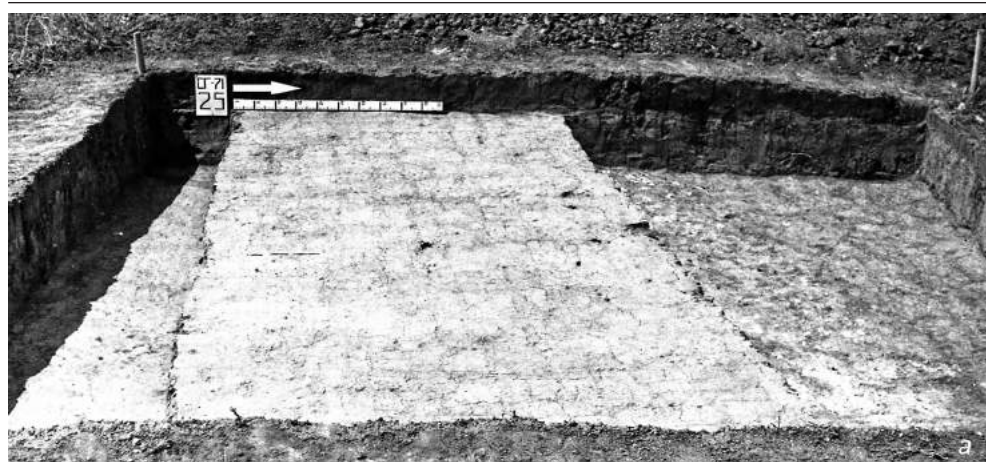

Рис. 1. Семикаракорская крепость. Южная стена цитадели, вид с востока

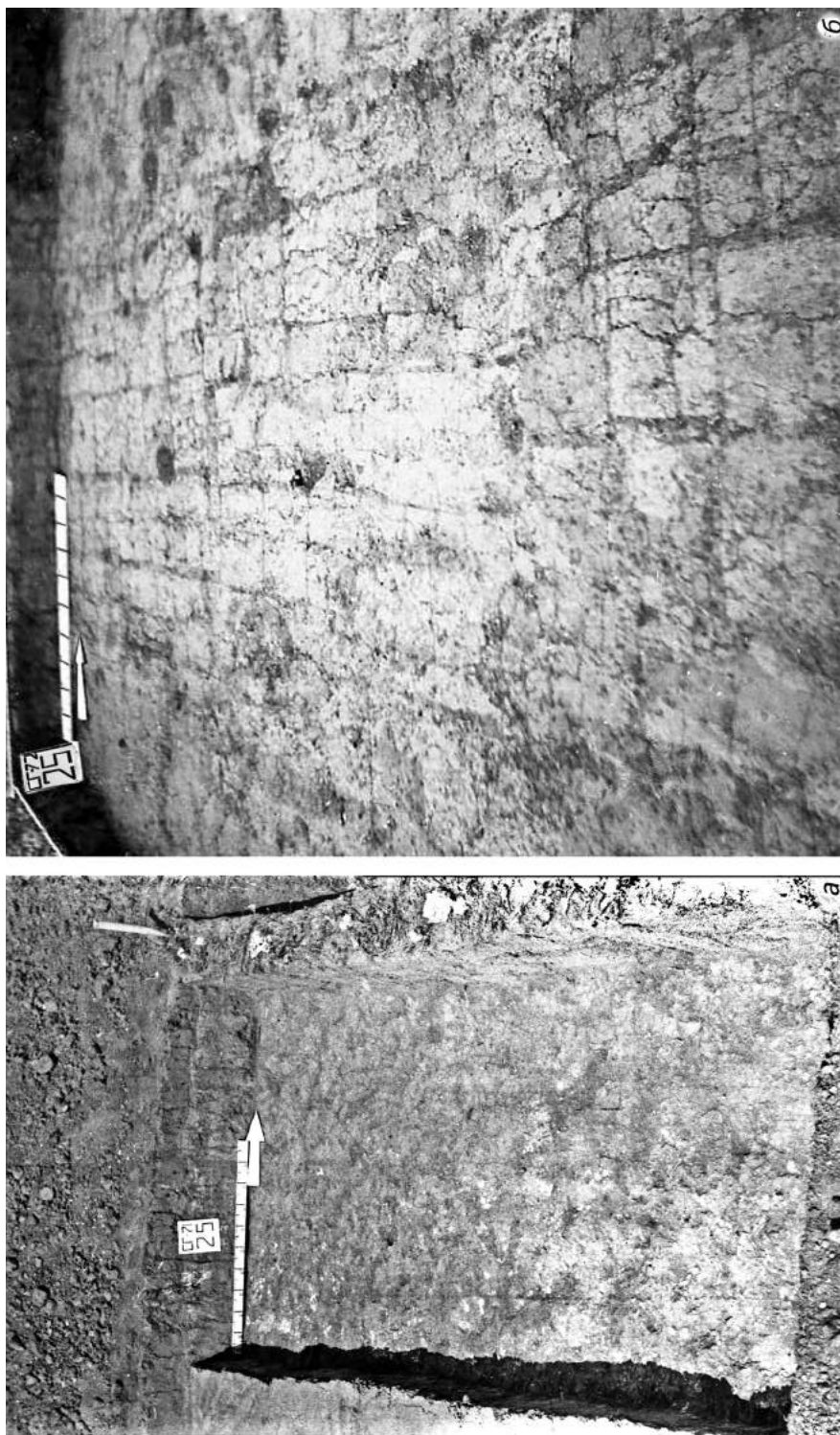

Рис. 2. Южная стена цитадели:
а — известковый раствор с внутренней, северной стороны стены; б — стена в начале расчистки

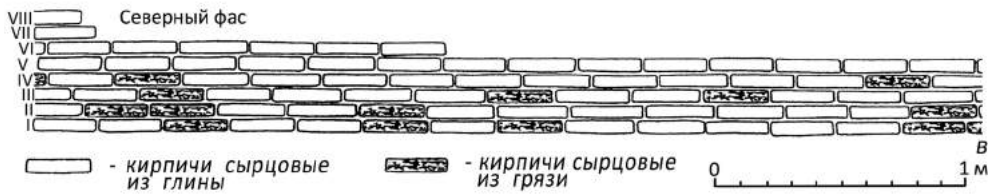

Рис. 3. Внутренний фас южной стены цитадели

О серо-черных сырцовых кирпичях, сформованных из грязи в тех же деревянных формах, что и глиняные. Попытка установить хоть какую-то систему в их расположении среди желтоватых глинистых кирпичей привела к отрицательному результату (как и в их расположении в других стенах, раскопанных позже). Лишь без всякой уверенности можно предполагать, что их, как несколько менее прочные, старались все-таки не укладывать сплошными рядами или большими участками слоев кладки, хотя в стенах крепости встречалось и такое. В отдельных случаях над одним серым кирпичом в вышележащем слое мог оказаться другой или над двумя — два (рис. 3: б) Я не подсчитывал соотношение желтых глинистых и серых из грязи сырцовых кирпичей, но и без этого заметно, что доля их очень невелика (рис. 3: в; 4: б). Та же картина и в прочих стенах крепости. Возможно, к формовке кирпичей из грязи прибегали в тех случаях, когда не успевали заготовить очередную партию кирпичей из глины*. Пока это лишь одно из возможных объяснений.

Кладка в продольном направлении в целом выполнена горизонтально, а значит, подготовка поверхности полосы под будущую стену проводилась на приемлемом уровне. Важно подчеркнуть, что южная стена цитадели, как и все стены крепости не заглублялась в древнюю поверхность. Некоторое отклонение от горизонтальности можно наблюдать лишь на коротких участках стены, но затем оно компенсировалось вариациями толщины горизонтальных швов. Касаясь вопроса о горизонтальности стен крепости и ее цитадели, надо отметить, что промеры должны проводиться на длинных отрезках стен, не менее чем в 8 м. Незначительное нарушение продольной горизонтальности было обнаружено и в стенах северо-восточного угла крепости, но и оно не нарушило его устойчивости [Флеоров, 2014б].

Как и во всей крепости, *связующим раствором* служила все та же грязь. Свое назначение такой раствор выполнил успешно. Однако стоит обратить внимание на то, что на раскопанных участках стен крепости, включая южную стену цитадели, не использовался раствор глины. Причины неясны. Возможно, это связано с тем, что для создания раствора из глины необходимы дополнительная ее добыча и последующий замес — процесс более трудоемкий, нежели извлечение жидких илистых отложений из Сала. Подъем от него на городище составлял лишь несколько метров.

Я преднамеренно описываю мелкие на первый взгляд детали технологического процесса сооружения стен. Именно на их основе в будущем бу-

* В будущем стоит изучить состав грязевых кирпичей и сравнить его с составом глинистых кирпичей. Необходимо сравнить микрофлору ила в р. Сал с микрофлорой в серых кирпичях, и частоту встречаемости раковин моллюсков в обоих видах сырцовых кирпичей. Пока же ведется только изучение обожженных кирпичей Семикаракорской крепости [Токаренко, Ребров, 2015].

дуг возможны сопоставления со строительными технологиями в иных крепостях каганата, в том числе на Тихой Сосне и на других, привлекаемых для сравнений.

Перевязка швов между слоями кладки представлена чертежом северного, внутреннего, фаса стены (рис.3: в). На нем изображены нижние I–V слои, часть VI, по одному кирпичу VII и VIII слоев.

Нельзя не заметить, что перевязка вертикальных швов между всеми кирпичами ниже- и вышележащих слоев кладки обязательна. Этот важнейший строительный прием в той или иной мере выполняется между парами всех рядов. В идеале суть данного приема заключается в том, что вертикальный шов между каждыми двумя кирпичами одного слоя приходился на середину выше- и нижележащего кирпичей. Другими словами, один слой кладки должен быть сдвинут по отношению выше- и нижележащих на полкирпича в продольном направлении. Но не только: одновременно сдвиг производился вправо-влево. Разумеется, если речь шла только о квадратных кирпичях. Однако очень часто сдвиг кирпичей осуществлялся включением в кладку полуформатных кирпичей. Надо полагать, перевязке швов обучали в первую очередь. Совсем другое дело как ее выполняли на практике. Наиболее четко этот прием выдержан между кирпичами только III, IV и V слоев, да и то преимущественно в западной половине изображенного фаса (рис. 3: в-правая сторона чертежа).

Особый случай кладки требует комментария. Это кладка внешних рядов кирпичей на внешней стороне стены, зафиксированная только в восточной стенке раскопа (рис. 4: б). В расчищенной стене она уже не фиксировалась, т. е. была очень короткой и не покрывала всю стену. В ней на высоту десяти слоев (выше не сохранилась) внешние кирпичи оказались не перевязанными с лежащими внутри стены. В поперечном разрезе это выглядит как стопка кирпичей. Отсутствие связи грозило отслоением внешних кирпичей от массива стены и их обрушением. Этого не произошло, что заставляет думать о незначительном по высоте и длине участке с подобным отклонением от стандартной для крепости кладки. Подчеркну, что на иных раскопанных стенах крепости подобное не зафиксировано. Судя по этому, столь неустойчивую кладку на внешней стороне стены цитадели надо рассматривать как исключение, точнее ошибку каменщика. Продольная и поперечная перевязка швов — неперемное условие технологии кирпичного строительства, признак профессионализма*. Без них внутренние связи в стене ослабевают, монолитность нарушается. И уж менее все-

* Для частного сравнения: более примитивно, нежели семикаракорские, выглядит в поперечном разрезе кирпичная кладка крепости Красная на р. Тихая Сосна (приток Дона). Какой-либо упорядоченности, единообразия в ней нет. Центр стены вообще пронизывается сплошной вертикальный шов. Не лучше картина при взгляде на фас стены, особенно на нижние три слоя кирпичей [Афанасьев, 1987. С. 117, рис. 67].

го такую кладку можно назвать «панцирем», т. к. настоящий панцирь должен быть связан со стеною. В противном случае он начнет отслаиваться*.

* В связи с внешней кладкой на южной стене семикаракорской цитадели стоит обратить внимание на схему-зарисовку начала прошлого века Т. М. Олейниковым разреза стены Алексеевского городища [Афанасьев, 2015. Рис. 2: б]. На схеме в нижних восьми слоях стены вообще нет перевязки швов между соседними рядами кирпичей. Она начинается лишь с девятого слоя. Насколько точна зарисовка, можно будет судить при дальнейших раскопках. С другой стороны, на разрезе стены Алексеевской крепости, сделанном С. А. Плетневой, кладка сходна с обычной семикаракорской, т. е. с постоянной перевязкой швов [Плетнева, 1963]. И все-таки, сравнения должны проводиться на обширных, а не отрывочных сведениях, которыми мы сегодня располагаем по Алексеевскому городищу.

К чему приводят неполноценные и недобросовестные сравнения, показывает пример упомянутой выше публикации Г. Е. Афанасьева. В ней в качестве аналогии деревянным клетям в стенах Маяцкой крепости приводится *предположение* С. А. Плетневой о таких же, якобы применявшихся в стенах Правобережной Цимлянской крепости. Чтобы некорректность такой ссылки Афанасьева на мнение Светланы Александровны стала понятной, надо знать обстоятельства возникновения этого мнения. Дело в том, что она, вдохновленная своими успешными раскопками стен Маяцкой крепости и базируясь на находке в 1958 г. на месте *несохранившейся*(!) восточной стены Правобережной крепости всего лишь в двухметровой по ширине траншее шести лунок от столбиков, написала об этих лунках с формулировкой «нет сомнения», что назначение «этих *не слишком выразительных* остатков» было «крепление (каркас) ее внутреннего ядра»... «образовывались *как бы* клетки» [Плетнева, 1994. С. 275; 341, рис. 4: 1]. При глубоком уважении к памяти С. А. Плетневой, вынужден признать поспешность ее вывода.

Мои раскопки показали, что в основании правобережных крепостных стен лежали плиты ракушечника и песчаника, под которыми лунок не обнаружено. Вероятно, лунки Плетневой были *частным случаем*, а их назначение остается пока не проясненным. С. А. Плетнева не могла предположить под новыми вскрытыми участками стен хорошую сохранность плит и была удивлена их появлению в моих опубликованных в том же выпуске МАИЭТ раскопках 1987, 1988, 1990 гг. Об этом говорила мне неоднократно, а затем и написала: «В настоящее время не могу найти логического обоснования несоответствия строительных приемов, прослеженных нами [*т. е. ею и Флеровым. – В. Ф.*]. Тем не менее, позднее она повторила свои утверждения: «Из чего состояла «внутренность» стены, мы *не можем даже предполагать*, т. к. от засыпки ядра не осталось ничего. По аналогии со стенами Маяцкого городища это, *возможно*, были слои щебня и глины...» [Плетнева, 1999. С. 107]. В моих раскопках 2006–2010 гг., я вновь обнаружил в основании стен все те же плиты, но не лунки [Флеров, Ермаков, 2010. С. 426–435, рис. 2–6].

Но вот как подаются итоги раскопок Светланы Александровны на Правобережном Афанасьевым: «Подобный принцип устройства внутрстенных деревянных конструкций был прослежен С. А. Плетневой при исследовании Правобережного Цимлянского городища [Плетнева, 1994. С. 275], но не был документирован В. С. Флеровым, использовавшим более упрощенную процедуру раскопок» [Афанасьев, 2015. С. 11]. В том то и дело, не был прослежен С. А. Плетневой, а лишь вербально реконструирован ею! Обратим внимание на ключевые в данном случае слова С. А. Плетневой – «*несохранившаяся восточная стена*», «*не можем даже предполагать*», «*от засыпки ядра не осталось ничего*», «*не слишком выразительные остатки*», «*как бы клетки*», «*возможно*».

Что же касается не объясненной Афанасьевым «упрощенной процедуры» моих раскопок, то это приходится расценивать как банальную *клевету*.

Завершая отступление о преждевременных (и недобросовестных) сравнениях, укажу: плиты в основании стен Правобережной Цимлянской крепости открыл все-таки не я, но

Противопоставить этому можно было только наклон панциря к центру стены, но такой прием в Семикаракорской крепости не прослежен.

Горизонтальные, неполные расчистки кладки южной стены цитадели проведены не на всех слоях, о чем приходится сожалеть.

II слой кладки (рис. 4: а, в). Его можно считать образцовым в том отношении, что продольный ряд полуформатных кирпичей внедрен в середину стены. Лежащие вдоль него квадратные кирпичи оказались раздвинутыми вправо-влево, благодаря чему перекрыли продольные швы между рядами квадратных кирпичей I слоя кладки.

Продольный ряд полуформатных кирпичей, однако, пронизывает не весь открытый участок кладки. На западном его конце ряд полуформатных кирпичей заканчивается. В итоге мы фиксируем один из многих в стенах крепости стыков участков разных мастеров*. По одну сторону от него есть ряд полуформатных кирпичей; на противоположащей нет.

Далее обратим внимание на ряды квадратных кирпичей, на систему их кладки. Она «шахматная» (без перевязки швов), при которой каждые четыре квадратных кирпича соприкасаются углами. Но в одном случае сделана попытка выправить ее вставкой в третий снаружи (с юга) ряд одного полуформатного кирпича, обеспечившего перевязку поперечных швов между тремя кирпичами второго и третьего рядов (рис. 4: а — восточная часть зачерченного участка). Вставка всего-то одного полуформатного кирпича — деталь на первый взгляд неприметная, но на самом деле очень важная. Она иллюстрирует стремление возвращаться к перевязке швов в том случае, если каменщик сбивался на «шахматную» систему. Разумеется, мы никогда не узнаем, заметил ли свою ошибку сам каменщик или на нее ему указал «прораб».

Таким образом, в связи с данным вторым слоем кладки можно констатировать прямо противоположные тенденции. С одной стороны, нарушение перевязки швов в слое кладки; с другой стороны попытки ее восстановить. Эта нестабильность, неустойчивость в соблюдении технологии укладки кирпичей постоянно встречается в стенах Семикаракорской крепости и требует дальнейшего изучения.

III слой кладки (рис. 4: а). В нем два участка, северный и южный. В каждом по три продольных ряда. Обратим внимание: внутри этих участков нет перевязки между кирпичами. Перевязка, хотя и неполная, выполнена только между кирпичами, примыкающими к продольному шву между двумя участками.

Иван Иванович Ляпушкин еще в 1939 (!) г. Будучи очень внимательным исследователем, клетки он не мог бы не заметить, но сообщает только о забутовке [Ляпушкин, 1958. С. 135, рис. 25]. Почему это важнейшее для городища открытие не упомянула С. А. Плетнева, не знаю. Афанасьева это вполне устроило.

* Выделение участков стен, выполненных разными мастерами, давно занимает и исследователей Плиски [например: Балабанов, 1985. С. 128, 129].

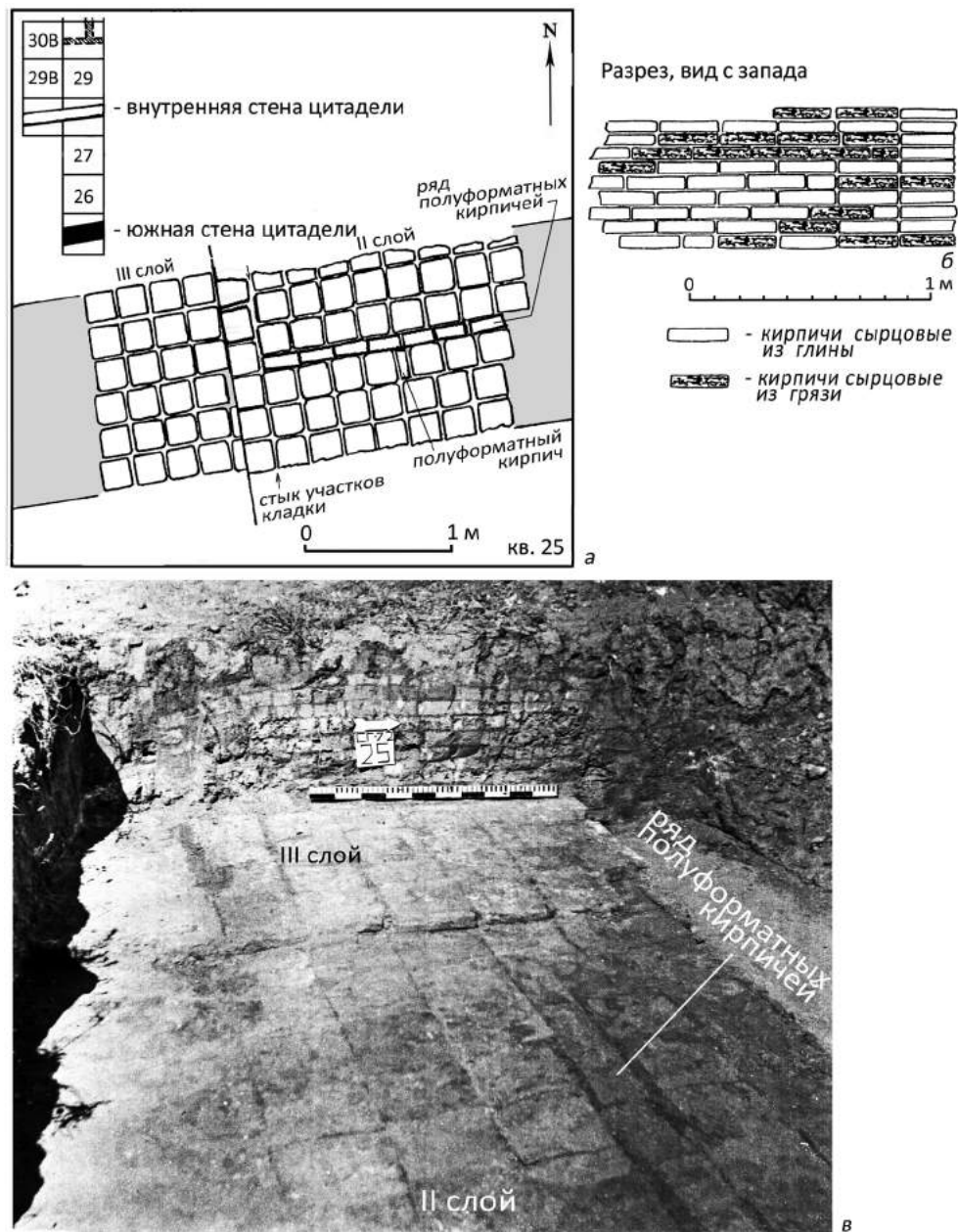

Рис. 4. Южная стена цитадели:
а, в – второй и третий слои кладки, *б* – поперечный разрез стены

Вторая особенность: центральный шов не заполнен продольным рядом полуформатных кирпичей, какие видим во втором слое. Вероятнее всего этот ряд лежал на южной лицевой стороне стены. Приходится еще раз напомнить, что лицевые стороны стены сохранялись плохо.

Оценивая в целом кладку кирпичей во втором-третьем слоях, надо в данном случае признать некоторые навыки каменщиков их выполнявших. Ряды кирпичей прямые. Нет среди них заметно выбивающихся из своего ряда. Швы, продольные и поперечные, равномерны по ширине. В пятом слое кладки, к описанию которого перехожу, картина иная.

V слой кладки (рис. 5–7). Кирпичи в нем оказались невысокого качества, из-за чего боковые ряды осыпались. Многие из сохранившихся растрескались и держали форму исключительно благодаря взаимной опоре. Более или менее удовлетворительно прямизна рядов сохранялась, но не на всю длину вскрытого участка слоя (рис. 5: *a*, *b*). Кроме того, отдельные кирпичи выбивались из своих рядов в стороны на 2–3 см. Перевязка поперечных швов между кирпичами незначительна, в ряде случаев ее нет.

Без всякой системы в ряды квадратных кирпичей встроены два коротких ряда «полуформатных» кирпичей. Но это не строго полуформатные, а подрезанные до трети от ширины квадратных. При этом один их ряд, в центре кладки, с обеих сторон сопровождается непропорционально широкими швами (рис. 6, 7).

Широкий шов длиной в три кирпича заметен с южной, внешней, стороны слоя. В западной половине слоя четыре обломанные кирпичи дополнены раствором светлее обычного, т. к. в него добавили мелкие обломки этих кирпичей. В результате образовалась бесформенная «клякса».

На рис. 8 представлен еще один слой (номер не зафиксирован) с шестью продольными рядами сырцовых кирпичей. На переднем плане выделяются четыре ряда, уложенные без перевязки швов (шахматная система). Но между двумя крайними северными рядами (на фото они справа) перевязка выполнена.

В средней части фото картина меняется — длинные продольные ряды сменяются короткими, по три-четыре кирпича. Внутри этих групп перевязки швов также нет. Итак, и в этом слое нет устойчивого порядка, как рядов кирпичей, так и отдельных их групп. В целом же данный слой выполнен лучше, чем слой *V*, но к образцовым его не отнесешь.

Обратимся к рис. 3: *b*, позволяющему дополнительно прокомментировать особенности кладки и использованных в ней сырцовых кирпичей. В первую очередь обращает на себя внимание их разная толщина и неравномерность горизонтальных швов. Не трудно заметить, что меньшая толщина отдельных кирпичей компенсировалась утолщенными слоями связующего раствора. И, наоборот, между толстыми кирпичами прослойка минимальна. Только так, варьируя толщину раствора, можно было поддерживать общую горизонтальность кладки.

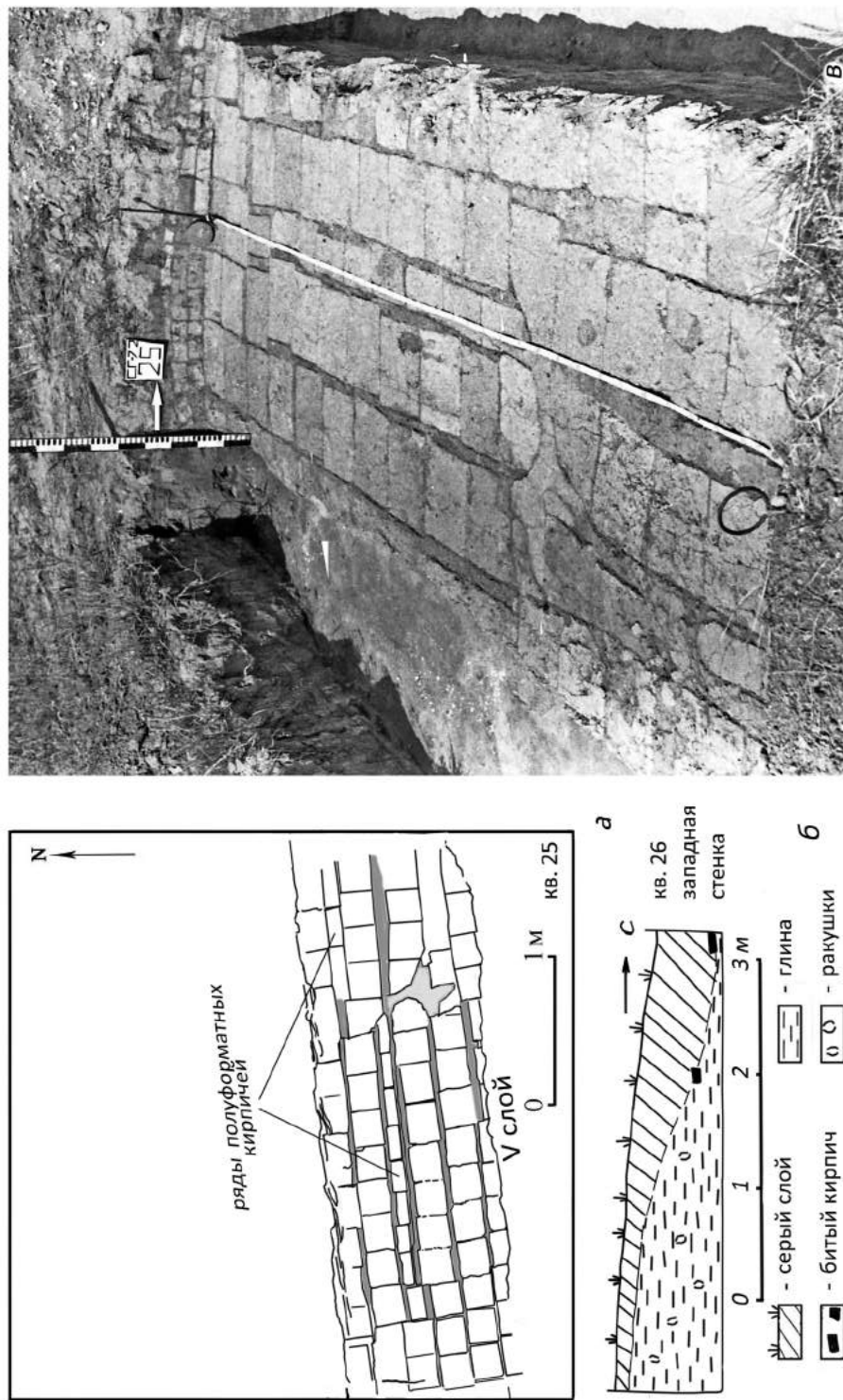

Рис. 5. Южная стена цитадели:

а, б — пятый слой кладки; в — стратиграфия в квадрате 26

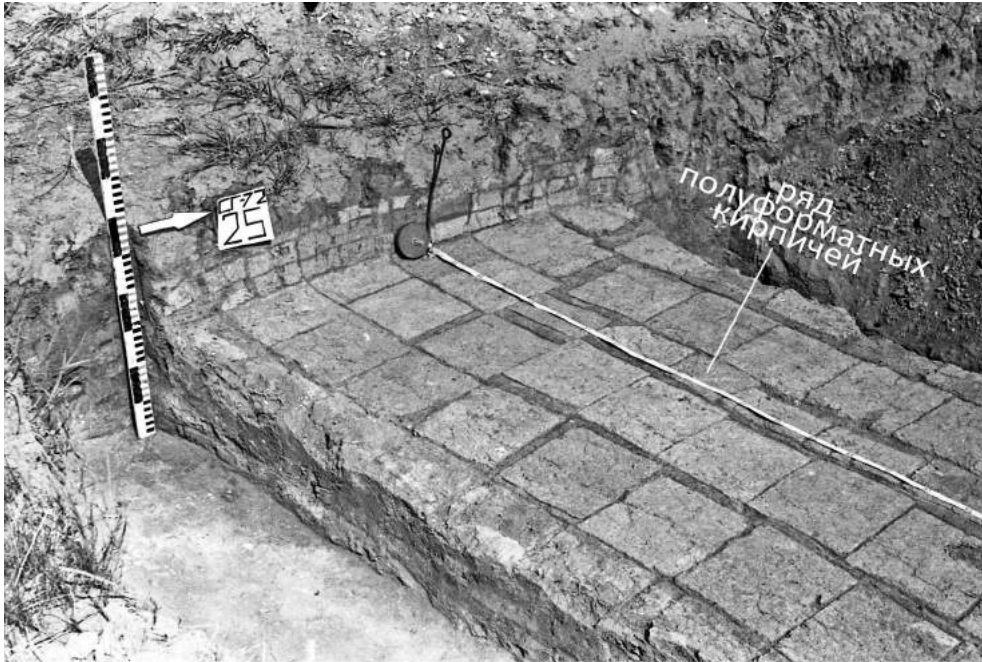

Рис. 6. Южная стена цитадели. Пятый слой кладки

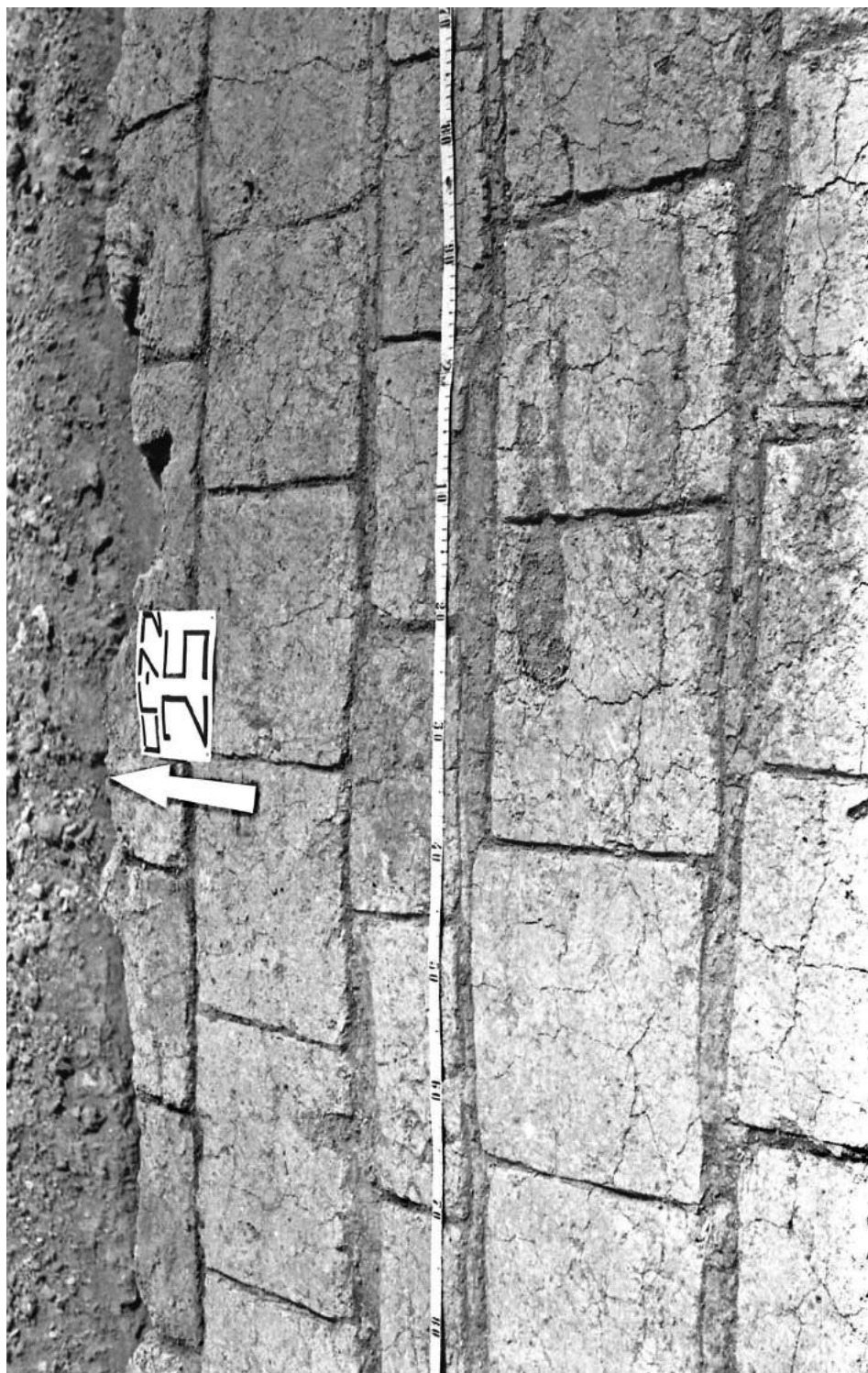

Рис. 7. Южная стена цитадели. Полуформатные кирпичи в пятом слое кладки

Рис. 8. Южная стена цитадели, вид с востока (слой без номера)

Как указывалось при описании стен северо-восточного угла крепости, характерное положение кирпичей в ее стенах — лицевой вогнутой стороной вниз. Тем самым кирпич надежно врезался в жидкий раствор всеми четырьмя выступающими краями лицевой стороны. Вот это правило и нарушалось в кладке южной стены цитадели, хотя и здесь некоторые кирпичи лежали лицевой стороной вниз. На рис. 3: б они помечены крестиками двух типов. Наиболее выразительные кирпичи помечены косыми крестиками — хорошо видны их вогнутые лицевые стороны, обращенные вниз. Исходя из накопленного опыта, подчеркну, что наблюдения за положением лицевой стороны сырцовых и обожженных кирпичей (направлена вниз/вверх) должны стать обязательными требованиями методики раскопок при будущих исследованиях не только Семикаракорской, но прочих кирпичных крепостей Хазарского каганата. После моих раскопок 1971 г. С. А. Плетнева в одной из своих работ писала, что положение кирпичей со знаками лицевой стороной вниз объясняется стремлением скрыть сакральную сущность знака. Это не так, положение «вниз лицом» было нормой для всех кирпичей, но она могла нарушаться, как многие другие*.

Подведем итоги. Описанный четырехметровый отрезок южной стены цитадели в целом типичен для остальных стен крепости. Наиболее примечательное в данной стене то, что каждый из слоев кирпичной кладки не похож на любой другой. При этом нет постоянства и внутри каждого слоя. Как для всех стен крепости, вновь встает *вопрос о контингенте работавших* на ее сооружении. Был ли он постоянен от начала и до завершения строительства? Наверняка ответить трудно. Пока можно говорить лишь о том, что навыки работавших на укладке кирпичей не были доведены до того уровня, который можно было бы ожидать от достаточно подготовленных строителей. Мы не видим обязательного для опытного строителя выполнения хотя бы основных норм кирпичного строительства: прямые ряды; постоянная перевязка швов; равномерная их толщина; упорядоченное использование полуформатных кирпичей. Слои V кладки, возможно, был оставлен еще только начинающими осваивать азы строительного дела.

Особые трудности вызывала состыковка участков кладки, создаваемых работавшими по соседству строителями. Выполнение стыков между такими участками отличается особой неупорядоченностью в расположении кирпичей.

Предварительный подсчет количества кирпичей, которые лягут в каждый ряд кладки, не производился. Да и невозможно было его сделать для стены протяженностью примерно 88 м. Не было в этом и никакой практической необходимости. *Наивно полагать, что длина каждой стены или ее*

* Один из досадных промахов в черчении кладки стен. При зачерчивании их боковых фасов и разрезов не фиксировалась вогнутость лицевых поверхностей. Да и самих разрезов сделано слишком мало. Не способствовал точному зачерчиванию кирпичей с отображением вогнутой лицевой и выгнутой тыльной сторон мелкий масштаб чертежей.

отрезка рассчитывалась с точностью до одного кирпича, т. е. до 24 – 25 см, или определенной меры длины, такой как фут.

Используя южную стену цитадели как пример, хотя далеко не лучший по исполнению, укажу на такой важнейший признак технологии местного строительства как *полное отсутствие дерева* во всех стенах крепости. Это заключение для исследованных стен совершенно определено. Можно было бы предположить, что дерево в условиях Семикаракорского городища не сохранялось. Послойная расчистка кладок, особенно на северо-восточном углу крепости, показала, что в них не было даже полостей от истлевшего дерева [Флеров, 2014б]. Мало того, в стенах не обнаружено ни куска обуглившейся древесины. Редко встречающиеся около стен мелкие угольки никак не могут быть отнесены на счет деревянных конструкций стен. Наконец их следов (балки перекрытия) не оказалось даже там, где их можно было ожидать. Имею в виду т. н. башню на северной стене крепости [Флеров, 2014а].

Такую ситуацию нельзя объяснять тем, что древесная растительность была редкостью в доступной округе крепости. В долине Нижнего Дона лес произрастал во все обозримые времена (от эпохи бронзы с ее находками деревянных повозок до средневековья с деревянными половецкими изваяниями; не буду отягощать ссылками текст). Лесистые участки сохранились и поныне не только на берегах Дона, а особенно на его островах, но и вдоль низовий его притока р. Сал. Есть более надежные свидетельства сохранности деревянных конструкций в хазарское время – конкретные находки. Обгоревшие фрагменты жердей юртообразных построек на синхронном Семикаракорскому Правобережном Цимлянском городище и из него же инструменты по деревообработке [Плетнева, 1994. С. 359, рис. 22; С. 385, рис. 48: 1 – 9.]. Известная деревянная находка – венцы колодца в проезде Главных ворот Саркела [Раппопорт, 1959. С. 24]. Наконец, есть хорошо сохранившиеся находки деревянной посуды из липы обыкновенной [Флеров, Косяненко, 1971]. Недостатка в дереве на Нижнем Дону во время строительства Семикаракорской крепости не было.

То же самое приходится констатировать и в отношении камня. Его нет не только в стенах, под ними или около них. Обломков камня нет и в культурном слое крепости. Выходов камня в окрестностях городища я не обнаружил, но доставка его водным путем не представляла особых сложностей, если бы в нем была необходимость. Доставлялся же в громадных объемах белый известняк для сооружения Правобережной крепости. Известняк переправлялся через Дон в Саркел [Раппопорт, 1959. С. 23, 24. Плетнева, 1996. С. 17], причем необязательно из Правобережной крепости. В непосредственной близости от нее есть выходы прекрасного строительного камня.

Таким образом, отсутствие деревянных конструкций и камня в стенах Семикаракорской крепости не было случайностью. Тем не менее, обязан упомянуть следующее. У донского историка первой половины XIX в. Василия Михайловича Пудавова (1804 – 1863) в описании Семикаракорского го-

родища есть фраза: «Против городища, на обоих берегах реки, в воде находятся тесные большие камни, показывающие место существовавшего тут моста» [Пудавов, 1890. С. 123]. Однако у более позднего и также донского историка Ивана Михайлович Сулина (1861—1921): «...а в р. Салу остатки **кирпичного моста**» [Сулин, 1891]. Вероятно, сообщение И. М. Сулина в свете отсутствия камня на территории крепости более достоверно. Обсуждать же вопрос о мосте здесь не стоит. Я полагаю, что это предположение обоих историков, исходивших из находок кирпичей на берегу реки, а не в пределах крепости. Такое вполне могло быть.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианов В. И., Терещенко А. Г. Донские памятники. — Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1964. — 130 с.
- Адрианов В. И., Терещенко А. Г. Памятники Дона : рассказ о памятниках и памятных местах Ростовской области. — Ростов-на-Дону : Ростовское книжное издательство, 1981. — 176 с.
- Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. Л. : ОГИЗ, 1935. — Вып. 131. — 117 с.
- Артамонов М. И. История хазар. — Л. : Изд-во Гос Эрмитажа, 1962. — 552 с.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—IX вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Археологические открытия на новостройках. / под ред. В. В. Седова. — М. : Наука, 1987. — Вып. 2. — 199 с.
- Афанасьев Г. Е. Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры // Электронный ресурс : Academia.edu. URL:<https://archaeolog-ru.academia.edu/GenpadyAfanasyev> (дата обращения 03.08.2015).
- Балабанов Т. Разкопки на Северната и Източната крепостна стена в Плиска (1977—1978) // Плиска — Преслав. Т. 4. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1985. — С. 117—131.
- Каменецкий И. С. Два года рядом с Абрамом Давидовичем // «In situ». К 85-летию профессора А. Д. Столяра. / отв. ред. А. А. Никонова — СПб. : Изд. СПб-университета, 2006. — С. 471—477.
- Каменецкий И. С. Начало нашей дружбы // Первые Тихоновские чтения. Материалы конференции. / Под ред. Б. М. Кирикова. — СПб. : Коло, 2012. — С. 27—31.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ, т. I / МИА. № 62. / отв. ред. М. И. Артамонов. — М. — Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1958. — С. 85—150.
- Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1926—1929 гг. // Сообщения ГАИМК. СПб., 1929. — Т. 2. — С. 60—122.
- Плетнева С. А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работах летом 1963 г. // Архив ИА РАН. Дело Р-1. № 2471.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА № 142. — М., 1967. — 196 с.
- Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. / под ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1981. — С. 62—75.
- Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958—1959 гг. // МАИЭТ / гл. ред. А. И. Айбабин. — Симферополь (Республика Крым) : Таврия, 1994. — Вып. IV. — С. 271—397.
- Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». / отв. ред. А. З. Винников — Воронеж : Издательство Воронежского гос. университета, 1996. — 168 с.

- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М. : Мосты культуры-Гешарим, 1999. — 247 с. + 124 илл.
- Пудавов В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Выпуск первый (Предисловие М. В. Пудавова). Новочеркасск : Типо-Литография К. М. Минаева, 1890. — 326 с.
- Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // Тр. ВДАЭ, т. II / МИА. № 75. / отв. ред. М. И. Артамонов. М. — Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1959. — С. 5—39.
- Сулин И. М. Краткое описание станиц Обл. Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1891. № 1. Новочеркасск. — С. 24, 25.
- Токаренко С. Ф., Ребров А. Ю. Технология изготовления строительной керамики в Хазарском каганате. Опыт реконструкции на примере Семикаракорского городища // ПА. № 1. — Казань, 2015. — С. 40—69.
- Флеров В. С. К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // КСИА. Вып. 236. М., 2014а. С. 235—239.
- Флеров В. С. Семикаракорская крепость Хазарии : северо-восточный угол // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / под ред. А. В. Евглевского — Донецк (Украина) : Донецкий национальный университет, 2014б. — Т. 12. — 103—152.
- Флеров В. С. Заметки о хазарских кирпичах, блоках и крепостях // Хазарский альманах. — Харьков. 2015а. — Т. 13 (в печати).
- Флеров В. С. Семикаракорское городище. К происхождению фортификации Хазарского каганата // «Город Средней Азии в системе средневековых городов Востока». — СПб. : Гос. Эрмитаж, 2015б (в печати).
- Флеров В. С., Ермаков С. Н. Восточная стена Правобережной Цимлянской крепости, могильник у. Овчинников. Четвертый-пятый полевые сезоны экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАИАНД в 2007—2008 гг. / под ред. А. А. Горбенко. — Азов : 2010. — Вып. 24. — С. 423—457.
- Флеров В. С., Косяненко В. М. Салтово-маяцкие деревянные сосуды с Нижнего Дона // СА. № 4. 1971. М. — С. 272—275.

М. В. Цыбин

ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ VII – VIII ВВ. В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

The article discusses the nomadic burial of the 7 – 8 centuries in the Middle Podonie, preceding in the area of monuments of the Saltovo-Mayatsk archaeological culture.

Появлению памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в Подонье предшествовало проникновение в этот район отдельных групп кочевого населения. Археологические свидетельства этого процесса немногочисленны. Погребение раннего средневековья изучено в устье р. Богучарка (правый приток Дона) на дюне «Терешковский вал». Оно совершено в яме размерами 2 × 0,7 м и глубиной 1,3 м (рис. 1). Умерший был положен на спине с вытянутыми вдоль туловища руками головой на северо-восток. Над погребенным находилось чучело коня. Две пряжки (одна из них в геральдическом стиле) и бляшка позволяют датировать погребение VII в. [Синюк, Кравец, 1999].

Два погребения выявлены на грунтовом Таганском могильнике длительного накопления [Матвеев, Цыбин, 2004]. Могильник располагается в пойме левого берега р. Битюг (левый приток Дона) в 2 км к северо-западу от окраины с. Лосево. Река Битюг шириной до 80 м в этом месте делает несколько петель, создав широкую, до 2 км, пойму с обилием стариц разного возраста. Могильник размещен на наиболее возвышенных участках древнего берега.

Погребение 2 совершено в удлиненной яме овальной формы, размерами 2,15 × 0,75 м, глубина от уровня материкового основания 8 – 14 см (рис. 2). По длинной оси могила ориентирована по линии ЮЮВ – ССЗ. На дне могильной ямы, вдоль её западной стены, лежал скелет взрослого человека, захороненного вытянуто, на спине, головой на ССЗ, руки уложены вдоль туловища. По определению М. В. Добровольской, погребенный – мужчина 30 – 40 лет. Уплотненное лицо, слабо выступающие кости носа, широкие скулы позволяют судить о том, что этот индивид относился к монголоидной расе. На черепе четко выделяются следы кольцевой деформации, которая была достигнута путем наложения тугой повязки вокруг головы. В южной части ямы у ног умершего лежал череп лошади и кости ног, отчлененные по первый сустав.

Вдоль левой руки лежали костяные обкладки сломанного пополам лука. Полностью сохранился комплект из восьми роговых накладок лука (три

срединных, пять концевых) (рис. 3). Между левой лопаткой и позвоночником найдена костяная пуговица с отверстием по центру (рис. 2, 6). Ниже находился комок окисла железа, образовавшийся из 4–5 наконечников стрел. Два из них, сохранившиеся лучше других, трехлопастные, у одного частично сохранился черешок (рис. 2, 4, 5). Под левой пяткой умершего обнаружена костяная подпружная пружка (рис. 2, 3).

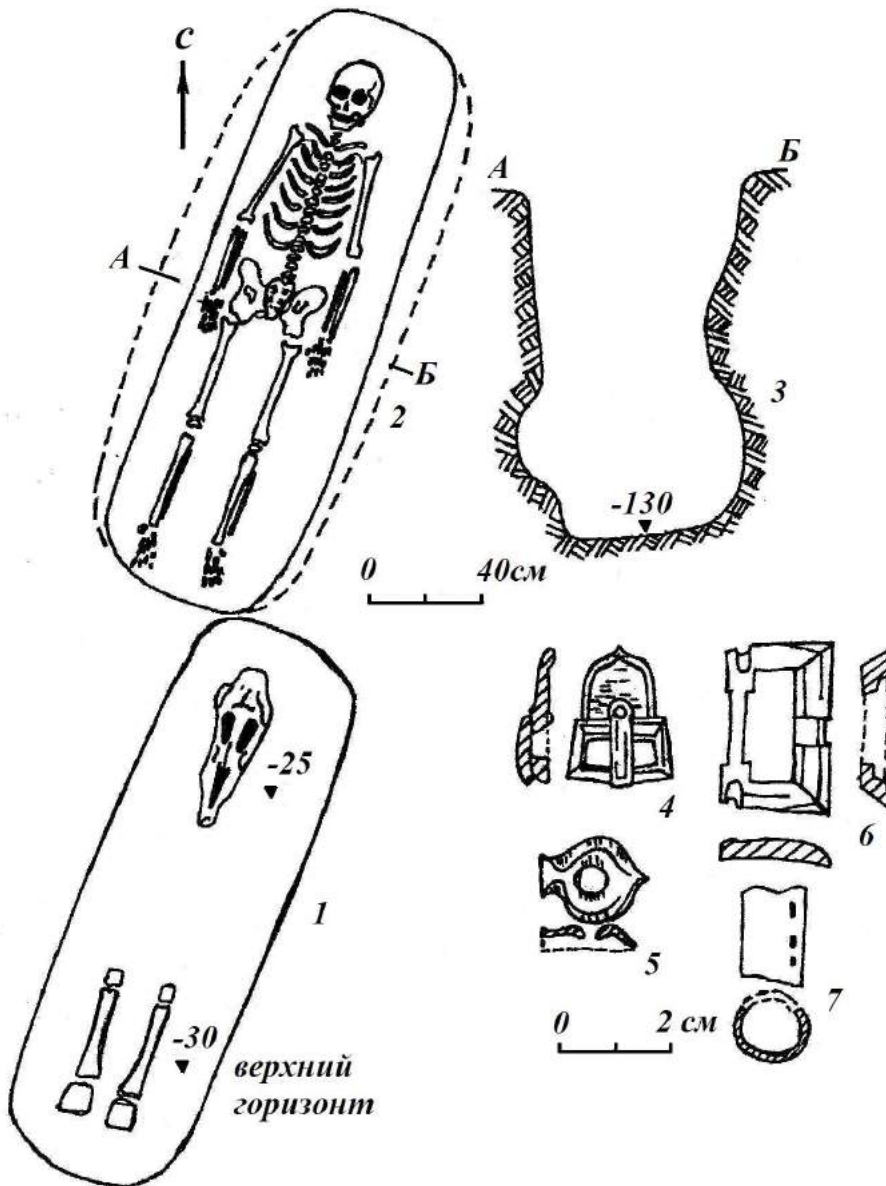

Рис. 1. «Терешковский Вал», погребение 6 (по А. Т. Синоку, В. В. Кравцу)

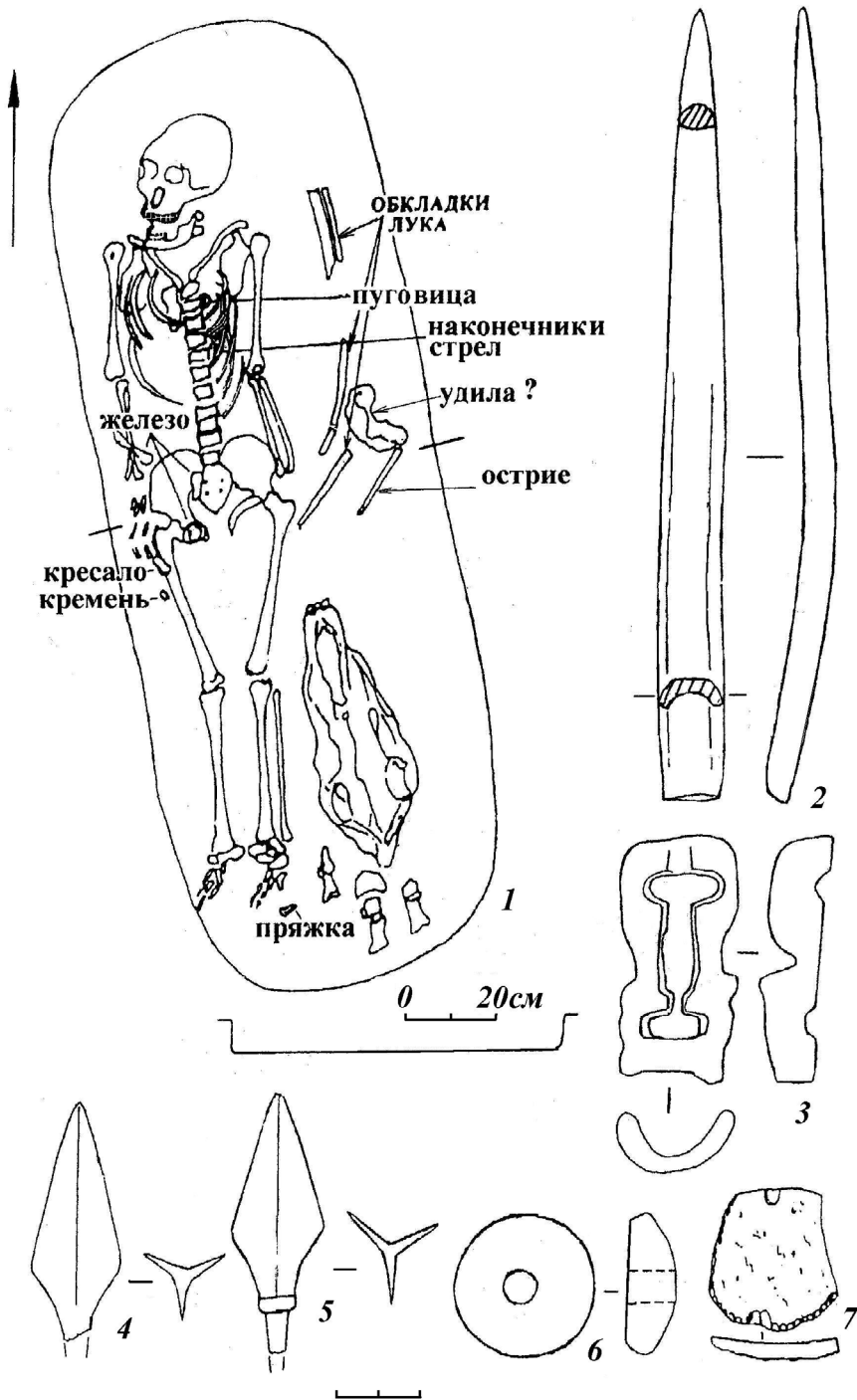

Рис. 2. Таганский могильник, погребение 2

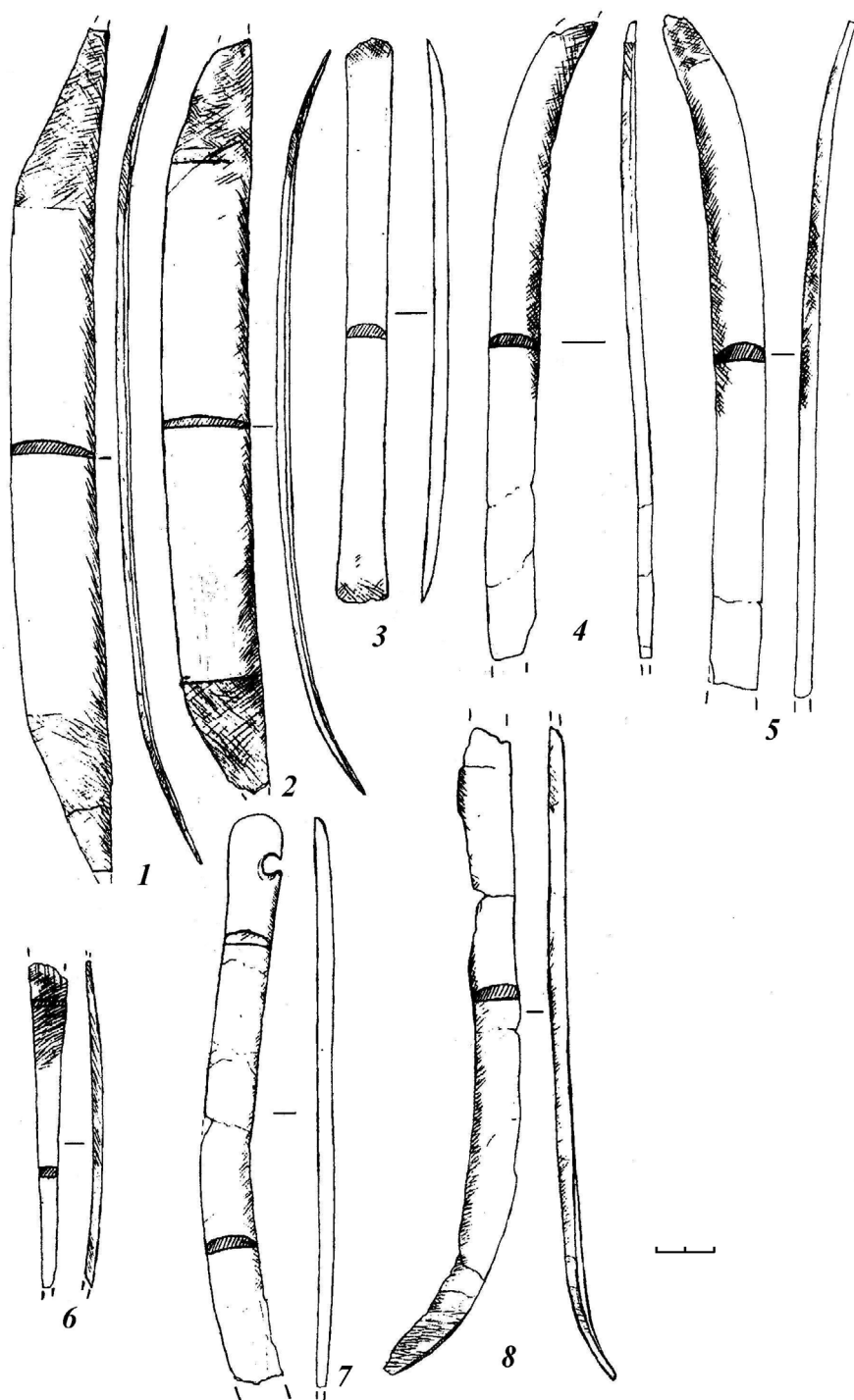

Рис. 3. Таганский могильник, погребение 2. Роговые накладки лука

Форма могильной ямы погребения 7 не фиксировалась (рис. 4). В погребении находились череп и кости конечностей лошади (отчленены по второй сустав), уложенные, видимо, на ступеньке без анатомического порядка по линии ЮЗ-СВ. Ниже (на 10 см) к северо-западу от останков лошади находился скелет взрослого человека, захороненного вытянуто на спине, головой на СВ, с вытянутыми вдоль туловища руками. По определению М. В. Добровольской, погребенный — мужчина 40–50 лет (ближе к 50). Профилированное лицо, относительно неширокие скулы, выступающий нос позволяют судить о принадлежности этого индивида к европеоидной расе. На черепе следы деформации четко прослеживаются на лобной и височной костях. Следы деформации на черепе из погребения 7 более слабо выражены в сравнении с черепом из погребения 2. Возможно, при деформировании этих двух черепов использовались разные традиции.

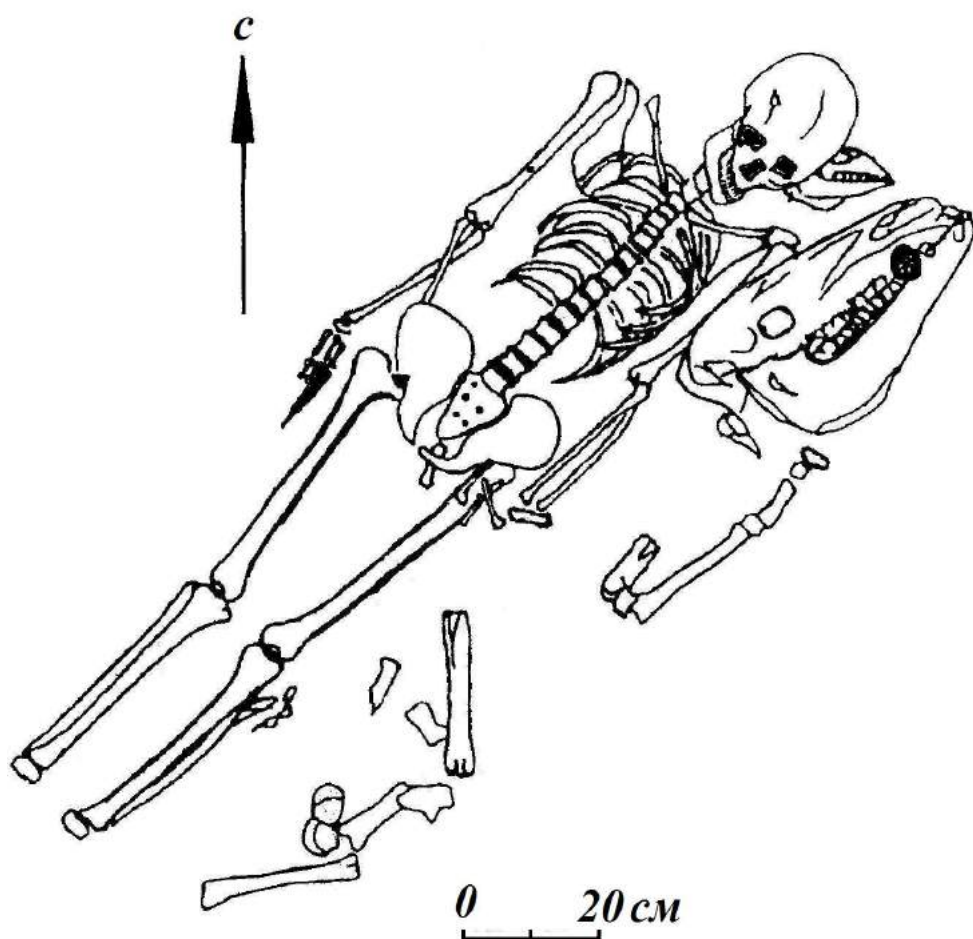

Рис. 4. Таганский могильник, погребение 7

Под черепом человека находился череп особи мелкого рогатого скота, а отдельные кости скелета этого животного лежали у колена левой ноги умершего. В погребении фиксировались окисленные остатки железных предметов.

Роговые накладки, обнаруженные в погребении 2, принадлежат, по терминологии Е. В. Круглова, луку «тюрко-хазарской традиции». Подробный анализ этой находки проведен этим исследователем [Круглов, 2005, С. 83 – 84, рис. 15 – 18]. Такие луки, по мнению Е. В. Круглова бытовали во второй половине VII – начале VIII вв. [Круглов, 2005, С. 76]. Погребение 2 Таганского могильника может быть отнесено к этому периоду. Этой дате не противоречат трехлопастные стрелы, широко распространенные в этот период и подпружная пряжка, аналогии которой известны в раннесредневековых кочевнических памятниках Евразии.

В погребении 7 вещей, позволяющих определить его датировку, нет. Но, судя по обряду погребения (чучело коня слева от погребенного, положение погребенного вытянуто на спине головой в северную половину круга), оно может быть отнесено к тому же времени, что и погребение 2.

Погребения 2 и 7 раскопа 1 Таганского могильника находят ближайшие аналогии среди погребений авиловского типа (VII – VIII вв.) [Круглов, 1990]. В плане характеристики погребений Таганского могильника принципиально важно отметить, что в памятниках авиловского типа погребенные имели признаки как монголоидности, так и европеоидности. Зафиксирована и искусственная деформация черепов.

По мнению Е. В. Круглова, памятники авиловского типа могут быть отнесены к концу VII – началу IX вв. и предположительно интерпретированы как угорские (протовенгерские) [Круглов, 1990], или как угро-тюрко-хазарские. Рашо Рашев рассматривает эти памятники в контексте выделения ранних памятников праболгар в степях Восточной Европы [Рашев, 1998]. Анализируя луки «тюрко-хазарской» технологии, Е. В. Круглов предположил, что это оружие было связано с переселением в Восточную Европу в середине VII в. группы центрально-азиатских кочевников [Круглов, 2005, С. 99].

На поселении около Таганского могильника исследовано детское погребение (рис. 5). Оно датируется по бусам. По заключению А. В. Мاستыковой, одна из бус (синяя двухчастная) (рис. 5, 2) датируется второй половиной VII – началом VIII вв. Вторая бусина («золотая» двухчастная) (рис. 5, 3) характерна для салтово-маяцкой культуры. Аналогии горшку из этого погребения (рис. 5, 5) можно найти в погребениях хазарских курганов с ровиками, в могильниках второй половины VII – VIII вв. на Самарской Луке [Матвеева, 1997. Рис. 2, 5].

Небольшая серия раннесредневековых погребений, охарактеризованная выше, позволяет хотя бы в первоначальном плане заполнить лакуну в раннесредневековой истории Среднего Подонья и поставить вопрос о возможности выделения памятников предсалтовского горизонта в этом районе.

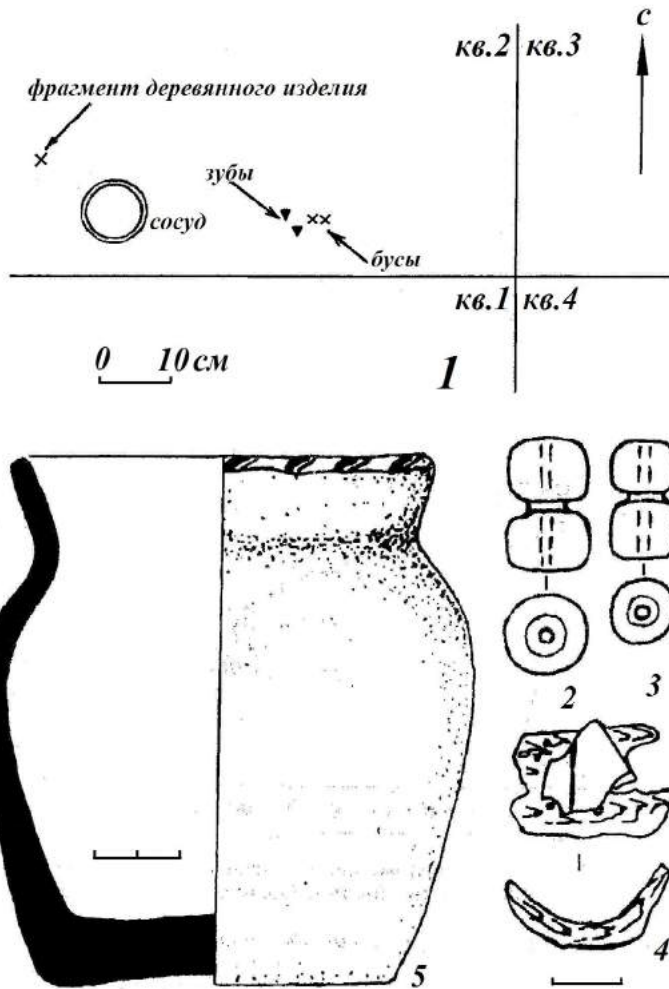

Рис. 5. Таганское поселение, детское погребение

ЛИТЕРАТУРА

- Круглов Е. В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья. — Пенза, 1990.
- Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. — Донецк, 2005. — Т. 4. — С. 73–138.
- Рашиев Р. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. 1998. — № 2 (3).
- Синюк А. Т., Кравец В. В. Гуннское погребение на юге Воронежской области // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк, 1999. — С. 141–144.
- Матвеев Ю. П., Цыбин М. В. Таганский грунтовой могильник. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. — 78 с. (Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6).
- Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара : Изд-во Самарского университета, 1997. — 227 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	– Археологическая культура
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АН УССР	– Академия наук Украинской ССР
АО	– Археологическая общность
АО	– Археологические открытия. Москва
БГИАМЗ	– Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИ	– Вопросы истории
ВНР	– Венгерская народная республика
ГБУ РК БИКАМЗ	– Государственное бюджетное учреждение «Бахчисарайский историко-культурный и архитектурный музей-заповедник»
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы
ДГУ	– Донецкий государственный университет
ДНК	– Дезоксирибонуклеиновая кислота
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ИА АН СССР	– Институт археологии Академии наук Союза советских социалистических республик
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИМК АН	– Институт истории материальной культуры
Институт истории АНТ	– Институт истории академии наук Татарстана
ИТОИАЭ	– Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛАЕМ	– Луганский археолого-этнографический музей университета им. Т. Шевченко

ЛНУ	– Луганский национальный университет
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России.
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА АМВУ	– Научный архив Археологического музея Воронежского государственного университета
НА ИА НАН Украины	– Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
НА ИА РАН	– Научный архив Института археологии Российской Академии наук
НИИ	– научно исследовательский институт
ПБК	– палеоботанический комплекс
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РА	– Российская археология
РАН	– Российская Академия наук
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РОССПЭЕН	– издательство «Российская политическая энциклопедия»
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СМК	– салтово-маяцкая культура
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СНУ	– Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля
СЭ	– Советская этнография
Тр. ВДАЭ	– Труды Волго-Донской археологической экспедиции
Труды АС	– Труды Археологического Съезда
ХГПУ	– Харьковский государственный педагогический университет
ХГУ	– Харьковский государственный университет
ХНМЦОКН	– Харьковский научно-методический центр охраны культурного наследия
ХНУ	– Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адигамо́в Була́т Яга́фарович – главный специалист, директор ООО «Ин-гео», Белгород.

Аксёнов Виктор Степанович – кандидат исторических наук, зав. отделом археологии Харьковского исторического музея, Харьков.

Апареева Елена Константиновна – старший научный сотрудник Луганского отделения Восточноукраинского филиала Института археологии НАН Украины Луганск.

Афанасьев Геннадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИА РАН, Москва.

Балашов Александр Александрович – младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, Курск.

Веретюшкина Мария Владимировна – младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета, Курск.

Винников Анатолий Захарович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, Воронеж.

Владимиров Сергей Игоревич – аспирант кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, старший научный сотрудник Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье», Воронеж.

Днепро́вский Никола́й Викторович – действительный член Русского Географического общества, выпускающий редактор издательства «Невская Лавра», Санкт-Петербург.

Дьяченко Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, Белгород.

Захарова Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, Воронеж.

Казанский Михаил Михайлович – доктор исторических наук, Национальный центр научных исследований Франции (CNRS), Париж.

Красильников Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, Луганск.

Красильникова Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, за-

ведущая Луганским отделением Восточнoукраинского филиала Института археологии НАН Украины, Луганск.

Лантев Алексей Алексеевич – научный сотрудник Харьковского научно-методического центра охраны культурного наследия, Харьков.

Мастыкова Анна Владимировна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, Москва.

Петрухин Владимир Яковлевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Москва.

Погорелов Юрий Сергеевич – кандидат геолого-минералогических наук, доцент Белгородского государственного университета, главный специалист ООО «Ингео», Белгород.

Савицкий Николай Михайлович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, Воронеж.

Сарапулкин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории и документоведения Белгородского национального исследовательского университета, Белгород.

Свистун Геннадий Евгеньевич – научный сотрудник ООО «Терра», Харьков.

Сидоренко Татьяна Евгеньевна – соискатель исторического факультета Воронежского государственного университета, Воронеж.

Тортика Александр Александрович – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь.

Флеров Валерий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН, Москва.

Худякова Ольга Вячеславовна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры лабораторной диагностики Луганского национального университета имени Тараса Шевченко Луганск.

Цыбин Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, Воронеж.

Щавелев Сергей Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета, Курск.

Группа участников конференции. Музей-заповедник «Дивногорье». Фото С. Соболева:

1. Мадуров Дмитрий Федорович (Чебоксары); 2. Кондратьева Софья Константиновна (Воронеж); 3. Веретюшкина Мария Владимировна (Курск); 4. Гоняный Михаил Иванович (Москва); 5. Захарова Елена Юрьевна (Воронеж); 6. Растропов Александр Васильевич (Самара); 7. Петрухин Владимир Яковлевич (Москва); 8. Шибанин Геннадий Алексеевич (Тула); 9. Щеглова Ольга Алексеевна (Санкт-Петербург); 10. Решетова Ирина Константиновна (Москва); 11. Сидоренко Татьяна Евгеньевна (Воронеж); 12. Володин Евгений Олегович (Тула); 13. Свистун Геннадий Евгеньевич (Воронеж); 14. Мاستыкова Анна Владимировна (Москва); 15. Саранулкин Владимир Александрович (Белгород); 16. Лифанов Николай Александрович (Самара); 17. Винников Анатолий Захарович (Воронеж); 18. Казанский Михаил Михайлович (Париж); 19. Лылова Марина Ивановна (Воронеж); 20. Владимиров Сергей Игоревич (Воронеж); 21. Красильников Константин Иванович (Луганск); 22. Щавелев Сергей Павлович (Курск)

Научное издание

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК
ТРУДЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДИВНОГОРЬЕ»

Выпуск 6

Подписано в печать 27.05.2016. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 27,95. Тираж 500 экз. Заказ 15.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394030, г. Воронеж, ул. Среднемосковская, 32б, оф. 3
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11б
Тел.: +7 (473) 220-57-15
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru